

Книга первая

После долгой войны Аахенский мир даровал всем народам Европы спокойствие{1}; снова стали процветать искусства, друзья мира, и все считали, что возобновление кровавых сцен войны удалено на многие годы. Однако самые могущественные государи этой части света далеки были тогда от миролюбивых намерений. Никогда еще кабинеты не работали так усердно над тем, чтобы принести новые жертвы злему духу войны. Старания их увенчались успехом. Стали завязываться союзы, основанные не столько на мудрой политике, сколько на личных страстях; желание делать завоевания совершенно уступило место жажде удовлетворить ненависть и мщение. Две государыни{2}, управлявшие в то время неограниченно двумя многочисленными нациями, сочли себя оскорбленными монархом, на которого были обращены взоры всех народов, который со славой окончил уже две войны{3}, высокие дарования которого возбуждали всеобщее удивление и которого все признавали образцом государей, благодаря его качествам правителя. И вот, чтобы унижить его или, вернее, уничтожить самое его политическое существование, начали выискивать самые подходящие средства. Таким образом возникла война, которая по многочисленности армий, составленных из самых различных народов, удивительному неравенству спорящих держав, полководцев и их подвигов, по применению усовершенствованной военной тактики, [6] кровопролитным битвам, осадам на суше и на воде и их последствиям, по странным и разнообразным событиям, по распространению войны этой во всех частях света и во всех морях — стоит наряду с самыми необыкновенными войнами, когда-либо опустошавшими землю{4}.

Императрица-королева Мария-Терезия никак не могла примириться с потерей Силезии, прекрасной страны, населенной трудолюбивыми жителями, которую завоевал Фридрих II, прусский король, тотчас же после вступления своего на престол и которую он с мечом в руках удержал за собой по Бреславльскому и по Дрезденскому миру. Она была принуждена оставить эту землю победителю, которого считали неопасным монархом, благодаря небольшому объему его владений; дом его только со времени двух последних поколений был включен в блестящий королевский цикл, однако по ее вступлении на престол из всех враждебных ей государей он первый с оружием в руках стал предъявлять к ней неожиданные требования, доказав свои права пятью выигранными сражениями. Потеря Силезии была оценена лишь после того, как Фридрих стал извлекать пользу особого рода из продуктов этой страны и из промышленности ее обитателей. Казалось, что с помощью сильных союзов легко будет снова овладеть ею, и первую союзницею была русская императрица Елизавета, которая считала себя весьма оскорбленной нелестным мнением, высказанным Фридрихом о ее частном характере. Примеру ее последовал король польский и курфюрст саксонский Август III, уже изгнанный однажды из своей столицы{5} могучим соседом своим и надеявшийся унижением его обеспечить себя в будущем и приобрести новые области; он возобновил теперь союз, заключенный с Австрией в 1745 году. Наконец, число могущественных врагов Пруссии увеличилось еще Людовиком XV, королем французским, за которым последовали шведы, находящиеся в зависимости от него вследствие выданных им вспомогательных сумм{6}. [7]

Союз этот между Австрией и Францией, повергнувший весь мир в изумление и считавшийся величайшим образцом искусства политики, был не что иное, как дело случая. Хотя Франция и была сильно возмущена союзом, заключенным недавно между Пруссией и Англией, а граф Кауниц, в качестве императорского посла в Париже, уже за

несколько лет до этого подготовил версальский двор к союзу с венским, но все же Франция тогда еще не помышляла серьезно о том, чтобы окончательно уничтожить прусского короля. Главные планы этого двора касались Англии: Версаль хотел завладеть Ганноверским курфюршеством, чтобы посредством этого привести в исполнение более важные замыслы в Америке{7}. Так как, благодаря этому союзу с Австрией, Франция получала возможность ввести свои войска в Германию, то она обещала императрице-королеве 24 000 человек вспомогательных войск. Но разные обстоятельства, новые политические основы, перемена намеченных планов, интриги и ход военных событий увеличили эту армию до 180 000 человек.

Могучий союз столь сильных держав, заключенный против молодой монархии, возникший не на почве политических соображений, а лишь благодаря придворным интригам, был недостоин просвещенной эпохи и беспримерен в истории в течение многих веков. В ряд с ним нельзя поставить ни большого союза, известного под именем Камбрейской лиги, заключенного в XVI веке против богатой и воинственной республики Венеции{8}; нельзя его также сравнить с союзом, заключенным столькими европейскими государями против могущественного короля Людовика XIV{9}. Тут держава противостояла державе, и нации, восставшие против французского властолюбия, встретили сильный отпор со стороны могучих сил величайшего в мире королевства. И Мария-Терезия в самую критическую минуту первой войны{10} могла еще воспользоваться значительными средствами к спасению: при всей многочисленности своих врагов, потеряв [8] целые области, она положила на Венгрию, богато одаренную золотыми россыпями и храбрыми воинами, на английских солдат, на их военные корабли и гиней. Все это были сильные источники помощи, не обманувшие возлагаемых ею надежд.

Теперь в Вене искали повода к войне и нашли его скоро, благодаря незначительному спору, возникшему между прусским королем и герцогом Мекленбург-Шверинским по случаю того, что король набирал рекрутов. Фридрих ссылаясь при этом на известные права своего дома, которые он установил по собственной инициативе. Австрия усмотрела в этом нарушение Вестфальского мира{11} и заговорила о воззвании ко всем державам, поручившимся за прочность его. Таков был оттенок, который сумели придать этому тайному большому договору, причем все могущественные государи, участвовавшее в нем, стремились к тому, чтобы лишить слабого короля почти всех его земель; по этому поводу кто-то сострил, что одна часть союзников вела войну из предусмотрительности, а другая — из спекулятивных видов.

Гибель Фридриха была бы неизбежна, если бы один саксонский секретарь канцелярии не выдал ему тайны столь опасного для него союза. Человек этот, по имени Ментцель, доставил прусскому послу в Дрездене, Мальцану, оригиналы самых тайных депеш для того, чтобы тот снял с них копии. Они сохранялись в шкафу, к которому посол велел изготовить в Берлине поддельные ключи. Никогда измена не оказывалась более благодетельной для целого государства; мудрый правитель его не предчувствовал даже, что едва народившаяся прусская монархия была так близка к гибели. Разрозненные владения его, открытые почти со всех сторон, и его беспечность побуждали союзников начать кампанию, которая вместо тягостной войны обещала ряд легких побед. Но вовремя открытые замыслы союзников значительно уменьшили опасность, грозившую Фридриху; он и в самое мирное время всегда был готов [9] к войне — чего до него не делал ни один государь в Европе. Кроме того, он в высокой степени обладал талантами полководца, имел в своем распоряжении богатую сокровищницу и 160 000 человек

самого отборного войска. Его могучий гений сумел воспользоваться этими преимуществами, и, так как венский двор несколько раз уклонялся от подтверждения требуемых им миролюбивых договоров, и даже когда прусский посол Клинггреф заявил, что тайна заговора известна, возобновил свой отказ, отрицая все, — Фридрих решился предупредить своих врагов и первый взялся за оружие. В этом случае война была как нельзя более справедливой: у него не было иного средства для избежания опасности или ослабления ее, как только самому идти ей навстречу.

Союзники к тому времени едва только начали свои приготовления; во всем недоставало им денег, а войска, предназначенные для войны, были рассеяны гарнизонами от Пиренеев до Каспийского моря, когда король прусский в августе 1756 года, подобно исполину, двинулся с 60-тысячной армией на Саксонию{12}. Ему необходимо было занять эту область, чтобы после проникнуть в Богемию и завладеть Эльбой. Обстоятельство это давало ему большие преимущества: все вооруженные отряды противника быстро отступили назад, а значительные города Виттенберг, Торгау и Лейпциг были взяты без сопротивления.

Важный этот шаг Фридриха сопровождался манифестом, изданным им собственноручно для своего оправдания, и мирным заявлением его посла при саксонском дворе о необходимости похода в Богемию. У него не было другого союзника, кроме короля английского, Георга II: тот, опасаясь за свое Ганноверское курфюршество, заключил с ним союз, пользы от которого можно было ожидать лишь в далеком будущем{13}. Итак, спасение прусского монарха зависело всецело от быстроты и энергии его военных действий. Вступление в Саксонию, мастерски проведенное, [10] благодаря соблюдению дисциплины и мудрым распоряжениям относительно прохода войск, совершено было тремя колоннами, предводителями которых были король, герцог Фердинанд Брауншвейгский и герцог Бевернский; они должны были соединиться под Дрезденом.

При первом известии о выступлении Фридриха к Дрездену двор был страшно поражен. Не медленно составились тайные совещания под председательством графа Брюля; министр этот прославился не глубокой политикой, а своим безумным мотовством и умением неограниченно управлять своим ленивым государем. Этим искусством он владел настолько, что был любимцем двух королей, отца и сына, отличавшихся совершенно различными характерами и склонностями; это, может быть, единственный пример такого рода в истории{14}. Носил он многозначный титул первого министра и ненавидел прусского короля за то, что тот, по вступлении своем на престол, стал стремиться приобрести его благосклонность, — но тщетно. Фридрих желал добыть для этого министра весьма желанный им княжеский титул от императора Карла VII; но Брюль не хотел при этом посредничества Пруссии. Таким образом возникла взаимная ненависть; с одной стороны, она сопровождалась бессилием и интригами, с другой — силою, мудростью и приближавшимся войском, привыкшим к победам.

Саксония была настолько мало подготовлена к войне, что Брюль не подумал даже вызвать войска, находившиеся в Польше; напротив, он незадолго до этого сократил постоянные войска, чтобы удовлетворить свою жажду роскоши. Не позаботились ни о продовольственных складах, ни о многочисленных нуждах войск для похода. В таком критическом положении решились на самую безрассудную меру: саксонские войска были поспешно собраны, что составило армию в 17 000 человек, и расположены лагерем на границе Богемии, недалеко от Пирны. Местность эта, с одной стороны, примыкала к Эльбе, круто поворачивавшей здесь [11] и бурно протекавшей между утесами, с других

сторон окружена она была почти сплошь горами и цепью крутых скал, к тому же поблизости находились крепость Кениг штейн и форт Зонненштейн. Местоположение по природе было удивительно крепко, а благодаря искусным сооружениям стало неприступным, и выбор лагеря был бы весьма удачен, если бы надо было отрезать австрийцев от Саксонии, но об этом не подумали относительно пруссаков, которые завладели Дрезденом и целым курфюршеством. Однако пространство, занимаемое саксонским лагерем, было слишком велико для армии, потому удовольствовались тем, что укрепили и без того недоступные проходы засеками, редутами и частоколами, для чего воспользовались лесами, покрывавшими площадь лагеря. Но, думая лишь о том, как защитить себя от прусского оружия, забыли о гораздо более страшном неприятеле, который издавна побеждал целые армии, обращал в бегство стольких великих полководцев, делал бесполезными самые замечательные победы и прекращал мгновенно самые продолжительные войны. Слово «голод» и страшные действия его были неизвестны министру, привыкшему к азиатской роскоши и не умевшему предусматривать никакого недостатка. Он принял самые незначительные меры для обеспечения продовольствием своих храбрых войск и во время самого бедственного положения их имел у себя постоянно роскошный стол. Провианта в лагере было запасено всего на две недели; все заботились о частоколах, а не о хлебе, и рассчитывали на императорские войска, которые поспешно были собраны в Богемии под начальством фельдмаршала графа Броуна.

Между тем Фридрих проник в Саксонию и завязал переписку с королем польским. Август, укрывшийся в лагере под Пирной со своими сыновьями, Ксаверием и Карлом, и в сопровождении своего министра Брюля, в письмах своих говорил лишь о нейтралитете, а Фридрих требовал положительных [12] доказательств его, от чего Август и Брюль были весьма далеки. Прусский монарх, по достоинству ценивший это нейтральное предложение, приготовлялся между тем к тому, чтобы упрочить Саксонию за собой, — в виде залога, как он уверял; это было изобретением новейшей политики, чтобы придать иной характер вооруженному нашествию в соседнюю землю; впрочем, неприятель именовал его обыкновенно надлежащим образом. Для содержания прусской армии были вытребованы большие партии зерна, скота и фуража; город Торгау был укреплен и снабжен орудиями, доставленными из различных саксонских городов. Несколько тысяч граждан и крестьян должны были воздвигать укрепления, за что вначале все-таки получали плату. В городе был учрежден прусский генеральный военный комиссариат и походное военное казначейство, куда должны были поступать все контрибуции, собираемые в этой стране .

10 сентября сам король прусский без сопротивления вступил в Дрезден, где совсем не было войск, и занял город и королевский замок. Поведение его и его солдат при этом было характерно для духа текущего столетия, когда даже на войне, при самых тяжелых унижениях, при самых оскорбительных, даже страшных сценах, стараются проявить утонченные нравы, сострадание и учтивость. Фридрих избрал себе главную квартиру в одном саду предместья, поблизости от которого стояла лагерем его армия. Все меры были приняты к тому, чтобы смягчить в глазах пораженных саксонцев грозную картину войны и выставить нового повелителя в привлекательном свете. Он желал, чтобы в нем видели друга, будущего союзника и гостя. Поэтому он старался со всеми быть любезным; иностранным послам была дана аудиенция, во время которой много шутили и острили; почти все знатные лица, находившиеся в Дрездене, засвидетельствовали королю свое почтение, примеру их последовало городское начальство: все были хорошо приняты. [13] Король даже посетил, против своего обыкновения, церковь и подарил проповеднику

несколько бутылок шампанского. Он обедал открыто, и саксонцы присутствовали при этом, как зрители; он послал фельдмаршала Кейта{15} с приветствием по адресу королевы и всей остальной королевской семьи, которая не осталась в долгу и любезно пригласила его даже к обеду, предложив своих камергеров для дежурства при этом, — но то и другое было отклонено. Несмотря на все эти любезности, канцелярии в Дрездене были опечатаны, коллегии закрыты, монетный департамент упразднен, некоторые из знатнейших гражданских чинов уволены от должностей, вся артиллерия и снаряды вывезены из столичного арсенала в Магдебург, саксонско-швейцарская гвардия, составлявшая стражу замка, обезоружена, курфюршеская казна была секвестрована; при этом прервали всякое сообщение между Дрезденом и саксонским лагерем, за исключением транспортов, следовавших с провизией для стола польского короля, а также курьеров и трубачей, которых оба короля посылали друг другу. Самый же лагерь под Пирной был замкнут со всех сторон прусским войском в 32 000 человек, а другая почти столь же сильная армия, под начальством фельдмаршала Кейта, была расположена перед входом в Богемию, чтобы следить за могущими подоспеть вспомогательными войсками. Между тем герцог Фердинанд Брауншвейгский пожал первые лавры в этой войне: он проник с авангардом в Богемию и прогнал австрийского генерала Вида, который расположился с восьмьютысячным войском у Ноллендорфа.

Хотя тайна союза, составленного для уничтожения прусского короля, и была открыта этому монарху, и хотя он имел даже копии многих важных документов, все же многое оставалось еще непонятным. Но для принятия надлежащих оборонительных мер ему необходимо было вполне ознакомиться с планом действий союзников; притом и политика налагала на него обязательство оправдать самыми [14] ясными доводами вторжение в Саксонию, повергшее в изумление все европейские дворы, а для этого необходимо было овладеть саксонским архивом. Эта государственная святыня хранилась в трех комнатах королевского замка, примыкавших к собственным покоям королевы польской; у нее одной был ключ от архива, который она берегла, как драгоценнейшее сокровище. Она явно питала враждебные чувства к королю прусскому и потому на его просьбу выдать архив ответила решительным отказом. Однако прусский генерал Вилих, комендант Дрездена, имел точный приказ овладеть им и послал к королеве с этим поручением майора Вангенгейма. Когда тот потребовал ключи, королева явилась сама и положительно заявила, что не разрешает этого; Вангенгейм удалился, и сам комендант отправился к королеве. Но все его просьбы были тщетны; она энергично протестовала, причем грозила, что заслонит собою входную дверь. Вилих бросился перед ней на колени, говорил о настоятельной необходимости точно и безотлагательно исполнить приказ своего монарха, между прочим намекнул на то, что в крайнем случае ему придется прибегнуть к насилию. Тогда ключ был принесен и Фридрих получил же лаемые документы; они были переданы тайному советнику, впоследствии государственному министру, графу Герцбергу, который составил по ним замечательные политические сочинения, совершенно оправдавшие поступки прусского монарха в глазах беспристрастных людей всех национальностей{16}.

В этом непочтительном и принудительном поведении относительно королевы — хотя оно совершенно оправдывалось обстоятельствами — все увидели особый род редкой жестокости, которую усилило еще то обстоятельство, что саксонские конференц-министры несколько часов спустя были уволены от службы королем прусским. В тот же день королева призвала к себе всех послов и в патетической речи представила свое печальное положение, причем [15] явно высказала, что ее интересы связаны с интересами всех королей. Слух об этом происшествии с большими прибавлениями был

распространен пострадавшими по всем дворам, а поведение Фридриха в Саксонии, представленное в самых черных красках, немало способствовало увеличению числа его врагов и охлаждению многих его друзей. Известно, что жена дофина, впоследствии мать французского короля, бывшая дочерью оскорбленной польской королевы, в слезах бросилась к ногам Людовика XV, умоляя его спасти ее родителей и отечество^{17}. С тех пор при версальском дворе забыты были основы политики, и Франция, без того уже постоянно подстрекаемая Австрией, воспользовалась теперь предложением, что Вестфальский мир был нарушен вторжением пруссаков в Саксонию, и объявила себя формально защитницей этого мира против Фридриха, побуждая вместе с тем и шведов к войне. Таким образом, Франция стала серьезно принимать участие в войне, которая сильно противоречила ее истинным государственным интересам и которую поэтому в Париже считали до тех пор какой-то политической шуткой. Теперь в этой столице мод стало вдруг модным унижать короля прусского и превозносить до небес союз с Австрией, ради его новизны; даже французская академия не постыдилась назначить публичный конкурс на лучшее хвалебное сочинение в стихах в честь этого союза; однако это поэтическое состязание было воспрещено правительством. Теперь только был отозван из Берлина французский посол Валлори и уволен прусский посол при версальском дворе, Книппгаузен. Фридрих точно так же поступил с французским министром, графом Брольи, которого до сих пор терпели в Дрездене, несмотря на его высокомерное поведение и интриги.

Но, с другой стороны, все же усердно старались примирить прусского короля с польским. Английский и голландский послы, граф Штормонт и Калькоэн, употребляли все усилия для приведения в исполнение этого благодетельного [16] шага. Фридрих требовал от польского короля, в доказательство полнейшего нейтралитета, чтобы саксонские войска были распущены и разошлись по своим квартирам. Август обещал соблюдать нейтралитет, однако отказался подтвердить свое уверение действием. Вскоре по прибытии в лагерь он обратился к своим войскам с патетической речью, требуя, чтобы они с ним пробивались до самой Богемии, невзирая на силу врагов. Он говорил, что готов при этом жертвовать собственной жизнью, так как она принадлежит его подданным, а Провидение уж позаботится об остальном. Когда же ему доказали невозможность этого, он, вместе с принцами и министром, отправился в крепость Кенигштейн. Отсюда Август послал новое воззвание к армии, прося ее спасти честь своего короля и защищаться до последней капли крови. Преданные саксонцы, отличавшиеся тем, что страшно любили своих государей, какими бы они ни были, выказали готовность оправдать большие надежды Августа. Но в его лагере вскоре наступил такой недостаток провианта, что людям и лошадям стали выдавать лишь одну треть положенного продовольствия. Впрочем, мужество войск возросло, так как они узнали о приближении австрийской армии, которая, хотя и двигаясь разрозненными корпусами, уже имела более 70 000 человек в Богемии.

Деятельность и усердие венского двора, желавшего непременно начать войну, были чрезвычайны. Большая часть кавалерии в Богемии не имела еще лошадей и снабжена была ими лишь в конце августа в лагере при Коллине, когда пруссаки находились уже в королевстве; к войне были так мало подготовлены, что не было даже лошадей для доставки артиллерии и снарядов в Богемию^{18}. Тогда Мария-Терезия велела открыть свои конюшни и дала собственных лошадей для перевозки орудий. Австрийское и богемское дворянство старалось наперебой следовать этому великому примеру. Сюда спешили со всех сторон [17] менять лошадей, и транспорт был доставлен с

поспешностью, которой нельзя было и ожидать.

Эти обстоятельства и потеря драгоценного времени, в течение которого Фридрих мог бы овладеть Богемией, побудили того изменить свою систему; он не мог уже довольствоваться нейтралитетом Саксонии, чтобы обеспечить свой тыл от врагов, поэтому он настаивал на заключении формального союза с Августом, чтобы тот мог освободить свои войска, причем обещал королю польскому, что ему не придется раскаиваться в этом, если только счастье улыбнется прусскому оружию; если же Пруссию постигнут неудачи, то и Саксония должна будет покориться той же судьбе. Но Август и слышать не хотел о союзе; в трогательном ответном письме от 12 сентября он говорил: *«Ваше Величество, Вы, должно быть, считаете, что для Вас нет иного спасения, как только гибель моей армии либо от меча, либо от голода. До последнего еще далеко, а от первого меня, надеюсь, избавит в крайнем случае рука Всевышнего, преданность и мужество моих войск. — Я готов на все, чтобы помириться с Вашим Величеством относительно того пункта, который так важен для Вас, если это не оскорбит моей чести»* .

Такая стойкость со стороны ленивого от природы монарха была неожиданна. Фридрих сделал еще одну попытку; он послал к Августу своего любимца, генерала Винтерфельда, столь же отличного воина, как и ловкого придворного человека, чтобы тот своим красноречием сделал еще более вескими его собственные письменные представления. Фридрих сильно добивался союза Пруссии с Саксонией еще потому, что *«эти две соседние державы (так выразился он в своем письме к Августу) не могут обойтись друг без друга, а истинная польза их состоит в том, чтобы они всегда были в союзе»*. Но так как и эти аргументы были тщетны и Август ссылался на честь и совесть, то в последнем письме своем от 15 сентября Фридрих [18] выразился так: *«Жаль, что я не могу быть еще более предупредительным»*.

Несмотря на это, Винтерфельд еще раз был отправлен к польскому королю, но его многократные убеждения и новые предложения были одинаково безуспешны. Положение Августа становилось все затруднительнее, вследствие приближения дня польского сейма, назначенного на 4 октября, и потому он просил дать ему пропуск для поездки в Варшаву. Фридрих не соглашался на это, пока не будет решена судьба Саксонии. Просьбы Августа были все настойчивее; великий канцлер Польши Малаховский сам отправился в прусский лагерь и грозил, что Польша не останется безразличной к насильственному удерживанию своего короля. Но Фридрих оставался непреклонен.

Между тем Броун получил от своего двора положительный приказ во что бы то ни стало освободить саксонцев. Соединение обеих армий под начальством опытного полководца, которого Австрия причисляла к величайшим своим сыновьям, тотчас сообщило бы войне иной оборот.

Фридрих был убежден в этом и потому удвоил свою деятельность, чтобы блокировать саксонский лагерь и отрезать находящиеся в нем войска от всякой помощи. Чтобы лучше достигнуть этой цели, фельдмаршал Кейт должен был двинуться с сильным отрядом в Богемию, для наблюдения за движениями австрийцев. Прусский фельдмаршал граф Шверин уже проник с 35 000 человек в Богемию и расположился лагерем близ Кенигсгреца. По плану Фридриха, эти две прусские армии должны были так занять неприятеля в его собственной стране, чтобы он не мог подумать о саксонцах. Сам он ждал со дня на день сдачи блокированной армии, так как до этого считал опасным идти в

Богемию, где у него не было продовольственных складов, кроме того, саксонские войска тогда овладели бы Эльбой и остались бы в тылу у короля; у него не было и достаточного количества повозок и судов для перевозки [19] жизненных припасов, а ужасные дефиле, прикрывавшие со всех сторон доступ в это королевство {19}, требовали еще многих необходимых приготовлений.

Чтобы освободить саксонцев, Броуну приходилось переправляться через Эгер, а у него еще не было понтонов; они были доставлены вместе с необходимой артиллерией, и лишь тогда Броун выступил в поход. Фридрих намеревался принудить его к отступлению посредством битвы; передав поэтому начальство над блокированной армией маркграфу Карлу, он отправился к своим войскам, стоящим при Ауссиге, и выступил с ними из лагеря 30 сентября, как раз в тот день, когда Броун действительно переправился через Эгер. На рассвете следующего дня оба войска встретились недалеко от богемского местечка Ловозиц. Австрийская армия состояла из 50 батальонов и 72 эскадронов и имела 98 орудий; прусская — из 24 батальонов, 60 эскадронов при 102 орудиях. Был густой туман, так что в нескольких шагах едва можно было различать предметы. Броун не занял высот Лобош и Радозиц, с которых можно было обстреливать австрийцев. Это обстоятельство заставило Фридриха предположить, что австрийцы переправились через Эльбу и что он наткнулся лишь на арьергард. Несколько тысяч человек хорватов и венгерской пехоты, расположившиеся в виноградниках у подошвы горы Лобош и открывшие ничтожную пальбу по приближающимся пруссакам, подтвердили это мнение, по тому что такими легкими отрядами обыкновенно при крывают отступление. Императорская конница, подвергнувшись огню прусской артиллерии и стойко выдержавшая его, как бы желая исполнить еще другие намерения, довершила заблуждение короля. Сражались в густом тумане, не видя друг друга; между тем король велел занять высоты.

Так как позиция Бруна была обеспечена в центре и на левом фланге болотами и другими недоступными проходами, то Фридрих обратил все свое внимание на город Ловозиц, [20] прикрывавший правый фланг неприятеля, и сосредоточил там лучшую свою пехоту и большое количество орудий; впереди он выдвинул сильную батарею и устроил редуты. К полудню туман рассеялся и обе армии увидели друг друга. Прусская кавалерия произвела правильную атаку, перескочив через широкий ров, и опрокинула австрийскую конницу; но, преследуя ее в горячности, попала под сильный огонь ловозицкой артиллерии и должна была отступить с большим уроном. Не могла она прорваться и через левый фланг неприятельской пехоты, которая была расположена на краю глубокого рва. Тогда пруссаки решили прогнать хорватов из виноградных садов, заборы и плетни которых служили им бастионами; это предприятие удалось, хотя стоило многих трудов. Однако Броун велел теперь лучшей своей пехоте, стоявшей на правом фланге, атаковать высоты; но стоявшие там пруссаки защищались, как львы: несколько полков истратили уже все свои патроны; тогда они бросились в штыки и били неприятелей прикладами, как дубинами. Этот ужасный рукопашный бой длился до тех пор, пока пруссаки не прогнали австрийцев с горы и в самый Ловозиц. Пользуясь их замешательством, они подожгли город и выбили оттуда все неприятельские войска, чем наконец решили судьбу этого дня. Броун совершил мастерское отступление под прикрытием пехоты левого фланга, которая совсем не сражалась и одна только была в порядке. Чтобы обеспечить свою ретираду, он велел сломать мост через Эльбу у Лейтмерица и все мосты через Эгер; таким образом он оставил королю поле битвы, не уступив тому, однако, своих прав на победу. Но победа была несомненна, как и последствия доказали это, хотя прусское войско потеряло больше солдат и с обеих сторон имелись пленные. В Вене отслужены

были молебствия в продолжение девяти дней за павших в битве воинов, причем остряки говорили: «*Это благодарственный молебен за то, что нам все же не так худо пришлось*»^[20]. [21]

Так прошла первая битва этой достопамятной войны; она продолжалась с 7 часов утра до 3 часов пополудни и послужила как бы образчиком прусских подвигов в последующих сражениях. Король был так восхищен мужеством пруссаков, что, описывая битву в письме к фельдмаршалу Шверину, выразился так: «*Никогда еще мои войска не производили таких чудес храбрости, с тех пор как я имею честь командовать ими*». Храбрость эта была необходима, по причине сильного сопротивления, которое вырвало из уст воинов Фридриха восклицание: «*Это уж не прежние австрийцы*». Раненые же неприятельские солдаты говорили: «*А пруссаки все те же*». Победители потеряли убитыми и ранеными 3300 человек, пленных было взято 700 человек; австрийцы же потеряли несколькими сотнями человек меньше пруссаков.

Броун был болен; несмотря на это, он переносил невзгоды сурового времени года, спал под открытым небом, так как отослал свою палатку, и день и ночь подвергался всем неудобствам военной жизни до того, что однажды перед лицом любящего его войска упал от потери сил. Полководец этот был теперь вынужден вернуться за Эгер и отказаться от своего намерения освободить саксонцев. Решено было, чтобы бедствующие союзники в ночь на 11 октября переправились у Кенигштейна через Эгер и тогда с двух сторон атаковали пруссаков. Но необыкновенно дождливая и бурная погода, невозможность перевозки тяжелых медных понтонов голодными лошадьми, а также иные неудачи замедлили эту переправу, которая состоялась только через два дня. Фридрих воспользовался этим драгоценным временем, чтобы усилить посты на Эльбе и укрепить их окопами и засеками. Правый берег этой реки у Пирны и Кенигштейна горист и покрыт густым лесом. Глубокие пропасти, отделяющие горы, делали страну недоступной для прохода войск, тем более что неприятель находился поблизости и владел высотами. Поэтому саксонцы, [22] переправившись через Эльбу, надеялись, по крайней мере, узнать о приближении австрийцев; но они не нашли и следа своих союзников, которых удерживал отчасти один прусский отряд, под командой генерала Лествица, отчасти же большие неудобства местности; увидели они зато, как пруссаки завладели страшными ущельями, через которые им надо было пройти в Богемию. Невзирая на это, они все же пытались построиться у подошвы горы Лилиенштейн; но теснота места помешала им; в беспорядке и пав духом заняли они тут позицию, томительно ожидая печальной судьбы своей. Положение их ухудшилось по той причине, что ни австрийцы, ни саксонцы не были знакомы с местностью и составляли свои планы просто наудачу. К тому же пропало письмо Броуна, написанное им к саксонскому фельдмаршалу Рутовскому, а продолжительный ливень сильно попортил дороги, так что поход сопряжен был с большими трудностями, причем саксонцы должны были оставить все свои орудия по ту сторону реки.

Оставленный саксонцами лагерь у Пирны был тотчас же занят пруссаками, которые при этом наткнулись на их аррьергард. Страшная буря заглушила гром сильной пушечной пальбы, так что австрийцы, находившиеся вдалеке, ничего не слышали. Все стихии, боги и люди восстали, казалось, на саксонцев. После четырехчасового храброго сопротивления аррьергард был взят в плен, а вместе с ним и большая часть обоза и артиллерии. Это был важный транспорт, который не мог присоединиться к своему войску, так как мост был разрушен. Король польский не был свидетелем всех этих неудач, так как за несколько дней до этого отправился со своими сыновьями и любимцем

Брюлем из бывшей главной квартиры в Штруппене в крепость Кенигштейн; отсюда он посылал фельдмаршалу Рутовскому многократные и невыполнимые приказы атаковать неприятеля, но даже если бы они и были удачно исполнены, саксонцы не сумели бы проложить себе путь к австрийскому войску. [23]

Никогда еще храброе и благоустроенное войско не находилось в более печальном положении. Это было повторением события при Кавдинуме, и если пруссаки, подобно самнитянам, не заставили саксонцев пройти под ярмом, то лишь потому, что за двадцать два столетия много произошло перемен в понятиях {21}. Голод свирепствовал в саксонских войсках, к нему присоединился холод сурового времени года и потеря обоза. Три дня и три ночи саксонцы стояли под ружьем без всякой пищи; у них уже не было ни патронов, ни пороха. Под открытым небом, среди высоких гор, крутых утесов, под бдительным оком неприятеля, не откуда было им ждать спасения, и положение их было безнадежно. Судьба их всецело зависела от милости победителя, которому они, с согласия Августа, предложили наконец перемирие 14 октября после тридцатичетырехдневной осады.

Король польский был необыкновенно удручен своим большим несчастьем. В тот же день он писал своему фельдмаршалу Рутовскому: *«Надо покориться Всевышнему. Я независимый государь — таким хочу жить и умереть; в жизни и смерти хочу блюсти честь свою. Передаю вам судьбу моей армии. Пусть ваш военный совет решит: должно ли ей сдаться или предпочесть смерть, — все равно от голода или меча»*.

Министр Брюль хотел склонить фельдмаршала Броуна к удержанию своей позиции еще один день; он писал: *«Если мы будем капитулировать, то не преминем обеспечить отступление Вашего Сиятельства так, чтобы Вы не подверглись нападению всей прусской армии»*. Но Броун отступил, не обратив внимания на эти аргументы, обличавшие человека, который не знал, с каким врагом имеет дело, и потому ожидал получить выгоды при капитуляции. Условия ее были весьма тяжелы как для саксонских войск, так и для короля. Вся армия, состоящая еще теперь из 14 000 воинов, должна была сдаться. Офицеры были отпущены, а унтер-офицеров и рядовых заставили присягнуть королю прусскому; [24] произошло большое трогательное зрелище: 14 000 воинов положили оружие и умоляли дать им хлеба. Голод и отчаяние между знатными и малыми сказались в юдоли горести при Либиенштейне поражающими сценами, на которые Август смотрел с высоты своей крепости. Нужда дошла до крайности, потому была оказана скорая помощь. Солдаты, совершенно обессиленные из-за голода и невзгод, получили тотчас же самое необходимое; каждой роте отпущено было 20 шестифунтовых хлебов, а пленные генералы удостоились чести быть приглашенными к столу прусского короля в главную квартиру в Штруппене.

Несчастье саксонцев не навлекло на них стыда; напротив, оно стало достопамятной эпохой в их летописях. Они так долго сопротивлялись прусскому могуществу со своим маленьким войском, мужественно боролись с небывальными препятствиями и покорились только законам природы и высшей судьбе. Это сопротивление их спасло между тем еще плохо подготовленное императорское войско в Богемии и все провинции Марии-Терезии, где рассеянные войска легко могли быть истреблены; вообще оно имело самые важные последствия для Австрии. Это была наибольшая услуга, оказанная этой монархии чужеземным народом со времени освобождения Вены храбрым королем Соболевским. Но императорские войска и двор совсем не оценили по достоинству это благодеяние. Солдаты Броуна насмешливо звали армию, стоявшую под Пирной, *«саксонским*

пикетом», а императорский двор предпочитал пожертвовать великим курфюрстом саксонским и его прекрасной страной.

Таким образом польский король перенес унижение, которое уже целые столетия не выпадало на долю ни одного европейского монарха. Он разом потерял всю свою преданную саксонскую армию, и в Кенигштейне при нем осталось едва только несколько человек гвардии и очень небольшая свита. Все его старания добиться от победителя более умеренных условий были напрасны. Фридрих сам диктовал ответы [25] на все 14 пунктов этого знаменитого договора о сдаче. Некоторые из ответов, касавшиеся сильных нужд, претерпеваемых пленными войсками, были весьма лаконичны и состояли из одного слова: хорошо; но все они обличали решительный тон победителя, который считал, что дает больше, чем побежденный мог надеяться. Август убедительно просил, чтобы ему оставили по крайней мере его гвардию, составленную из отличных солдат. Но ответ Фридриха был весьма оскорбителен, в нем ярко сказалось право сильного: гвардия эта, сказал он, должна подвергнуться той же участи, что и прочие войска, так как я не хочу вторично утруждать себя взятием ее. Однако знамена, штандарты и литавры саксонских войск были все же возвращены польскому королю, а чтобы удовлетворить хотя бы одну из его многочисленных просьб, крепость Кенигштейн была объявлена нейтральной на все продолжение войны.

Десять саксонских пехотных полков остались в прежнем составе с тою только разницей, что им дали прусские мундиры, знамена и прусских командиров; остальные войска и вся кавалерия были распределены между прусскими полками. Сюда присоединились 9284 рекрута, которых Саксония должна была поставить в первые же месяцы для пополнения полков. Офицеры были отпущены на честное слово, с тем чтобы не служить более в этой войне против короля прусского. Но ненависть Марии-Терезии и Августа к Фридриху была так велика, что это слово было нарушено: саксонские офицеры были совершенно освобождены от своего обязательства, чем навлечен был позор на военное сословие. Ослепленные страстями, союзники забыли, что честь есть звено, соединяющее европейские армии; это призрак, который не следует освещать факелом истины, так как он, подобно незримому страшному божееству, неустрашимо ведет людей к смерти.

Такой поступок Фридриха, принудившего целую армию в полном составе поступить на службу к победителю, беспримерен [26] во всемирной истории. Но он слишком понадеялся на критическое положение Августа, который не в состоянии был тогда содержать армию, и на бедственное положение войск его, лишенных государя, и забыл о врожденной преданности саксонцев своему отечеству и королю; она вскоре обнаружилась — к немалому удивлению Фридриха. Ожидали, конечно, что будут дезертиры, но никак не могли предположить, чтобы уходили целые батальоны, решительно и в полном порядке. Большая часть их уходила систематически со всеми воинскими почестями, прогнав или перестреляв своих начальников; они увозили обоз, снаряды и полковые кассы, словом — все принадлежности армии, и направлялись в Польшу или же присоединялись к французской армии. Прусский король произвел многих саксонских унтер-офицеров в офицеры, чтобы тем привязать их к своей службе. Но эта мера оказалась недостаточной, так как эти-то патриоты и были зачинщиками побега; другие же, не соглашавшиеся на это, принуждены были удалиться. Оставшихся распределили гарнизонами в городах, но и это средство было неудачно. В Лейпциге часть гарнизона силой открыла ворота и ушла среди белого дня. В Виттенберге, Пирне и других городах саксонские солдаты принуждали прусских командиров сдаваться врагу;

часто даже во время сражений целые роты саксонцев уже на самом поле битвы переходили к австрийцам и тотчас же начинали бить пруссаков.

Август, ожидавший решения своей участи в Кенигштейне, получил наконец право свободного проезда со свитой в Варшаву, куда и выехал немедленно; 18 октября Фридрих снабдил его на дорогу очень любезным отпуском. И теперь, как и в прежних королевских письмах, они называли друг друга братом; такое нежное обращение составляло принадлежность придворного этикета восемнадцатого столетия, точно так же, как соболезнующие и поздравительные письма коронованных особ даже во время жесточайших войн. При отъезде короля ему оказан был величайший почет; все войска были [27] удалены с того пути, по которому следовал несчастный монарх, чтобы избавить его от неприятного зрелища.

Тогда прекратилась и переписка между обоими королями; однако саксонский генерал Шперкен продолжал ее от имени Августа. Главным предметом ее был отряд уланской стражи, которую хотели расставить для облегчения сообщения из Польши через Силезию и Саксонию. Фридрих сразу будто бы соглашался на это, но так как были обнаружены постоянные попытки саксонского двора извещать врагов обо всем и побуждать к побегам саксонцев, вступивших на прусскую службу, то он внезапно прервал переписку со Шперкеном. В письме своем от 2 декабря он писал: *«Моей снисходительностью весьма злоупотребляют. После недружелюбного поведения вашего двора, мне остается только одно — прибегнуть к оружию. Это мое последнее письмо к вам»*.

Ни одно событие текущего столетия вплоть до французской революции не произвело в Европе столь сильного впечатления, как бедствие, постигшее королевскую семью, родственную стольким могущественным государям; в страданиях ее приняли участие все короли. Даже Георг II Английский объявил важнейшим дворам, что он не одобряет поведение Фридриха в Саксонии. В правительственных указах, появившихся в Вене, обнаружилась смертельная ненависть Австрии; они были чрезвычайно резки и преисполнены самых бранных упреков. Король прусский обвинял ся в самых низких происках и являлся в них зачинщиком недавно открытого в Швеции заговора против Сената²²; австрийцы до того забылись, что упрекали даже Фридриха в гневе отца его, в наказании, постигшем его в Кюстрине, и в императорском посредничестве, которое, как тут значилось, спасло ему жизнь {23}.

Эта безграничная ненависть стала теперь господствующей страстью венского двора, который отличался до сих пор высокомерием. Последнее теперь было забыто, так что [28] императрица Мария-Терезия, до сих пор строго соблюдавшая свое достоинство и считавшая женское целомудрие первую из добродетелей, унизилась до того, что стала льстить любовнице Людовика XV, называя ее кузиной, — титулом этим король французский отличал герцогинь своего королевства. Между австрийской государыней и маркизой Помпадур завязалась переписка, поводом к которой был украшенный бриллиантами портрет императрицы. Француженка, польщенная любовью, до того забыла свое низкое происхождение и свое положение, что в письмах своих часто употребляла фамильярное обращение: *«Моя милая королева!»* Мария-Терезия, несмотря на свою доброту, всегда помнила свое высокое происхождение; дочь гордого Карла VI, внука Леопольда, высокомернейшего из всех императоров, который ради церемониала отказал в свидании своему спасителю и спасителю Вены, королю Собескому {24}, — эта государыня, питаемая с детства широкими принципами о царском величии,

терпела такое обращение с ней от Помпадур! Это случилось как раз в то время, когда Фридрих неоднократно проявил в отношении королевской любовницы свое презрение. Таким образом, в Версале подверглась осмеянию политика, которую пытался защищать лишь старый маршал Бель-Иль, и поругано было равновесие германского государства, за которым в течение ста лет внимательно следили величайшие французские министры.

Кампания окончилась; австрийская армия ушла глубже в Богемию, которую теперь покинули и прусские армии под начальством Шверина и Кейта, чтобы расположиться на зимних квартирах в Саксонии и Силезии. Фридрих пробыл зиму в Дрездене и обращался с провинцией, взятой им под залог, как со своей завоеванной собственностью. Он аккуратно принимал саксонских министров на аудиенциях, делал распоряжения относительно всех административных вопросов страны и требовал от земских чинов военных налогов и новых рекрутов.

Книга вторая

Приготовления для будущей кампании всех союзных держав, воевавших с Пруссией, были необычайны. Французы и шведы, немцы из всех германских провинций, англичане и горные шотландцы, венгерцы и трансильванцы, миланцы, валлонцы, хорваты, русские, казаки и калмыки деятельно готовились к ней. Это было нашествие народов, вышедших отчасти из весьма отдаленных земель не для завоеваний, а скорее для того, чтобы грабить, убивать и разорять.

Эти армии требовали громадных денег, а так как ни один двор при всем желании не мог доставить таких сумм, то пущены были в ход всевозможные ухищрения, чтобы, с одной стороны, получить займы наличные деньги, а с другой — склонить капиталистов, дабы те заимообразно взяли на себя доставки. Но король прусский имел перед своими противниками то преимущество, что не нуждался в этих вспомогательных средствах. Благодаря его полной сокровищнице и богатому залогу, прусские войска были всем снабжены в изобилии и могли открыть поход. Чтобы заменить недостаток в легкой кавалерии, Фридрих сформировал семь вольных батальонов и увеличил, кроме того, пехоту и кавалерию на 40 000 человек. Саксонцы всех сословий, по сходству языка, нравам и образу мыслей симпатизирующие гораздо больше пруссакам, чем австрийцам, зная, что войны не миновать, желали, чтобы правитель их вступил [30] в союз с первыми. К тому же они не страдали от жестокостей с их стороны: доставки в армии, которые, впрочем, не были обременительны, еженедельные обеды для квартирующих солдат, умеренные военные налоги, рекрутские наборы и другие сравнительно ничтожные неудобства — вот все, что до сих пор выпало на долю саксонцев из тягостей войны. В общем же они жили довольно дружно с пруссаками. В Дрездене устраивались театральные представления, концерты, балы и маскарады, которые усердно посещались дворянством, горожанами и местными красавицами. Сам король почти ежедневно давал концерты, причем монарх этот, которому угрожала столь сильная опасность, принимал в них участие, играя на флейте.

Это душевное спокойствие, вызванное его философским образом мыслей и сознанием своей силы, было, однако, неоднократно нарушаемо. Между прочим в эту зиму случилось происшествие, ближайшия обстоятельства которого известны лишь весьма немногим; быть может, до девятнадцатого столетия ни один немецкий историк не захотел бы их передать потомству. Дело в том, что Фридриха должны были отравить.

Камер-лакей Глазау, пользовавшийся особенным доверием короля и часто даже проводивший ночь в его спальне, был подкуплен с целью погубить монарха. Об этом знали лишь несколько лиц, от которых нечего было опасаться раскрытия тайны. Но случай выдал ее королю, как раз в тот час, когда замысел этот должен был осуществиться. Глазау пал к ногам монарха, умоляя о пощаде, которая ему, однако, не была оказана. Он был арестован, судим в присутствии государя и на следующий же день в оковах отвезен в Шпандау, где вскоре умер в тюрьме, вдали от всех живущих. Должно быть, королю необходимо было сохранить эту тайну из-за замешанных в ней лиц, так что он даже не позволил доктору подать помощь несчастному в последние минуты его жизни. [31]

Умеренность, которою прусский король руководствовался до сих пор в Саксонии, основана была на его надежде склонить Августа к миру и союзу, которых Фридрих сильно желал. Но Август был слишком глубоко уязвлен, а тесный союз его с Австрией и Россией и ожидание скорой и счастливой перемены были настолько сильны, что предложения Пруссии оказались бесплодными. С другой стороны, жалобы его послов, находившихся в Регенсбурге {25} и во всех европейских дворах, поддерживаемые сильными союзниками, не имели пределов. В рейхстаге употребляемы были самые неприличные выражения в речах и бумагах; не жалели даже бранных слов. Вражда заглушала при этом всякое благоразумие, ученые и писатели, забыв даже свои знания, изображали нападение Фридриха на Саксонию предприятием, небывалым доселе во всемирной истории. Благодаря всему этому цель была вполне достигнута. Все союзные дворы с удвоенным усердием стали трудиться над своими грозными приготовлениями. Франция настолько серьезно занялась вопросом о гибели короля прусского, что версальский двор предложил Англии нейтралитет для Ганноверского курфюршества при условии, что Георг II обязуется не увеличивать и не собирать свои германские войска, предоставить французам свою крепость и свободный проход в Пруссию. Но король английский отверг это предложение, хотя Ганновер был для него всем {26}.

Одушевленный тем же усердием по отношению к Пруссии, работал в Швеции французский посол, маркиз Гаврин кур; там большинство сенаторов были тогда продажны, а заговор против Сената, состоявшийся с ведома королевы, необыкновенно озлобил против Пруссии всех влиятельных людей. Союз, заключенный между Пруссией и Швецией в 1743 году, кончился, и шведы теперь могли по желанию избрать себе новых союзников. На них сильно действовали обещания Франции, которая обязывалась наградить их за энергичное участие в войне Штеттинской и всей прусской [32] Померанией. Это обстоятельство, поддерживаемое надеждой на несомненный успех, преодолело нерешительность шведов. Однако Фридрих сделал еще попытку. Он сам потребовал помощи у шведов, в качестве хранителей Вестфальского мира, столь славного для них и столь тесно связанного с протестантской верой, ввиду того, что его собирались нарушить. Казалось, такие причины должны были иметь важное значение для народа, который со времени реформации фанатически был предан лютеранству; опасность, угрожавшая протестантской церкви, настолько была значительнее других в глазах шведских законодательств, которые должны были считаться с народом, что еще в декабре 1756 года дано было прусскому королю уверение в полнейшем нейтралитете; даже тогда, когда в Регенсбурге все подали голос за гибель Фридриха, шведский посол молчал от имени шведской Померанией, мотивируя свое молчание тем, что не получил соответствующих инструкций. И все же победили в конце концов ухищрения и золото французского министра в Стокгольме, и в Швеции была решена война против Фридриха.

План раздела Пруссии и умышленное разрушение новой монархии были столь же странны, как и сама война. Померания была предназначена для Швеции, Силезия для Австрии, королевство Пруссия {27} для России, герцогство Магдебургское с Гальберштадтом для Саксонии, а вестфальские провинции — для Франции. Одно только Бранденбургское курфюршество должно было быть предоставлено свергнутому королю в виде милости, если он вовремя окажет покорность: в противном случае державы решили отдать опустошенную страну эту ближайшему наследнику. Настоящий замысел, поддерживаемый отовсюду силой и озлоблением, в борьбе со слабым государством не нуждался, по-видимому, в особенном везении, которое могло бы, конечно, ускорить или замедлить его осуществление, но конечный исход дела не пострадал бы и при его отсутствии. [33]

Нигде не наблюдалось такой деятельности, как в южной Германии. Германский сейм в Регенсбурге принялся вновь за свои перуны, забытые уже со времени нескольких поколений, и поразил ими короля прусского. Он торжественно был осужден на изгнание из Империи и объявлен лишенным всех своих имперских владений, сана и титула; даже девять протестантских князей подали свои голоса в пользу такого постановления; между ними были родственные Пруссии дворы, Ансбах и Дармштадт, далее герцог Гольштейн-Готторпский, а также князья Шварцбургские и Ангальтские. С этими девятью князьями противники Фридриха имели, кроме католических курфюрстов, шестьдесят голосов в княжеском сенате, но двадцать шесть настаивали на том, чтобы исследовать причины войны, установить перемирие, и требовали посредничества Империи в этом споре. К этим последним голосам, руководимым благоразумием и умеренностью, принадлежали все графы веттерауские, франконские и вестфальские. Но, с другой стороны, имперские города, жители которых никогда не занимались у себя политикой, весьма редко пользовались свободой и простодушно считали императора своим законным государем, поступили в этом случае весьма характерно: они слепо примкнули к императорской партии. Большая часть имперских князей должна была стать на сторону Марии-Терезии из страха или же руководимые надеждой, забыв дружбу, связывавшую их с Пруссией в течение многих поколений, неоднократные благодеяния, оказанные им этим домом, узы веры и крови, словом — все; своим поведением они подтвердили мнение многих политиков, что в случае войны с Австрией никогда нельзя рассчитывать на содействие имперских князей против этой державы.

В государственных бумагах, заявлениях и манифестах продолжали выражаться столь же непристойно в отношении к королю, который поэтому обратился к Марии-Терезии с энергичным протестом, напоминая ей, что монархи [34] могут быть врагами, но не должны унижаться до ругани; не словами, позорящими их достоинство, а мечом должно им решать спор. Долго оставались эти увещания без последствий; лишь после нескольких выигранных битв стали они приобретать значение. Окружные князья получили между тем приказ отрезать от короля всякую помощь из округов: все имперские вассалы, находившиеся в войсках Фридриха, были также отозваны с прусской службы. Далее последовал императорский указ, чтобы все книготорговцы и типографы, торгующие прусскими государственным сочинениями, были арестованы и наказаны. Беспристрастные люди говорили, что император разыгрывает роль деспота в государстве из-за своих семейных дел. Однако Плото, посол Бранденбургского курфюршества на имперском сейме, ответил серьезно и с достоинством на все антипруссские государственные статьи и на педантские рассуждения относительно неприкосновенности архива, и, встретив непреодолимые препятствия к напечатанию своего ответа во всей

южной Германии, основал собственную типографию в Регенсбурге.

Теперь хотели фактически приступить к изгнанию Фридриха. Императорский прокурор Гельм ходатайствовал об этом и уговорил императорского нотариуса, доктора Априля, отправиться в сопровождении двоих свидетелей к послу, барону Плото, с призывом к суду. Это приглашение относилось к появлению посла в имперском сейме в течение двух месяцев, считая от 22 августа 1757 года, для выяснения, что он имеет против жалобы на изгнание Фридриха. Плото, убежденный в своих правах, отнесся с величайшим пренебрежением к этому воззванию, принудил доктора взять его обратно, сам вытолкал его за дверь и потом велел слугам выгнать его из дому. К этой решительности министра, все поступки которого отличались благоразумием и которого боялись его враги, присоединились еще представления Франции. Она просила венский двор уничтожить [35] проект об изгнании, так как в настоящую минуту этим ничего нельзя выиграть; напротив, это побудит прусского и английского королей, вместе с другими германскими государями, к отпадению от германской унии. Потому решено было и без изгнания отнестись к Фридриху как к врагу Империи и не обращать внимания на его заявление, будто он поступил враждебно с Саксонией не как курфюрст бранденбургский, а как самодержавный прусский король{28}.

Для подкрепления этого постановления германских Амфикионов{29}, несмотря на протесты друзей Пруссии и послов Фридриха, раздававшиеся на всех заседаниях, была собрана армия, в состав которой входили все германские нации и которая, под грозным именем имперской экзекуционной армии, должна была сообщить надлежащее значение решению большинства голосов. Вначале для этой цели предназначались 120 000 человек, но число это впоследствии уменьшилось до половины. Таким образом, новая армия присоединилась ко многочисленным неприятельским войскам, лозунгом которых была гибель Фридриха; уже назначено было наперед и время, когда война эта должна была кончиться.

Фридрих, которому не оставалось теперь иного средства, как всюду отражать военную бурю дельным употреблением своей армии, приступил к более энергичному преобразованию своих финансовых операций в Саксонии. Он понял, что столь желанный союз с Саксонией принес бы ему лишь вред, а неограниченное владение этой большой прекрасной страной давало бесконечно больше выгод. Никакая другая провинция не могла быть для него столь удачным центральным пунктом для всех его операций и служить прикрытием с тыла и с флангов. Положение этой страны между двумя большими государствами (Австрией и Пруссией), которых постоянно разъединяли политические взгляды, было и есть несчастье для саксонской нации. Только отсюда Фридрих мог получать во время своих предприятий [36] подвоз средств в Богемию, кроме того, ему необходимо было обеспечить себя в Саксонии в случае нападения на Австрию. Поэтому в самом начале войны саксонцы должны были стать или союзниками короля прусского, или его военнопленными. Фридрих изменил соблюдаемой им до сих пор умеренности и стал придерживаться совершенно иного плана. Жалованье курфюршеским офицерам было уменьшено или же совсем не выдаваемо. На содержание судебных учреждений и канцелярий в Дрездене полагалось до сих пор 90 000 рейхсталеров; сумма эта уменьшена была до 30 000 талеров, и во всем поступали таким же образом. Польская королева просила денег. Фридрих, зная, что она употребит их во вред ему, велел ей отпустить лишь остаток одной кассы, 7800 рейхсталеров; она возобновила свою просьбу, определяя сумму расходов для нужд своих и своей семьи в 174 000 рейхсталеров ежемесячно. Но получила в ответ: обратитесь к своему супругу.

Эти финансовые преобразования коснулись всего. Хотя оперные певцы и танцоры не были положительно уволены от службы, им больше не стали выдавать жалованье; тогда они вернулись в Италию, а вслед за ними и знаменитый директор театра Гассе. Духовник королевы и главный директор оперы были важнейшими лицами при саксонском дворе; первый получал 12 000 рейхсталеров жалованья, а второй — 15 000, теперь же они должны были довольствоваться 2000. Императрица Елизавета помогла в этом затруднительном положении польской королеве, подарив ей 100 000 рублей.

Огромный запас фарфора, найденный отчасти в Дрездене, отчасти в Мейсене, Фридрих счел своей добычей и продал его в пользу Пруссии. Саксонский купец Шиммельман приобрел его за 200 000 рейхсталеров и тем положил начало своим несметным богатствам, с которыми поселился сначала в Берлине, потом в Гамбурге и, наконец, в Копенгагене. Он достиг сана всемогущего датского министра и был одним из богатейших частных лиц северных держав. [37]

Фридрих, однако, не коснулся королевского дворца в Дрездене. Он часто посещал знаменитую картинную галерею, но не присвоил себе оттуда ничего, напротив того, богато одарил ее зрителей. Такой умеренности он не соблюдал лишь в отношении к графу Брюлю, которого считал виновником союза, заключенного Саксонией с его врагами. Министр этот имел великолепный замок в Пфертене, деревне, расположенной в нескольких милях от Дрездена; Фридрих велел его разрушить. Та же участь постигла его чудесный дворец в столице и сад, составлявший украшение города и открытый всегда для общественных гуляний. Тут редкое искусство соединено было с великолепием — и все это было разорено; еще долго по сле заключения мира высокие развалины одного красивого павильона служили памятником мщению, ко торого нельзя было ожидать от коронованного фило софа.

Таким образом уничтожены были разом ве ликопение, блеск и пышность частного человека, с которым в этом отношении не мог сравниться ни один из современных ему королей. Все знамени тые произведения искусства, единственные в своем роде, все драгоценные и необыкновенные предметы, которые по своей дороговизне не могли тотчас най ти покупателей между самыми богатыми англичанами и французами в Лондоне и Париже, были приобретаемы им для украшения своих дворцов. Избранные предметы были собраны в его Дрезденском дворце. Во всех комнатах красовались часы художественной работы, отличавшиеся бесконечным разнообразием и особым устройством, статуи, медальоны и картины, полы с драгоценнейшей лакировкой, золоченые ручки дверей, великолепные обои и фарфоровые печи, имеющие форму античных статуй, римских мавзолеев или греческих храмов. Но необычайнее всего этого был громадный гардероб этого министра; целые залы от потолка и до полу были наполнены шкапами с платьем. К каждому костюму полагались особые [38] часы, табакерка и шпага. Платья эти были написаны в миниатюре и занесены в книгу, которая ежедневно подавалась ему для выбора. Из сорока камердинеров четыре должны были охранять этот драгоценный гардероб, который показывался посетителям как редкость. Но обычай этот был прекращен, когда один путешественник, удивленный при виде такой странной выставки, воскликнул: «*Montrez-moi des vertus, et non pas des culottes!*» [39].

В прусские полки были тогда потребованы рекруты из Саксонии, но наследный принц этого курфюршества энергично протестовал, ссылаясь на своего отца, от которого надо было для этого просить разрешения; Фридрих в ответ на это вежливо просил его не утруждать себя подобными вопросами. Представления земских чинов были столь же

неудачны, а так как они ссылались на повиновение своему повелителю, Фридрих ответил: *«Пока Саксония моя, я ваш государь; потому вы обязаны повиноваться мне»*.

Фридрих хорошо знал, что мог надеяться на помощь Польши; но он не хотел обойти политические формальности и потребовал на основании Велауского договора^{31}, для охраны Бранденбурга, установленных 4000 человек вспомогательных войск; при этом он обратился к Польше с просьбой не пропускать через свои границы русских, так как война могла бы тогда перейти и на польскую территорию. Но на просьбу эту не было обращено внимания в Варшаве, так как даже те вельможи, которые были настроены против короля, боялись русских^{32}. Императрица Елизавета поддерживала эту боязнь угрозами, причем объявила, что наверняка сумеет своими войсками удержать короля от нарушения спокойствия Польши.

Австрийцы сильно желали овладеть крепостью Кенигштейн; поэтому ими был составлен проект напасть на нее врасплох с согласия саксонского коменданта. Фридрих узнал об этом и тотчас же написал коменданту, напоминая ему об обязанности охранять крепость, вверенную тому и [39] объявленную нейтральной, и намекал на то, что нельзя ожидать внезапного нападения. В противном случае он, как изменник, ответит за это своей честью и жизнью. Письмо это подействовало, и нападения не произошло. Вообще Фридрих был всегда настороже и знал обо всем, благодаря своей бдительности. Графиня Брюль получила из Польши бочку венгерского вина. Казалось, вещь пустячная; но так как она касалась столь знатного лица, за малейшим действием которого внимательно следили, то об этом дано было знать королю, который велел тотчас же отослать вино, а бочку доставить ему. В присутствии одного депутата в Венском дворце вино было перелито, а бочка препровождена королю; она оказалась двойной и содержала много писем и бумаг.

Во всех германских областях проявлялась такая военная деятельность, которая уже несколько столетий не овладевала народом. Во всех последних войнах, даже при Карле V и Густаве II Адольфе^{33}, когда немцы свирепо боролись друг с другом из-за веры, не было столь грозного вооружения, как теперь; все народы Германии, великие и малые, брались за оружие, чтобы сражаться за двуглавого или одноглавого орла^{34}. Однако боязнь перед столь могущественной армией все уменьшала число сторонников Пруссии. Даже герцог Брауншвейгский, зять Фридриха, хотел спасти свою страну, передав ее французам; ландграф Гессен-Кассельский также колебался и, казалось, забыл дружбу Пруссии, защиту, получаемую от нее, и все субсидии от Англии. В южной Германии один лишь маркграф Байрейтский объявил, что скорее пожертвует своей землей, нежели вышлет войска против своего зятя — короля. Фридрих был тронут этим великодушием, а так как он считал владения марк графа наследием своего дома, то воспротивился этой жертве, связанной с их опустошением, и сам согласился на присоединение байрейтского военного контингента к собранной против него армии. [40]

Таким образом составила имперская армия, явившаяся поруганием достойного германского союза, освященного давностью происхождения и внутренней силой. Войска эти напоминали чуть ли не крестоносцев. Контингент их — или определенное число солдат, поставляемое каждой областью, за исключением Баварии, Палатината, Вюртемберга и еще нескольких других немецких владений, — представлял скопище плохо дисциплинированных орд, разделенных на корпуса; все это в общем представляло не обыкновенную пестроту. В Швабии и Франконии были округа, выставившие всего по несколько солдат. Некоторым приходилось дать лейтенанта без солдат, который нередко

оказывался крестьянином, взятым прямо от сохи; иные ставили одного лишь барабанщика, снабдив его барабаном, найденным где-нибудь в старом арсенале. Монахи отложили в сторону свои четки и вышивали знамена, которые освящены были перед алтарем и должны были развеяться в походах против еретиков. Свины получили должности флейтистов, а старые ломовые лошади были отдаваемы драгунам. Имперские прелаты, кичась тем, что являлись союзниками столь великих монархов, посылали в армию своих монастырских служак, сняв с них парусинники. Оружие, платье, обозы — словом, все было различно в этой пестрой толпе людей, которых почему-то называли солдатами и от которых ожидали великих подвигов.

Королевскому двору в Варшаве весьма трудно было ориентироваться в своем положении, и необдуманные поступки его следовали один за другим. Прусский секретарь при посольстве, Плесман, уполномоченный в Польше, не пользовался благосклонностью польского двора потому, что обнаружил слишком большое усердие в пользу своего короля, и тут решена была его гибель. Он как раз на ходился на пути в Саксонию, когда под Рейхенбахом подвергся нападению пятидесяти австрийских гусар, которые отправились с ним в Эгер. Тут заковали ему ноги и руки в кандалы [41] и обращались с ним как с величайшим преступником; суровость обращения, которому он подвергся, так подействовала на него, что он в течение нескольких месяцев не мог громко говорить. Его отвели в Вену и бросили в тюрьму, в темную камеру. Слуга его подвергся той же участи. Фридрих долго не знал об этом, но, узнав, тотчас же потребовал освобождения несчастного; ему ответили, что Плесман арестован по требованию варшавского двора. Однако Фридрих быстро придал делу иной оборот. Владея Дрезденом, он мог учинить жестокое возмездие, но удовольствовался лишь арестом одного человека. Саксонский советник при посольстве, Юст, был брошен в тюрьму. Королевская фамилия была поражена, а наследный принц послал к Брюлю самые убедительные представления. Теперь только министр этот понял, что не годится дольше возбуждать гнев энергичного победителя, и Плесман, после семимесячного тюремного заключения, был выпущен на свободу.

Между тем пруссаки деятельно готовились начать кампанию, чтобы предупредить союзников. Самыми грозными являлись австрийцы, на них-то Фридрих и решил ударить всеми своими соединенными силами, чтобы, по возможности, совершить значительный подвиг, прежде чем подспеют войска иных государей. Императорский же двор придерживался противоположной системы и хотел ограничиться лишь оборонительными действиями, пока, соединившись со всеми союзниками, не будет в состоянии атаковать короля прусского со всех сторон и таким образом уничтожить его. Поэтому Броун разделил всю свою армию на четыре большие корпуса для прикрытия Богемии. Несмотря на это, Фридрих проник туда в конце апреля во главе пяти крупных боевых колонн, но еще до этого он старался неоднократно убедить своими действиями врага в том, что тоже намерен поступать оборонительно и расположиться под Дрезденом в укрепленном лагере, дабы прикрыть Саксонию. Предводителями этих пяти армий [42] были: фельдмаршал Шверин, шедший из Саксонии через Траутенау, герцог Бевернский — через Циттау, принц Мориц Ангальт-Дессауский — через Коммотау, принц Генрих Прусский — через Нейштедтель, и сам Фридрих — через Петерсвальде. Приказы были так удачно рассчитаны и так точно исполнены, что все эти армии, шедшие из совершенно противоположных концов, в один и тот же день вступили на богемскую территорию [35]. Тотчас же было взято несколько значительных императорских продовольственных складов. Армия, предводимая герцогом Бевернским, насчитывавшая 16 000 человек, вскоре встретила два двативосьмитысячный неприятельский корпус

графа Кенигсберга, окопавшийся близ Рейхенберга. Лагерь его находился между двумя горами, покрытыми лесом, а боевой порядок походил на крепость, бастионы которой представляла пехота, а куртину — кавалерия. Австрийцы тотчас же были атакованы и выбиты с позиции, после пятичасового сражения, потеряв 1800 человек убитыми, ранеными и пленными. Пруссаки лишились 300 человек. После этого сражения герцог продолжал идти вперед и вскоре присоединился к армии фельдмаршала Шверина, который проник в Богемию пятью колоннами через Силезские горы и разбил при Альт-Бунцлау императорский аррьергард, состоявший из 1500 человек, которые были частью убиты, частью же взяты в плен. Впрочем, в этом сражении был убит весьма дельный генерал Вартенберг, предводитель пруссаков.

Прусский король прошел через высокую богемскую гору Паскополь без всякого сопротивления и переправился также через Молдаву в виду неприятеля, который как раз собрал все свои силы здесь, но упустил драгоценный случай выгодно атаковать маленькое войско Фридриха. Между главными императорскими генералами появились тогда раздоры, обнаружившиеся весьма очевидно в нескольких случаях; Броун был теперь подчинен принцу Карлу Лотарингскому, назначенному главнокомандующим. Предводители эти не [43] ожидали неприятельского нападения в Богемии: они думали, что Фридрих будет обороняться в Саксонии, — поэтому Броун потребовал 9 апреля у Кейта возвращения взятых год тому назад из Богемии заложников, так как, говорил он, *«пруссаки наверно еще не придут в этом году»*. По приказанию Фридриха, Кейт ответил, что Броун прав и что заложники в скором времени будут перевезены в Богемию.

Утром 6 мая все прусские армии, насчитывавшие более 100 000 человек, собраны были в окрестностях Праги. Они все соединились в виду столицы, кроме отрядов Кейта и Морица, которые остались по ту сторону Молдавы; несколько часов спустя началось достопамятнейшее из сражений, когда-либо занесенных в летописи войны. Прусская армия, находящаяся в действии, состояла из 64 000 человек, а австрийская — из 76 000. Последняя занимала позицию на горах, укрепленных окопами. Болотистые луга, высохшие пруды, топкое дно которых покрылось пеною и заросло травой, узкие плотины и тропинки, по которым солдаты могли пробраться лишь поодиночке, преграждали путь к этим высотам. Австрийская пехота спокойно стояла в своем укрепленном лагере, занятая приготовлением обеда, а конница была на фуражировке, когда Фридрих приступил к делу; несмотря на известия о приближении короля, принесенные форпостами, в лагере не верили тому, что Фридрих будет атаковать. Принц Карл тотчас же велел вернуть фуражиров. Несмотря на неудобство местоположения, прусская пехота атаковала с удивительным мужеством. Солдаты по узким плотинам шли только отдельными взводами, а шедшие по лугам вязли в тине на каждом шагу; полки Мейеринка и Трескова погрязли по колени в болоте и лишь с большим трудом вышли оттуда. Солдаты помогали друг другу и ободряли себя взаимно. Многие батальоны должны были при этом оставить свои орудия, несмотря на необходимость их поддержки. В час пополудни пруссаки [44] преодолели все препятствия и начали выстраиваться в боевой порядок. Не отдохнув даже после столь сильного напряжения, они неустрашимо бросились на неприятеля, встретившего их страшным огнем артиллерии. Целые роты пруссаков падали оземь, однако полк Винтерфельда захватил одну батарею, но ценою жизни почти всех своих солдат. Это не препятствовало наступлению гренадерского батальона Вредена, кричавшего единодушно: *«Товарищи, дайте нам подойти, вам довольно чести!»* Король велел, не стреляя из ружей, броситься прямо в штыки; но картечный огонь австрийцев был так смертоносен, что положил предел человеческой

храбрости. Многие прусские полки отступили.

Между тем конница с обеих сторон вступила в рукопашный бой; командовавший прусской кавалерией принц Шейнах атаковал с частью ее всю австрийскую и разбил первую линию неприятеля. Но тот совершил обход, и Шейнах потерял оба фланга и был отбит второй линией неприятелей. Тем не менее прусская конница выстроилась вновь, получила подкрепление и снова ударила по неприятелю. Это была решительная атака. Австрийская конница была совершенно расстроена и отброшена на свою же пехоту, которую привела в замешательство. Прусские гусары, воспользовавшись этим, напали на нее и увеличили еще расстройство ее рядов.

В это время фельдмаршал Шверин поспешно приводил в порядок пехоту, отступившую перед ужасным железным градом ядер, и повел ее на врага. Он стал перед полком, сошел с лошади и со словами: «*Vперед, дети мои!*» — схватил знамя, которое в руках его должно было указывать путь к победе. Пруссаки действительно нашли этот путь, но благородный вождь их пал, сраженный четырьмя картечными пулями. Королевское знамя покрыло его тело, скрыв искаженные черты его. Многие прусские генералы, подражая его примеру, пешими вели в бой свои бригады; [45] принц Генрих также соскочил с лошади и во главе своих солдат взял приступом одну неприятельскую батарею. Тогда все остальные силы пруссаков устремились на австрийцев и погнали их до самого лагеря. Тут стояли еще палатки, ко торые не успели убрать. Герцог Фердинанд Браун швейгский, важнейший помощник Фридриха в этот кровавый день, как и в течение всей войны, заметил между прочим, что мужество неприятеля не ослабевало и что левое крыло его продолжало удерживать свою позицию. Он просил позволения у короля отступить от плана битвы, желая атаковать неприятельский фланг. Король ответил, чтобы тот поступал по своему усмотрению. Фердинанд тотчас же взял несколько полков из правого прусского крыла и бросился с фланга и с тыла на неприятеля, гнал его с горы на гору и взял приступом семь укрепленных позиций, занятых австрийскими гренадерами, составлявшими гордость императорской армии. Неприятель пришел в замешательство, так что оба крыла несколько отделились друг от друга. Фридрих тотчас же воспользовался этим; он бросился в открывшееся пространство и разъединил их окончательно. Но, к сожалению, прусская легкая конница была далеко; будь она тут же — гибель неприятеля была бы неизбежна. Разбитая армия составляла теперь две колонны: меньшая побежала через поля, а другая бросилась к Праге. Убежище это выбрали второпях, не думая о последствиях; уже через несколько часов они увидели весь ужас своего положения и в тот же день пытались было выйти оттуда, но пруссаки уже заняли все выходы из города, насколько это возможно было сделать в темноте ночи, и австрийцы принуждены были возвратиться в свою военную тюрьму{36}.

Таковы были события этой достопамятной битвы, которая длилась с девяти часов утра до восьми часов вечера. По многочисленности сражавшихся войск, потокам крови, ошибкам со стороны побежденных, смерти опытного полководца в минуту величайшего расстройствa, по храбрости, выказанной [46] с обеих сторон, по большим трудностям, которые пришлось преодолеть, и по унынию, в которое погружены были побежденные, она весьма походила на сражение при Каннах, где Ганнибал так разбил римлян, как никто еще не делал этого до него. Римская битва решила судьбу всей Италии, кроме Рима; немецкая так же могла бы решить судьбу всей войны и изменить политическое состояние всей Германии, если б не одно весьма ничтожное обстоятельство, а именно, если б не отсутствие двух несчастных понтонов, которое решило судьбу стольких наций. Армия принца Морица Дессауского находилась выше Праги у Браника, по ту сторону

Молдавы, через которую хотели построить мост, чтобы зайти в тыл неприятеля. Но в реке этой вода стала прибывать; этого не предвидели, и недоставало лишь нескольких понтонов для завершения моста. Таким образом, храбрые пруссаки лишь издали могли наблюдать сражение. Еще несколько понтонов — и ни минуты нельзя было бы сомневаться в окончательной гибели огромного австрийского войска, от которого теперь зависела участь могущественной монархии. День этот стал бы тогда бессмертным во всемирной истории; не произошло бы ни Коллинского, ни Гохкирхенского сражений, словом, история войны была бы совсем не та, какая теперь занесена в летописи восемнадцатого столетия. Все, что Мориц мог сделать в положении, столь обидном для героя, ограничилось канонадой по австрийцам, ретирующимся к армии Дауна{37}.

Потери пруссаков в этот день равнялись 16 500 человек убитыми и ранеными; 1550 были взяты в плен. Многие дельные вожди их остались на поле битвы, кроме них еще фельдмаршал Шверин, а из генералов — принц Гольштинский, принц Ангальтский, Гольц, Гаутхармуа и другие; Фуке и Винтерфельд были опасно ранены. Австрийцы насчитывали 19 000 убитыми и ранеными, при этом они лишились 5000 пленных, которые с 60 орудиями, большим количеством знамен и штандартов, военной кассой и обозом [47] достались победителю{38}. Еще с поля битвы король писал своей матери: *«Я и братья мои живы и здоровы; австрийцы проиграли битву, а я свободно могу действовать, имея еще 150 000 человек. Мы овладели королевством, которое даст нам денег и войско. Я отправлю часть своих войск для приветствования французов, а с остальными хочу преследовать австрийцев»*.

Как ни кровопролитна была битва эта и как ни велики были ожидания всей Европы, последствия ее были совершенно непредвиденны: ужасное поражение это тем замечательно, что не имело никаких последствий. Все полагали, что австрийская армия будет преследована и взята и что запертые в Праге войска оружием и голодом будут принуждены сдаться. Но военное счастье скоро изменило пруссакам и вновь улыбнулось их врагам. В пражском сражении все войска потеряли своих прекрасных вождей, так как и фельдмаршал Броун умер от ран, полученных в битве. Фридрих оплакивал смерть Шверина, который был его наставником в военном искусстве и о котором он говорил: *«Если б он только мог терпеть кого-нибудь рядом с собой, то был бы совершеннейшим полководцем»*. По окончании войны Фридрих воздвиг ему в Берлине на площади Вильгельма мраморную статую.

Смерть этого полководца сравнивали с жертвою, которую Деций принес отчизне, умирая {39}. Не отнимая у прусского полководца славы его геройского подвига, нужно все же заметить, что сравнение неуместно. Несмотря на всю опасность, которой он подвергнулся, Шверин мог надеяться пережить ее; сопровождавшие его солдаты могли тоже рассчитывать на это. Римский же предводитель, бросаясь на врага, безнадежно обрекал себя на смерть, которой ему нельзя было избежать.

Последние минуты жизни Бруна были сильно омрачены пребыванием армии в Праге. Испытывая сильнейшие страдания, он не переставал советовать, чтобы войска [48] выступили и чтобы кавалерия пыталась пробиться ночью. Совет этот, исполненный немедленно всей армией, быть может, сопровождался бы успехом. Пруссак дорого заплатили за победу, они изнемогали от больших трудов, понесенных ими в этот день, и боевой порядок их был довольно плох, благодаря неровной местности. Но австрийцы не последовали мудрому совету фельдмаршала, и его самого ждала грустная участь, так как

он еще перед смертью был свидетелем ужасных сцен, происшедших в Праге.

Обширный город этот заключал в себе целый военный лагерь. Кроме пражского гарнизона, здесь собралось более 50 000 человек{*1}, между которыми находились все знатнейшие вожди, саксонские принцы, принц Фридрих Цвей бруккенский, наследный принц Меденский, даже принц Карл Лотарингский. Со времени осады Цезарем Алезии {40} ни один город на нашем материке не заключал в себе столь многочисленной армии. Все европейские народы, союзные и нейтральные, ждали теперь самых необыкновенных событий. Фридрих велел тотчас же обложить город, имеющий в окружности почти две германские мили, и отправил к неприятельским вождям полковника Крокова с требованием о сдаче. Те ответили, что будут защищаться до последней крайности. В Вене сначала думали, что могучая императорская армия без труда освободится из заключения; однако самые энергичные и многократные отчаянные попытки были безуспешны, многочисленные батареи отбивали австрийцев, и они снова возвращались к своим постным обедам из конского мяса. Еще в начале осады им питалась вся заключенная армия; лошади кавалерии и артиллерии были убиваемы, и мясо их продавалось сначала по 2, а потом по 4 крейцера за фунт. Так как никто не ожидал такого не обыкновенного случая, то не сделали никаких приготовлений; городские склады [49] были плохо снабжены, войска нуждались во всем, а 80 000 человек городских жителей подвержены были опасности умереть от голода.

Поэтому в армии царил ужаснейший беспорядок. Чтобы прогнать пруссаков из сада Мансфельда, произведена была 23 мая ночью большая вылазка под начальством генерала Бутлера. Отряд его состоял из добровольцев, гренадеров и 1000 кроатов, которые открывали шествие. Этим войскам надо было взобраться на стену, вышиною в семь футов, а их не снабдили лестницами; им предстояло взламывать крепкие ворота, а с ними не было ни плотников, ни топоров. Кроаты, упражняющиеся с детства в лазании, прыгании, плавании и других телесных упражнениях, отличались большою ловкостью и стали тут ею пользоваться, употребляя все усилия; через стену они скоро перебрались и бросились на неприятеля. Однако, благодаря сопротивлению пруссаков и отсутствию топоров, храбрость их была напрасна: ворота, ведущие в сад, были заперты и остальные войска должны были остаться по ту сторону стены; ими предводил генерал Матерни. Не желая оставаться здесь праздными и не подумав о своих храбрых товарищах, они бросили по приказанию Матерни множество гранат через стену, вследствие чего несколько сот кроатов были частью убиты, частью ранены и пруссакам стало легче выгнать оставшихся в живых из сада. Последние отброшены были назад на своих гренадеров, которые не узнали голубой одежды при слабом свете зари и совершили вторую ошибку, приветствуя своих дельных товарищей огненным дождем. Все кроаты погибли бы, если бы пруссаки продолжали их преследовать. Таковы были беспорядок и расстройство в заключенной армии, и потому плохие бессмысленные распоряжения окончились неудачей в эту ночь. Чтобы оправдать их и избавить генералов от ответственности, всю вину неудач свалили поэтому на так называемых расположенных к прусскому королю людей, которых не было, однако, ни в городе между гражданами, ни в армии. [50]

Все бывшие в Праге принцы квартировали в Клементинуме, здании обширной иезуитской коллегии. Оно по своему положению достаточно было прикрыто от неприятельских ядер; но предосторожности были настолько велики, что окна закупорили навозом и забили досками. Благодаря такому предупреждению всякой возможной опасности и роскошному столу, которым пользовались молодые принцы, несмотря на всеобщую

нужду, они от безделья стали скучать. Чтобы сократить время, они бегали вперегонки по длинным коридорам коллегии, причем побежденный должен был целовать руку победителя; или же вступали в борьбу, обливая друг друга водой из ручных насосов; часто даже исполняли обязанности министрантов, т. е. церковных служителей во время богослужений. Но меденский наследный принц не принимал участия в подобных развлечениях. Хотя сам он был болен, но постоянно заботился о том, чтобы облегчить страдания ближних своих. Вино свое он роздал раненым солдатам, но примеру его не последовал никто. Между тем все усердно подражали примеру принца Карла Лотарингского, который ежедневно ходил к обедне.

Эти набожные занятия и иные развлечения нанесли ущерб заботам об армии, которая боролась со всевозможными бедствиями, и о теснимом врагами городе; дошло до того, что пренебрегали самыми элементарными мерами предосторожности. Ничтожный случай, а именно — прогулка одного умного монаха в первые же дни осады, спас город и всю монархию. Человек этот, по имени Зецлинг, заметил столб пыли, приближавшийся с севера к городу. Он тотчас же подумал, что это отряд пруссаков, намеревающихся занять Бельведер — так называется одна из высот при Молдаве. Этот важный пункт, равно как и прилегавшее к нему село Бубен, совсем не имели войск. Предположение Зецлинга подтвердилось, когда он взобрался на обсерваторию с подзорной трубой. Он тотчас же поспешил сообщить об этом, и теперь только посланы были несколько [51] сот кроатов, чтобы занять высоту и деревню; таким образом, намерение пруссаков кончилось неудачей, иначе они давно бы проникли по течению Молдавы в часть города, называемую Малой Стороной Праги. Взятие врасплох днем города, занятого пятидесятитысячным опытным войском, не встречаемое нигде в военных летописях и невозможное в глазах солдат, встретило бы недоверие в современном поколении, а потомство сочло бы это за вымысел.

С этого дня на обсерватории постоянно стали дежурить не офицеры и не сведущие в этом деле люди, а четыре гусара, которые снабжены были подзорными трубами и каждые четверть часа представляли отчет о том, что видели.

Как крепость, Прага не имела значения, но, обладая гарнизоном в 50 000 человек, она стала грозным пунктом. По прибытии артиллерии из Дрездена, пруссаки приступили к настоящей осаде ее, стесняя ее все более и более. Намереваясь сжечь продовольственные склады столицы и увеличить смятение, они бросали бомбы и брандкугели, подожгли много домов и постоянно поддерживали этот пожар. По ночам стоны и вопли жителей долетали до их лагеря. Двенадцать тысяч человек были выгнаны из города, чтобы уменьшить в нем голод; но пушечные ядра осаждающих погнало их обратно на место бедствия. После трехнедельной осады весь Новый Город и Еврейский квартал были превращены в пепел; при этом сгорело также несколько продовольственных складов. Много невинных и беззащитных людей, стариков, женщин и детей были убиты ядрами или погибли в горящих домах. Переполох был ужасный в злополучном городе; все улицы были загромождены лошадьми и повозками, церкви переполнены ранеными и больными, и смерть похищала людей и животных, как во время моровой язвы. Духовенство, градоначальники, граждане умоляли принца Карла о сострадании; он сочувствовал им, но не мог удовлетворить просьб. Он предложил катипуляцию, требуя свободного выхода своим войскам. [52] Фридрих не хотел и слышать об этом и со своей стороны предложил условия, которые сочли неудобными.

Кроме врагов, пруссакам приходилось также бороться со стихиями. Страшная буря,

сопровождаемая сильным ливнем, разорвала в клочья их палатки и наводнила лагерь. Молдава от ливней на сто шагов выступила из берегов, так что мост, возведенный пруссаками у Браника, был разрушен и понтоны увлечены течением к Праге, где австрийцы поймали 24 штуки; но 20 из них были снова выловлены пруссаками. Эта добыча нисколько не улучшила положение осажденных; напротив того, оно ежедневно, ежечасно становилось хуже, и вожди, беспрестанно собиравшие военный совет, не знали уже, на что решиться. Они не надеялись больше силою пробиться из города, но все же опять попробовали сделать яростную вылазку в ночь на 1 июня под начальством лучших своих генералов с половиной гарнизона, то есть с такой армией, которая могла бы завоевать оба индийских полуострова; но и эта попытка была по-прежнему неудачна. Австрийцы отчаянно дрались в течение пяти часов, но принуждены были отступить. Впрочем, если б даже им удалось счастливо пробиться сквозь неприятельскую армию, они бы все равно не получили никаких выгод, так как не имели ни кавалерии, ни артиллерии и, что было хуже всего, не имели провианта и были страшно истощены.

Таково было критическое положение Марии-Терезии. Все проходы из ее королевства Богемии в Лузатию, Фойхтланд, Саксонию и Силезию находились во власти пруссаков; лучшие силы ее армии и важнейшие вожди ее были заперты в Праге; прочие войска были разбиты и в унынии разорялись небольшими отрядами, претерпевая сильную нужду в родной земле; столица Богемии была доведена до крайности голодом и неприятельским оружием, войско, заключенное в ней, со дня на день должно было сдаться в плен врагу, и все королевство с примыкавшими к нему австрийскими областями [53] ожидало, что победитель безусловно овладеет им. Всякая помощь из Саксонии была отрезана, все императорские наследственные земли открыты для врага; сама Вена не была обеспечена от осады. Пруссиков считали теперь непобедимыми, так как с 1741 года они одержали восемь побед и не проиграли ни одной битвы, и полагали, что для короля их нет ничего невозможного. Поэтому неописуемый ужас овладел императорской столицей, все уже думали, что победитель находится под стенами ее, и готовы были ценою больших жертв предложить ему мир.

Сам Фридрих нанес себе вред, не воспользовавшись столь счастливым стечением обстоятельств; оправданием может служить разве только грозившая ему опасность. Осада Праги продолжалась долее, чем он предполагал; он знал, что русские, шведы, французы и имперские войска подходили со всех сторон к его государству. Всякий день был ему дорог. Не проиграв до сих пор ни одного сражения, он и не опасался его и потому, оставив большую часть своего войска для продолжения осады Праги, выступил с 12 000 человек, чтобы соединиться с герцогом Бевернским, атаковать вместе с ним фельдмаршала Дауна и тем лишить осажденных последней надежды.

Даун шел с 14-тысячным войском из Моравии, намереваясь присоединиться к большой императорской армии. В день Пражского сражения он находился на расстоянии лишь четырех миль от города. Этому обстоятельству обязаны своим спасением австрийцы, бежавшие с поля битвы: их было 16 000 человек [41]. Даун присоединил их к своему войску, равно как и несколько небольших отрядов из императорских наследственных земель. Даже гарнизон Вены, состоявший из трех батальонов, должен был тоже отправиться в Богемию; императорская столица, доселе ревниво охраняемая, оставлена была на попечении нескольких инвалидов. Усилившись таким образом, Даун расположился с 60-тысячным войском на горах [54] при Коллине и тщательно там окопался. Осторожность, присущая этому полководцу, и отсутствие в нем способностей наступательных заставляли предполагать, что он наверно не станет предпринимать

ничего важного и энергичного для освобождения осажденных, несмотря на положительный приказ, полученный им от австрийского двора. К тому же солдаты его оробели, и одного имени пруссаков было довольно, чтобы привести их в ужас. Герцог Бевернский, посланный навстречу ему с 18 000 пруссаков, воспользовался этими выгодами и взял почти на глазах Дауна несколько значительных продовольственных складов. Но легкие австрийские отряды не оставались в бездействии. Между прочим 4000 кроатов овладели множеством прусских повозок с провиантом, который майор Биллербек вез в армию. Он имел при себе лишь 200 человек пехоты; с ними он в течение трех часов упорно сопротивлялся многочисленному врагу и прибыл в прусский лагерь, не потеряв ни одного солдата. Во главе своих войск король наконец присоединился к армии герцога Бевернского и 18 июня пошел на неприятеля.

Между тем Даун изменил свою позицию: одна из его линий стояла теперь по склонам гор, а другая — на вершинах. Фронт его был закрыт селами, рытвинами и крутыми обрывами, которые по большей части были недоступны; многочисленная артиллерия, производившая страшный огонь, казалось, должна была воспрепятствовать всякому нападению. Но король, осмотрев позицию, велел генералу Гюльзену атаковать правый фланг австрийцев; нападение это отличалось неустрашимостью, которую не превзошел еще ни один народ и которая удивила даже неприятеля. Великий день этот вполне заслуживает названия прусского. Быть может, со времени Арбельской битвы, где тактика греков решила на азиатских полях судьбу стольких древних царств, никогда героизм не был столь тесно связан с военным искусством^{42}. Пруссаки семь раз атаковали [55] необыкновенно выгодно стоявшего неприятеля, и когда страшный град картечи уничтожал целые батальоны, вынуждая их отступить, то пруссаки все же не удалялись, а производили лишь отступательные маневры для того, чтобы перестроиться и возобновить атаку. Движимые яростью, заглушавшею всякое человеческое чувство, они взбирались по гудам тел, точно по холмам. Но не храбрость, не тактика, а случай решил участь этого знаменитого дня. Пруссаки добились уже важных преимуществ, правое крыло неприятеля было разбито, а кавалерийский полк генерала Надасди отбит генералом Цитеном, гнавшимся за ним до самого Коллина, изолировав его таким образом от армии Дауна, который серьезно стал уже думать об отступлении; уже адъютанты его скакали от одного крыла к другому с соответствующими приказами. Уже стали вывозить орудия, и тайный приказ Дауна, собственноручно написанный им карандашом, гласил: «Отступить к Сухдолю», как вдруг чаша весов, решающая судьбу людей и государств, неожиданно склонилась в пользу врагов Фридриха.

Никогда еще мудрые распоряжения короля не были так плохо исполнены, как в этот день. Правый фланг должен был поддерживать левый, оставаясь позади и не вступая в бой. Это так называемое деятельное бездействие, остроумно изобретенное греками и принадлежащее к высоким тайнам тактики^{43}. Но эта мера не была соблюдена. Принц Мориц Дессауский, один из важнейших генералов короля, был увлечен безрассудством генерала Манштейна, который в самый драгоценный момент стал преследовать кроатов. Движимый воинским пылом, Мориц разорвал линию со своими нетерпеливыми полками и остановился для поддержки Манштейна как раз в то время, когда ему следовало спокойно продолжать движение, не отделяясь от прочих войск. Вследствие этого вся прусская армия получила фальшивое направление и пришла в расстройство, так как атака направлялась туда, куда не следовало. [56]

Австрийцы вели себя весьма храбро, венгерский пехотный полк Галлера перестрелял уже все за ряды, и не было сделано распоряжений для быстрой доставки амуниции. Тогда

храбрые венгерцы, не желая отступать, прибегли не к штыкам, а к саблям, к которым больше привыкли, причем они замахивались ими через плечо. Таким образом они бросились всей толпой на пруссаков и произвели сильное опустошение среди них, которое, впрочем, имело для них же зловещий исход, так как большая часть этого полка пала от мечей прусской кавалерии.

Прусские батальоны, сильно поредевшие от града сыпавшихся ядер, построились небольшими взводами с большими промежутками, которыми удачно воспользовались прусские кавалерийские полки, чтобы совершать нападение на врагов. Драгуны Нормана, прославившиеся во всех прусских походах самой необыкновенной храбростью, счастливо совершили такое нападение, рассеяли неприятельскую пехоту и конницу и овладели знаменами. Прусский полк кирасир последовал их примеру, но попал под батарею, которая так поражала покрытых латами всадников и даже коней, что все отступили. Это произвело непонятное смятение в стоящих позади пехотных полках Генриха и герцога Бевернского, которые были опрокинуты. План битвы, уже нарушенный многочисленными ошибками, теперь совершенно был запутан; особенное расстройство происходило в правом фланге пруссаков. Несколько саксонских кавалерийских полков, находившихся в армии Дауна, стгорая от желания сразиться с пруссаками, двинулись без приказа и напали на врага. Обер-лейтенант Бенкендорф, начальник драгунского полка Карла Саксонского, самовольно дал этот приказ, решивший судьбу всей войны.

Если коннице удастся врезаться в пехоту, то последней остается только обратиться в бегство, иначе ей не избежать смерти или плена. Это было аксиомой для всех народов, прославившихся войнами, вплоть до битвы при Коллине, [57] где превосходная дисциплина пруссаков равнялась их храбрости. Они пропустили целые эскадроны всадников в свои ряды, и среди этой подавляющей массы всадников, несущих смерть, полки герцога Бевернского, Генриха и Гюльзена составляли телохранителей короля и с редким присутствием духа смыкались в каре и плутонгами{44} стреляли в неприятеля, по правилам, словно на учении. Люди и лошади, заключенные между двумя живыми стенами, мечущими смерть, падали друг на друга в центре поля, обреченные на погибель. Неустрашимые всадники сами заключили себя в эту заколдованную черту и неминуемо должны были погибнуть. Но на помощь саксонцам примчалась другая кавалерия, которая атаковала пруссаков одновременно с фронта и с тыла; последние должны были уступить в неравном бою.

Саксонские драгуны дышали одним мщением. Поражение, испытанное ими двенадцать лет тому назад в Силезии совместно с австрийцами, еще свежо было в памяти этих воинов, и потому, нанося страшные удары своими саблями, они приговаривали: «*Это за Штригау!*»{45}. Все, что только эта конница могла настигнуть, было изрублено или взято в плен. В числе первых была лейб-гвардия Фридриха, состоявшая из тысячи самых видных людей, большей частью иностранцев, но получивших образование в Потсдамской военной школе и преисполненных воинского честолюбия, которое заменяло у них патриотизм. Когда все уже кругом отступили, они еще сражались до последнего вздоха, устлав поле битвы своими молодецкими телами в полном строевом порядке. Как некогда Пирр, в первый раз победив римские легионы, с удивлением смотрел на ряды павших римлян{46}, так теперь полководцы Марии-Терезии глядели на тела убитых прусских телохранителей, обращенные лицом к неприятелю. Только 250 из них пережили этот день.

Пруссаки уступили австрийцам поле битвы. Было девять часов вечера, и ничего не

подозревавшее левое крыло прусской [58] армии, одержавшее победу под начальством генерала Гюльзена, готовилось стать лагерем и торжествовать победу; некоторые кавалерийские полки собирались уже расседлывать лошадей, как вдруг разнеслось страшное известие, что сражение проиграно и что следует отступить. Принц Мориц прискакал сам, чтобы сообщить этот столь неожиданный приказ. Победоносная часть армии построилась линией и остановила, можно сказать, неприятеля. Австрийские солдаты чувствовали, казалось, сами собой, что нельзя останавливаться на половине дороги, потому правое их крыло по собственному побуждению спустилось с высот, чтобы атаковать пруссаков, как вдруг их остановили отчаянные крики: «*Стой! Стой!*» Неприятельские вожди, для которых отступление пруссаков с поля битвы было совершенно невиданным зрелищем, спокойно любовались им, так что Фридрих беспрепятственно мог отступить с этой частью своего войска, которая до поздней ночи занимала свою позицию на поле битвы; отступление это совершено было так блестяще, что увенчало собой подвиги этого дня. Фридрих лишился 8000 человек лучшей своей пехоты и 16 орудий, которые потому только нельзя было увезти, что лошади были убиты. Австрийцы насчитывали у себя 9000 раненых и убитых. Саксонцы, которым приписывается преимущественно слава этого дня, понесли также большие потери; таким образом, они в течение года, при Пирне и при Коллине, два раза спасли австрийскую монархию{47}.

Необыкновенно тяжело было это никогда еще не испытанное пруссаками несчастье для армии, привыкшей к победам: казалось, оно предвещало им печальную будущность. Многие вожди, высшие и низшие, которые до сих пор мало обращали внимания на приближавшихся со всех сторон врагов, считая, что удачи следуют за победной колесницей Фридриха, были теперь весьма озадачены; они вспоминали Карла XII, которому постоянно сопутствовали счастье и победы, который, не считая своих врагов, девять [59] лет подряд побеждал их своим мужеством, пока в один прекрасный день слепая богиня удачи не отвернулась от него, покинув навеки. Тут они делали грозное сопоставление и говорили: «*Это наша Полтава*».

Король собрал в Нимбурге рассеянные войска. Подобно изгнанному из римского мира Марию, сидевшему на развалинах Карфагена и раздумывавшему о своей судьбе{48}, Фридрих сидел глубоко задумавшись на срубе колодца, пристально глядя на землю и рисуя тростью какие-то фигуры по песку. Будущность являлась ему в страшных образах. Наконец он вскочил и стал бодро отдавать приказы прибывшим солдатам и с большой скорбью в сердце произвел смотр остаткам своей лейб-гвардии. Всех солдат этого избранного отряда он знал лично, знал имена, возраст, родину, обстоятельства их жизни. Многим из них он оказывал свое расположение и решил устроить их жизнь. Все эти знакомые люди, которых он ежедневно видел и с которыми милостиво разговаривал, погибли; смерть похитила их за несколько часов; сражаясь, как герои, они пали за него. Никакое несчастье во всей жизни Фридриха не могло вызвать его слез; но тут он заплакал.

В Вене ликование было чрезмерно. Устроены были блестящие празднества, розданы большие награды и отчеканены медали; все офицеры, присутствовавшие в битве, получили месячное жалованье, унтеры и рядовые — по 15 крейцеров, раненые же — двухмесячное жалованье. Кроме того, для увековечения в памяти австрийских воинов этого дня избавления, учрежден был орден Марии-Терезии, в уставах которого значилось, что он должен передавать потомству воспоминание о дне 18 июня и что этот-

то день и должен, собственно говоря, считаться днем основания ордена.

Вскоре после этой битвы Фридрих писал своему другу, лорду маршалу Кейту, знаменитое письмо, выражавшее его настроение. Он говорил там: *«Фортуна, милый лорд, внушает нам часто пагубную доверчивость к себе. Двадцати [60] трех батальонов было мало для того, чтобы выбить из выгодной позиции 60 000 человек. В другой раз будем поступать лучше. Фортуна отвернулась от меня в этот день. Надо мне было предвидеть это; она — женщина, а я не умею быть галантным. Она стала благоприятствовать тем дамам, которые воюют со мной. Каково ваше мнение насчет союза против маркграфа бранденбургского? Как удивился бы великий Фридрих Вильгельм, если б увидел своего правнука, воюющего с русскими, австрийцами, почти со всей Германией и со 100 000 французов! Не знаю, стыдно ли будет мне, если я проиграю; но знаю то, что не велика будет заслуга победителям моим»*.

Столь философский образ мыслей после неудачи обезоружил критику, уменьшил число его пассивных врагов и увеличил круг его почитателей. Положение Фридриха после одного этого дня стало ужасно; все его светлые надежды на будущее рухнули и гибель его казалась неизбежной. Мало того, несчастье всячески старалось преследовать его, потому что через несколько дней после битвы он получил печальное известие о смерти своей нежно любимой матери, которая томилась от печали уже с самого начала войны, опасаясь ее последствий, — поражение пруссаков нанесло ей смертельный удар.

Коллинская битва решила судьбу Праги и заключенной в ней армии, которой победа эта точно отвалила камень от гроба, так что она могла вновь воскреснуть. Осада была тотчас же снята уже рано утром, 20 июня, на второй день после битвы; длилась она 44 дня. За это время было выпущено на город 8535 бомб, 75 039 гаубичных снарядов и 93 025 ядер, которыми, не считая заключенной армии, было убито или погребено под развалинами домов 8000 жителей и ранено 9000. Но отступление пруссаков из-под Праги совершено было в большом порядке и не тайно. Они оставили траншеи и укрепленные посты с барабанным боем, хотя не без урона. Часть раненых и несколько орудий пришлось [61] оставить неприятелям, которые поспешили выйти из своего заточения и напали на отступавших пруссаков. Но благоразумные распоряжения Фридриха сильно облегчили их критическое положение. Король очень мудро разделил армию на несколько отдельных корпусов и тем ввел в обман врагов. Пруссакам удалось таким образом выйти из гористой Богемии. К тому же, благодаря обычному нерадению австрийских вождей, деятельные и бдительные пруссаки могли воспользоваться многими случайностями и ошибками своих противников, так что приобрели вновь совершенно неожиданно большую часть своих покинутых орудий, которые находились в лежащей близ Праги деревне Тухомьериц. Волостной судья заявил об этом тотчас же после снятия осады, но только через три дня австрийцы собрались овладеть этой добычей и — уже было поздно. Крестьяне встретили высланный с этой целью отряд горькими жалобами, так как аррьерард пруссаков не только успел захватить все орудия обратно, но угнал еще весь скот из деревни и окрестностей ее.

Внимание Фридриха обращено было теперь на его собственные области, о безопасности которых следовало подумать. Коллинская битва послужила как бы сигналом для французов, русских, шведов и имперских войск к яростному нападению на Пруссию; имперский государственный совет объявил теперь формально короля врагом Империи. Русские проникли в числе 100 000 человек в королевство Пруссию^{49}, которую

старался защищать фельдмаршал Левальд с 30-тысячным войском. Главная армия французов овладела почти всей Вестфалией. Другая французская армия соединилась с имперскими войсками, чтобы проникнуть в Саксонию, а шведы переплыли через Балтийское море, чтобы напасть на Померанию.

Прусские подданные при всем ужасе своего положения не сомневались в удаче своего короля, принимали участие в славе его великих подвигов и в грозящей ему гибели; [62] потому они решили энергично его поддерживать. До сих пор Фридрих правил ими кротко, установил для них много мудрых законов и оказал им много необыкновенных царских благодеяний; в Пруссии тогда еще не думали о французской финансовой системе. Они хотели показать перед миром любовь к своему королю и свой патриотизм. Земские чины в Померании собрались по собственной инициативе и решили выставить и содержать на свой счет 5000 человек сельской милиции. Примеру этому последовали чины маркграфства Бранденбургского, которые дали также 5000 человек, а Магдебург и Гальберштадт — 2000; все это были солдаты, не принадлежавшие к военным участкам. Указанные области на вербовали также известное число гусар, именовавшихся провинциальными гусарами, которые прослужили во время всей войны и весьма отличались под начальством генералов Вернера и Беллинга. Но перед этими различно сформированными войсками выросло большое препятствие: им всем недоставало офицеров, которые, впрочем, скоро нашлись. Сюда поспешили дворяне, посевшие в битвах и жившие теперь на покое в своих владениях; они заняли в этих войсках низшие и высшие должности. В Штеттине организован был маленький флот, состоявший из двух фрегатов, имевших на вооружении по 20 орудий, трех галер, вооруженных 10 пушками каждая, и еще девяти шестиорудийных судов.

Патриотизм проявился во всей монархии. Чтобы спасти королевские конные заводы в Пруссии, их лошади были розданы крестьянам. Вестфальские области, Минден и Равенсберг, находившиеся во власти неприятеля {50}, не могли деятельно помочь королю, но они в достаточной мере обнаружили свой образ мыслей, скрывая от врагов королевские доходы и отсылая их монарху. Так же поступали и в остальных провинциях, занятых врагами, далее жители прусской Вестфалии не захотели терпеть в своей среде ни одного соотечественника, дезертировавшего из армии короля; [63] позорно и с насмешками выгнали их из страны, так что они вынуждены были вступить вновь в свои полки. После Коллинской битвы прусская кавалерия нуждалась в лошадях. Тогда президент Блюменталь, впоследствии государственный министр, уговорил жителей Магдебурга и Гальберштадта отдать королю своих лошадей. Дворянство, каноники, горожане, крестьяне — все наперебой старались принести эту жертву монарху; отказавшись на время от удобств езды в экипажах и каретах, они собрали 4000 лошадей и отослали их для нужд кавалерии.

Так как фельдмаршал Броун умер, то австрийские войска состояли теперь под начальством принца Карла и Дауна. После выступления Фридриха из Богемии полководцы эти собрали новые силы и, желая воспользоваться отсутствием короля, проникли в Лузатию, которую защищал с сильным корпусом старший брат его, принц Прусский {51}. Но во время походов и при занятии позиций пруссаки совершили несколько больших ошибок, вследствие чего лишились прохода при Габеле. Генерал Путткаммер защищался четырьмя батальонами против 20 000 австрийцев упорнейшим образом целых три дня, но должен был уступить превосходству сил, так как не получал подкрепления. После этой неудачи пруссаки ушли из Богемии и направились в Лузатию, лишившись обоза и понтонов, которые разбились в ущельях и между крутыми

скалистыми утесами. При Баутцене соединился наконец с этим отрядом сам король, весьма недовольный случившимся. Он очень плохо принял генералов, командовавших под начальством его брата, и сказал даже, что они по справедливости заслуживали бы быть обезглавленными, кроме одного Винтерфельда; к принцу же, который погрешил главным образом нерешительностью, он обратился так сурово, что тот сейчас же удалился из армии и отправился в Берлин, где и умер через год^{52}.

Между тем [австрийская] армия осадила Цвиттау, один из самых цветущих мануфактурных городов Германии, где [64] находился прусский продовольственный склад. Ярость врагов дошла до крайности, они бросали бомбы и брандкугели [пустотелые ядра с зажигательной смесью] во множестве, чтобы овладеть этим пунктом, открытым со всех сторон, защищаемым лишь несколькими батальонами и к тому же принадлежащим союзнику; в несколько часов этот изящный, богатый город, густо населенный трудолюбивыми жителями, был превращен в груды пепла. К этому варварству они были побуждаемы находящимся при армии принцем Ксаверием Саксонским, который полагал, что жители не благоволят австрийской партии. Свыше 300 граждан были погребены под развалинами домов, из которых уцелело только 60. Потеря от столь произвольно разоренного имущества была громадна; она составляла почти десять миллионов рейхсталеров. Прусский гарнизон пробился через окружавших его врагов, и лишь небольшая часть пруссаков была взята в плен потому только, что не могла присоединиться к товарищам из-за бушующего пламени. Все эти неудачи побудили короля к самой энергичной деятельности. Он непременно хотел атаковать гораздо более сильного и хорошо укрепленного на своей позиции врага и с этой целью подошел к его лагерю у Острица. Но некоторые генералы, с которыми он против обыкновения посоветовался, убедили его в том, что опасность слишком велика и что такое поистине дерзкое предприятие ни к чему не поведет; тогда он отказался от своего намерения.

Столь знаменитый впоследствии Лаудон выступил теперь первым во главе 2000 кроатов, занял позицию у подножия Богемских гор; тогда дорога, ведущая в Саксонию, стала опасна. Эти кроаты наткнулись на покрытого ранами генерала Манштейна, который был причиной Коллинского поражения; он как раз попал в Саксонию в сопровождении 200 рекрутов. Лаудон атаковал его и рассеял отряд. Манштейн, весь в перевязках, выскочил из экипажа и стал отчаянно сопротивляться; его жизнь хотели пощадить, [65] но он не слушал никакие предложения и был убит. После этого удачного дела Лаудон был произведен в генералы. Посланное ему из Вены производство попало в руки прусских гусар. Но король отослал его через трубача Лаудону и велел его поздравить по случаю повышения.

После этого Фридрих пошел на Дауна, который занял сильно укрепленный лагерь при Нейсе. Здесь его сильно тревожили легкие прусские отряды. Прусский генерал Вернер, урожденный венгр и протестант, столь отличившийся в этой войне, был особенно ревностным организатором легкой войны. Он покинул императорскую службу, где больше принимали во внимание его веру, нежели заслуги, и потому не давали повышения. Тогда Вернер поступил на прусскую службу, куда король принял его с удовольствием. Честолюбие, ненависть и жажда мщения соединились теперь в сердце этого генерала, который хотел показать врагам Пруссии, ставшим теперь его собственными, какого даровитого человека они в нем лишились. Он метил преимущественно в Надасди, своего бывшего начальника и ненавистника, и величайшим его желанием было взять этого генерала в плен. Неумолимо преследуя его во время походов и на постоях, он часто являлся перед ним ночью на непроходимых дорогах или же заходил ему в тыл и

тревожил его таким образом беспрестанно, причем несколько раз ему чуть было не удалось исполнить свое заветное желание. Так случилось и теперь: Надасди с трудом удалось спастись; весь обоз и эскорт его достались Вернеру. Между прочим найдены были письма к генералу от польской королевы; она сообщала тому всевозможные известия и строила планы атак на пруссаков. Такие письма от нее были уже неоднократно перехвачены; посылая к королю всякое утро своего обер-гофмейстера с приветствием, она в то же время писала письма к саксонским войскам, состоявшим на прусской службе, побуждая их к бунту, а остальных солдат к побегам. Прусский комендант [66] в Дрездене, Финк, должен был показать королеве эти перехваченные оригиналы писем, и для прекращения этой корреспонденции, столь вредящей королю, были приняты серьезные меры, весьма похожие на арест. Камер-юнкер Шенберг, писавший эти письма и исполнивший в данном случае лишь королевский приказ, был арестован и привезен в Шпандау, где должен был просидеть до окончания войны; согласно особому параграфу мира он был освобожден и получил от своего двора великодушное вознаграждение за перенесенные страдания.

Даун неподвижно сидел в своем укрепленном лагере. Насколько Фридрих желал сражения, настолько же тщательно избегал его императорский полководец, который всегда боялся встретиться с пруссаками в открытом поле, а тем менее теперь, когда уже двинулись в поход союзные армии со всех стран света. Французский корпус подошел уже к Эрфурту, а другие следовали с запада; имперские войска шли с юга, русские — с востока, а шведы, прибывшие в Померанию, — с севера. [67]

Книга третья

Между тем во Франции всерьез решились энергично начать войну. Здесь, как и в Австрии, частные интриги все еще оттесняли политику на второй план. Помпадур, польщенная вниманием Марии-Терезии, военный министр Аргенсон, стремившийся к увеличению своего авторитета, слезы неутешной и вызывающей о помощи супруги дофина и, наконец, сам король Людовик, завидующий значению Фридриха, — все соединилось для того, чтобы погубить прусского монарха мощью всех сил Франции. Зависть Людовика соединялась, кроме того, с ненавистью против Фридриха, который несколько раз выразился о нем насмешливо. Жизнь версальского Сарданапала представляла необыкновенный контраст с жизнью философа из Сан-Суси{53}; отвергнуты были все политические соображения, которые так умно и красноречиво доказывал противник войны, кардинал Берни{54}, бывший любимцем короля и его любовницы. Напрасно ссылался он на самые неопровержимые доводы: на доказанные долгим опытом мудрые принципы двора относительно иностранных дел, на политические дела Германии, на плохое состояние французских финансов и отсутствие полководцев. Этим доводам противопоставили могущественных союзников, с помощью которых можно будет побеждать легко и скоро; при этом ссылались на вероятную надежду отнять в несколько месяцев у английского короля столь дорогое ему [68] курфюршество ганноверское; возвращая же его обратно, можно было вынудить у британцев веские обязательства при заключении мира и таким образом обречь на погибель Великобританию и Пруссию.

Большое французское войско выступило в поход. Предводителем его был маршал д'Этре, внук знаменитого при Людовике XIV министра Лувуа. Он отличился своими военными дарованиями в Нидерландах, и великий маршал Саксонии считал его тогда лучшим французским генералом{55}. Он вполне оправдал эту славу. Переправившись

через Рейн и Везер, он взял покинутую пруссаками крепость Везель, герцогства Клеве и восточную Фрисландию, прошел через всю Вестфалию, завоевал лишенные защиты кассельские области и обложил контрибуциями Ганновер.

Здесь плохо были приготовлены к сопротивлению. Хотя весной еще была организована обсервационная армия, состоявшая из жителей Ганновера, гессенцев, брауншвейгцев и ряда батальонов готских и бюкебургских войск, к которым примкнуло несколько сот пруссаков, она составляла в общем 40 000 человек и, конечно, не могла противиться 100-тысячному французскому воинству. Невыгодное положение этой немецкой армии увеличивал еще плохой ее предводитель, герцог Кумберлендский; принц этот не отличался военными дарованиями; его считали опытным полководцем вследствие победы, одержанной им над шотландскими мятежниками при Куллодене^{56}; величайшая его заслуга состояла, собственно говоря, в том, что он был сыном Георга II. Ганноверское министерство, не имея никаких военных познаний, составило операционный план, совершенно не соответствующий цели; он был одобрен герцогом Кумберлендским, но весьма не понравился прусскому королю. Тщетно посылал Фридрих британскому монарху свой глубоко обдуманый и необыкновенно выгодный для общего дела план. Хотя Георг и присутствовал при Деттингенской битве^{57}, но он ничего не смыслил в деле войны, а [69] так как ему пришлось сделать выбор между проектом великого полководца и проектом, составленным несколькими юристами, которые, быть может, никогда в жизни не видели лагеря, то он отдал предпочтение последнему, ограничивающемуся лишь охраной Везера. При этом, правда, он вернул в Германию ганноверские и гессенские войска, которые плохо организованное английское министерство сейчас же в начале войны потребовало в Англию, мотивируя это смешными опасениями за безопасность английских берегов. Фридрих сделал последнюю попытку и откомандировал в Ганновер генерала Шметтау, который, наряду с военной опытностью, в высшей степени обладал даром красноречия; но и это не подействовало на ганноверских министров; обманутые обещаниями французов, обязавшихся вознаградить их бездеятельность своим нейтралитетом, они остались верны своему плану^{58}.

Теснимый французами, герцог Кумберлендский все отступал со своей армией. Наконец, 26 июня при деревне Гастенберг недалеко от Гамельна произошло сражение. Соединенная армия стояла на высотах между Везером и лесом, здесь французы атаковали ее, завладев после жаркой битвы батареями и одной из высот. Герцог Кумберлендский потерял мужество и растерялся до того, что отступил к Гамельну, поспешно оставив поле битвы; в это время победа начала склоняться на его сторону: наследный принц Брауншвейгский^{59} отбил взятую неприятелем главную батарею, а полковник, командовавший ганноверской пехотой, приобрел величайшие выгоды, до ночи отстаивая поле битвы, после чего присоединился к бежавшему герцогу, увозя добытые орудия и знамена. Теперь Кумберленд плакал в отчаянии из-за своих ошибок, число которых скоро возросло еще больше. Он потерял 327 человек убитыми, 907 ранеными и 220 пленными^{60}.

Большей частью приобретенных преимуществ французы обязаны были генералу Шеверу, который перед атакой [70] схватил за руку командовавшего под его начальством маркиза Брео и, воспламененный героическим энтузиазмом, сказал ему: *«Поклянитесь мне честью честного человека, что вы со своим полком предпочтете смерть отступлению»*. Брео поклялся и сдержал слово; офицер этот был полковником пикардийского полка. Для вознаграждения за отличное поведение Людовик XV велел ему назначить содержание в 2000 фунтов. Брео отвечал, что он не желает денежных

вознаграждений, и просил распределить эту пенсию между наиболее нуждающимися офицерами своего полка. Тогда его просили назвать тех из них, кто особенно отличился в битве. Он ответил: *«Никто из нас не отличался. Все сражались храбро — и все готовы вновь начать. Потому мне придется выписывать имена всех по полковому списку»*.

Впрочем, эта победа, сама по себе незначительная, не сопровождалась бы никакими последствиями, если бы опасение утратить ганноверский архив и другие ценные вещи, помещенные для безопасности в Штаде, не побудили герцога к энергичному шагу; несмотря на все представления своих генералов, он двинулся на север для защиты этого города. Последствия этого действия вскоре обнаружились: Гамельн, снабженный в избытке продовольствием и снарядами, сдался при первом же требовании, крепость Миндена потребовала сдачи на капитуляцию, а город Ганновер выслал депутатов для урегулирования контрибуции; Фридрих также отозвал свои войска отсюда. Пораженный всем этим герцог был между тем заперт французами, отрезан от Эльбы и стеснен до того, что ему оставалось лишь капитулировать. Капитуляция эта была заключена 8 сентября у Севенского монастыря при гарантиях датского короля. Главным условием ее был роспуск войск, принадлежавших Гессену, Брауншвейгу, Готе и Бюкебургу, ганноверские полки же должны были сосредоточиться в окрестностях города Штаде. [71]

Датский посол, граф Линар, был посредником этой не обыкновенной конвенции, в которой не обнаружилось политическое искусство восемнадцатого столетия; да и сам Линар приписывал успех ее не своим политическим знаниям, а какому-то небесному внушению. В письме своем, сделавшемся знаменитым, он приписывал славу этого политического шедевра Святому Духу, который, по словам его, дал ему силу удержать французскую армию, как некогда Иисус Навин остановил солнце.

Однако маршал д'Этре не удостоился чести добиться этой капитуляции, так как незадолго до этого главное начальство было у него отнято, благодаря придворным интригам принца Субизского. Принц этот, бывший не только креатурой, но и любимцем маркизы Помпадур, получил от двора назначение командовать отдельным от главной армии корпусом, находящимся, однако, в зависимости от маршала. Вскоре начались разногласия между этими двумя полководцами, и д'Этре стал их жертвой. Один только страх восстановить против себя всех маршалов удержал королевскую любовницу от назначения главнокомандующим ее любимца Субиза. Ее уговорил министр дю Верней передать начальство герцогу Ришелье, которого она ненавидела, но который обещал делиться доходами от военных поставок, чтобы заручиться ее благосклонностью; предложение это произвело желаемое впечатление. Полководец этот нашел в армии готовые победы, и ничего не было легче, как пожинать посаженные на полях славы и уже поспевшие плоды [\[61\]](#).

В короткий одиннадцатимесячный срок уже вторая армия, хорошо дисциплинированная и состоящая из храбрых солдат, принуждена была сдаться на капитуляцию для спасения своей жизни. Но при Пирне и монастыре Севен поступили совершенно различно. Фридрих не разделял освобожденных саксонских воинов и определил их на свою службу. Ришелье, командовавший теперь вместо маршала [72] д'Этре, поступил так же с ганноверцами и брауншвейгцами, но не позаботился об их будущей участи. Они не считались военнопленными, не были уволены, не получили отпуска, но и не были разоружены; составили план походов этих войск, но не назначили им ни жалованья, ни

способа их распределения, ни даже места для постоев. Легкомыслие французского полководца было таково, что он надеялся одним своим авторитетом удержать в бездействии несколько тысяч вооруженных германских воинов, ненавидевших его народ. К этой ошибке присоединилось еще и то обстоятельство, что Ришелье, который вправду был считать конвенцию положительной военной капитуляцией, превратил ее в неопределенную политическую негоциацию, предоставленную на усмотрение дворов.

Из всех западных провинций и городов короля прусского только Гельдерн не был еще во власти его врагов. Французы, под предводительством графа Бозобра, блокировали эту крепость. Осада представляла большие затруднения из-за рек и глубокого рва, окружавших стены. Поэтому хотели попытаться напасть врасплох, для чего были сделаны необыкновенные приготовления. Известное число французских солдат должно было ежедневно упражняться в плавании и нырянии и уметь в порядке и быстро бросаться в воду и выходить из нее. План штурма состоял в том, чтобы эти водолазы перетаскивали на веревках вплавь и без шума суда, нагруженные войсками, под самые стены крепости. В этой последней находилось множество как французских, так и австрийских перебежчиков и других весьма недовольных солдат; роптали также очень многие граждане, которым наскучила долгая блокада. Чтобы побудить их к мятежу, Бозобр хотел объявить прощение первым и переманить обещаниями остальных; с этой целью он велел изготовить в Люттихе необыкновенной величины рупор, посредством которого должен был одновременно переговариваться с гарнизоном и отдавать приказания войскам. Однако прусский [73] комендант, генерал Сальмут, не стал дожидаться этой попытки. Он выдержал блокаду в течение 15 недель без надежды на освобождение, все время должен был следить извне за врагами, а внутри подавлять мятежи. Теперь положение его стало безвыходным и он сдался на капитуляцию. Гарнизон его, состоявший из 800 человек, получил право свободного выхода со всеми почестями, после чего крепость была занята французскими войсками.

Вследствие Севенского соглашения Фридрих вдруг лишился вспомогательной армии, которая до сих пор отвлекала французов в поле; теперь же они могли обратиться со всеми своими силами против него одного. Фридрих, еще тяжело испытывавший последствия Коллинской битвы, так был огорчен этими соображениями, что в письме своем к английскому королю горько упрекал этого последнего в намерении оставаться нейтральным. *«Никогда не отказался бы я от союза с Францией, — писал он, — если бы меня не побудили к этому заманчивые обещания вашего величества. Я не раскаиваюсь в заключении договора, но, сэр! не бросайте меня из малодушия на произвол моих врагов, после того как вы восстановили против меня всю Европу»*. На это письмо ответа не последовало. Георг предложил ему субсидии, но Фридрих отверг деньги и потребовал высылки английских солдат, но английское министерство тогда еще никак не могло на это решиться.

Ганновер был теперь оккупирован французами, равно как и очищенное пруссаками герцогство Клеве, гражданское управление которого было, однако, предоставлено австрийцам. Французы притворились, что это покинутая страна, не имеющая владельца. Согласно операционному плану, герцог Орлеанский должен был с 24-тысячной армией осадить Кассель и вообще завоевать гессенские области; но, узнав, что там хотят сдаваться без сопротивления, он счел, что с его славой не вяжется одно лишь вступление во владение, и потому передал начальство маркизу Контаду. [74] Этот генерал завладел страной и велел известить гессенских министров, предлагавших капитуляцию, что единственным средством заслужить расположение и милость его монарха является

безусловное повиновение его приказанием. 15 июля столица Кассель{62} была формально сдана французам, которые основали здесь продовольственный склад и полевой госпиталь. Но своей добровольной сдачей гессенцы не добились ничего; с ними поступили как с врагами. Тотчас же потребованы были доставки всякого рода, которые вскоре истощили силы этой и без того не богатой страны. Между прочим в течение двух недель потребовано было 24 000 мешков пшеницы, 24 000 мешков ржи, 1 200 000 порций сена и овса и столько же вязанок соломы. Полномочия для совершения этих вымогательств получил старший военный комиссар Фулон. Алчный человек этот правил в Касселе подобно великому визирю. Чтобы не быть свидетелем этой тирании в своей собственной столице, ландграф уехал в Гамбург, где и оставался почти во все время войны.

Правительственные меры французов были, однако, благоразумны, пока маршал д'Этре был главнокомандующим. Во всех случаях он ознаменовал себя благородством и военными доблестями; своим письмом он оказал покровительство геттингенскому университету; письмо это столь же много приносит чести этому полководцу, как и знаменитой академии. Но опала, которой он подвергся, все же возбудила некоторые опасения при дворе. Призывая его обратно среди одерживаемых побед, безо всякой видимой причины, боялись возбудить неудовольствие нации; потому необходимо было изобрести средство, которое побудило бы его добровольно покинуть армию. С этой целью д'Этре получил королевский приказ из Версаля, повелевавший ему передать начальство герцогу Ришелье; при этом сказано было, что король весьма будет доволен, если д'Этре и впредь будет оставаться при армии. Д'Этре исполнил лишь приказание [75] Людовика, но не удовлетворил его желания. Как только появился его заместитель, он выехал под предлогом лечения аахенскими водами. Никто не слыхал от него ни одной жалобы, и вообще все поведение его в этом случае было так благородно, что все были тронуты, даже сам Ришелье, который писал своему королю, что д'Этре сообщил ему свои военные планы и распоряжения, как другу и гражданину, а начальство передал ему как герой.

Таким образом, Ришелье пользовался мудрыми распоряжениями своего предшественника, когда принуждал стесненных союзников к заранее обдуманной капитуляции. Но никогда еще столь удачная мера не была настолько плохо использована. Пирна определила судьбу Саксонии на семь долгих кровавых лет, так же как битва при Саратоге положила основание североамериканской республики{63}. Но договор при Севенском монастыре, продиктованный сильнейшими слабейшим, поколебавший лондонский и берлинский кабинеты и погрузивший в отчаяние министров Ганновера, Касселя и Брауншвейга, не доставил никаких выгод, кроме ничтожных преимуществ в момент его заключения. Одной из первых операций Ришелье было овладение Брауншвейгом и Ганновером; эти области сдались так же, как и Гессен, а так как французы заняли города Брауншвейг и Вольфенбюттель, то местопребыванием герцога был назначен город Бланкенбург, объявленный нейтральным. Герцог тотчас же уехал туда со своей семьей и публичным манифестом советовал подданным дружелюбно относиться к французам. Ришелье устроил при въезде своем в Ганновер нечто вроде триумфального шествия. Отсюда он выслал большое количество своих лучших войск, в том числе и жандармов, в армию принца Субиза, который, соединившись тогда с императорской армией, пошел на Саксонию. Сейчас же в начале похода между этим полководцем и его швейцарскими полками{64} произошло неприятное столкновение. Они не хотели переправляться через [76] Рейн; особенное сопротивление оказывал при этом полк Лохмана, а когда разгневанный Субиз спросил генерала Лохмана, для чего они,

собственно, состоят на службе, швейцарец ответил: «Для прикрытия вашего отступления». Наконец швейцарские кантоны согласились на то, чтобы войска их выступили в поход против Германии; таким образом, большая часть их находилась при армии Субиза, который хотел освободить Саксонию. Сам Ришелье атаковал прусские провинции и угрожал Магдебургу осадой. Фридрих подкрепил гарнизон этой главной крепости теми шестью батальонами, которые находились в армии Кумберленда, но незадолго до знаменитой конвенции были отозваны королем, предвидевшим неудачу в Ганновере ввиду весьма неблагоприятных распоряжений этого полководца.

Война эта длилась год; несмотря на столь различные национальности, появившиеся на полях сражения, она еще не ознаменовалась жестокостями. Но Ришелье первый подал пример, чтобы вынуждать у незащищенных жителей непомерные контрибуции; он либо приказывал грабить и разорять города, либо грозил уничтожить их огнем и мечом. Беспочвенность французов, которых теперь ничто не сдерживало, стали походить на ужасные поступки казаков. Исполняя положительные приказания своих знатных офицеров, французские солдаты жестоко били богатых людей, заставляя их уплачивать контрибуции за своих сограждан, позорили женщин и девушек и точно играли с жизнью человеческой. Вешать невинных людей, как шпионов, из-за неосновательного подозрения и без тени доказательства было делом самым обыкновенным для этих войск. Многие немцы, невзирая на их звание, положение, лета и обстоятельства, подвергались в течение войны подобной участи.

Девизом нового французского полководца было вымогательство с помощью угроз, причем добычу он употреблял не для пользы своего короля, а для своих собственных нужд. Пользуясь покровительством королевской любовницы, он [77] совершал самые низкие дела и нередко распоряжался военными операциями так, как того требовала его личная польза. Из всех полководцев, командовавших в эту войну, никто не обогатился так, как Ришелье. Он настолько не скрывал этого, что даже до окончания войны велел себе построить в столице Франции великолепный дворец, названный парижанами Ганноверским.

Теперь выступил еще новый враг против короля, который не мог отнестись к нему равнодушно. Им был герцог Вюртембергский, владетель прекрасной страны, населенной воинственным народом. Не удовлетвовавшись высылкой контингента своих солдат в имперскую армию, он отдал все собственные войска во французскую службу, чтобы сражаться за Австрию. Но солдаты эти, привыкшие, в качестве протестантов, считать короля прусского защитником своей веры, с большим неудовольствием отнеслись к распоряжениям своего герцога. Наконец ропот их превратился в бунт, когда в июле 4000 солдат должны были явиться на смотр перед французским комиссаром в Штутгарте. Они громко восклицали, что их продали, выламывали ворота, стреляли в офицеров, старавшихся их удержать, и уходили целыми толпами среди бела дня. Осталось только 1000 человек. Герцог, находившийся при австрийской армии, поспешил в Штутгарт, приказал вербовать новые войска и вернул прежние, обещав, что будет сам командовать ими; в августе он привел в императорскую армию 6000 человек. Это увеличение вооруженных полчищ, тянувшихся со всех сторон, произошло именно тогда, когда прусские войска значительно уменьшились вследствие битв и многочисленных схваток.

Фридрих составил из своей армии несколько корпусов, чтобы удерживать наступление различных войск, направлявшихся к Саксонии и к центральным областям его королевства. Главную часть своей армии он поручил герцогу Бевернскому для

прикрытия Силезии, а себе оставил всего [78] 18 000 человек, причем и это небольшое войско было постоянно ослабляемо отделением от него отрядов, так что, очутившись под Эрфуртом поблизости от французской армии, король располагал всего 10 000 человек. Чтобы скрыть свою слабость перед врагом, король не позволял войскам разбивать лагерь, а приказал им стать по деревням и часто менять квартиры, причем полки каждый раз переименовывались, чтобы обмануть шпионов. Но он не ограничивался одной оборонительной деятельностью и при всяком удобном случае производил атаки. Тотчас же после Пражского сражения полковник Майер был отправлен с 2000 человек во Франконию, чтобы пригрозить тамошним имперским чинам, помешать соединению имперских войск, тянувшихся сюда со всех сторон южной Германии, и обнаружить настоящий дух австрийцев перед неистовствующими в Регенсбурге членами рейхстага. Он проник в Бамбергское епископство, собрал контрибуции, прошел весь франконский округ и явился в Верхнем Палатинате. Эти неожиданные и быстрые маневры до того подействовали на имперский совет, что многие депутаты, горячо восстававшие против Пруссии, должны были спасаться бегством.

Курфюрст Баварский и некоторые другие имперские князья убедились теперь, что Фридрих способен на все, и стали так же опасаться за себя; уверяя короля, что не желают воевать, они захотели вступить с ним в переговоры. Приближалось то время, когда серьезно намеревались уничтожить имперский союз, заключенный с Марией-Терезией; но Коллинское поражение изменило все. Между тем Майер стал грозить Нюрнбергу. Стесненные граждане обратились к членам округа, испрашивая их заступничества. В этом случае франконский ареопаг обнаружил всю свою мудрость и потребовал от военного полковника Майера оправдания в том, что он вторгся внезапно во Франконию, и вознаграждения всех причиненных убытков. Прусский предводитель не запасся бумагой для письменных ответов, [79] но зато имел при себе порох и ядра, а сопровождали его солдаты, жаждущие добычи. Он с улыбкой указал депутатам на своих вооруженных воинов и спросил: надо ли им еще лучшего оправдания? Он потребовал от города соблюдения нейтралитета, на что тот согласился; да и весь округ объявил бы себя нейтральным, будь прусский отряд лишь немногим сильнее. Но малочисленность его побудила жителей к сопротивлению, и они составили проект отрезать пруссакам обратный путь. Со всех сторон созывали войска, которых Майер не стал дожидаться; достигнув намеченной цели, он вернулся назад, велел сломать мосты за собой, пробился через отряд вюрцбургских и бамбергских войск, намеревавшихся остановить его, и пришел таким образом в Богемию. Уходя из Франконии, он взял с собой заложников, между которыми находились два нюрнбергских патриция. Венский двор очень ловко воспользовался этим, чтобы побудить имперские чины к ускорению военных приготовлений; они, конечно, повиновались его повелению и объявили Майера злодеем, а войска его — мародерами, которых следовало изловить и наказать, как поджигателей.

Императорские войска воспользовались между тем разрозненностью прусской армии, и генерал Гаддик дерзнул подойти к стенам самого Берлина с 4000 человек. Столица эта не была защищена валом, стены были не везде; ограждена она была лишь частоколом. Охранялась она тогда 2000 человек земской милиции, несколькими сотнями рекрутов и солдатами, отставшими от полевых войск. Получив известие о приближении врага, королевская семья тотчас же уехала в Шпандау. Таким образом, нечего было опасаться нападения летучего отряда, который не располагал средствами, могущими угрожать королевской столице, и постоянно опасался быть отрезанным. Гаддик предложил городу сдаться, а сам между тем овладел Силезскими и Котбусскими воротами; при первых частокол был разбит, и вся толпа австрийцев ворвалась в находившееся за ним [80]

предместье. Граждане оправдали свое бранденбургское происхождение: целые цеха соединялись между собой, предлагая выгнать врагов, но военная неопытность и малодушие коменданта, генерала Рокова, — которого между прочим осмеяли за это женщины и уличные мальчишки, — не позволило им сделать такую попытку. Дело ограничилось лишь незначительной схваткой в Копеникском предместье между взводом прусских солдат и австрийцами, которая не имела никаких последствий.

Но известие о приближении князя Морица Ангальт-Дессауского необыкновенно обеспокоило врагов. Гаддик, зная, какая ему грозит опасность, если он замешкается, предъявил весьма умеренные требования, на которые город наконец согласился, не столько из страха, сколько из желания поскорее избавиться от беспокойства. Потребованные вначале 600 000 рейхсталеров были заменены 200 000, причем Гаддик получил из них 12 000, а адъютант его, полковник Рид, 3000, кроме различных драгоценностей; взамен этого город получил от Гаддика и за его подписью удостоверение, что австрийские войска никогда более не будут посещать Берлин таким образом. Когда все счета были сведены, Гаддик просил магистрат дать ему две дюжины дамских перчаток со штемпелем городского герба; он хотел преподнести их своей императрице. Получив деньги и перчатки, он удалился с величайшей поспешностью {65}. И действительно, нельзя было терять времени, так как несколько часов спустя прибыл в Берлин с 3000 человек генерал Зейдлиц, за которым на другой же день последовал весь корпус принца Морица Ангальт-Дессауского. Король выступил также, чтобы отрезать отступление дерзкому Гаддику, но последнему удалось избежать встречи с врагом; избегая проезжих дорог, он благополучно ретировался окольными путями, благодаря форсированным маршам.

Между тем русскими войсками театр военных действий оказался перенесен самым ужасным образом в королевство [81] Пруссию. Хотя Петербургское министерство было предано английскому двору, в особенности же подкупленный великобританскими гинейями, всемогущий в политике великий канцлер Бестужев, но энергичная императрица Елизавета, оскорбленная, как женщина, и желавшая отомстить за Саксонию, как монархиня, разрушила все старания англичан и великого канцлера, стремившихся произвести разрыв между Россией и Австрией. Русская политика преследовала в то время главным образом две цели, а именно: унижение Фридриха и завоевание королевства Пруссии; решено было твердо придерживаться этой системы.

Русские прибыли в Пруссию в июне в числе более 100 000 человек под начальством фельдмаршала Апраксина. После пятидневной бомбардировки был взят Мемель {66}. Гарнизон его в 800 человек, согласно капитуляции, мог свободно выйти из города; но этот военный договор, основанный на честном слове, был нарушен, и обманутых прусских солдат принудили поступить на русскую службу или же переселиться в Россию. Последней участи подверглось также множество мирных обитателей Пруссии, особенно же работавших на фабриках и земледельцев. Русские увели их вместе с семьями, невзирая на мольбы несчастных, которым пришлось покинуть родину и поселиться в пустынных областях варварского народа. На посмеяние человека жестокости эти сопровождалась манифестами, проповедующими умеренность. Враждебные действия оправдывались в них дружбой, соединявшей обеих императриц. Один из этих манифестов был положительным воззванием ко всем жителям королевства, без различия положения и веры, приглашавшим их переселиться в Россию, где им обещали дать большие преимущества. Король встречным манифестом доказывал, насколько такой образ действий противоречит существующему в Европе военному и

национальному праву; он изобразил кроткое правление в Пруссии, а рядом с ним жестокости, употребляемые в России, [82] где кровавые пытки и ссылка в безлюдные степи были обычными наказаниями за ничтожные проступки; он предоставлял своим подданным выбирать — согласятся ли за такую цену изменнически поступить со своим государем?

Между тем легкие отряды русских, в числе 12 000 человек казаков, калмыков и [волжских] татар, производили в стране столь ужасные опустошения огнем и мечом, каких Европа не испытывала со времени нашествия гуннов. Эти изверги убивали и калечили безоружных людей с сатанинским наслаждением. Их вешали на деревьях, отрезывали им носы и уши, отрубали ноги, распарывали животы и вырывали сердце из груди. Они зажигали из дикого сума сбродства села и местечки и оцепляли обреченную на сожжение местность, чтобы люди сгорели живьем. Могилы были разрыты, и кости покойников разбросаны, дворян и священников разрывали на части крюками, клали нагишом на горячие уголья и всячески истязали. У родителей отнимали детей или же убивали их тут же, над женщинами и девушками ругались; многие из них лишали себя жизни, чтобы избежать грубости этих палачей. Множество людей бежало в Данциг, куда перевезен был также королевский архив из Кенигсберга{67}.

Фридрих получил эти безнадежные вести в то время, когда каждый день дарил его новым несчастьем. Работая против врагов своих мечом, он не меньше работал против них пером. Вообще, странное смешение манифестов и кровавых сцен составляло особенность этой необыкновенной войны. Были употреблены все средства, какие могут только дать физические и духовные силы. Ни одна война не отличалась столькими битвами, но и никогда не было издано столько манифестов, как в эти годы всеобщего бедствия. Великие монархи хотели этим путем оправдать свои поступки в глазах всех народов, чтобы не потерять уважения даже тех наций, одобрение которых было для них бесполезно. Наступало торжество просвещения, которое к этому [83] времени стало проливать благодетельный свет свой над Европой.

Командовавший в Пруссии фельдмаршал Левальд, которого Фридрих уполномочил поступать согласно обстоятельствам, мог противопоставить врагу лишь 24 000 человек. 30 августа он атаковал с ними неприятельские укрепления при Гросс-Егерсдорфе{68}. Счастье вначале было благоприятно для маленькой армии, которое сражалось теперь уже не для удовлетворения честолюбия монарха, а дрались с варварами из-за своих родных, за жизнь и благосостояние. Пруссаки были храбры, как львы; даже драгуны их и гусары атаковали неприятельские батареи и старались сравняться с пехотой, которая побеждала все, несмотря на неудобства местности. Храбрые войска эти завладели уже многими русскими орудиями, опрокинули неприятельскую кавалерию; разбили русский отряд гренадеров в лесу и один из флангов главной армии, когда вдруг победа была у них отнята {69}. Русские зажгли несколько деревень, расположенных на поле битвы; копоть и дым от пожара ввели в заблуждение пруссаков, которые сбились с пути; они пришли в замешательство, и второе сильнейший неприятель охватил их{70}. Однако пруссаки ретировались в полном порядке под прикрытием своих драгунов и гусар. Вторая линия пруссаков, обманутая дымом, открыла пальбу на первую, после чего произошло ужасное замешательство. Левальду удалось беспрепятственно отступить, как Фридриху при Коллине; потери его в этой битве, продолжавшейся 10 часов, состояли всего из 1400 человек убитыми, ранеными и пленными, кроме того, он лишился 13 орудий. Русские, напротив того, потеряли 7000 человек{71}, но победа эта не принесла им пользы, так как громадная их армия не могла существовать в опустошенной Пруссии. К тому же

Апраксин получил к этому времени приказ о возвращении{72}. [84]

Как ни предан был великий канцлер Бестужев англичанам, как ни старался затруднить сближение между Россией и Австрией, все же война против короля была для него весьма желанной, так как он ненавидел Фридриха за оскорбительные насмешки; монарх этот действительно отличался тем, что давал волю своим остротам и нередко выражался с большим пренебрежением о всемогущих министрах значительных дворов, будь это Флери или Шуазель, Бестужев или Брюль. Но ненависть русского великого канцлера уступила перед английским золотом, и Апраксин должен был выйти из Пруссии{73}. Поэтому, оставив 10 000 человек гарнизоном в Мемеле, он удалился с остальными войсками через несколько дней после битвы. Отступление его походило на бегство и совершено было так поспешно, что 15 000 раненых и больных, восемьдесят орудий и очень много военных принадлежностей было оставлено. Шли они двумя колоннами, пути которых ознаменованы были огнем, грабежом и всевозможными жестокостями. Все города, местечки и села, куда приходили эти адские полчища, превращались в пепел, а все дороги покрыты были человеческими и конскими трупами. Прусские крестьяне, доведенные до крайнего отчаяния, сопротивлялись и тем увеличивали свое бедствие. Пруссаки, которых они разбили, но не одолели, преследовали русских до самых границ королевства.

При этом отступлении произошел странный случай, а именно: король прусский приобрел союзника, о котором он, конечно, никогда не думал и который освободил его от нескольких тысяч калмыков. Этим деятельным союзником оказалась оспа. Калмыки, не знавшие этой страшной болезни в своей стране, к своему удивлению познакомились с нею здесь. Она стала до того свирепствовать между этими полудикими людьми, что многие из них стали жертвой ее. Тогда ничто не могло удержать их дольше; вся эта дикая орда ушла на родину, и русские полководцы не мешали [85] им; они рады были избавиться от этих извергов, которые были даже хуже казаков и совсем не подчинялись дисциплине. Лишь несколько калмыков, у которых хищничество заглушало все остальные соображения, отстали от своих товарищей и, присоединившись вновь к русской армии, пошли с нею в Германию.

Народ этот, впервые выступивший в поле против немцев, был самым диким врагом Фридриха, настолько же недостойным бороться с культурным государством, насколько не поддающимся никакой дисциплине. Он не в состоянии был облегчить победы войску, которое, напротив, страдало от его опустошений и должно было носить постыдное клеймо за ужасы, совершенные этими полчищами, более походившими на дикарей, чем на варваров. Эти калмыки живут у Каспийского моря и по реке Волге. Это свободный народ, находящийся под покровительством России, за что должны они при всяком требовании выступить в поле против ее врагов. Они не получают жалованья, а только рубль серебром ежегодно и овечий тулуп. Это, собственно, кочевой народ, который не строит ни городов, ни сел. Жилища их составляют войлочные палатки, с которыми они постоянно переходят с места на место, смотря по тому, где найдется больше корма для многочисленных стад, составляющих все их богатство. Они обыкновенно некрасивы и до того похожи друг на друга, что трудно их различить между собой. Лицо у них плоское, почти четырех угольное; глаза, как у китайцев, очень малы и глубоко врезаны в орбитах. Нос широк и приплюснут, рот и уши необыкновенной величины, причем последние отстают от головы. Вооружены они луками и стрелами, которыми не обыкновенно далеко и метко стреляют. Исповедуют они религию Далай Ламы{74}.

Кзаки сильно разнятся от калмыков. Войска их состоят из 700 000 человек, способных к бою^{75}. Это, собственно говоря, пограничная милиция, и назначение ее состоит в [86] том, чтобы защищать южную Россию от нападений татар и других диких народов. Одежда у них польская, но она вечно в клочьях; оружие их составляет изогнутая сабля, винтовка, пара пистолетов и пика, длиною от 10 до 12 футов, снабженная острым железным наконечником. Они православны, говорят по-русски и имеют только одно сословие, почему все у них равны; поэтому одни имеют собственное управление и пользуются известными привилегиями, сильно противоречащими с русским рабством, и которые даже в Европе считались бы значительными. Они живут в больших деревнях, причем занимаются отчасти земледелием, но преимущественно скотоводством, и торгуют лошадьми, которые очень не велики, но крепки, выдрессированы и отличаются быстротой. Каждый казак ведет с собой в поле двух коней. У этой нации существует также военная честь, вследствие чего ни один казак не потерпит палочных ударов, но безропотно выносит, как почетное наказание, удары кнутом.

Этими народами правила императрица Елизавета, которая проводила жизнь между любовью и благочестием и дела правления совершенно предоставила министрам. Благодаря беспрестанным жертвам, приносимым ею богине любви, характер ее отличался необыкновенной кротостью и человеколюбием. Она поэтому не любила войны, и только оскорбленная гордость в связи с придворными интригами, воспламенявшими ее жажду мщения, могли побудить ее к объявлению таковой королю прусскому. К тому же министры, подкупленные Австрией и Францией, победили ее добродушие религиозными соображениями, говоря, что ее обязанность состоит в принесении помощи угнетенному польскому королю. Они уверяли, что для русских война обойдется без большого кровопролития и не будет долго длиться, так как осажденный со всех сторон король прусский скоро принужден будет уступить. Так говорили граф Шувалов, любовник императрицы, пользующийся [87] ее особенной милостью, и Бестужев, который, хотя был совершенно предан англичанам, но считал себя вправе по многим причинам не смотреть серьезно на союз их с Фридрихом в начале войны. Поэтому он последовал за своим желанием отомстить Пруссии, и таким образом судьба несчастного королевства была решена.

Призывая русскую армию обратно, Бестужев, кроме английского золота, имел на то иные причины. Фридрих имел могущественного друга в Петербурге — великого князя Петра, наследника престола, который весьма недоволен был этой войной, высоко чтит Фридриха и ненавидел датчан. Он опасался, что стесненный герой соединится с этими его врагами, и обещал ему всякую возможную помощь, если он не заключит с ними союза. Фридрих согласился на это, и Петр склонил на свою сторону Бестужева, который, желая угодить будущему своему государю, ненавидевшему его, наметил Апраксину операционный план. Этим объяснилось загадочное выступление русских из Пруссии. Но французский и австрийский послы, находившиеся в Петербурге, открыли причины этого пристрастия великого канцлера, которого разгневанная Елизавета тотчас же лишила всех его чинов и сана. Апраксин лишился также звания главнокомандующего армией и был посажен в Нарвскую крепость.

Фридрих, полагая, что русские ушли совсем, вызвал фельд маршала Левальда из Пруссии и отдал ему приказ идти против шведов, которые сняли наконец свою личину. От времени до времени они высылали войска в Штральзунд и на запрос прусского посла в Стокгольме, графа Сольмса, отвечали уклончиво, уверяя при том, что не выставят ни одного человека в поле против короля прусского. Но, переправившись в Германию, вся

шведская армия{76} перешла через маленькую речку Пэну, отделяющую прусскую Померанию от шведской, и завладела Анкламом, Деммином, Пазевальком и другими городами, не имевшими гарнизонов. [88] Но главной целью их был значительный город Штеттин, который нетрудно было взять, так как он располагал ничтожным гарнизоном. Шведы издали тогда манифесты, в которых, называя себя завоевателями прусских земель, пограничных с Померанией, освобождали подданных от присяги, принесенной прусскому королю, и приглашали их к союзу с Швецией, которая, по их словам, в качестве блюстительницы Вестфальского мира{77}, должна непременно принять участие в этой войне.

Эта союзница французов [Швеция] располагала тогда 22-тысячной армией. Война была предпринята ею вопреки уставам шведской конституции, которая допускала войну лишь в случае утверждения ее рейхстагом. Но французский посол Гавринкур разыгрывал теперь важную роль правителя Швеции и руководил сенатом совершенно по-своему. Итак, война была начата, и шведский посол выехал из Берлина одновременно с прусским, проживающим в Стокгольме. Несмотря на это, шведский сенат хотел иметь своего агента в столице Пруссии, чтобы тем удобнее было осведомляться обо всем необходимом для операций, — невероятное политическое бесстыдство. Секретарь при посольстве, барон Нолькен, был избран для этого дела. Но Фридрих, удивленный такой странной выходкой, написал, чтобы секретарь удалился, так как он не потерпит присутствия шпиона в своей столице после открытия войны. Нолькен протестовал, ссылаясь на приказания своего двора, и хотел непременно остаться в Берлине; тогда вынуждены были выселить его за границы Пруссии в сопровождении солдат. Все это происходило как раз в том месяце, когда заключена была конвенция при Севенском монастыре; таким образом, Фридрих, теряя своих немецких союзников, приобретал нового врага в лице шведов, с которыми так часто боролись его коронованные предки.

Военное мужество этого народа предвещало пруссакам грозного врага. Но никогда, должно быть, честь государства [89] и слава храбрых войск не были столь преднамеренно отданы на поругание, как в этом случае. Организация шведской армии, прибывшей тогда в Германию, была во всех отношениях истинной сатирой на новейшие правила военного искусства. Хотя шведские солдаты были хорошо обучены, дисциплинированы и воодушевлены сильным желанием к бою, у них имелся недостаток во всем; не было ни полевого комиссариата, ни полевых пекарен, ни продовольственных складов, ни понтонов, ни легких войск, ни субординации. Предводители их были опытные в военном деле, но их связывали на каждом шагу предписания шведского государственного совета; а между генералами происходили постоянные разногласия, причем они же несли ответственность за исход всякого своего предприятия. Вот почему шведские воины, не раз решавшие своим мечом судьбу Германии, предписывавшие Европе законы на Вестфальском мире и нисколько не утратившие своих военных доблестей, обесславленные и осмеянные, должны были возвратиться на родину после пяти кампаний.

Не имея достаточного числа легких войск, шведы не однократно должны были отказываться от самых удачных планов, какая-нибудь горсть пруссаков постоянно задиралась с ними, непрерывно отбивая у них транспорты, подвозящие продовольствие. За неимением магазинов и понтонов, шведы не могли ни проникнуть в глубь прусских областей, ни соединиться с французской, русской или австрийской армиями; они постоянно желали этого соединения, но препятствия были настолько многочисленны, что они даже и не пробовали этого. Итак, театр шведской войны был сосредоточен в

маленьком углу северной Германии; шведы толклись в Померании и отчасти в маркграфстве {78}, не предпринимая ничего; так продолжалось во всю войну, где они совсем не играли видной роли. Но зато они причинили много вреда; так, одним из первых предприятий их было нападение на [90] Укермарк, бедную провинцию, состоящую всего из шести маленьких городов и 180 деревень, которые в течение шести недель должны были уплатить шведам 200 000 рейхсталеров контрибуции. Фридрих получал отсюда ежегодно лишь половину этой суммы. Вымогательства эти должны были продолжаться и впредь, но случай избавил эту область от врагов. Несколько сотен шведов, высланные из Пренцлау на фуражировку, проходя ночью через лес, были встречены pistolетными выстрелами пяти прусских гонцов, переодетых гусарами, причем несколько шведов было ранено. Думая, что сюда идут целые гусарские полки, они поспешили обратно в Пренцлау, и на другой день вся провинция была очищена ими. Вскоре после того Левальд загнал их под самые батареи Штральзунда, но и здесь они не сочли себя в безопасности и бежали на остров Рюген. Сильный мороз, стянувший льдом ведущие туда морские заливы, представлял для пруссаков удачный случай для славного предприятия, счастливый исход которого был бы несомненен; однако восьмидесятилетний Левальд и слушать не хотел о рискованных попытках и удовлетворился приобретенными преимуществами и пойманными в течение нескольких недель 3000 пленных.

В это время Ришелье со своими французскими войсками опустошал Ганновер и Гессен. Его требования были беспредельны, произвольны и совсем не соотношались с количеством продуктов, производимых этими странами. Один Гессен должен был доставить 100 000 мешков пшеницы и 50 000 мешков ржи. Этот дикий образ действий, пренебрегающий всеми местными условиями, навлек полководцу выговоры от версальского двора, на которые не поспешил даже друг Ришелье, государственный министр дю Верней. Вообще французский двор был недоволен его медлительностью, так как там ожидали быстрых побед от завоевателя Менорки. Ришелье оправдывался недостатком продовольствия, [91] говоря в своем письме от 23 августа: «У нас много пекарен, но муки нет». При этом постоянно выражал опасения, что прусский король может обратить свое оружие против французов. Сделавшаяся известной переписка между полководцем и министром доказывает, что в Версале смеялись над предположением, будто Фридрих со своей истощенной армией вздумает меряться силой с многочисленными австрийскими войсками; там уже даже положительно наметили осаду Магдебурга в мае будущего года.

Фридрих был весьма огорчен тем, что должен был враждебно относиться к французам, которых так любил. Эта мысль, может быть, больше мучила его, нежели опасения, что они могут преодолеть его. Поэтому он горячо желал мира с этой нацией и писал Ришелье 6 сентября: «Вижу теперь, господин герцог, что вы назначены на вашу теперешнюю должность не для ведения переговоров. Между тем я убежден, что племянник великого кардинала Ришелье так же хорошо умеет подписывать договоры, как и одерживать победы. Обращаюсь к вам, побуждаемый уважением, которое вы внушаете даже тем, кто вас лично не знает. Вопрос, о котором речь идет, пустьячен; а именно, я предлагаю мир, если на это дано будет согласие. Не знаю ваших инструкций, но полагаю, что король, ваш государь, убежденный заранее в быстроте ваших успехов, уполномочил вас содействовать водворению спокойствия в Германии, поэтому посылаю к вам господина Эльгите, которому можете вполне довериться. Хотя события этого года не подают мне надежды на то, чтобы ваш двор благоприятно отнесся к моим интересам, но все же я не могу примириться с тем, чтобы шестнадцатилетняя дружественная связь совершенно изгладилась из его

памяти. Может быть, я сужу о других по собственным чувствам. Все равно, я предпочитаю доверить свои интересы королю, вашему государю, нежели кому-либо другому. Если вы не получили инструкций для переговоров, то, прошу вас, [92] потребуйте таковые от вашего двора и сообщите их мне. Тот, кто удостоился памятников в Генуе, кто, несмотря на огромные препятствия, завоевал остров Менорку и готовится теперь покорить Нижнюю Саксонию, не может желать более славного подвига, как способствовать водворению мира в Европе. Поистине это будут самые славные из ваших лавров. Поработайте над этим с тою энергией, какую отличаются ваши успехи, и будьте уверены, что никто не будет более признателен вам, как верный друг ваш

Фридрих».

Ришелье ответил теми же любезностями и, не имея полномочий для переговоров, тотчас выслал гонца в Версаль, чтобы получить необходимые инструкции. Но тут вовсе не думали о переговорах, и на предложение это не последовало никакого ответа.

Тогда король, отказавшись от всякой надежды на мирное соглашение, решился внушить уважение к себе своими подвигами. Он пытался вызвать соединенные французские и австрийские войска к бою и пошел им навстречу. Действительно, его положение было ужасно: вдали и вблизи — везде враги, число которых постоянно умножалось. Победы его были напрасны, и напрасно лилась кровь его храбрых воинов. Гигантское могущество противника росло неустанно и преодолевало все поражения. Это была голова гидры: разбивал ли он одну армию — перед ним вырастали две другие. Декрет государственного совета объявил его врагом германской империи, которого следует уничтожить. Стремление врагов низвергнуть его и средства, находившиеся в их распоряжении, были так сильны, как никогда еще, а надежды его никогда еще не были слабее, чем теперь. Но он был настолько бодр духом в это время, что написал свое завещание французскими стихами. Как ни основательны были его опасения изнемочь в неравной борьбе, он все же принял надлежащие меры для борьбы с врагом. [93] Армия его, ослабленная многими битвами, состояла всего из 22 000 человек; неприятель же располагал армией в 60 000 человек, которая уже в середине сентября видела пример прусской деятельности, испытал ее на себе при Готе. Весь французский генералитет, с фельдмаршалом Субизом во главе, и 8000 человек, избрал этот город местом отдохновения после военных трудов. На герцогском дворе собралась вся знать, а во дворце делались грандиозные приготовления для надлежащего угощения знатных воинов-гостей. Было как раз обеденное время, столы были накрыты, и французы обнаруживали прекрасный аппетит, когда прусский генерал Зейдлиц явился под стенами Готы с 1500 всадников. 8000 французов и не думали сопротивляться; они бежали из города, покинув дымящиеся блюда и блестящие десертные столы{79}. Зейдлиц не мог преследовать врага, так как войска его были сильно утомлены; он сел со своими офицерами за герцогский стол. Это было необыкновенное, единственное в своем роде событие, когда большой придворный обед, начатый военными вождями одной партии, окончен был предводителями враждебного войска. Лишь нескольких французских солдат удалось взять в плен; зато камердинеров, лакеев, поваров, парикмахеров, куртизанок, полковых патеров и комедиантов, неразлучных с французской армией, оказалось множество. Багаж многих генералов тоже достался пруссакам; они нашли там целые сундуки благовонных жидкостей и помад, множество пудермантелей, париков, зонтов, шлафроков и попугаев. Эту туалетную добычу Зейдлиц отдал своим гусарам, а щеголеватых воинов

отослал назад без выкупа.

Французы обрадовались, точно выиграли сражение, когда получили обратно то, что составляло для них первую необходимость. Принц Субиз сгорал от жажды мщения, особенно когда узнал, что Зейдлиц решился на это предприятие лишь с двумя полками. Принц Хильдбурхгаузен, присоединившийся только что к французам в качестве имперского [94] фельдмаршала, тотчас же предложил выгнать пруссаков из Готы. Для этой экспедиции был избран цвет обеих армий, все гренадеры и все легкие войска, к которым присоединилась австрийская кавалерия и Лаудон со своими кроатами. Но эта армия, приближаясь, была сильно изумлена, увидя, что Зейдлиц стоял в полном боевом порядке, притом так искусно, что врагам показалось, будто тут выстроена вся прусская армия; поэтому они без боя поспешно ретируются.

Если когда-либо было поругано имя вспомогательных войск, то это произошло как раз во время кровавых походов этой войны, когда союзники ставились ни во что, а напротив, умножались их бедствия и они же подвергались насмешкам. Французы обращались с Саксонией как с неприятельской страной. Фураж, провиант, обильно заставленные обеденные столы для солдат, даже деньги для вождей — были силой вымогаемы от этих союзников, причем в случае сопротивления им грозили опустошением городов и деревень. Но это производилось и помимо угроз, и целые местности были совершенно разорены. Между прочим этой жестокой участи подверглись лежащие поблизости Фрейбурга деревни: Брандероде, Больгштедт, Шейнлиг, Грест, Цанхфельд и другие, в числе двадцати. В первой из них был разрушен по примеру казаков замок одного вельможи, по имени Бозе. Драгоценная мебель, которую по причине ее тяжести нельзя было унести, была изрублена, винные бочки расколочены, а документы и важные письма разорваны клочьями в дикой ярости. И церкви не были пощажены. Алтари, церковная мебель и кафедры были тоже изрублены, а металлические чаши, не имевшие никакой цены для этих разбойников, были позорно оскверняемы ими. Во многих деревнях деревья и поля покрыты были перьями, выпущенными из разрезанных перин. Так как французы не могли угнать за собой весь еще уцелевший скот, то они еще живых животных разрубали на части, выбрасывая их [95] на съедение хищным птицам. Эти ужасы, претерпеваемые союзниками французов от культурной нации в восемнадцатом столетии, совершались в Саксонии в конце октября, за несколько недель до битвы при Росбахе; при этом особенно отличались: французские полки Пьемонтский, Бовуазиский, Фицжамский и Депонтский, затем находившиеся при армии кроаты и даже несколько швейцарских полков.

Как только Фридрих оставил свою позицию при Эрфурте для того, чтобы идти в Саксонию, Субиз переправился через Заалу и подошел к Лейпцигу с намерением во что бы то ни стало освободить Саксонию от пруссаков. Король пошел навстречу врагу, который так плохо расположился, что прусские гусары проникли в середину французского лагеря, вывели оттуда лошадей, а из палаток повытаскивали солдат, которых увлекли с собой. Хотя эта смелость служила достаточным доказательством мужества врагов, французы все же сильно желали сразиться с ними и боялись только, чтобы король не ускользнул. Некоторые его походы и стоянки подтверждали это предположение. До сих пор они знакомы были с его быстрыми движениями, маневрами и военной тактикой лишь по рассказам, которые, впрочем, так мало произвели на них впечатления, что они решили атаковать его именно там, где он мог проявить все искусство своей тактики. Они надеялись не только разбить его, но и прекратить существование всей его армии. Однако во французском лагере был предложен вопрос:

принесет ли честь большой армии победа над столь малочисленной? Никогда еще такое военное самомнение не было более достойно осмеяния, но и никогда не было оно лучше наказано.

Одно из самых необыкновенных сражений произошло 5 ноября у деревни Росбах в Саксонии, отстоявшей на милю от Люцена, где Густав II Адольф сражался и пал за свободу Германии{80}. Французы, в соединении с имперскими войсками, [96] выставили 60-тысячное войско{81}, а пруссаки лишь 22 000 человек. Король отступательным маневром выманил французов из выгодной позиции, которую они занимали. Полагая, что он хочет ускользнуть, они старались зайти ему в тыл. Во время марша у них победно играла вся военная музыка. Пруссаки с удовольствием слушали ее и желали только одного — поскорее вступить в бой; но теперь лучше было противостоить французской живости немецкую флегматичность. Пока часть французской армии остановилась напротив прусского лагеря{82}, остальные войска — французские и имперские — старались охватить левый фланг короля. Фридрих, снова расположившийся лагерем, рассчитывая на быстроту, с какой войска его строилась в боевой порядок, спокойно наблюдал за движениями неприятеля и не велел даже выступать своим линиям. Прусский лагерь стоял неподвижно, а так как время было обеденное, то солдаты заняты были приготовлением еды. Французы, видевшие это издали, едва верили своим глазам; они сочли это за признак тупого отчаяния, когда враг не думает даже о защите. Только в два часа пополудни пруссаки сняли палатки и выступили из лагеря, причем Зейдлиц ехал впереди с кавалерией. Настоящей причиной столь незначительного сопротивления французов и панического страха, овладевшего ими в этот достопамятный день, было крайне напряженное ожидание, обманутое столь быстро и неожиданно.

Великий полководец Зейдлиц, превративший своим не обыкновенным искусством часть кавалерии в кентавров, в людей, движущихся вместе с лошадейю как одно тело и производивших вместе с остальной частью конницы самые поразительные эволюции, проявил здесь все превосходство своих изобретений. Обойдя правое крыло французов под защитой нескольких холмов, скрывавших этот маневр, он вдруг появился с прусской конницей и с помощью искусных эволюций налетел, как буря, на упоенного надеждами врага, еще не успевшего построиться для битвы. Здесь произошло нечто, доселе никогда не виданное на [97] поле битвы: легкая конница атаковала тяжелую кавалерию и смяла ее. Гусары на полном скаку дерзнули атаковать французскую жандармерию{83}. Ни прирожденное мужество этого благородного отряда, ни огромные лошади его не могли ничего поделать; все разлетелось по сторонам, как шелуха. При французской армии находились еще два австрийских кавалерийских полка; они пытались было устоять — но напрасно. Все были опрокинуты. Субиз пододвинул свой резервный корпус; но не успел тот появиться, как тотчас же был сбит с позиции. В это самое время вдруг подошла в боевом порядке прусская пехота, стоявшая до тех пор неподвижно, и приветствовала французскую ужасной пушечной пальбой. После этого открылся правильный ружейный огонь, как на ученье.

Французская инфантерия, покинутая своей конницей, была взята в правый фланг неприятелем с помощью быстрого маневра. В таком критическом положении она выдержала лишь трехкратный огонь пруссаков и бросилась опроретью на свое левое крыло, представлявшее огромное, беспорядочное сборище людей. В этот хаос устремились несколько прусских кавалерийских полков, которые свирепство вали ужасно. Странный случай был причиной этого. Всадникам, происходившим большей

частью из Бранденбургского маркграфства, рассказали накануне, что французы намерены устроить на зиму свои постой именно в маркграфстве. Они возмутились, узнав о таком посещении. Поэтому, когда бежавшие от натиска кавалерии французы кричали: «*Quartier!*»{84} — выговаривая это слово на немецкий лад, [бранденбургцы] сочли эту их просьбу о пощаде жизни за насмешку и намек на упомянутые выше зимние квартиры в их отечестве; поэтому, нанося удары мечом, они приговаривали: «*Вот вам квартиры!*» Из-за этого недоразумения многие погибли, пока другие, более знакомые с немецким языком, слыша ответы пруссаков, не употребили слово «*Pardon*», которому и вняли всадники. [98]

Было 6 часов вечера, и уже совершенно стемнело. Эта благодетельная тьма спасла остаток толпы, которая в противном случае была бы вся истреблена. Напрасно Субиз пытался употребить французскую тактику, основанную на ложной теории. Его «фоларовы колонны»{85} скоро были рассеяны, и всем оставалось лишь обратиться во всеобщее бегство. Французы и имперские войска бросали оружие, чтобы легче было бежать. Только некоторые швейцарские полки еще сражались несколько времени и последними ушли с поля битвы.

Столь грозная французская артиллерия была тоже бездеятельна в продолжение этого достопримечательного дня, несмотря на то что при армии находились знаменитый граф Омаль и не менее знаменитый полковник Брео{86}. Они командовали 100 офицерами и свыше 1000 артиллеристов, с помощью которых обещали делать чудеса, утверждая, что, если бы даже вся их главная армия потеряла сражение, они его выиграют вновь лишь одной своей пушечной пальбой. А между тем победа была так быстро решена, что побежденные не приобрели никакой чести, так как не оказали сильного сопротивления, оправдываясь паническим страхом; при этом французы не преминули сложить всю вину поражения на имперские войска.

Только семь прусских батальонов могли открыть огонь против неприятеля. Герцогу Фердинанду Брауншвейгскому, командовавшему правым крылом и имевшему в своем распоряжении 10 батальонов, вовсе не пришлось сражаться, так как выступившие против него многочисленные имперские войска бежали при первых же пушечных залпах. Уже этим одним постыдным бегством они уклонились от битвы, предоставив всю честь или бесчестие этого дня французам, которые даже в отдельности от своих союзников были вдвое многочисленнее пруссаков. Битва длилась всего полтора часа и стоила французам 10 000 человек, из которых 7000 были взяты в плен на месте сражения. [99] Несколько тысяч других попали в руки пруссаков во время бегства, иные были тут же изрублены. Многие бросались в Заалу, чтобы укрыться от преследовавших их гусаров. Панический страх, охвативший их, был так велик, что отдельные отряды всадников сдавались единодушно. В Рейхарствербене два драгуна полонили свыше 100 человек, спрятавшихся в саду. Бегущие кавалеристы сбрасывали кирасы и тяжелые сапоги, так что вся дорога в Эрфурт была усеяна ими. Французский двор, отнявши командование войсками у маршала д'Этре после его победы при Гастенберге, завершил достопримечательность этого дня, наградив принца Субиза за его поражение при Росбахе фельдмаршалом ским жезлом.

Если бы Шверин жил еще несколько месяцев, то удостоился бы счастья быть свидетелем этого торжества пруссаков. Он часто говорил, основывая свое мнение на старых предубеждениях, что достаточно было одной победы над французами для увенчания военной славы пруссаков. Много отдельных эпизодов способствовали увековечению

этого дня. Король увидел на поле битвы французского гренадера, яростно защищавшегося против трех прусских всадников и ни за что не хотевшего уступить. По приказу Фридриха эта неравная борьба была прекращена, и король спросил гренадера: неужели он считает себя непобедимым? *«Да, сир, под вашим предводительством»*, — ответил тот. Король ходил по полю битвы и утешал раненых французских офицеров, из которых многих знал по имени. Выражаясь самым лестным образом об их народе, он говорил: *«Никак не могу привыкнуть к тому, чтобы обращаться с французами как с врагами»*. Этого было достаточно для возбуждения благородных чувств несчастных воинов; тронутые таким снисхождением, они приветствовали его как победителя, полонившего не только их самих, но и их сердца. Добыча пруссаков была весьма велика. Между прочим, в руки прусских гусар попало множество крестов Св. Людовика, [100] которыми те декорировали себя. Отбито было 63 орудия и 22 штуки знамен и штандартов. Союзные войска насчитывали 3560 человек убитыми и ранеными, а пруссаки — лишь 91 убитыми и 274 ранеными [87]. Между последними находились также принц Генрих Прусский и генерал Зейдлиц; этот последний никогда не берегся, и пример фельдмаршала так был заразителен, что даже его полковой священник Бальке вступил в бой. Столь легкая и совершенная победа над воинственной нацией была беспримерна в новейшей истории. Краткость дня в это позднее время года спасла бегущее войско от совершенного истребления; ибо это было не отступление, а настоящее бегство, сопровождавшееся страшным замешательством.

Все германские народы, великие и малые, невзирая на то, на чьей стороне они сражались, на имперские декреты и свои же выгоды, остались весьма довольны победой, одержанной над французами, считая ее своим национальным торжеством. Не одна ненависть, существующая обыкновенно между этими соседними народами, благодаря различной форме правления, законам и нравам, бесчисленным особенностям, а главное, вследствие беспрестанных войн, была причиной такого взгляда, присущего в большей или меньшей мере всем без исключения европейским народам, даже далеким от Франции. Немцы же, помимо всех этих обстоятельств, имели еще больше причин к этой национальной ненависти. С одной стороны, присущее французам явное презрение к имени немцев, к заслугам их, к их гению и языку, а с другой, ослепление германских государей, великих и малых, невежественными французскими болтунами, толпившимися в их кабинетах, становившимися их советниками, а тем самым бичом их же страны, уже в течение нескольких поколений насаждали грозные семена ненависти, которая пустила глубокие корни даже в сердцах самых благородных и кротких людей. Отставка немецких сановников всякого звания для замещения их французскими [101] авантюристами, не знакомыми с языком, была явлением совершенно заурядным; причем эти последние быстро сбрасывали свои лохмотья, обогащались и покидали Германию, издеваясь над немцами. Когда появлялись дельные и талантливые немецкие ученые и художники, предлагая плоды своей деятельности, то немецкие государи встречали их со сдержанной благодарностью, награждая медалью, а в большинстве случаев — ничем; между тем как менее достойные произведения такого рода французов встречали везде восторженный прием и награждались значительными денежными суммами; французские же комедианты получали за свое ломанье бриллианты. Скупые князья — и те были не в меру щедры в таких случаях. Даже в армиях германского народа, который уже целые тысячелетия побеждал без чужой помощи и один из всех когда-либо существовавших великих наций земного шара никогда не был покорен, французы очень часто пользовались преимуществом. Немецкая чернь, не знакомая с за слугами французской нации, видела лишь это пристрастие своих государей, отличие французской нравственности от германской и слышала лишь жалобы всех германских областей. Отсюда естественно

вытекала ненависть, соединенная с величайшим пренебрежением. Напротив, между интеллигентными немцами всех сословий, по степени их образования, такого пренебрежения вовсе не замечалось; наоборот, они уважали высокую культуру этой великой нации, и потому тем больнее было для них незаслуженное унижение со стороны французов; это-то и составляло главный источник их ненависти. Таков был взгляд всех немецких сословий, за исключением нескольких обезьянствующих царедворцев, которые сами же были главным предметом насмешек со стороны французских остряков. Это настроение народа обнаруживалось везде и часто подавляло всякие другие соображения. Вот замечательный пример этого даже на Росбахском поле битвы. Один прусский всадник [102] намеревался взять в плен француза, как вдруг заметил за собой австрийского кирасира, который уже занес саблю над его головой: *«Брат немец! — закричал ему пруссак. — Оставь мне этого француза»*. — *«Бери его»*, — отвечал тот и ускакал.

Изо всех деяний человечества нет ничего серьезнее сражения, где люди умерщвляют друг друга тысячами; кроме того, все цивилизованные народы давно уже считают за правило не издеваться над военными неудачами даже враждебной стороны, так как от них не гарантируют ни превосходные вожди, ни храбрые воины. Однако поражение при Росбахе было принято врагами и друзьями как веселый фарс, причем сами французы были того же мнения, после того как все оправились немного, когда придворные забыли свой позор и все честные граждане выразили свое неудовольствие. Субиз, которого хотели оправдать даже в ущерб его войскам, получил от самого короля Людовика соболезнующее письмо, однако его публично осмеяли, а парижские забавники не переставали слагать насчет его и его солдат эпиграммы и уличные песни. Но иные события в этой жаждущей новинок столице Франции отвели глаза от пристыженного полководца, который мог наконец вздохнуть свободно. В Париже мало-помалу забыли о достойном смеха поражении, но в Германии оно долго было свежо в памяти, и много лет спустя слово Росбах произно силось всюду, от Балтийского моря вплоть до Альп, по отношению ко всем французам, как бранное выражение, невзирая на их сан и звание.

Особенное пристрастие Фридриха к французам, так явно обнаружившееся в этом случае, не могло сдержать этих издевательств. Несколько сотен французских офицеров были взяты в плен и отправлены на жительство в Берлин. Там им разрешили являться ко двору. Очень немногие из них видели вблизи версальский двор, поэтому королевский дворец в Берлине был для них совершенно [103] чужд. В их воображении он был в связи с каким-то бранденбургским маркизом, которому, по выражению изящных парижан, французы оказали честь, вступив с ним в нечто вроде войны (*de faire une esp&#232se de guerre*). Поэтому французские офицеры, забыв Росбах и свой плен, вели себя так неприлично в столице, что власти принуждены были вывезти их в Магдебург.

Сюда относится следующий случай: некая статс-дама прусского двора, беседовавшая в покоях королевы с одним французским полковником, спросила, каково его мнение о Берлине. Француз ответил: *«По-моему, он походит на большую деревню»*. Дама, оскорбленная столь неожиданной и грубой выходкой, не потеряла присутствия духа и нашла на это прекрасный ответ: *«Вы правы, сударь; с тех пор как в Берлине появились французские мужики, он во многом стал походить на деревню. Впрочем, это весьма хороший город»*.

Другие французские офицеры, более воспитанные, страдали от подобных выходок своих соотечественников; их учтивое и благородное поведение не могло уже изгладить

невыгодного впечатления. Но дельные французы все же получали должную дань уважения от пруссаков, и Фридрих сам подал пример, достойный подражания, навестив во время своего перехода через Лейпциг тяжело раненного французского генерала Кюстина; соболезнование его было так трогательно выражено, что полумертвый Кюстин привстал на постели и вскричал: *«Ах, сир! вы более велики, чем Александр Великий; тот мучил своих пленных, а вы вливаете бальзам в их раны»*.

Известие о Росбахском сражении немало способствовало тому, чтобы довести до крайности горе польской королевы, в душе которой бушевали сильнейшие страсти. Оно разбило ее наблевшее сердце, и несколько дней спустя она найдена была в кровати мертвою. Здоровье ее уже давно было плохо, но совсем еще не предвещало скорой [104] кончины. Накануне вечером она отпустила своих приближенных, испытывая сильную тоску; когда же они явились снова утром, ее уже не стало. В лице ее Фридрих избавился от непримиримейшего врага своего; руководясь своим фанатизмом, она способствовала войне, столь пагубной для ее же подданных.

В Саксонии и соседних с нею областях не осталось и следов разбитой француско-имперской армии, из которой тюрингенские крестьяне привели множество пленных. Войска разрушали за собой все мосты, чтобы избежать погони, а сами рассеялись до того, что многие отряды остановились только у Рейна. Они все воображали, что король преследует их. Но успехи австрийцев отозвали Фридриха в Силезию, куда он поспешил с 19 батальонами, сильно ослабевшими от стольких битв, и 28 эскадронами. Он оставил в пределах своих владений маршала Ришелье с его армией, надеясь на другую армию, которая стала неожиданно формироваться и которую он хотел противопоставить французам.

В это время в состав британского министерства вошел Питт^{88}, один из необыкновеннейших людей, когда-либо державших в руках кормило правления. Благодаря своим всеобъемлющим способностям, он неограниченно властвовал и в министерстве, и в нижнем парламенте. Конвенцию при Севенском монастыре он считал позорным пятном для английской нации, непременно хотел его смыть и потому советовал королю Георгу в точности исполнить свои обязательства относительно немецких князей, выслать английскую армию в Германию, попросить у Фридриха полководца для нее и поддерживать короля прусского субсидиями. Все это было исполнено.

Французы сами подали королю Георгу II наилучший повод к расторжению этой знаменитой конвенции, которая к тому же не была утверждена ни Англией, ни Францией; а так как она была заключена помимо ведома и участия [105] английского кабинета, то и не могла считаться государственным актом. От нее ожидали, что в Ганновере будут отныне соблюдать нечто вроде нейтралитета, но надежды эти были жестоко обмануты. Со страной поступали как с завоеванной областью, что, впрочем, и значилось во французских эдиктах. Помимо того, что Ришелье обложил ее огромными контрибуциями, разными поставками для войск и большими суммами денег для себя, но еще из Парижа был выслан сюда главный скупщик для введения по французскому образцу во всем курфюршестве откупов, с целью систематического грабежа. Откупщик должен был также ввести откупы во всех тех областях Германии, которые будут завоеваны впоследствии. Странный королевский французский эдикт от 18 октября 1757 года заключал в себе такое распоряжение, согласно которому француз-откупщик Готье учредил в Ганновере собственное правление. Все эти происшествия довели ганноверцев до

полного отчаяния. Георг любил свое курфюршество больше, чем все свои королевства; великодушный британский парламент пришел ему на помощь, и были приняты решительные меры.

В Англии посчитали Севенскую конвенцию нарушенной, и Росбахская битва окончательно решила этот вопрос. Распущенные ганноверские войска были собраны вновь, и к ним присоединился колебавшийся некоторое время ландграф Гессенский, у которого имелось немало причин жаловаться на французов. Вначале он хотел исполнить условия Севенской конвенции и отозвал свои войска; маршрут их был уже намечен, но Ришелье вдруг потребовал, чтобы они были обезоружены, иначе он не соглашался дать им пропуск. Напрасно ссылался ландграф на то, что его солдаты свободны, вооружены, снабжены всем тем, что необходимо для войска самостоятельного, и не могут считаться военнопленными, у которых одних только можно произвольно отбирать оружие. Герцог Кумберлендский писал также по этому поводу к французскому полководцу, [106] а датский посол, граф Линар, при посредстве которого была заключена конвенция, отправился сам в главную квартиру французов. Для успокоения французского двора он предложил отвести гессенским войскам Гольштинию, как нейтральную землю. Ландграф согласился на это, а Ришелье написал об этом в Версаль; но французские министры наотрез отказались от такого исхода и продолжали требовать разоружения.

Английский двор прекратил этот спор, объявив, что совершенно слагает с себя обязанность содержать впредь гессенские войска, если ландграф не предоставит их тотчас же в распоряжение короля великобританского. Французы положили конец всяким колебаниям, назвав отказ в требуемом разоружении гессенских войск нарушением конвенции; поэтому они обложили Гессен контрибуциями и составили опись всех принадлежащих ландграфу дворцов, строений, поместий, даже их обстановки; далее они потребовали отчета о всех земских доходах, причем командующий французскими войсками объявил, что отселе они не считают себя связанными никакими договорами и что для них действительно лишь право сильного. Этим правом французы давно уже здесь пользовались, но командовавший в Марбурге генерал граф Вобан до того перешел пределы издевательства, что в своей публикации от 22 августа выражался следующим образом: *«Гессенцы довольны той снисходительностью, которую правительство изволило милостиво обнаружить в отношении к стране»*. Самые покорные представления со стороны правления до того озлобили генерала, что он пригрозил кассельским министрам названием бунтовщиков и даже в печати опубликовал, что считает их весьма достойными наказания, так как они в день Св. Людовика не выслали к нему депутатов с поздравлениями^{89}.

Тогда ландграф не колебался более, предоставил своих 12 000 гессенцев Георгу и этим навлек на себя всю ярость [107] французов. Из главной квартиры к нему был отправлен гонец, привезший самые страшные угрозы, которые должны были тотчас же исполниться, если он не отзовет своих войск. Там значилось: *«Его дворец в Касселе будет взорван, город зажжен и вся страна до того будет опустошена огнем и мечом, что на целые столетия станет пустынею»*. Ландграф пренебрег этими угрозами и удалился; тогда начался страшный грабеж. Удивительнее всего было то обстоятельство, что в Кассель прибыл австрийский комиссар Христиани, чтобы разделить контрибуции с французским комиссариатом. Был даже отдан приказ, чтобы все жители в 24 часа представили все имевшееся у них монетами золото и серебро. Арсеналы были опустошены, а находившиеся в них знамена, литавры и другие победные трофеи,

приобретенные храбрыми гессенцами в различных войнах, преданы пламени.

Итак, Севенская конвенция, длившаяся всего 10 недель, была объявлена несуществующей, между тем соединенная армия формировалась. К ганноверцам и гессенцам присоединились также брауншвейгцы. Так как конница по численности не соответствовала пехоте, то ее усилили несколькими полками прусской кавалерии. Фридрих не мог уделить этой армии много своих войск, зато он дал ей предводителя, который один стоил целого войска, а именно — герцога Фердинанда Брауншвейгского {90}, принадлежащего к числу необыкновеннейших людей, составлявших украшение человечества, который в редкой степени был одарен талантами, мужеством и благородством души. В конце ноября он прибыл в Штаде; тут он во всем застал большой беспорядок; армия была невелика и нуждалась во многом; солдаты были в унынии, гессенцев рассеяли, брауншвейгцы уже собирались уйти и вступить во французскую службу. Таково было желание их герцога, который, опасаясь за свою страну, сначала согласился было на разоружение своих войск, а потом решил соединиться с французами. [108] Таким образом, помощь герцога была сомнительна, так как войска его были положительно отозваны; но солдаты повиновались этому приказу неохотно, особенно же наследный принц, для которого одинаково бесчестно было покинуть поприще славы, как и сражаться за французов. Он извинился перед своим в высшей степени разгневанным отцом, который во что бы то ни стало требовал возвращения сына и своих войск. Генералы его, Имгоф и Бер, опасаясь немилости герцога, серьезно думали о возвращении брауншвейгских войск; но они были взяты под арест, а войска остались. Наконец герцог уступил, чему, впрочем, немало способствовали победы Фридриха; 7000 французов, находившихся в бранденбургских землях, поспешно удалились.

Внезапно воскреснувшая армия Фридриха была для французов большой неожиданностью; спокойствие, которым они до сих пор наслаждались, было нарушено. Напрасно Ришелье грозил превратить в груды пепла весь Ганновер и даже разорить королевские дворцы, если со стороны неприятеля начнутся малейшие враждебные действия. Фердинанд лаконически отвечал, что будет ожидать этого и во главе своей армии вступит с ним в дальнейшие объяснения. Вслед за тем союзники открыли неприятельские действия. Несколько французских корпусов были атакованы и обращены в бегство, Люнебург осажден, Гарбург взят после храброго сопротивления. Ришелье в бешенстве велел разграбить город Целле и сжечь предместья его. Напрасно умоляли его пощадить сиротский приют; он был превращен в груды пепла. Но наступившие холода заставили обе армии разойтись по зимним квартирам.

Между тем Фридрих устремился в Силезию. [Герцог] Бевернский старался защищать ее с 50-тысячным войском, но не мог устоять перед всеми австрийскими силами, соединившимися вновь для завоевания этой страны. Прусский корпус генерала Винтерфельда, поддерживавший [109] сообщение между Саксонией и Силезией и расположенный под Герлицем, в близости от Бевернской армии, после жаркого боя с гораздо более многочисленным корпусом генерала Надасди, должен был оставить свою позицию и отступить. Поводом к этому сражению послужило прибытие имперского государственного министра, графа Кауница, в главную австрийскую армию, расположенную при Ауссиге, с целью составить вместе с вождями ее, принцем Карлом Лотарингским и Дауном, планы дальнейших действий. Генерал Надасди, желая похвастаться своей деятельностью перед министром, воспользовался отсутствием Винтерфельда, находящегося на расстоянии полумили в Бевернском лагере, и атаковал его корпус с несравненно более многочисленным войском. Винтерфельд поспешил на

помощь пруссакам, отчаянно защищавшимся; несмотря на это, они должны были покинуть свою позицию, потеряв 1200 человек. Неудача эта была тем прискорбнее, что дельный вождь, любимец Фридриха, талантливый Винтерфельд был смертельно ранен. Незадолго до этого король, прощаясь с ним, соскочил с лошади, обнял своего любимого полководца и сказал: *«Я чуть было не забыл дать вам инструкции. Но вам я только одно могу сказать: берегите себя для меня»*. Благородством своим Винтерфельд побеждал всех знатных завистников, которые не могли простить ему не обыкновенной привязанности короля. Его царственный друг, армия и вся прусская монархия — все скорбели о нем, считая смерть его национальной потерей. Это и было так на самом деле, особенно же в такую критическую минуту. Герцог Бевернский пришел в уныние, упустил самые подходящие позиции для прикрытия Силезии, ослабил свою армию на 15 000 человек, разместив их в различных пунктах гарнизонов, и постоянно отступал, рискуя попасться неприятелю, который очень выгодно мог атаковать его. Однако он без урона подошел к Одеру, хотя австрийцы преследовали пруссаков по пятам со всеми своими войсками [110] через Саксонию и Силезию вплоть до самых ворот Бреславля. Вблизи этого города прусский полководец разбил свой лагерь.

Генерал Надасди, присоединив к себе баварские и вюртембергские войска, служившие на жалованьи у Марии-Терезии, подступил к Швейдницу, ибо имперская армия могла устроиться на зимних квартирах в Силезии не иначе, как завладев предварительно крепостью. Швейдниц не был защищен войсками и не очень сопротивлялся, а герцог Бевернский не надеялся освободить его; вследствие этого Надасди овладел этой крепостью после 16-дневной осады, направив генеральный штурм одновременно против пяти укреплений, причем были взяты два редута; комендант крепости, генерал Зеерс, тотчас же капитулировал. Гарнизон в 5841 человек с 4 генералами был взят в плен; кроме того, имперцы завладели массой всевозможных воинских принадлежностей, амуницией, снарядами и полковой кассой, содержащей 355 576 гульденов наличных денег. Завоевание этой крепости облегчило австрийцам коммуникации с Богемией; оставив здесь гарнизон в 8000 человек, Надасди присоединился к главной армии под Бреславлем.

Там находился лагерь пруссаков. Очевидно, австрийские полководцы сочли необходимым совершить атаку до прибытия короля с его победоносной армией. Сражение произошло 22 ноября. Укрепленный прусский лагерь был обстреливаем подобно крепости из тяжелых орудий, завоеванных в Швейднице; нападение производилось одновременно в нескольких пунктах. С обеих сторон дрались одинаково храбро, и с наступлением ночи победа еще не была решена^{91}.

Однако со времени смерти Винтерфельда герцог действовал весьма нерешительно, делал ошибку за ошибкой; теперь он был особенно взволнован и отверг предложение атаковать неприятеля ночью врасплох, несмотря на то что счастливый исход такого предприятия был весьма вероятен [111] из-за полнейшего беспорядка австрийцев, которые не смогли бы встретить пруссаков ночью в строю. Прусские же войска, понесшие потери, но не потерпевшие поражения, были в полном порядке и горячо желали возобновить бой. Герцог же был совершенно ошеломлен; он уступил, но не из трусости, а из осторожности. С наступлением утра он ждал новой атаки, за исход которой сильно боялся, так как неприятель значительно превосходил его численностью. Ночью он вышел из лагеря через Бреславль, усилив его гарнизон, и, таким образом, совершенно неожиданно уступил поле битвы принцу Карлу Лотарингскому, главнокомандующему австрийских войск, армия которого в этот день насчитывала более 80 000 человек, тогда

как пруссаков было всего 25 000. Потери пруссаков состояли из 6200 убитыми и ранеными, потери австрийцев равнялись 1800 человек. 3600 пруссаков были взяты в плен, причем они лишились 80 орудий. Через два дня сам герцог Бевернский был взят в плен во время рекогносцировки; при нем не было даже конвоя, поэтому весьма возможно считать его пленение добровольным во избежание ответственности за все случившееся.

Между своими убитыми австрийцы более всех оплакивали полковника, барона Вельтеца, человека необыкновенно даровитого. Потеря эта обнаружила пример не обыкновенно редкого в военном мире благородства, характеризующего великую душу фельдмаршала Дауна. Узнав о смерти Вельтеца, он скорбно воскликнул: *«Мы потеряли человека, который родился вождем армий; не краснея сознаюсь, что в день Коллинской битвы он был моим советником и счастливым орудием моей победы»*.

Генерал Цитен принял командование над пруссаками и повел остатки разбитой армии навстречу королю. Следствием этого отступления было взятие Бреславля. Комендант, генерал Лествиц, считая, что уже все потеряно, надеялся лишь на выгодную капитуляцию. Вследствие этого город [112] сдался безо всякого сопротивления, и 3000 человек сильного прусского гарнизона получили свободный пропуск, причем большая часть из них тотчас же поступила на императорскую службу [92]. Фридрих был так недоволен поведением коменданта, который до этого отличался большой храбростью, что велел заключить его в крепость. Имперцы получили в Бреславле несметную добычу провианта, орудий, особенно же амуниции, так как арсеналы и магазины города были снабжены ими в избытке, а кратковременное пребывание бевернской армии не особенно истощило их.

Казалось, что Силезия была уже потеряна для прусского короля. За все время прусских кампаний удачи австрийцев никогда еще не достигали таких размеров; имперцы питали самые дерзновенные надежды, так как выиграли сражение, завладели двумя крепостями и столицей провинции; кроме того, они имели громадную армию, с помощью которой могли удержать свои завоевания, и потому могли быстро окончить войну на самых выгодных условиях. Таково было положение дел счастливых австрийцев к концу ноября. Наступившая зима должна была, по-видимому, положить предел всем дальнейшим операциям пруссаков, и неприятели уже собирались на зимние квартиры, как вдруг на театре военных действий произошел неожиданный для всей Европы переворот. Имперцы сочли поход Фридриха последней бессильной попыткой отчаяния, а его маленькую армию прозвали *«Берлинским вахтпарадом»*. Силезцы, преданные Пруссии, отказались уже от всякой надежды, а приверженцы пруссаков предавались отчаянию.

Яркой иллюстрацией тогдашнего настроения нации служит поведение князя Шафгоча, епископа бреславльского. Фридрих даровал этому священнику княжеский титул, сан епископа и вообще осыпал его благодеяниями. В Потсдаме он часто бывал в обществе короля и получил даже орден Черного Орла, которым Фридрих чрезвычайно редко награждал от вступления своего на престол и до самой [113] своей смерти. Считая своего благодетеля совершенно погибшим, неблагодарный забыл все это и стал заискивать благосклонности у его врагов, причем упустил из виду самые элементарные правила благоразумия и приличия. Он ругал короля, сорвал с себя орден Черного Орла и попрал его ногами; поступок этот возмутил даже императорских генералов, которые отнеслись к этому с презрительной укоризной. Вскоре после того он бежал в Богемские горы, чтобы скрыть там свой позор. Затем он отправился в Вену, где знать отнеслась к нему с пренебрежением; Мария-Терезия и император Франц сильно порицали его и не

согласились даже дать ему аудиенцию. В Риме он тоже не встретил ни защиты, ни сострадания; там его давно уже ненавидели за излишне свободный образ жизни; протянув уныло остаток дней своих, он умер изгнанником в Богемии в 1795 году.

Иезуиты были благоразумнее; очевидно, они имели лучшее мнение об удачах Фридриха, так как раненные в битве пруссаки нашли в их лице преданных друзей. Поместив несчастных в своей обширной коллегии, они заботливо ухаживали за ними; поведение это, вызванное политическими соображениями, прикрывалось личиной человеколюбия, и именно поэтому Фридрих не обратил на него внимания.

Победители опубликовали уже много распоряжений, касавшихся управления страной. Пленные пруссаки, уроженцы Силезии, были распущены по домам, и множество чиновников уже присягнуло на верность Марии-Терезии, как вдруг «Берлинский вахтпарад» подошел к столице Силезии.

В начале декабря холода до того усилились, что занятие зимних квартир являлось неотложной необходимостью. Всякий другой полководец на месте росбахского победителя удовлетворился бы в это суровое время года надеждами на будущую кампанию, занялся бы укреплением Одера, [114] защитой Глогау и прикрытием Саксонии. Но планы Фридриха были совсем иные. Он хотел безотлагательно освободить Силезию. Совершив в двенадцать дней переход из Лейпцига к Одера, он присоединил к себе по пути бежавшую армию герцога Бевернского и подошел к Бреславлю, где укрепился неприятель. Решившись на атаку даже в том случае, если бы пришлось взбираться для этого на вершины высочайших гор, король созвал всех генералов и штаб-офицеров и сказал им краткую, но сильную речь. Он изобразил свое бедственное положение, привел им на память храбрость предков их, кровь, пролитую прусскими героями, за которую надо было отомстить, и славу прусского имени; причем он выразил свое сильное упование на их мужество, усердие и любовь к родине, так как был намерен теперь же атаковать врага и отнять у него все приобретенные тем преимущества. Этой торжественной речью он воспламенил своих воинов до энтузиазма; некоторые проливали слезы, все были растроганы. Знатнейшие генералы ответили от имени всей этой горстки героев и в кратких, но многозначительных словах поклялись королю победить или умереть. Такое настроение охватило вскоре всю прусскую армию; а когда узнали, что австрийцы покинули свою необыкновенно выгодную позицию, — атаковать которую дерзнул бы разве отчаянный человек, — и идут навстречу пруссакам, то последние сочли врага уже побежденным.

Выступление из лагеря австрийцев было решено на общем военном собрании, хотя Даун считал, что им теперь более, чем когда-либо, необходима осмотрительность для сохранения действительно многочисленных выгод, приобретенных ими. Безопасное положение необыкновенно сильного лагеря при обильно снабженной крепости относительно ослабленной, истощенной армии не могло быть сравнимо с сомнительным исходом битвы в поле. Для удержания в течение зимы всех завоеваний битва не была нужна, да ничто и не побуждало их к ней. Но спесь остальных [115] генералов одержала верх над благоразумием. «*Недостойно оставаться в бездействии нашим победоносным войскам*», — говорили они; к ним присоединились льстецы, уверявшие принца Лотарингского, что от него лишь зависит окончание войны с помощью сражения, исход которого не подлежит никакому сомнению. Это мнение, поддерживаемое особенно Лукези, одним из знатнейших генералов, превозмогло; уверенность принца и остальных опытных генералов была так велика, что полевую пекарню не везли, как обыкновенно, в

хвосте армии, а выслали вперед в город Неймарк, так что, собственно говоря, послали ее королю. Фридрих, уже атаковавший и рассеявший при Пархвице маленький отряд императорского генерала Герсдорфа{93}, по прибытии своем в Неймарк немало был удивлен, встретя этот авангард, состоящий из пекарни. Чтобы не терять времени, высланные вперед драгуны и гусары должны были спешиться и осадить город{94}, который, впрочем, скоро был взят вместе с 5000 пленными; после этого Фридрих пошел дальше.

5 декабря, близ деревни Лейтен, произошла одна из величайших битв нашего столетия. Обе армии во всем разнились между собой. Фридрих командовал 33 000 пруссаков, а Карл Лотарингский — 90 000 австрийцев{95}, которые совершенно уповали на свое грозное могущество, на мощных своих союзников и на обладание уже наполовину завоеванной Силезией. Пруссаки же полагались на свою ученую тактику и на своего великого полководца. Одна армия изобиловала во всем, благодаря бреславльским запасным складам и беспрепятственному подвозу из Богемии; другая же нуждалась во многом. Одна из них пользовалась продолжительным спокойствием, другая же была истощена форсированными маршами в стужу{96}. В этот достопамятный день австрийцы были воодушевлены обыкновенным военным мужеством, пруссаки же находились в необыкновенно приподнятом настроении. [116]

Обе армии встретились на обширной равнине, удобнее которой Фридрих не мог и желать для своих маневров. Австрийцы, впервые выступившие на бой в открытом поле, выстроились громадными необозримыми линиями и не верили своим глазам, увидя маленькую прусскую армию, собиравшуюся атаковать их. Здесь-то обнаружился великий гений Фридриха; он избрал косою порядок битвы, даровавший грекам столько побед, при помощи которого Эпаминонд преодолел непобедимых дотоле спартанцев. Он основывается на том, чтобы удерживать в бездействии большую часть неприятельских войск, оставляя их в нерешительности и приводя в замешательство, поставить на главный пункт атаки больше солдат, чем у неприятеля, и таким образом как бы исторгнуть победу у него; такой прием почитается высшим образцом военного искусства. Фридрих производил фальшивые маневры против правого крыла неприятеля, тогда как на самом деле готовился атаковать левый. С этой целью он произвел в одной части своей линии маневр, который, хотя и был заимствован у других войск, но который до этого лишь одни пруссаки могли выполнить в надлежащем порядке и с необходимой быстротой. Для такой эволюции разделяют линию на несколько плутонгов, сближают их и таким образом двигают всю массу людей. Фридрих изобрел этот маневр, который своими сомкнутыми рядами, глубиной и особым родом передвижения, приноровленного лишь для больш ших пространств, весьма походит на македонскую фалангу, построенную и сражавшуюся в шестна дцать рядов и долго считавшуюся непобедимой, пока римские легионы не сокрушили ее, оставив о ней лишь одно воспоминание. При этом солдаты занимают сравнительно весьма небольшую площадь и, благодаря смешанным мундирам и знаменам, представляют издали весьма беспорядочную и скомканную толпу. Но достаточно одного мановения вождя, и живой этот узел развертывается с величайшим порядком и с быстротой, походящей на бурный поток {97}. [117]

Так атаковал Фридрих левое крыло австрийцев; императорские же полководцы, еще не знакомые с этим прусским маневром, приняли его за отступление; поэтому Даун сказал принцу Лотарингскому: «Они отступают; пусть уходят»{98}. Многие полки вынесли тогда за фронт свои полевые принадлежности, мешки с хлебом, даже ранцы с вещами, и

сложили их там пучками, чтобы на несколько часов, как они полагали, освободить себя от бесполезной ноши. Но заблуждение их скоро исчезло, и с ужасом увидели они искусное приближение пруссаков, угрожавших одновременно обоим флангам. Лукези, командовавший императорской кавалерией на правом крыле, забыв свою хвастливость на военном совете, растерялся; полагая, что сюда направлена главная атака, он потребовал немедленного подкрепления. Даун не хотел давать его преждевременно, и только когда Лукези отказался от всякой ответственности в случае неудачного исхода битвы, к нему была отправлена в карьер большая часть конницы левого крыла, и сам Даун поспешил туда с резервом^{99}. Надасди, самый опытный полководец в армии, командовавший левым крылом ее, вскоре убедился, что пруссаки атакуют его крыло и что маневры, направленные против правого крыла, — не что иное, как ловкий военный прием. Он выслал более десяти офицеров, одного вслед за другим, к принцу Карлу доложить ему об очевидной опасности. Карл был в положении весьма критическом, так как донесения двух его знатнейших полководцев совершенно противоречили друг другу. Он решил последовать указаниям Лукези, который вскоре был убит, к Надасди же помощь пришла тогда, когда уже было поздно.

Между тем пруссаки произвели столь неистовую атаку, что левое крыло было опрокинуто. Свежие полки приходили сюда на помощь, но даже не успевали построиться: их тотчас же отбивали. Один австрийский полк отброшен был на остальные, стоявшие позади, линия была расторгнута, и произошло невыразимое замешательство. Императорские [118] кирасиры выстроились, но главная прусская армия вскоре рассеяла их, после чего прусская кавалерия согнала их совершенно с поля битвы. Целые тысячи имперцев не сделали даже ни одного выстрела: они были вынесены общим течением. Наибольшее сопротивление пруссаки встретили в селении Лейтен, где стояла артиллерия и много императорских войск. Сюда направились с поля битвы все беглецы; они наполнили дома, сады, закоулки и защищались отчаянно. Но и они принуждены были сдаться. Несмотря на страшное замешательство разбитой армии, лучшие войска еще раз попытались выстроиться, воспользовавшись удобным местоположением; но прусская артиллерия тотчас же обратила их в бегство, а прусская кавалерия, врубившаяся в оба фланга, отбивала тысячами пленных. Байрейтский драгунский полк взял одновременно целых два пехотных полка со всеми офицерами, знаменами и орудиями. Австрийская пехота раз еще попыталась выстроиться на холме, но прусский генерал Ведель атаковал ее с фланга и с тыла одновременно, так что сопротивление стало невозможным. Только наступившая ночь и дельные распоряжения Надасди, прикрывшего свое левое крыло и не давшего пруссакам еще засветло овладеть мостами у Швейдница, спасли остатки армии от окончательной гибели^{100}. При Коллине победа была решена не столько благодаря военному искусству или храбрости, сколько огнедышащим орудиям, рассевавшим смерть с высоты недоступных гор; при Лейтене же победа основана была лишь на тактике и храбрости. На поле битвы было взято в плен 21 500 человек, между которыми было 307 офицеров; кроме того, пруссаки захватили 134 орудия и 59 знамен. Австрийцы насчитывали 6500 ранеными и убитыми, а 6000 дезертиров перешли после битвы на сторону победителя. Пруссаки потеряли 2660 человек ранеными и убитыми^{101}.

События этого дня характеризуют некоторые черты, отличающие пруссаков и несколько не уступающие [119] прославленному всеми народами геройскому духу греков и римлян. Баварский генерал, граф Крейт, бывший в то время волонтером в императорской армии, наткнулся на одного прусского гренадера, которому отстрелили обе ноги и который, лежа на земле и обливаясь кровью, спокойно курил трубку.

Измученный генерал сказал ему: *«Товарищ! как можешь ты в таком ужасном состоянии еще курить трубку? Ведь ты скоро умрешь»*. Гренадер вынул трубку изо рта и отвечал хладнокровно: *«Так что ж! Я умираю за своего короля!»* Другому прусскому гренадеру отстрелили одну ногу во время выступления войск. Он встал и, опираясь на ружье, как на костыль, дотащился до того места, где войска должны были проходить, и громко кричал солдатам: *«Братья! сражайтесь, как храбрые пруссаки! Победите или умрите за своего короля!»*

Ближайшим последствием этого сражения стала осада Бреславля, который был хорошо защищен сильным гарнизоном [{102}](#). Хотя там и воздвигли виселицы для тех, кто дерзнет говорить о сдаче, но это преувеличенное мужество исчезло скоро, и по прошествии 15 дней город сдался пруссакам, которые еще только собирались взять его приступом. Гарнизон, состоявший из 13 генералов, 700 офицеров и 18 000 нижних чинов, должен был положить оружие. Пруссаки овладели большим магазином, принадлежавшей им крепостной артиллерией, кроме 81 штуки австрийских орудий и мортир, привезенных в город; далее — множеством повозок с провиантом, 1024 упряжными лошадьми и военной кассой, содержащей 144 000 гудденов. Генералы Цитен и Фуке, преследовавшие неприятеля до самой Богемии, привели с собой 2000 пленных и завладели 3000 повозок, так что австрийцы в двухнедельный срок лишились 60 000 человек, а остаток прежней их громадной армии представлял жалкий отряд беглецов, не имевший ни орудий, ни знамен, ни амуниции, терпевший всякие лишения, окоченевший [\[120\]](#) от холода; в таком виде они потянулись через Богемские горы домой. Их было всего 17 000 человек [{103}](#).

Король скоро узнал, как острили австрийцы по поводу прибытия «Берлинского вахтпарада». Он улыбнулся и сказал: *«Охотно прощаю эту маленькую глупость, сказанную ими, из-за той большой, которую они сделали»*. Он сам удивлен был столь блистательной победой и спросил императорского генерала Бека, которого очень уважал и который вскоре после того попал в плен, каким образом австрийцы могли потерпеть такое полное поражение. *«Сир, мы сами виноваты, — отвечал Бек, — так как намеревались воспретить вам стоянку даже на вашей собственной земле»*. Когда же король серьезно захотел узнать причину, то генерал сознался, что все считали атаку направленной против правого крыла и согласно этому были сделаны распоряжения. *«Возможно ли?» — удивился король. — Патруль, высланный навстречу моему левому крылу, обнаружил бы вам мои намерения»*. Они были ясны для генерала Надасди, который один оказался опытным полководцем из всех императорских генералов; он же спас остатки австрийской армии. Но низкая зависть принца Карла была причиной того, что двор наградил его самой черной неблагодарностью, а имя его, славное даже среди врагов, не было упомянуто при донесении, сделанном двору об этой битве. Напротив, честь принца старались, насколько возможно, восстановить в глазах мира. Был начерчен ложный план битвы, который представили императрице и распространяли в народе. Далее старались самым наглым образом распространить слухи, поддерживаемые при дворе, будто принц два раза предлагал королю битву после его победы и что тот отказывался. Сам император выехал навстречу своему брату, когда тот подъезжал к Вене, причем во всем городе было объявлено под угрозой страшной кары, чтобы никто не осмеливался непочтительно говорить о принце. Вопреки этому запрещению всюду были расклеиваемы [\[121\]](#) и остроумные и неостроумные гравюры, картины и сатиры по адресу этого полководца: на городских воротах, на церкви Св. Стефана, даже на императорском дворце. Но народный голос все же не долетел до ушей снисходительной и обманутой Марии-Терезии, которая собиралась поручить ему судьбу своей империи,

назначив его опять главнокомандующим всех войск, чему противился даже ее супруг. Но сам принц, видя ненависть и презрение к себе народа, более справедливо оценил собственные заслуги и уехал в Брюссель. Однако и Надасди поступил точно так же: этот опытный полководец, без которого Мария-Терезия не могла теперь обойтись, покинул навсегда армию, столь любившую его, и двор, ненавидевший его, и уехал в Венгрию.

Прусский король обладал особым даром исправлять свои военные ошибки и извлекать всю возможную пользу из приобретенных им выгод. Поэтому обратное завоевание почти утраченной Силезии и взятие в плен 40 000 человек не удовлетворили бы неугомимого полководца, если бы поздняя зима и глубокий снег не положили предела его завоеваниям; даже осаду Швейдница пришлось отложить до весны, хотя крепость эта все же была блокирована. Последним делом в эту кампанию было обратное завоевание Лигница, одного из самых больших и красивых городов Силезии, который был укреплен австрийцами, а теперь блокирован пруссаками. Предпринять настоящую осаду в такие морозы было весьма трудно; к тому же прусские войска сильно нуждались в отдыхе. Поэтому гарнизон, состоявший из 3500 человек, получил свободный пропуск; пруссаки завладели большим продовольственным складом, орудиями, множеством боевых снарядов и тотчас же разрушили все укрепления, возведенные австрийцами, так что город получил вновь свой первоначальный вид. Сдача эта произошла 29 декабря, увенчав собою последние дни года, столь знаменитого своей кампанией. [122]

Таким образом, Фридриху удалось отнять почти все свои владения у врагов. Австрийцы поспешили в императорские наследственные земли, чтобы отдохнуть от своего страшного поражения; русские очистили Пруссию; французы оставили границы Бранденбурга, оставив за собою лишь несколько вестфальских провинций; имперские войска были распущены по домам, а шведы изгнаны генералом Левальдом из прусской Померании{104}, которая перешла снова в руки пруссаков, овладевших, кроме того, Мекленбургом и спокойно расположившихся на зиму в Саксонии.

Так кончилась кампания, до сих пор беспримерная в истории. В продолжение этого одного года, кроме множества значительных стычек, перестрелок и схваток, произошло семь больших сражений и много второстепенных битв, которые раньше сочлись бы теми же сражениями. Великие полководцы Фридрих и Фердинанд, представляющие столь редкое явление, действовали одновременно и в разных местах во время этой войны, оставив назидательные примеры воинам грядущих поколений. Другие, как, например, Генрих, наследный принц Брауншвейгский, и Лаудон, обнаружили также свои высокие дарования; иные, хотя и не столь великие, могли бы одни в другое время утвердить в потомстве воинскую славу целого народа; таковы: Зейдлиц, Кейт, Фуке, д'Этре, Надасди, Гаддик, Румянцев, Вунш, Цитен, Вернер и многие знаменитые вожди, которые тут впервые нашли возможность обнаружить свои далеко не заурядные дарования. Шверин, Броун и Винтерфельд, славные одержанными победами и незабвенные в летописях войны, погибли в этой знаменитой кампании, запечатлев свои подвиги смертью. Сражалось более 700 000 воинов — и каких! То не были изнеженные азиаты, покрывавшие поля несчетными полчищами и подавшие грекам, римлянам и бриттам случаи для одержания блистательных побед. То не были беспорядочные толпы крестоносцев, которые наводняли целые провинции, подобно тучам [123] саранчи, дрались безо всяких знаний военного искусства и убивали людей из фанатизма. Нет, нации, сражавшиеся на германской земле, были все воинственные и вполне достойные культуры XVIII века; некоторые из них могли даже соперничать в храбрости с древними

и предписывать законы целой части света силой своего оружия.

Необыкновенные перевороты, совершившиеся в короткий срок этой кампании, не встречаются ни в какой другой войне; они не согласовались ни с рассудком, ни с предусмотрительностью и опытностью и, казалось, отступали от обыкновенного порядка вещей. В начале войны король прусский явился победителем, австрийское могущество было почти уничтожено, огромное войско заключено в город, готовое сдаться с минуты на минуту; опасность угрожает самой императорской столице, и почти все надежды Марии-Терезии рушатся. Вдруг удачи опять склоняются на сторону австрийцев; имперцы побеждают, выигрывают битвы и делают завоевания, Фридрих побит, изгнан из Богемии, покинут своими союзниками, окружен со всех сторон многочисленными своими врагами и находится на краю пропасти. Но внезапно он торжествует больше, чем когда-либо. Армии русских, шведов, имперцев, французов и австрийцев частью изгнаны им, частью разбиты, частью уничтожены; целые войска взяты им в плен, и уже наполовину завоеванная и защищаемая громадной победоносной армией Силезия отбита среди зимы одним ударом меча. Русские побеждают в Пруссии и отступают, оставив много больных и раненых, а разбитые пруссаки преследуют их до самых границ Польши. Воинственные шведы, придя в Померанию, не застают врага; солдаты их жаждут битв, а полководцы — славы. Судьба Берлина в их руках. Не сделав ничего, они должны вскоре искать спасения на острове Рюген, вдали от материка. Французская главная армия спокойно владеет всеми провинциями между Эльбой и Везером; врага опасаться ей неоткуда. Вдруг является союзная [124] армия, точно из пепла. Ганноверцы берутся за оружие, Фердинанд ведет их, и могущественный неприятель ошеломлен: он бежит, оставив значительные запасы, и вытеснен далеко от обширного северного театра военных действий в небольшой угол южной Германии.

Англичане до сих пор не желали и слышать о войне на материке, но разрушение Ганновера и подвиги Фридриха, которые лучше всех оценили островитяне, совершенно изменили прежний образ мыслей последних. Король прусский стал божеством в глазах англичан, отпраздновавших день его рождения в Лондоне так же торжественно, как и в честь своих любимых королей; парламент отпустил ему 670 000 фунтов стерлингов ежегодной субсидии; решено было выслать английские войска в Германию, а великий Питт, державший теперь кормило правления в качестве министра и правивший Англией, подобно диктатору, силой своего гения, установил принцип, что Америку следует завоевать в Германии{105}. [125]

Книга четвертая

Зимой пруссакам пришлось не менее деятельно работать над восстановлением наполовину сокращенной армии и над заботами о ее многочисленных нуждах. Казалось, что счастье вновь станет улыбаться Фридриху; немало порадовали его также многочисленные доказательства преданности силезцев; ее особенно обнаружили жители Бреславля. Лишь несколько монахов какого-то аббатства имели глупость молить во время общественных богослужений о даровании побед австрийцам, когда город не только был уже во власти пруссаков, но когда уже сам король находился в стенах его. Начальство сделало им внушение за такую дерзость, но они сослались на древний обычай, сохранившийся еще от их предшественников-монахов и действовавший во время войн императорского дома. Фридрих разрешил им соблюдать этот древний обычай, но потребовал от монастыря в пользу инвалидной кассы 6000 рейхсталеров. Деньги были

взысканы, и обычай прекратился. Бежавший епископ Шафгоч, ошеломленный внезапными удачами пруссаков, разрушившими все его надежды, имел дерзость написать к монарху, стараясь оправдать себя и мотивируя происшедшее личными врагами и ложными обвинениями, и уверяя его в своей преданности. Монарх ответил ему 15 февраля 1758 года. Письмо кончалось следующими словами: *«Не избежатъ вам ни божественнаго мщениа, ни презрениа у людей; ибо люди не настолько [126] испорчены, чтобы не гнушаться неблагодарными и изменниками»*.

В начале декабря 1757 года Мария-Терезия считала уже Силезию завоеванной и войну оконченной. Лейтенская же битва не только разрушила все эти небезосновательные надежды, но еще бесконечно увеличила препятствия, которые так трудно было преодолеть, чтобы выставить и содержать войска в поле. Надо было собирать новые армии и готовить их к битве, а вследствие больших потерь обоза, боевых снарядов и принадлежностей всякого рода необходимо было вооружать их сызнова. Для этого требовались огромные суммы денег, а между тем масса золота высылаема была в Петербург, чтобы вновь склонить русское правительство к принятию участия в войне с Пруссией. Императрица нуждалась во всем, особенно же в деньгах; ее виды на будущее были весьма мрачны, и скорое окончание войны было весьма сомнительно. Тогда она пожелала мира; но тут одно обстоятельство воодушевило ее новым мужеством, оживило надежды, увлекая ее по забытому пути честолюбия, которым она всегда так охотно руководствовалась. Дело в том, что Франция была сильно угрожаема могущественным флотом Англии, которая из всех воюющих держав стала теперь обнаруживать наибольшую склонность к войне, — следовательно, от Франции можно было ожидать многого.

В предстоящей кампании почти все вожди оказались сменены. Шверина и Броуна уже не было в живых, Апраксин сидел в заточении, а принц Карл Лотарингский, принц Хильдбурхваузен, герцог Кумберлендский, маршал д'Этре и шведский фельдмаршал Розен были лишены сана главнокомандующих.

Англия всегда была союзницей Австрии и не раз спасала монархию эту от гибели. Но венский двор забыл всякую благодарность, пренебрег всеми политическими соображениями и внял лишь голосу ненависти и мщениа. Однако [127] даже после открытия военных действий между этими двумя державами поддерживались до некоторой степени дружеские отношения, и лишь после уничтожения Севенской конвенции кончился этот политический фарс. Императорский посол в Лондоне, граф Коллоредо, не простившись, уехал из Англии, и Австрия уступила нидерландские крепости и порты Остенде и Ньюпорт французам. Императорский генерал, князь Лобковиц, выпущенный из плена пруссаками, всеми силами старался убедить свою государыню, что король склонен к миру. Но усилия его были тщетны, и даже многочисленные препятствия, которыми было обставлено предстоящее вооружение, не поколебали ее твердого намерения.

Обе воюющие партии оживлены были новыми надеждами и составили новые проекты. В 1758 году они открыли с новыми силами военные действия. На театре войны первыми явились русские с фельдмаршалом Фермором{106} во главе, который получил приказание блокировать Пруссию, что и было сделано еще зимой{107}. Фридрих, хотя и не сомневался уже теперь в дальнейших успехах этого врага, все же хотел раньше сделать что-нибудь решительное против австрийских войск, так как армия его была вновь в полном порядке и снабжена в избытке всем необходимым. Намерения его

касались Моравии. В Вене же опасались не за Моравию, а за Богемию, где войска еще не были готовы к походу и где во многих местностях, особенно в Кенигсгрецком округе, свирепствовали эпидемические заболевания. Вообще императорские войска не обладали еще достаточным количеством солдат, чтобы успешно действовать против полководца, который обращал в ничто самые глубокомысленные расчеты. Поэтому несколько австрийских полков, находившихся при французской армии, были отозваны обратно, а 10 000 саксонцев, которые должны были тоже отправиться туда, остались для прикрытия границ Австрии. В Тоскане и Нидерландах оставлены были [128] лишь небольшие гарнизоны; все остальные полки должны были тотчас же поспешить в главную армию. По всей монархии разослали приказы о немедленных и усиленных рекрутских наборах. Опасение, что король, несмотря на приближение русских, может подойти под самые стены столицы, было так сильно в Вене{108}, что жители пограничных с Моравией областей получили приказание вооружиться в случае дальнейшего приближения короля, причем все дворяне этой области должны были войти в ополчение.

Помимо всех этих мероприятий препятствия для совершения похода в Моравию были весьма велики, а последствия его гораздо более сомнительны. Но Фридрих предпочел именно его и начал свои военные действия осадой Швейдница во главе своей главной армии. Гарнизон этой крепости, сильно пострадавший от зимней блокады, состоял всего лишь из 5200 человек; траншеи его были взяты еще в сильную стужу в первых днях апреля. Прусский корпус под начальством генерала Трескова состоял всего из 6000 человек пехоты и 4000 кавалеристов, способных к бою, потому осада эта представляла большие затруднения. Вообще осадные действия пруссаков не могли сравниться с их блестящими успехами в поле, так как Фридрих их не любил, руководясь отчасти соображениями экономии. Поэтому он не особенно ценил военных инженеров, которые даже при отличной службе не могли надеяться на повышения, так как им всегда предпочитались хотя бы самые невежественные пехотные офицеры. Небольшое число минеров, орудий и амуниции, выдаваемой артиллеристам, не могли, конечно, способствовать успешному ведению осад. Прусский инженерный полковник Бальби горько жаловался на все это в письме к королю, говоря, что для побуждения совершенно истощенных солдат к деятельной службе необходимо ободрить их благодеяниями, и потому просил отпускать им ежедневно пиво и мясо. «*Ради Бога, сир, — писал он, — не пожалейте [129] немного денег*». После некоторого отдыха он посоветовал приступить к штурму. Фридрих согласился, и крепость была взята весьма успешно и с небольшими потерями. Пруссаки овладели значительнейшими укреплениями, и после шестнадцатидневной обороны весь австрийский гарнизон сдался военнопленным{109}.

Теперь настала очередь Ольмюца. Крепость эта снабжена была гарнизоном в 8000 человек и всеми принадлежностями для долговременной осады; комендант ее, генерал Маршалль, был человек опытный, неустрашимый и решительный, от которого следовало ждать упорного сопротивления.

Сильные затруднения, связанные со вторжением в Моравию, увеличились еще тем обстоятельством, что ближайшие продовольственные склады пруссаков находились на расстоянии 18 миль от Ольмюца; несмотря на это, король поборол все трудности, притворился, будто хочет идти в Богемию, обманул неприятеля и проник в Моравию. Один австрийский корпус хотел было препятствовать ему, но был разбит; лучшие позиции были заняты пруссаками, и осада началась{110}. Комендант принял самые деятельные меры к обороне, исправил немедленно укрепления, увеличил запасы, выселил

лишних граждан и разрушил предместье. Осаду вел фельдмаршал Кейт, но уже первые меры осаждающих не предвещали успеха. Инженер Бальби, француз, распорядившийся осадой, как и при Швейднице, наделал непростительных ошибок и потратил много времени. Он повел первую траншею на 1500 шагов от крепости, вследствие чего пушечные выстрелы нисколько не вредили неприятелю. Тогда он постепенно стал подаваться вперед, несмотря на вылазки и на жестокий огонь осажденных, и пруссаки открыли сильную канонаду по городу из восьмидесяти полевых орудий. Между тем сюда подоспел Даун, которому удалось провести в город еще 1200 человек, благодаря тому что пруссаки не могли обложить крепости со [130] стороны реки Моравы{111}. Король не ждал столь быстрого появления австрийского войска, потому, увидя его, он был весьма изумлен и воскликнул: *«Ведь это австрийцы! Они, значит, выучились маршировать!»*

По правилам современной войны, осада предъявляет необыкновенные требования, но и тогда уже ежедневно расходовалось более 400 повозок пороху и пуль. Подвоз провианта и других потребностей производился постоянно большими и меньшими партиями. Все это до сих пор вполне удавалось пруссакам, но этого было еще мало, и стал обнаруживаться сильный недостаток амуниции, столь опрометчиво израсходованной на сооружение слишком отдаленных траншей. Теперь необходимо было получить в целости и сохранности большой транспорт, состоявший из 3000 повозок с жизненными припасами и снарядами, который шел из Силезии через Троппау. Даун непременно хотел отбить этот транспорт, так как намеревался освободить Ольмюц, не вступая в бой с королем. Он, по врожденной осторожности своей, всегда избегал этого и старался лишь ограждать себя от атаки, выбирая удобные позиции. Пользуясь многочисленностью своей армии, он высылал отряды для занятия дорог и местностей, по которым должен был следовать ожидаемый транспорт. Произошло несколько жарких схваток с переменным счастьем, но общий ход дела от этого не изменился{112}.

Фридрих употребил все меры, которыми только мог воспользоваться со своей малочисленной армией, работающей над осадой, чтобы охранить доставку столь важного для него транспорта. Эскортировал его полковник Мозель, опытный офицер, с 9000 человек; но большое количество повозок двигалось весьма медленно, встречая по пути большие затруднения, вследствие постоянного подвоза и сильных дождей. Происходили частые остановки, и одна треть транспорта значительно отстала. Мозель, не ожидая отставших, продолжал путь с остальной частью, отражая беспрестанные [131] атаки, пробираясь дефилями и под огнем неприятельских батарей. Здесь ожидал его Лаудон со своими кроатами, которые, притаившись в лесу, яростно атаковали пруссаков; но те проникли в лес, отразили неприятеля, взяв к тому же несколько сотен пленных.

Во время этой схватки обоз пришел в величайшее расстройство. Крестьяне-погонщики при первых же пушечных выстрелах бросились бежать. Многие из них отпрягли своих лошадей и ускакали с ними прямо домой, а другие даже повернули и уехали обратно с повозками в Троппау. Мозель по мере возможности старался восстановить порядок и продолжал идти вперед. Король отрядил навстречу ему генерала Цитена, который благополучно подошел к транспорту, но уже половина повозок погибла, а большинство остальных было без погонщиков. Привал был снова необходим. Этим драгоценным временем воспользовались австрийцы и поставили в засаду 25 000 отборных войск по пролескам у Домштедтеля под начальством наилучших вождей, Лаудона, Януса и Цисковица. Лишь только обоз подошел к горным ущельям, как его атаковали со всех сторон: начали стрелять по возам из пушек, убивали лошадей, взрывали в воздух повозки

с порохом, так что произошло ужасное смятение. Но пруссаки не оробели и более двух часов защищались в самой невыгодной позиции. Но защитить транспорт им не удавалось, так как они действовали врассыпную, между тем как неприятель мог по желанию выстраиваться и наступать целыми колоннами. Пруссаки наконец отступили, и вся их эскорта была рассеяна. Цитен, отрезанный с частью своего отряда, был принужден отступить к Троппау, отбиваясь постоянно по пути. Генерал Кроков собрал остальные войска и 950 повозок, с которыми благополучно прибыл в лагерь к королю. Между ними находились 37 с деньгами, из которых ни одна не досталась неприятелю.

Вся храбрость пруссаков в столь неравном бою оказалась напрасной, так как нетрудно было отбить обоз, растянувшийся [132] на три или четыре немецкие мили, прикрытое которого шло отдельными взводами, находившимися далеко друг от друга. В этом случае пруссаки сделали все, что только можно было ожидать от самых неустрашимых воинов. Множество молодых рекрутов 18 и 20 лет, набранных в Бранденбургском и Померанском военных кантонах, никогда не видавших неприятеля, сражались тут как настоящие римляне. Их было 900 человек, из которых только 65 попало в плен, несколько было ранено, остальные же покрыли своими телами поле битвы.

Снятие осады Ольмюца, которой и не следовало бы предпринимать, было ближайшим последствием этой потери{113}. Осада эта вообще необъяснима; даже при самом удачном исходе ее Фридрих не мог удержать за собой этой крепости ввиду приближения русских, которые уничтожили бы оставленный в ней гарнизон тотчас же по уходе короля. Поэтому даже пруссаки не очень жалели о потере транспорта, ибо все жаждали снятия осады; дело это было поручено фельдмаршалу Кейту, который действовал весьма благоразумно и осторожно, так что все орудия, повозки со съестными припасами, даже больные могли быть вывезены беспрепятственно; только 30 опасно больных были оставлены на попечение неприятеля. Остались еще две мортиры и одна испорченная пушка, как бы в воспоминание об осаде Ольмюца. Фридрих снова обратился с речью к своим генералам, изобразил свое критическое положение и прибавил в заключение, что вся надежда его основана на мужестве его войск, которые пойдут на врага даже по недоступным горам и среди неустанной пушечной пальбы.

Даун хотел преградить королю обратный путь, который без того уже представлял непреодолимые препятствия с тяжелыми многочисленными орудиями по недоступным, крутым вершинам гор и выгодными позициями, занимаемыми гораздо более многочисленным неприятелем; немыслимо было целой армии пройти тут благополучно с осадными [133] орудиями, понтонами и 4000 повозок. Даун занял все проходы, ведущие из Моравии в Силезию, и уже надеялся, что все пруссаки станут его военнопленными. Но Фридрих всегда был Цезарем во время атаки и Фабием при отступлении{114}, потому-то он быстро повернул и направился не в Силезию, а в Богемию, разделил свою армию на несколько корпусов, везде существовал с армией за счет неприятеля и пришел таким образом через Глац в Силезию, преодолев по пути величайшие препятствия при опасных горных переходах и отразив множество яростных атак. Особенно неутомимо преследовал его Лаудон, который между прочим, увлеченный своей пылкостью, наткнулся однажды на прусский арьергард и потерпел сильный урон. Кейт эскортировал осадную артиллерию и повозки; и этот громадный обоз счастливо перебрался через высокие горы и целый ряд ущелий, вопреки преследованиям неприятеля, не лишившись даже ни одной повозки. Этот военный маневр, единственный в своем роде, был для всех непостижим: особенно же австрийцы упрекали за это Дауна, и лишь сознание, что

Моравия и Богемия свободны, а враг далеко, успокоило наконец умы{115}.

Тем ограничили на время со стороны пруссаков наступательные действия против австрийцев; Фридрих должен был употребить безотлагательные меры для борьбы с русскими, проникшими уже в центральные области королевства. Уже в январе под начальством генерала Фермора они возвратились в Пруссию и, не встречая нигде никаких войск, овладели всем королевством без боя.

Фермор торжественно вступил во владение им при звоне всех колоколов, при звуке труб и литавр, не умолкавших целый день. Ошеломленные жители, в памяти которых свежо еще было воспоминание об ужасах, производимых русскими, умоляли о покровительстве императрицы. Полководец дал им следующий достопримечательный ответ: *«Это счастье для вас, господа, что моя всемилостивейшая [134] государыня вступает во владение этим королевством. Вы только можете ожидать благ от ее кроткого правления, и я постараюсь сохранить неприкосновенным существующий здесь порядок вещей, который считаю совершенным»*. Он тотчас же отправил в Петербург гонца с ключами от города и дал аудиенцию дворянству; затем великолепные обеды стали чередоваться один за другим. С этих пор русские считали уже королевство своей собственностью, к которой надеялись мирно владеть, и надо сознаться, что во все время войны они действовали в Пруссии с умеренностью, достойною подражания. Даже с церковных кафедр были воззвания к жителям, приглашающие их подавать жалобы главному секретарю в Кенигсберге, если русские солдаты в чем-нибудь обидели их.

Члены всех департаментов должны были присягнуть в дворцовой церкви, обязуясь ни явно, ни тайно не предпринимать чего-либо во вред интересам русской императрицы. Больные произнесли свой обет на дому. Консистерия получила приказ творить нарочно составленные молитвы о благоденствии императрицы. Напоследок дворянство и граждане были приведены к присяге в нарочно выбранных с этой целью церквях. Русские офицеры сопровождали их туда и присутствовали во время церемонии. Обнародовали русские царские дни, которые праздновались богослужением и отдыхом от работ, причем были отданы распоряжения о свободном ходе торговли, почт и прочих общественных дел. Это уже не было вступление во владение, а настоящее завоевание; король счел себя оскорбленным, поэтому Дрезден, Пирна, Фрейберг и другие города должны были принести ему присягу.

Русские взяли в Кенигсберге и Пинау 88 железных пушек, множество ядер, бомб и несколько сотен бочонков пороху. Еще ни одно королевство не было так легко завоевано, как Пруссия, но и войска, упоенные своим успехом, никогда не вели себя с большею умеренностью. Венский двор, [135] в награду за столь легкое завоевание, пожаловал Фермо ру титул имперского графа, а русская государыня утвердила все его постановления{116}.

Жители Пруссии, благодаря столь неожиданной кротости обращения, забыли, по-видимому, своего короля и спокойно подчинились игу своих врагов. В Кенигсберге делали даже больше, чем требовалось: 21 февраля, в день рождения великого князя Петра, город был иллюминирован, сожжен фейерверк, а университет предложил публичное похвальное слово в честь русского наследника. Эти иллюминации, украшения и всякие зрелища, устраиваемые за счет города, стали обыкновенными явлениями в русские царские дни, и, хотя они были вызваны почти исключительно политическими соображениями и приказами, а не доброй волей жителей, Фридрих все же не мог

простить этого пруссакам и никогда более не посетил своего королевства. Все было теперь спокойно. Управление всеми отраслями общественной и государственной жизни шло своим путем без перемен. Доходы королевства поступали в руки победителей; однако начальники департаментов в Пруссии и Саксонии сумели дать своему монарху наглядные доказательства усердия и преданности ему. Средства их остались тайною для русских. Наконец Фермор выступил из Пруссии со своей армией, для которой 30 000 подвод беспрестанно подвозили продовольствие, и направился в Померанию и Бранденбург. Но тут эти завоеватели не были сдерживаемы, как в Пруссии, высочайшими повелениями, потому путь их в обеих злополучных областях ознаменовался кровью и сожженными деревнями.

Еще до прибытия русских армия Дона, предназначенная для прикрытия Померании, оттеснила шведов и блокировала Штральзунд. Но все эти преимущества были уничтожены новыми врагами, хотя препятствия, связанные с получением продовольствия и организацией продовольственных складов, сильно замедлили операции русских войск. [136] Они не удовлетворялись владением Вислы, а хотели господствовать и на берегах Варты, поэтому взяли Познань, столицу великой Польши, Эльбинг, Торн{117}, намеревались даже ввести свои войска в Данциг, чтобы устроить там главное военное депо, но попытка эта не удалась. Жители этого города, преданные прусскому королю, решительно отказались уступить русским свои внешние укрепления и приготовились на случай необходимости отражать силу силою. Но до этого дело не дошло. Русским нельзя было терять времени: они стремились в центральные владения короля прусского, куда Фермор и направился. Он проник с 80 000 человек в Померанию и Неймарк и приступил к осаде Кюстрина{118}.

Генерал Дона, оставивший блокаду Штральзунда, чтобы подойти к русским, не мог со своей слабой армией воспрепятствовать этой осаде{119}. Русские следовали принципу варварских орд, опустошали все огнем и мечом, поэтому несчастный город с первого же дня был превращен в кучу пепла. Бомбы и брандкугели падали в таком количестве, что производили впечатление огненного дождя. Всюду рушились дома, убивая людей. Нечего было и думать о тушении пожара, и спастись можно было лишь поспешным бегством; кто только мог двигаться — бежал: несчастные матери, прижимая к груди беспомощных младенцев, больные, несомые на кроватях, едва успевали выйти из города, как все рушилось вслед за ними. Они искали спасения по ту сторону Одера, рыдая и в отчаянии глядя оттуда на бушующую стихию, истребившую все их имущество. Многие погибли в пламени, иные погибли под обломками или от удушья в погребах, где скрылись в ужасе. Большое количество зажиточных людей из окрестностей, а также многие дворяне, живущие на значительном расстоянии от этой крепости, отдали сюда на сбережение свои драгоценности, чтобы они не стали добычей хищных казаков. Некоторые из них были необыкновенно ценны, и все они стали жертвою [137] пламени. Сгорел громаднейший продовольственный склад; сила огня была такова, что в арсенале расплавлялись орудия, а ружейные и пушечные заряды и заряженные бомбы в пороховом складе с ужаснейшим треском взлетали в воздух. Такое зрелище, когда в несколько часов соединилось все самое ужасное в природе, было невиданным ни в одной войне, до этого страшного дня 15 августа. Многие жители сошли с ума, вообразив, что настал страшный суд. Враги хотели уничтожить решительно все имущество бедных жителей и продолжали стрелять гранатами даже после того, как пламя свирепствовало повсеместно. Наконец, к вечеру, они прекратили это бесполезное бомбардирование. Однако Фермор приказал ночью бросить в город все оставшиеся гранаты, так как, по его мнению, их не придется более

употреблять в этой кампании, и велел лишь сберечь до битвы пушечные ядра.

Казалось, русские не столько думали о завоевании, сколько о разорении, так как один лишь город подвергся столь варварскому бомбардированию, а крепость осталась нетронутой; только через два дня начали ее обстреливать. Комендант, полковник Шак, лишь на четвертый день получил требование о сдаче, потому что русскому главнокомандующему вдруг заблагорассудилось поступать согласно обычаям культурных народов; но и это требование обличало варвара: Фермор грозил штурмом и избиением всего гарнизона, если крепость тотчас же не сдастся. Комендант ответил: *«От города остались лишь груды развалин, магазины сожжены, но крепость еще в хорошем состоянии, а гарнизон не пострадал. Поэтому я буду защищаться до последнего человека»*. И точно: он защищался на развалинах, но не обнаружил особенной распорядительности. Когда же он хотел оправдаться перед королем, тот заметил: *«Я сам виноват; мне бы не следовало вас избирать комендантом»*.

Однако угрожавший Кюстрину штурм не состоялся, так как все внимание русских было теперь обращено на [138] приближающегося короля. Дона, хотя и не мог освободить осажденной крепости, все же пришел ей в помощь еще до прибытия Фридриха; он навел на судах мост через Одер, сделал возможным сообщение с городом, так что явилась возможность постоянно сменять гарнизон{120}.

Король оставил большую часть своей армии под начальством фельдмаршала Кейта в Ландсгуте, в Силезии, для прикрытия этой провинции{121}; он взял с собой лишь 14-тысячный отборный корпус и с ним отправился форсированными маршами туда, где его присутствие было столь необходимо. Его маленькое войско горело от нетерпения отомстить неприятелю, которого оно не видело еще, но варварства и опустошения которого требовали возмездия в потоках крови. Ярость пруссаков еще увеличивалась по мере того, как они вступали в опустошенные провинции, встречая повсюду кучи пепла и еще дымящиеся развалины. Они не узнавали более свое отечество и спешили навстречу врагу, не обращая внимания на усталость, переносили все, желая поскорее исполнить свой высокий долг — избавителей отчизны. В 24 дня Фридрих прошел с войском 60 немецких миль и 21 августа прибыл под Кюстрин, усилил его гарнизон и соединился с армией Дона. Гусары привели ему двенадцать пленных казаков, которых ему впервые пришлось видеть; удивляясь их внешности и ободранному платью, он заметил, обращаясь к майору гвардии, Веделю: *«Вот видите, с какой сволочью мне приходится сражаться»*{122}. Он переправился через Одер у деревни Гюстебизе, где его совсем не ждали, и помешал этим Фермору в его планах. Тогда осада Кюстрина была снята; обе армии подошли друг к другу и приготовились к битве{123}. Никогда еще желание кровавого боя не было столь сильно, как в этот день у пруссаков. Демон войны воодушевил, казалось, всю их армию. Сам Фридрих, пораженный видом страшных опустошений, бесчисленных пожарищ и несчастных скитающихся беглецов, забыл, по видимому, всю свою [139] философию и иные соображения и слушал лишь голос мщения. Он не велел щадить ни одного русского в битве и принял все меры, чтобы отрезать неприятелю отступление и вогнать его в Одерские болота. Даже мосты, которые могли облегчить им бегство, были сожжены. Русские узнали об этом ожесточении пруссаков перед самым началом битвы. По всей линии пронеслось: *«Пруссаки не дают пощады!»* — *«И мы тоже!»* — грозно ответили русские.

Положение Фридриха было снова отчаянное, и все зависело от исхода этой битвы. Неприятельские армии намеревались соединиться и отрезать его от Эльбы и Одера.

Французы и имперцы шли в Саксонию, куда прибыл уже Даун с главной австрийской армией. Шведы избавились от пруссаков, не имели больше врага перед собой и пошли на беззащитный Берлин. Русские же, девизом которых было: «Все разорять!» — хозяйничали уже в самом центре его владений.

Глубоко обдумав план битвы, Фридрих не только стремился одержать победу, но и совершенно истребить неприятельское войско, причем, в случае неудачи, ему было открыто свободное отступление в Кюстрин. 25 августа произошло большое сражение при Цорндорфе, начавшееся в 8 часов утра. Русских было 50 000 человек, а пруссаков — 30 000{124}. Последние, выступив косым порядком, как и при Лейтене, открыли битву сильной канонадой. Русские по примеру турок выстроились громадным каре, в середине которого находилась их конница, обоз и резервный корпус; это самый плохой прием в битве, так как он лишает армию всякой возможности атаковать и защищаться; благодаря ему римляне под начальством Красса были разбиты парфянами 1800 лет тому назад на обширнейшей равнине{125}. Подобно тому как парфянские стрелки не могли промахнуться, стреляя по рядам сбитых в кучу легионов, так и теперь прусские ядра произвели ужасное опустошение в столь неудачно расставленных русских войсках. В одном [140] гренадерском полку ядро сразило 42 человека, частью убив, частью ранив их { }n>. Сильное опустошение произвели эти ядра и в обозе: лошади прорывались с повозками сквозь ряды русских, так что их пришлось отвести в сторону. В это время левое крыло пруссаков так стремительно понеслось вперед, что открыло у себя один фланг. Русская конница, воспользовавшись этим обстоятельством, проникла в пехоту пруссаков и опрокинула несколько батальонов. Фермор, полагая, что выиграл сражение, развернул со всех сторон каре; русские бросились в погоню за неприятелем с громкими победными криками, но скоро они пришли в сильное замешательство, так как стоявшие позади войска, не узнав своих от пыли и дыма, открыли огонь по перед ним рядам.

Между тем Зейдлиц подошел с тремя колоннами прусской конницы и отразил русских, погнав их на собственную их артиллерию. Другой отряд прусской конницы ударил в то же время на русскую пехоту и рубил нещадно все на своем пути. Несколько прусских драгунских полков не остановил даже пылавший Цорндорф: они сквозь пламя устремились на русских; Зейдлиц, покончивший с неприятельской конницей, совершил невероятный подвиг, а именно: во главе кирасиров, с саблей в руке, атаковал и взял целую батарею тяжелых орудий; затем он последовал за победоносными драгунами. Русская пехота была теперь атакована с фланга, с фронта, с тыла, словом — отовсюду, и началась ужасная кровавая сеча. Пруссаки увидели совершенно незнакомое для них зрелище: хотя порядок битвы был нарушен и ряды разорваны, но, расстреляв все свои патроны, русские стояли, как истуканы в строю, но не из похвального мужества, так как они не защищались, а как бы тупоумно ожидая смертельного удара. На месте павшего строя выросстал новый, снова подвергавшийся той же [141] участи; легче было их убивать, чем принудить к бегству; даже простреленные насквозь солдаты не всегда падали оземь. Пруссакам оставалось, таким образом, лишь одно средство — всех убивать, и все правое крыло русских было частью истреблено, частью загнано в болота {126}. Часть беглецов попала в обоз; там они бросились на свои маркитантские фуры, начали их грабить и перепились водкой. Напрасно русские офицеры рубили бочки на части, солдаты бросались на землю и глотали с пылью любимый напиток; многие перепились до смерти, иные умерщвляли своих офицеров и целыми толпами, как бешеные, бегали по полю там и сям, не слушая ничьих приказаний{127}.

Таково было положение правого крыла русских. На левом к полудню не произошло еще

ничего решительного. Пруссаки атаковали его, но полки, совершавшие эту атаку, которые могли бы одним ударом довершить величайшую из побед, не обнаружили здесь своего обыкновенного мужества: в самую решительную минуту они забыли славу прусского имени, изменили своей храбрости и силе своей искусной тактики и, перед лицом усталого и полупобежденного неприятеля, в глазах короля, обратились в бегство. Произошло сильное замешательство, которое едва не уничтожило всех преимуществ, приобретенных геройскими подвигами левого крыла. Но тут прискакал победоносный Зейдлиц со своей конницей, заполнил пробелы отступавшей пехоты, выдержал сильный ружейный и картечный огонь и вытеснил не только русскую конницу, но и пехоту, стоявшую твердо до сих пор; таким образом, неприятель, овладевший уже несколькими батареями, должен был отступить к болотам. Этот блестящий кавалерийский маневр был исполнен при помощи отборных прусских полков принца Прусского, Форкада, Калькштейна, Ассбургга и нескольких гренадерских батальонов; все эти ветераны, приведенные королем, не обращая внимания на отступление стоявших с ними рядом батальонов, открывавших постоянно [142] их фланг, неудержимо подавались вперед, ударили наконец в штыки на русскую пехоту и проявили чудеса храбрости. Атака была настолько сильна, что через четверть часа на поле битвы почти не осталось врагов {128}. Ружейный огонь стихал, так как не хватало уже зарядов; солда ты били друг друга прикладами, кололи штыками, рубились на саблях. Невозможно описать ожесточения противников. Тяжело раненные пруссаки, забыв о себе, все еще старались убивать врагов. Русские не уступали им; одного смертельно раненного русского нашли в поле лежащим на умирающем пруссаке, которого тот грыз зубами; пруссак не в состоянии был двинуться и должен был переносить это мучение, пока не подоспели его товарищи, заколовшие каннибала.

Полки Форкада и принца Прусского захватили по пути большую часть русского обоза и военной кассы. Наконец совершенное изнеможение войск и наступившая ночь положили предел кровопролитию, длившемуся 12 часов. Только одни казаки рыскали еще по полю битвы в тылу пруссаков; они грабили убитых и убивали беззащитных раненых. Но, заметив проделки этих извергов, на них устремились разъяренные гусары: казаки в отчаянии соскочили с лошадей и бросились в Квартшен, в большое каменное здание овчарни. Их было более 1000 человек; они стреляли изо всех отверстий и не хотели сдаться, но крыша, под которой было сложено много сена и соломы, вдруг вспламенилась, и все они задохлись, сгорели или были истреблены пруссаками.

Обе армии провели всю ночь под ружьем; между русскими царил большой беспорядок, все войска их были смешаны. Они охотно уступили бы пруссакам всю честь победы, но отступление было им отрезано, так как все мосты были разрушены. В таком критическом положении генерал Фермор еще вечером после битвы просил на два или три дня перемирия, под предлогом схоронить мертвых {129}. [143] На это странное требование генерал Дона отвечал: «*Так как король, мой государь, выиграл битву, то по его приказанию мертвые будут погребены, а раненые перевязаны*». При этом он заметил, что перемирие после битвы есть вещь небывалая. На другой день про изводилась лишь канонада. Король хотел возобновить битву, но недостаток патронов у пехоты и чрезвычайная усталость кавалерии, истощившей все свои силы в битве, заставили его отказаться от этого намерения и доставили русским возможность выйти из своей засады; они отступили к Ландсбергу на Варте, потеряв 19 000 убитыми и ранеными и 3000 пленными, вместе со 103 орудиями, многими знаменами, военной кассой и большей частью обоза. Пруссаки потеряли 10 000 убитыми и ранеными и 1400 пленными или пропавшими; кроме того, при отступлении своего правого крыла, они

лишились 26 орудий{130}.

Некоторое число взятых орудий и пленных и то обстоятельство, что часть русской армии отдельными взводами провела ночь на поле битвы, побудили русских приписать победу себе. Но русский генерал Панин сознался откровенно: *«Правда, мы удержали за собой поле битвы, но или мертвые, или раненые, или пьяные»*. Хотя сам Фермор просил позволения схоронить мертвых, но он же отправил ко всем союзным дворам и армиям гонцов с известием о победе, поэтому даже в Вене торжественно был пропет *Te Deum*. Никогда подобные уловки не были столь в ходу, как во время этой войны; одни пруссаки пренебрегали ими. Они откровенно сознавались в проигранном сражении, так как надеялись, несомненно, новыми подвигами вернуть потерянное. Так думал Фридрих и все генералы его армии. Предоставив побежденным удовольствие утешаться мысленно ложными донесениями, пруссаки старались воспользоваться победой. Король, овладев полем сражения под Цорндорфом, преследовал бегущего врага до Ландсберга{131}. Он был так уверен в полном поражении русских, что оставил [144] тут для наблюдений лишь часть армии под начальством Дона; один корпус был отправлен им снова против шведов, а сам Фридрих с остальными войсками отправился в Саксонию, где его присутствие было весьма необходимо.

Король великодушно признал необыкновенные заслуги Зейдлица, торжественно объявив, что победа одержана лишь благодаря этому генералу. Но Фридрих и себя не щадил в бою; он так далеко заходил, что адъютанты его и пажы были частью убиты, частью ранены. Английский посол Митчел, сопровождавший его во всех кампаниях этой войны, был и на этот раз при нем, подвергая себя величайшей опасности. Фридрих заметил: *«Милый Митчел! Ваше место не здесь»*. Министр отвечал: *«Сир, точно ли ваше здесь? Я послан к вам, и мое место там, где вы находитесь»*.

Воспоминание о жестокостях русских солдат на некоторое время погасило в сердцах прусских солдат и поселян всякое человеколюбие; многие тяжело раненные русские, лежавшие беспомощно на поле битвы, были брошены в ямы и зарыты вместе с мертвыми. Напрасно несчастные эти бились между мертвыми, стараясь подняться; новые трупы, бросаемые на них, скрывали их слабые движения. Между русскими пленными находились генералы Захар Чернышев, Салтыков 2-й, князь Сулковский и другие, которых представили королю после битвы. Фридрих не мог забыть варварского опустошения своих земель; взглянув презрительно на этих вождей, он сказал, отвернувшись от них: *«Нет у меня Сибири, чтобы услать вас туда. Вас отправят в Кюстринские казематы; хорошие вы себе квартиры приготовили, вот и живите в них»*. Приказание это было исполнено, несмотря на то, что генерал Чернышев заявил сильный протест коменданту, говоря, что казематы — недостойное местопребывание для полководцев. Комендант ответил: *«Господа, вы не оставили для себя ни одного дома в городе. На сей раз довольствуйтесь такой квартирой»*. Не обращая внимания на их раздражение, им отвели помещения в сводчатых [145] низких погребках под крепостной стеной. Но они пробыли там всего несколько дней, так как король позволил им поселиться в сожженном предместье Кюстрина.

Между тем австрийцы старались как можно лучше воспользоваться отсутствием короля. Они могли теперь с успехом действовать наступательно, благодаря многочисленной армии; но надо было действовать поспешно. В Силезии проходы и крепости были заняты прусскими гарнизонами, для удаления которых потребовалось бы много времени, поэтому предприятие это было для них делом второстепенным. В

Саксонии же легче можно было пожать лавры; Даун поспешил туда с главной армией, оставив в Силезии генерала Гарша лишь с двадцатитысячным войском для осады Нейсе. Этот поход австрийского полководца побудил Кейта отправиться тоже в Саксонию, чтобы поддержать принца Генриха. Сюда же прибыл и герцог Цвей брюккенский с имперскими войсками, и пруссакам грозила потеря этой столь полезной военной провинции. Принц Генрих, прикрывавший ее до сих пор со своей маленькой армией, должен был уступить перед многочисленностью и отступил к Дрездену. Проект Дауна состоял в том, чтобы овладеть этой столицей, вытеснить пруссаков из Саксонии или совершенно их истребить и отрезать короля от Эльбы; для выполнения его необходимо было удержать как можно долее этого грозного полководца в его собственных владениях. С этой целью Даун предупреждал генерала Фермора, советуя ему не вступать в битву с королем, этим хитрым (по его словам) неприятелем, которого он еще не знал, и ограничиться лишь оборонительными действиями, пока Саксония не будет очищена. Курьер, посланный с этой депешей, попался королю после Цорндорфской битвы, и тот ответил ему от имени Фермора: *«Вы вполне основательно предостерегали генерала Фермора от хитрого врага, который вам больше знаком, чем ему; хотя он и держался твердо, но все же был побит»*. [146]

Принц Генрих, полагаясь на содействие Фридриха, старался с помощью различных маневров удержаться на своей позиции, несмотря на многочисленность неприятеля; это удалось ему. Имперские войска осадили и взяли Зоннен штейн, так как комендант этой крепости растерялся и сдался военнопленным с 1400 человек гарнизона. Даун пытался овладеть Дрезденом и с этой целью подошел к городу, имевшему лишь слабый гарнизон и незначительные укрепления{132}. Но благоразумие и решимость коменданта, графа Шметтау, восполнили недостающее. Он сделал вид, будто собирается сжечь великолепные предместья города, имевшие 6- и 7-этажные дома, которые видны были даже из-за городских стен. Двор и город были поражены, узнав об этом. Королевская семья полагала, что все ее члены, находящиеся во дворце, подвергнутся при этом величайшей опасности. Когда же стали наполнять дома горючим материалом, поднялся всеобщий вопль; граждане, магистрат, двор — все молили о пощаде; земские чины выслали своих депутатов с просьбами. Шметтау сослался на крайнюю необходимость защищаться, причем объявил, что саксонцы, в качестве врагов, не могут ожидать от него предпочтения, если даже их союзники умышленно грозят столице его короля. Поэтому он советовал им обращаться с просьбами не к нему, а к этим же союзникам; такая попытка была предпринята, но вначале безуспешно, так как Даун льстил себя надеждой легкого завоевания и неохотно отказывался от предприятия, обещавшего большие преимущества. Надеясь, что прусский комендант побоится угроз, он обещал отмстить сожжение городских предместий самым жестоким образом и при взятии города не пощадить ни одного пруссака. Шметтау заявил, что в крайнем случае он будет защищаться по всем улицам, что королевский дворец будет его последним оплотом и что он погребет себя под его развалинами. Действительно, он предполагал наполнить дворец порохом, силою привести туда главных придворных и государственные чины [147] и в покоях наследного принца, среди трепещущей королевской семьи, ожидать исхода неприятельского предприятия. Подобная угроза, исполнение которой едва ли представлялось вероятным, была хорошо рассчитана и оказала желаемое действие. Даун отступил от Дрездена, а Шметтау не тронул предместий. Воспламеняющиеся вещества были вынесены из домов, и граждане на этот раз успокоились.

Между тем Лаудон вторгся в Котбусский округ и обложил эту бедную страну громадными контрибуциями. Под страшнейшими угрозами вымогали у жителей все

имеющиеся у них деньги, всякие ценные вещи, например, ложки, пряжки, даже обручальные кольца; когда и этого не хватило, то были схвачены в качестве заложников многие члены магистрата из Котбуса, Келера и Астерата. Казалось, что австрийцы по жестокости хотят сравняться с русскими, так как не только грабежи, но и пожары деревень и всякого рода ужасные насилия ознаменовали это их вторжение. Так, например, один вельможа, по имени Панневиц, подвергся их нападению в своем имении; разграбив все, они потребовали огромную сумму денег, которой тот не мог дать, и тут же в кровати стали рубить его саблями, потом полунагого и окровавленного привязали к хвосту скачущей лошади.

Чрезвычайное превосходство австрийских и имперских войск в Саксонии подало союзникам повод к новым обширным планам. Они задумали совершить нападение на принца Генриха с фронта и с тыла одновременно, чтобы совершенно уничтожить его войско. Предводители различных союзных армий совещались уже по этому поводу и сделали соответствующие распоряжения, как вдруг раздалось: «*Фридрих идет!*» — и все их намерения были уничтожены. Король соединился с принцем Генрихом^{133} и хотел сразиться с австрийцами, чтобы прогнать их в Богемию и прийти в помощь Силезии, которая была лишь слабо защищаема и потому находилась в большой опасности^{134}. Неприятель собирал тут контрибуции и осадил Нейсе и [148] Козель. Фуке хотя и окопался у Ландсгута с прусским корпусом в 4000 человек, но не мог препятствовать движениям столь многочисленного неприятеля. Даун тщательно избегал сражения и старался замедлить поход Фридриха в Силезию с помощью выгодно расположенных отдельных отрядов. Его главный лагерь у Стольпена был одним из самых неприступных в Саксонии; он представлял крутые утесы, озера, болота и горные ущелья. Главнокомандующий и его армия были преисполнены мужества и радостных надежд. Мнимая победа их союзников при Цорндорфе послужила поводом к торжественному благодарственному молебствию при звуках труб и литавр, при громе всей артиллерии, батальном ружейном огне и победном ликовании войска. Одни лишь благоразумные люди сомневались в этой победе, достоверность которой достаточно опровергалась прибытием короля и разрушением всех проектов австрийцев. Несколько австрийских корпусов были выбиты с позиции, и произошло много схваток. Хотя путь в Силезию был открыт для пруссаков, но Даун неподвижно сидел в своем лагере; между тем Фридрих не терял еще надежды заставить его уйти назад в Богемию, отрезав его транспорты и разрушив магазины. Имперские войска не тревожили его: лишенные продовольствия и фуража, они, по его мнению, должны были отступить: поэтому король занял лагерь при Баутцене. Армия его, утомленная еже дневными походами в течение двух месяцев, нуждалась в отдыхе, а тут подходило как раз суровое время года, пехота должна была делать в шалашах печи, а кавалерия — строить конюшни из хвороста. О положении армии лучше всего можно судить по письму короля к лорду Маршалю, в начале октября: «*Пока не выпадет снег, мне нельзя и вздремнуть. Как бы охотно променял я половину той славы, какую вы мне приписываете, на небольшой отдых*».

Наконец обе армии переменили позиции. Даун опять занял сильный лагерь недалеко от прежнего, а пруссаки [149] расположились около Гохкирха. Безопасность этой позиции всецело зависела от владения так называемыми Каменными горами, и прусский генерал Ретцов получил соответствующий приказ, но он нашел эти горы уже занятыми австрийцами. Король приказал ему через своего флигель-адъютанта Геца прогнать их, полагая, что там стоит неприятельский арьберггард. Между тем тут расположился императорский гренадерский корпус, притом весьма близко от правого крыла главной

армии. Благодаря данному обстоятельству атака этой позиции лишь с несколькими батальонами была немислима. Однако Фридрих не удовлетворился такими доказательствами невозможности и повторил приказание, присовокупив, что Ретцов ручается своей головой за атаку. Генерал этот, воспитанный в Потсдамской военной школе и уже седой, имел весьма высокое понятие о военной дисциплине, но в этом случае он полагал, что надо послушаться. Ответ его гласил: *«Голову свою я слагаю у ног короля, приказ которого священен для меня, но мне еще более свят голос совести, так как я не могу отвечать перед Богом и людьми за столько человеческих жизней, пожертвованных без всякой пользы; атаковать я не буду и представляю это дело на усмотрение Вашего Величества»*. После этого он был арестован и шпага у него была отобрана.

Не имея этих высот, королю нельзя было оставаться в своем лагере, но, не испытав еще ни разу нападения и зная чрезмерную осторожность Дауна, он думал отразить на этой опасной позиции неприятеля и потому остался на месте. Это дерзновенное намерение было причиной события, едва не погубившего короля и составляющего наибольшую достопримечательность этой войны. Опасные горы были тотчас же тщательно укреплены австрийцами; приобретенные ими выгоды оказались столь велики, что Даун, при всей своей осторожности, возымел мысль атаковать короля в его собственном лагере. Этот план приписывается Лаудону. Он был [150] составлен весьма благоразумно и выполнен с большой неустрашимостью. Все содействовало его успеху. Обе армии стояли так близко одна от другой, что правое крыло пруссаков находилось на пушечный выстрел от неприятельского лагеря; случай этот весьма редок в летописях войны. Имперцы сочли столь близкую позицию пренебрежением их армии; они были оскорблены и горячо жаждали битвы. Множество легких войск, входивших в состав австрийской армии, особенно годились для нападения врасплох, а перестрелка, которую они, не унимаясь, вели день и ночь, могла маскировать их большие намерения. Пруссаки, привыкшие, под предводительством Фридриха, всегда атаковать первыми, не предполагали даже нападения со стороны осторожного Дауна, который никогда не считал своей позиции достаточно крепкой, если находился вблизи этого страшного врага. Зная предприимчивый дух Фридриха, для которого ничто не было невозможным, и быстроту, с какой войска его строились и шли на битву, австрийский полководец, помимо принятых им превосходных мер, больше всего надеялся на беспечность короля и его армии.

Король между тем хорошо видел всю невыгоду своего положения, но он считал отступление постыдным. Кроме того, он отсюда намеревался атаковать принца Баден-Дурлахского, стоявшего, казалось, отдельно от остальной союзной армии, и предприятие это обещало удачный исход. Поседевший в войнах фельдмаршал Кейт был весьма озабочен, но заметил шутливо королю: *«Если австрийцы оставят нас в покое в этом лагере, их следовало бы повесить»*. Фридрих ответил в таком тоне: *«Надо надеяться, что мы для них страшнее виселицы»*. Однако же он решил оставить эту позицию, как только придут новые транспорты с продовольствием. Армия его насчитывала 30 000 человек. Для выступления из лагеря была назначена ночь с 14 на 15 октября; одновременно должна была произойти атака корпуса принца Дурлахского, стоявшего [151] у Рейхенбаха. Итак, жизнь многих тысяч людей зависела от одного дня.

Но уже 13-го ночью все колонны австрийской армии вышли из своего лагеря, чтобы внезапно атаковать пруссаков. Генерал О'Доннель вел авангард, состоявший из 4 батальонов и 36 эскадронов; за ним следовал с 16-ю батальонами генерал Сенсер и с 18-ю

генерал Форгач. Корпус генерала Лаудона, стоявший в лесу почти в тылу пруссаков, был еще усилен 4 батальонами и 15 эскадронами, к которым впоследствии присоединилась вся австрийская конница левого крыла. Пехотой же этого крыла предводительствовал сам фельдмаршал Даун. Все эти войска и еще несколько небольших корпусов должны были атаковать пруссаков с правого крыла, с фронта и с тыла. Герцог Арембергский должен был с двадцатью тремя батальонами и 33 эскадронами наблюдать за левым крылом пруссаков и атаковать врага лишь после того, как он будет побит со всех сторон. В авангарде, за кирасирами, ехали охотники-гренадеры, но перед прусским лагерем они соскочили с коней и, выстроившись, пешие пошли вперед.

Австрийцы, не снимая палаток, разложили в своем лагере огни, как обыкновенно. Множество рабочих всю ночь напролет рубили деревья для изгородей, пели песни и перекликались, чтобы прусские форпосты не могли услышать движения войск. Но бдительные прусские гусары заметили неприятельские движения и тотчас же известили об этом короля. Вначале он сомневался в этом, но когда не однократные донесения подтвердили это известие, он стал предполагать разные причины этих движений, но только не атаку. Зейдлиц и Цитен, бывшие в то время у короля, всеми силами старались побудить его к мерам предосторожности; они добились даже того, что отдан был приказ бригадам встать, а кавалерийским полкам оседлать коней. Но приказание это было отменено к утру, и беззаботные солдаты предались сну без всякого опасения. [152]

Еще до рассвета, когда в селении Гохкирх пробило 5 часов, неприятель стал показываться у прусского лагеря. Целые взводы отборных солдат подошли к прусским аванпостам, выдавая себя за перебежчиков. Число их возрастало с такой быстротой, что они тотчас же смогли опрокинуть ближайшие аванпосты и караулы. Корпуса австрийской армии следовали в близком расстоянии за авангардом и вдруг, с разных сторон, колоннами вошли в лагерь. Некоторые королевские полки были пробуждены выстрелами из собственных своих орудий, так как неприятель, оставив большую часть своей артиллерии позади, быстро овладел прусскими батареями и из них открыл огонь по прусскому лагерю.

Никогда еще храбрые войска не находились в более ужасном положении, как теперь пруссаки, беспечно предавшиеся сну под эгидой бдительного Фридриха; самый центр их лагеря был атакован могущественным врагом, который мечом и огнем пробуждал воинов для того, чтобы погружать их в сон смерти. Было темно, и смятение произошло неопишное. Точно ночной призрак явился перед храбрыми пруссаками. Австрийцы выросли как бы из земли и стояли тут под прусскими знаменами, в самой святыне их лагеря! Несколько сотен человек были убиты в палатках, не проснувшись даже; другие, полуодетые, побежали за оружием и, взяв первое попавшееся, спешили занять свое место в рядах бойцов. Здесь-то превосходно обнаружилось преимущество образцовой дисциплины. В столь роковой момент, когда всякое сопротивление казалось безрассудством, когда всякий, естественно, думал бы лишь о бегстве и спасении своей жизни, общая гибель была бы жребием всякой другой армии. Самые лучшие войска Европы, привыкшие к победе, закончили бы тут свои подвиги и похоронили бы славу навсегда, потому что мужество одно не могло бы спасти их; тут все зависело от дисциплины.

Военный клич с быстротой электрической искры пронесся по всему прусскому лагерю; все бросились из палаток, [153] и за несколько мгновений, несмотря на страшный беспорядок, большая часть пехоты и конницы уже построилась в боевой порядок.

Характер неприятельской атаки принудил прусские батальоны действовать отдельно. Они со всех сторон бросались на противников и удачно отгеснили их несколько раз; но во многих местах им пришлось уступить силе. Они щупали впотьмах руками, чтобы узнать врага: австрийцы хватались за шишаки прусских гренадеров, а пруссаки — за медвежьи шапки имперцев, чтобы узнать и убивать друг друга. Занимавшийся день нисколько не уменьшил смятения, так как густой туман окутал воюющих. Прусская конница под начальством Зейдлица рыскала повсюду, не зная в темноте, где найти врага; если он ей случайно попадался, то наступала страшная кровавая сеча. Один кирасирский полк Шейнаха опрокинул целую линию австрийской пехоты и взял 500 пленных.

Деревня Гохкирх была объята пламенем и освещала эту сцену резни; огонь бушевал во всех домах и сеновалах, и все же пруссаки храбро отстаивали ее. Казалось, победа зависела от овладения этим селением, так как оно было расположено на возвышении и снабжено сильной батареей, поэтому Даун упорно атаковал его. Тут оставалось всего 600 пруссаков, которые, расстрелявши все свои патроны, отважились пробиться через сплошную массу врагов. Эта попытка удалась лишь немногим; остальные были убиты, ранены или взяты в плен. Тут подошли прусские полки и вытеснили австрийцев из селения. Вход туда был так узок, что только 7 человек могло сражаться в ряд, поэтому невозможно было строиться линиями среди бушующего пламени и в виду вооруженных рядов неприятеля. Но все же попытки к этому были сделаны, и тут начался самый кровопролитный бой. Принцу Францу Брауншвейгскому ядром оторвало голову, фельдмаршал Кейт был убит пулей в грудь и, не произнеся ни единого слова, тут же испустил свой геройский дух; генерал Гнейст и фельдмаршал принц [154] Мориц Дессауский получили смертельные раны. Пруссаки, атакованные с фронта и с тыла, должны были уступить, и австрийская конница врубилась в отборнейшие полки прусской пехоты. Сам король повел новые войска на неприятеля, который был снова отбит, но австрийская конница уничтожила этот успех. Деревня досталась имперцам, но, возобновляя постоянно этот страшный бой, они лишились своих отборных гренадеров.

Король отдал приказ, чтобы пришедшее в замешательство правое крыло отступило, и послал генерала Зальдерна с несколькими батальонами ветеранов для прикрытия этого отступления. Генерал этот, одаренный редкими способностями, незаменимый для пехотных маневров, точно так же, как Зейдлиц для кавалерийских, так благоразумно действовал в эти несколько важных мгновений, что, не производя ни одного ружейного выстрела, сумел преградить победоносному войску дальнейший путь.

Наконец туман рассеялся, и тогда глазам обеих армий открылось поле битвы, устланное трупами, и беспорядок, царивший на нем. Пруссаки, несмотря на свою дисциплину, не могли пользоваться своей тактикой по случаю темноты и неудобств местности. Теперь с той и с другой стороны начали вновь строиться [{135}](#). Между австрийцами было большое смятение, они целыми толпами блуждали по Гохкирхским высотам. Даун, несмотря на все приобретенные выгоды, не считал еще побежденной армию, которая обманула все человеческие расчеты и, несмотря на глубокий сон, быстро вскочила и храбро сражалась столько времени во тьме и тумане, потеряла большую часть своих вождей и вновь была готова к ожесточенной битве. Фридрих действительно хотел возобновить сражение, как вдруг герцог Арембергский, пользуясь туманом, подошел со своим сильным корпусом к левому флангу пруссаков и атаковал его. Опрокинув несколько тысяч человек, он овладел большой прусской батареей. Этот случай и решил битву [{136}](#). Король, [155] атакованный с фронта и с тыла, среди величайшего кровопролития, построил свои храбрые полки и, после пятичасовой отчаянной битвы,

совершил отступление, которому недостает лишь давности двух тысячелетий, чтобы удостоиться похвал на всех языках. Его прикрывал сильный артиллерийский огонь и линии конницы, маршировавшей на больших расстояниях по обширной Бельгернской равнине: за этими линиями строилась пехота. Австрийская армия была в таком беспорядке, что не могла помешать отступлению. Впрочем, Даун уже при Коллине обнаружил принцип, что бегущему неприятелю надо строить золотой мост. Одна лишь кавалерия пыталась преследовать пруссаков, но Зейдлиц скоро оттеснил ее, и король беспрепятственно продолжал путь, уводя 1000 человек пленными.

Но его отступление продолжалось не долго. Он расположился на расстоянии полумили от места сражения на Шпицбергенских горах; войска его лишились большей части артиллерии и обоза и должны были в коротких кафтанах сидеть в стужу под голым небом. У них не было даже пороха и пуль, самых необходимых принадлежностей европейских войск. Новое сражение в таком критическом положении представило бы одну из тех древних битв, когда люди шли один на один, рассчитывая каждый лишь на свои телесные силы. Между тем позиция короля была теперь настолько выгодна, средства противостоять опасности столь многочисленны, а разбитые войска его еще так грозны, что Даун не решился атаковать его вторично. Ретцов, находившийся в качестве арестованного при своем небольшом корпусе, поспешил с ним на помощь королю и помог ему прикрыть отступление. Он снова приобрел милость короля и умер через несколько недель. В злосчастный этот день прусская армия лишилась обоза, 101 орудия, 30 знамен и 9000 человек; австрийцы потеряли 8000 человек{137}.

Почти все прусские генералы, пережившие этот день, были ранены. Даже король получил легкую рану. Он шел в [156] самый сильный огонь, под ним была убита лошадь и два пажа, ехавшие возле него, и сам он едва не попал в плен. У деревни Гохкирх неприятель уже окружил его, но его выручили храбрые гусары. Он подвергал себя величайшей опасности, присутствуя везде, где только была самая кровопролитная сеча, и, казалось, совсем не дорожил своей жизнью. Никогда еще его гений и блестящие дарования не обнаружили так ярко, как в эту ночь, которая не только не умалила его славы, но, напротив, сообщила ей новый блеск. Не тот король, который в военное время заботится о всех делах правления и сам работает, как и в мирное время, над всеми распоряжениями; не тот, который во дни опасности играет на флейте и одновременно дает глубоко обдуманное приказание, накануне решительной битвы сочиняет французские стихи, издает законы, просматривает отчеты; не победитель при Лейтене, действующий на полях Силезии по законам греческой тактики и уничтожающий целую армию воинственного народа; не этот необыкновенный человек является достойным удивления для философа, историка и мыслителя всех сословий и наций, а застигнутый врасплох при Гохкирхе, разбитый, но не побежденный король, выстраивающий своих сонных воинов, ведущий их на храброго и гораздо более сильного врага, имеющего уже за собой все преимущества, находящегося среди прусского лагеря и убивающего пруссаков из их же собственных орудий. Тот король, который в эти роковые минуты видит смерть своего искреннего друга, теряет своих лучших полководцев и, предоставленный самому себе, поддерживаемый лишь силою своего духа, принимает самые целесообразные меры, среди страшного хаоса строит свои окровавленные и падающие войска, сражается пять часов и отступает в полном порядке; в таком отчаянном положении, без орудий, без снарядов, без обоза, он еще внушает страх врагу и, тотчас же освободив отдаленные крепости, осажденные им, опять в состоянии воспользоваться своим поражением, точно большой [157] победой. Вот такой государь

возбуждает удивление всех наций и всех времен.

Многие старые полки, которые до сих пор одерживали лишь победы и никогда еще не испытали поражения, были тут вынуждены показать тыл неприятелю. Если бы не этот день, покрывший пруссаков такой славой, какую они не приобрели бы и десятью победами^{138}, то полки эти сохранили бы имя непобедимых^{}n>. Многие старые офицеры, принадлежавшие к этим победоносным полкам, имели столь высокое представление о воинской чести, что не хотели уступить перед неприятелем и предпочли пасть в битве; иных пришлось почти силой отвлечь от места битвы, так как они ни за что не хотели пережить столь злополучного дня.

Опасно раненный фельдмаршал князь Мориц Дессауский находился на пути в Баутцен, когда вдруг встретил отряд неприятельских гусар, которые окружили его экипаж с обнаженными саблями. Обращаясь к предводителю, австрийскому ротмистру Вельтену, Мориц сказал: *«Я сильно ранен и сдаюсь вам пленным, но прошу вас на честное слово довести меня до Баутцена. Ваши гусары получают сто червонцев за выкуп»*. Предводитель удовлетворился этим и присоединился к эскорту экипажа. Но вскоре появился сильный отряд прусских гусар, готовившихся к нападению. Ротмистр дал знать об этом князю и просил его заступничества, так как его собственная жизнь была тут в опасности. Мориц согласился и, несмотря на свою слабость, громко закричал примчавшимся прусским гусарам, что он сдался в плен на честное слово. Но пруссаки не обращали внимания на это и хотели освободить князя, уничтожив данное слово вместе с жизнью тех, которые получили его. Тогда Вельтен с пистолетом в руке подскочил к экипажу и обратился к князю со следующими словами: *«Я принужден буду [158] застрелить ваше сиятельство, если вы не удержите своих и не возобновите данного слова»*. Пруссаки наконец были удержаны, хотя с большим трудом, так как они утверждали, что с их прибытием князь перестал быть императорским пленником. Решить спор этот пришлось королю, который признал действительность слова, данного князем. Но мужественный полководец этот скончался, не успев даже заплатить выкуп.

Фридрих старался забыть потери, понесенные при Гохкирхе, и ослабить вредные последствия их. Через несколько часов после этой тяжелой утраты он шуточно обратился к генералу Гольцу, пришедшему утром приветствовать его: *«Милый Гольц, скверно нас разбудили»*. Генерал отвечал: *«Ночью будят обыкновенно тех, с которыми нельзя иметь дела днем»*. — *«Вы правы, — ответил король, — но я постараюсь днем наказать тех, кто столь неучтиво разбудил нас ночью»*. Собравшимся артиллеристам он дал тот же ответ. *«Где ваши орудия?»* — спросил он их. Один из них сказал: *«Черт схватил их ночью»*. — *«Так мы отнимем их у него днем»*, — возразил король.

Победа эта была одержана австрийцами в день именин Марии-Терезии, а так как в католических странах существует обыкновение посылать в этот день подарки, то Даун послал своей государыне в виде подарка известие о приобретенных преимуществах. Она отблагодарила его за этот так называемый букет цветов самым милостивым письмом. Русская императрица пожаловала ему золотую шпагу. Венский муниципалитет воздвиг в честь его колонну, а австрийские земские чины подарили ему 300 000 гульденов, чтобы выкупить его фамильное владение Ладендорф.

Папа Климент XIII^{139}, только что вступивший на папский престол и даровавший австрийской государыне титул апостольского величества, тоже принял участие в этой победе. Прежние наместники Христа в темную эпоху Средних веков имели обыкновение

снабжать христианских вождей [159] освященным оружием для истребления турок и сарацин. Климент полагал, что подобный священный подарок от него сослужит такую же службу в Силезии; поэтому он послал фельдмаршалу Дауну освященную шляпу и шпагу для более энергичного поражения еретиков{140}. Конечно, этот поступок недостоин XVIII столетия; он навлек на столь священно декорированного полководца много шуток. Фридрих в письмах своих к друзьям часто называл Дауна освященной креатурой и человеком в папской шляпе. Кроме того, этот воинственный подвиг римской курии был весьма не политичен, так как король имел много римско-католических подданных и мог в данном случае сильно повредить папе. Очевидно, и в Вене не особенно обрадовались этому подарку, так как при вручении его не состоялись обычные в таких случаях торжественные церемонии. Когда 30 лет спустя в Австрии наступила заря более высокой культуры и люди возымели более правильное понятие о папской власти и о так называемых еретиках, все до того стыдились этого недостойного дара, что даже венские писатели старались совершенно отрицать столь известный исторический факт, выдавая его за вымысел Фридриха, который в досужие часы веселого настроения сам будто бы составил папское брeve в стиле римской курии, а маркиз д'Аржан, для довершения шутки, перевел его на латинский язык и напечатал; это было ироническое сочинение, которое простаки считали оригиналом и которым пристыженные воспользовались для отрицания самого факта.

Даун ждал от Фридриха отчаянной атаки, как только станет известной осада Нейсе; поэтому он писал генералу Гаршу: *«Продолжайте спокойно осаду. Я держу короля; он отрезан от Силезии. А если он будет атаковать меня, то вы получите добрые вести»*. Эта уверенность Дауна была тем более странной, так как он на собственном опыте убедился в неиссякаемой плодовитости Фридрихова гения. Государь этот всегда испытывал одновременно две удачи [160] и две неудачи. Тотчас же после Коллинской битвы он лишился своей нежно любимой матери, а в злосчастный день Гохкирхского поражения умерла его сестра, маркграфиня Байрейтская, которую он любил до обожания и которую он считал достойной увековечения алтарями и статуями за редкие качества ее ума и сердца.

Никогда Даун не действовал столь осторожно, как после какой-нибудь удачи. Теперь он занял недоступный и сильно укрепленный лагерь при Канневице, но ничего не предпринимал во вред королю. К нему можно было бы применить слова, сказанные одним карфагенским генералом Ганнибалу после битвы при Каннах: *«Ты умеешь побеждать, но не умеешь пользоваться своей победой»*{141}. Австрийский полководец отличался этим, и потому его приверженцы весьма неудачно сравнивали его с великим римлянином Фабием. Зато Фридрих тем усерднее пользовался этим драгоценным временем, снабжаясь поспешно всеми недостающими военными принадлежностями и провиантом частью из Дрездена, частью из Генриховой армии; он распорядился насчет новых транспортов, присоединил к себе подкрепление в 600 человек, присланное ему принцем Генрихом, и собрался идти в Силезию{142}. Он говорил: *«Даун позволил нам уйти, поэтому дело еще не потеряно; отдохнувши несколько дней, мы выступим для освобождения Нейсе»*. Но ему предстояло уладить еще много препятствий: лагерь его был полон больных, а в Баутцене находились все раненные в битве пруссаки. Их надо было всех перевезти в другое место, позаботиться о пекарнях, приобрести необходимые полевые принадлежности, прикрыть Саксонию и ложными маршами обмануть врага, который занял все дороги в Силезию. Все это было удачно исполнено, и 25 октября, через одиннадцать дней после битвы, Фридрих уже шел в Силезию с такими силами, что даже Даун потерял всякую надежду удержать его{143}. Напротив, пруссаки действовали

везде наступательно и [161] уводили пленных; таков был жребий 800 гренадер у Раухвальда, предводимых одним испанцем. Даун все же выслал сильные корпуса под начальством генералов Аремберга, Ласси и Лаудона, чтобы по крайней мере затруднить поход короля. При этом Лаудон обнаружил всю свою деятельность, то располагая свои легкие войска по ущельям, чтобы удерживать пруссаков, то открывая по ним пушечный огонь, пользуясь выгодной позицией; нередко он вдруг выходил из леса и нападал на них со стремительностью потока. Это было ежедневно возобновляемое сражение, причем воюющие партии постоянно двигались вперед. Но все эти попытки ни к чему не повели, и австрийцам досталось лишь несколько прусских понтонов и повозок с багажом.

Между тем австрийский генерал Гарш, успокоенный Дауном, продолжал осаду Нейсе, который, как и все прусские крепости, имел слабый гарнизон, потому что все войска находились в поле. Вначале надежда овладеть им была весьма вероятна, так как король был далеко и поблизости не имелось прусских войск, да и вся Европа считала Нейсе потерянным для Фридриха после Гохкирхского сражения. Освобождение осажденных крепостей бывает обыкновенно следствием победы или иного удачного события; но чтобы Фридрих, разбитый, окруженный со всех сторон сильными армиями, удаленный на 40 с лишним миль от осажденной крепости, мог прийти ей в помощь — этого никто не ожидал. После тринадцатидневного похода, 5 ноября, король был в трех милях от нее, и этого оказалось достаточно, так как в тот же день Гарш, несмотря на сильные подкрепления, снял осаду, оставив большое количество снарядов и военных при надлежностей, и ушел в Моравию. Он осаждал Нейсе с 4 августа и с 5 октября стал его обстреливать, но храбрый гарнизон дельно сопротивлялся и, сделавши вылазку во время отступления австрийцев, увел еще 800 пленных.

Сюда можно отнести великодушный поступок одной знатной немецкой женщины; он остался не известным, и сам [162] Фридрих, должно быть, никогда не знал о нем. Комендант Нейсе, генерал Тресков, имел недалеко от города поместье. Когда австрийцы приступили к осаде, супруга его находилась там. Неприятель уже вначале видел, что предприятие это затянется, так что Фридриху все-таки удастся разрушить их план. Самой быстрой и целесообразной мерой являлась в данном случае измена. Тресков незадолго до этого был военнопленным; ему оказали большое уважение в Австрии, и генеральша, тоже поехавшая к мужу для облегчения его судьбы, была принята необыкновенно любезно при императорском дворе. Приятное воспоминание об императрице было еще свежо в ее памяти, и на этом основании был составлен следующий проект. Один императорский офицер посетил госпожу Трескову и привез ей охранные письма от австрийского полководца{*4}. Его приняли и угощали, как благодетеля. Он явился вечером и потому должен был переночевать в имении. После обеда начали тут же за столом разговор об императрице, когда не было опасных свидетелей. Благородное сердце генеральши не могло найти слов для похвал по адресу Марии-Терезии. Тогда офицер предложил ей большую сумму денег, титулы, мнимую атаку для спасения чести, сдачу и глубокую тайну о случившемся. Госпожа Трескова поражена, она едва сдерживает себя, чтобы дослушать до конца. Тут она вскочила и, ломая руки, в отчаянии изливала свое горе о претерпенном унижении. *«Возможно ли! Мне — такое предложение!»* — повторяла она. Офицер обещал тогда предать все забвению, клялся ей в вечном молчании, но генеральша была слишком глубоко оскорблена и не хотела дожидаться конца осады в своем безопасном имении. Она отказалась от всех охранных писем, от всех удобств и от спокойствия, желая разделять заботы, недостаток и опасности осажденных, и оставила во власти неприятеля свое имение, составлявшее единственное достояние ее семьи и [163] приобретенное трудами пятидесятилетней

военной службы. Она сказала депутату: *«Мы теперь бедны, это было все наше состояние. Чувство долга принуждает меня предать все в ваши руки. Если хотите, можете нам мстить»*. Тронутый таким благородством, офицер тщетно падал к ее ногам, умоляя ее остаться. Она простила ему оскорбление, но ни за что не хотела оставаться долее во власти врагов Пруссии. Еще в ту же ночь она уехала, не взяв даже с собой припасов, хотя знала, что в осажденной крепости большой недостаток в них. Офицер сопровождал ее до последних укреплений и тут только простился с женщиной, полный удивления.

Крепость Козель, блокированная австрийцами, была тоже освобождена, и Силезия совершенно очистилась от неприятельских войск. Таким образом окончилась кампания в этой области; но Даун, оставшийся с главной армией в слабо защищенной Саксонии, надеялся еще до окончания зимы сделать тут значительные завоевания. Вся Европа ожидала последствий Гохкирхской победы, но они еще не были заметны, хотя не было недостатка в проектах. Так, Дрезден, Лейпциг и Торгау должны были быть поспешно взяты, притом тремя различными корпусами одновременно. Даун сам отправился к столице, решившись непременно выполнить свое намерение на этот раз. В Саксонии находился лишь небольшой отряд пруссаков, но в нем производились деятельные приготовления. Настоящим предводителем его был генерал Финк, хотя он служил под фиктивным начальством двух старших генералов. Эти дельные вожди, Гюльзен и Итценплитц, оставив по боку всякую зависть, искали истинного пути к чести и славе своего народа и в содействии намерениям Фридриха; уважая волю своего короля, они уступили предпочтение талантам младшего генерала. Самые целесообразные меры были приняты к тому, чтобы устоять против гораздо более многочисленного врага. Гарнизон Дрездена был усилен, комендант этой резиденции, генерал Шметтау, приведен был к печальной необходимости сжечь предместья, [164] так как королевская семья, льстя себе пустыми надеждами, отнеслась к опасности пассивно, говоря, что в теперешнем стесненном положении приходится на все соглашаться; молчали и земские чины. Даже муниципалитет, ожидавший больших преимуществ от австрийцев и скорого окончания военных бедствий, ответил на заявление коменданта лишь пожатием плеч и сожалел только об участи своих сограждан. Вот как изменился образ мыслей за несколько месяцев и каково было заблуждение. Таким образом жребий на несчастные предместья был брошен.

Предместья эти по своей архитектуре могли сравниться с красивейшими городами Европы. Обширнейшие здания, находившиеся здесь, были все либо дворцами или летними резиденциями знатных и богатых, либо местопребыванием множества фабрикантов, проявлявших совершенство саксонской мануфактуры искусными работами. Все было приготовлено к пожару, и Шметтау еще раз сделал предостережение; он уверял, что в случае приближения врага непременно прибегнет к этому ужасному средству, а двор — остался равнодушен. Враг подошел, пруссаки сняли форпосты, и рано утром 10 ноября три пушечных выстрела были страшным сигналом к пожару. Во всех комнатах и помещениях домов лежали кучи воспламеняющихся веществ среди прекрасной обстановки, произведений искусства и мануфактуры. Жители бежали, и лишь немногим удалось воспользоваться данным сроком для спасения своих многочисленных пожитков, так как не хватало ни повозок, ни лошадей, ни носильщиков. В течение нескольких часов 266 домов стали жертвой огня. При этом сгорела заживо старая супружеская пара и еще трое людей. Эта ужасная сцена пожара была изображена врагами Фридриха со всевозможными прибавлениями, позорящими пруссаков. Но Шметтау получил от членов магистрата почетный отзыв о своем поведении, так что возводимые на него обвинения в

жестокости совершенно напрасны. [165]

Казалось, Даун был поражен этим пожаром и послал коменданту вопрос: по приказанию ли короля совершен им этот до сих пор неслыханный в христианском мире поступок, пригрозив ему ответственностью за него. Шметтау сослался на свою обязанность защищать вверенный ему город до последнего человека и на известные ему военные принципы. Как и прежде, он уверял фельдмаршала, что будет защищаться по всем улицам против всей его армии и погребет себя в развалинах королевского дворца. Тогда Даун приготовился к настоящей осаде Дрездена; но тут пришли серьезные известия из Силезии об освобождении Нейсе, об отступлении императорской армии в Моравию и о новом походе Фридриха в Саксонию; таким образом планы австрийского полководца были снова разрушены. Он ушел, уверяя при этом по придворному обычаю, что уходит, желая этим оказать уважение королевской семье. В австрийском же военном рапорте значилось, что одно важное обстоятельство было причиной отступления. Этим важным обстоятельством являлось не что иное, как приближение короля. Планы относительно Лейпцига и Торгау окончились так же неудачно, так как оба эти города были почти одновременно освобождены прусскими генералами Дона и Веделем. Императорским и имперским войскам оставалось лишь уйти в Богемию; даже завоеванный форт Зонненштейн был вновь покинут ими. Подобно тому, как принц Субизский велел отслужить благодарственное молебствие после Луттербергской битвы и тогда отступил за Рейн, так и австрийцы вернулись в свои земли после Гохкирхской победы, не завоевав в этой кампании ни одной пяди земли. Даун постарался разместить свои войска на зимних квартирах таким образом, чтобы они составили громадную военную цепь, которой никогда не видала не только Германия, но и вся Европа. 300 000 солдат с лишним составляли этот огромный кордон, простиравшийся от Исполинских гор до Альп. Вдоль границ Силезии и Саксонии [166] его составляли австрийцы, продолжали его через Тюрингию и Франконию имперские войска, к которым вдоль Майна и Рейна присоединились французы, растянувшись до самых границ Швейцарии.

Удаление короля после Цорндорфской битвы дало возможность русским продолжать свои военные действия, и они решили осадить Кольберг, чтобы овладеть военным складочным пунктом и главным магазином среди прусских областей. Гавань этого города представляла им большие удобства для подвоза, а слабый гарнизон обещал легкое завоевание. Итак, судьба Померании зависела теперь от 700 человек земской милиции, нескольких инвалидов и пятнадцати артиллеристов, составлявших гарнизон Кольберга под начальством майора-инвалида. Но комендант этот, по имени Гейден, был далеко недюжинный воин. Он прекрасно приготовился к защите, обнаружил большую неустрашимость, много военных знаний и редкую решительность. Генерал Пальменбах осадил крепость с 10 000 русских, овладел гаванью, а через пять дней и укрепленной дорогой, ведущей в город{144}. Казалось, что крепость должна быть непременно взята, но неустрашимость коменданта, его солдат и вооружившихся храбрых граждан, сражавшихся подобно опытным воинам, положили предел дальнейшим успехам неприятеля. Сильно мешали осажденным предместья, дома которых служили защитой для русских; Гейден не хотел их жечь, чтобы пощадить граждан, на помощь которых он преимущественно должен был рассчитывать при малочисленности своего гарнизона. Эти последние, ловко умевшие стрелять в цель, не покидали валов и убивали всех, в кого только попали. Генерал Пальменбах был возмущен, узнав о защите города жителями его, но он успокоился, когда ему объяснили, что каждый из граждан обязался в гражданской присяге защищать крепость.

Во время этой осады произошел весьма странный случай. На шестой день Пальменбах получил неожиданное [167] приказание снять осаду. Он тотчас же повиновался, но едва отошел он мили полторы, как отдан был новый приказ вернуться и энергично продолжать осаду. Гейден, которому это отступление показалось весьма сомнительным, из осторожности не спешил отворять ворота крепости и засыпать крепостные рвы, на что всегда нашлось бы время в случае действительного отступления, поэтому русские, возвратившись на следующий день, нашли все по-прежнему. Требование о сдаче было возобновлено. Комендант ответил, что у него нет никаких причин сдаваться, так как укрепления совсем не пострадали, и прибавил, что эту крепость не удастся взять с помощью огня, точно так же, как Кюстрин. Чтобы доказать хорошее состояние крепости, Гейден велел обвести посланного сюда офицера с незавязанными глазами по всем укреплениям. После этого он стал делать самые удачные распоряжения для дальнейшей защиты. Для замены артиллеристов день и ночь производилось ученье 120 человек милиции, упражнявшихся в стрельбе из орудий; уход за ними был самый добросовестный: ежедневно варились для них кушанья и приносились в батарею. Да и весь гарнизон получал, кроме хлеба и мяса, еще сало и овощи, так как сделаны были большие запасы; это обстоятельство немало способствовало бодрому настроению солдат: все были здоровы и охотно работали.

Осаждающие постоянно получали подкрепления из главной армии и возобновляли свои атаки со свежими войсками. На 15-й день осады вновь было послано требование о сдаче, в котором было сказано, чтобы комендант подумал о бедствии, ожидающем жителей, если город придется брать приступом. А благодаря своему положению и храброй защите при столь слабом гарнизоне, не имея никакой надежды на освобождение, он вполне будет прав перед Богом, перед королем и перед людьми, если согласится на сдачу. Гейден отвечал: если бы это от него зависело, то он бы по возможности старался щадить кровь; но в качестве [168] офицера он обязан ждать до самой крайности. Однако приступа не было, но зато бомбардировка продолжалась; бросали бомбы и гранаты в город, а когда запас их истощился, то даже камни. Наконец получено было известие о приближении прусского корпуса, после чего осада, продолжавшаяся 29 дней, тотчас же была снята {145}. После этой неудачной попытки русские очистили всю Померанию и Бранденбург, а сами ушли частью в Польшу, частью в Пруссию на зимние квартиры. Благодаря этому прусский генерал Дона получил возможность пойти со своей армией в Саксонию, чтобы освободить Лейпциг, который осадил герцог Цвейбрюккенский с имперскими войсками. Осада была тотчас же снята, и герцог отправился домой. Императорский генерал Гаддик тоже ушел поспешно в имперские земли, как только шедший из Померании генерал Ведель приобрел те же преимущества над ним. Король, вернувшийся в Саксонию после освобождения Нейсе, усилив укрепления Зонненштейна, опять ушел в Силезию, где расположил свою главную армию на зимних квартирах. Сам же он поселился в Бреславле.

Военные действия шведов были так же незначительны в эту кампанию, как и в предыдущие, хотя они получили подкрепление из 5600 человек пехоты и 2000 кавалеристов; Франция же выплатила им добросовестно определенные субсидии, состоявшие из 200 000 рейхсталеров обыкновенных сумм и 400 000 талеров экстраординарных. Однако шведы ограничились тем, что налагали контрибуции и грабили беззащитные прусские области, а когда не хватало продовольствия, то их выручал Мекленбург, куда шведы посылали сильные команды, чтобы забирать в этой союзной провинции {146} запасы зерна, как будто у врагов; впрочем, они всегда обещали, что заплатят. Земские чины герцогства вначале протестовали против такого образа

действий, отсылая шведов на рынки, где они могли приобретать требуемое по обыкновенным ценам; но им пригрозили [169] экзекуцией, и протесты умолкли. Предводитель корпуса, граф Левенгаупт, потребовал также денег для себя и своих солдат, под предлогом, что они явились для защиты страны; деньги были им тоже выданы. В августе войска эти ушли; но перед уходом они потребовали от земских чинов выдачи удостоверения в том, что герцогство не будет вы плачивать денег прусскому королю. Требование это было смешное, так как прусские военные власти продолжали регулировать доходы из Мекленбурга, хотя по временам и бывали промежутки. Поэтому земские чины не хотели дать такого удостоверения; тогда полковник Дриберг и ростокский бургомистр Манцель уведены были шведской главной армией в качестве заложников.

В августе истек срок союзного трактата между Швецией и Россией; он был возобновлен без изменений еще на двенадцать лет. Военные действия шведских войск были все те же: бездеятельность в поле позорила их в глазах других союзных держав, врагов и даже соотечественников. Истинные причины этой бездеятельности, о которых было уже упомянуто выше, были известны лишь немногим. Малодушные эти воины подверглись осмеянию как в Стокгольме, так и в Вене и в Берлине, — это обстоятельство побудило их принять более деятельное участие в войне. Они совершенно изменили приписываемой им в течение столетий славе великодушных врагов и опозорили свой воинственный дух низкими поступками. Лишь только пруссаки удалились, они предались ужасному грабежу и всевозможным бесчинствам. Немногим уступая казакам, кроме пожаров и убийств беззащитных граждан, они дочиста разграбляли города и деревни, не оставляя несчастным жителям никаких средств для существования, затаптывая в землю посевы. К этим жестокостям побуждала их не национальная ненависть; напротив, вначале они благосклонно относились к пруссакам и роптали на политику, соблюдаемую в их государстве, — в них попросту развилось желание грабить, заглушившее [170] в них всякое сострадание; тут присоединилась еще сила привычки и общепринятые солдатские принципы, гласящие, что человек на войне поневоле черствеет и превращается в тигра. Шведы ежедневно выстраивались рядами и молились, а окончив молитву, отправлялись грабить; совершив все свои дневные преступления, они вечером снова собирались на молитву.

Главным намерением шведов было взять Берлин в октябре, когда Бранденбург не был совершенно защищен войсками; они находились всего на расстоянии пяти миль от этой резиденции, как вдруг явился Ведель со своим корпусом и прогнал их {147}. Пруссак не унялись до тех пор, пока не загнали шведов под самые пушки Штральзунда. Последним удалось сильно укрепить во время бегства лишь один город Фербеллин в маркграфстве, для прикрытия своего отступления; пункт этот, столь памятный шведам по большому поражению, претерпенному ими сто лет тому назад при курфюрсте Фридрихе Вильгельме {148}, немедленно был пруссаками атакован и взят приступом; гарнизон был частью избит, частью взят в плен.

Кампания повсеместно прекратилась. Фридрих, разбитый в октябре, теперь владел Эльбой и Одером. В короткий семинедельный срок он совершил поход из Саксонии в Силезию, потом назад в Саксонию и снова в Силезию. За это время были освобождены Нейсе, Козель, Дрезден, Лейпциг, Торгау и Кольберг. Если непосвященные удивлялись его военным действиям, то люди, знакомые с тактикой, еще более были поражены ими, зная все трудности, сопряженные с передвижением больших армий. Маршал Бель-Иль, тогдашний полномочный французский государственный министр, сам некогда предводи

тельствовавший армией и поэтому хорошо ознакомленный с военными маневрами, хотя и получил уведомление о предстоящих походах пруссаков, но, убежденный в их невозможности, вычеркнул их из своих военных планов, [171] говоря: «*Хотя прусский король и способен на все, но ведь его армия не ткацкий челнок*». Австрийцы составляли в Богемии и Моравии новые проекты для будущих атак. Русские, находившиеся в Пруссии и Польше, думали о наполнении своих магазинов; имперские войска рассчитывали на отдых на зимних квартирах в Германии, а шведы, отдавшие даже свою Померанию пруссакам, заботились лишь о собственной безопасности, расположившись под Штральзундскими батареями. [172]

Книга пятая

Кампания этого года, предпринятая союзниками против Франции, была тоже весьма замечательна. Уже в начале года Ришелье был отозван и должен был уступить начальство французских войск графу Клермону. Новоизбранный главнокомандующий принадлежал к духовному сану и никогда не видел армии в сборе даже на смотре. Но маркиза Помпадур, в качестве королевской любовницы вполне овладевшая Людовиком XV и французским народом, была в восторге от его придворных талантов, из почтения к которым выхлопотала для него главное начальство над французскими войсками в Германии, где он должен был поддерживать честь Франции против великого полководца. Выбор этот поверг весь мир в изумление, а Фридрих, узнав о нем, сказал: «*Надеюсь, что его вскоре заменит парижский архиепископ*».

Французский двор соперничал с венским в проявлении своих усилий к уничтожению Пруссии. Казалось, в Версале забыли о том, что французский флот был наполовину уничтожен и что успехи англичан становились весьма грозными [149]; все его старания были направлены лишь к тому, чтобы с помощью интриг, золота и политики прекратить существование этого королевства. Французские послы в Вене, Петербурге и Стокгольме распоряжались полновластно в кабинетах этих держав. Далее граф Монтацет и маркиз Монталамбер были посланы делегатами, первый в императорское [173] войско, а второй — сперва в шведскую, а потом в русскую армии, чтобы и здесь по возможности согласовать военные действия союзников с проектами Франции. Эти делегаты сами были офицерами, причем отличались большими дарованиями и военной опытностью. Они изучали внутреннюю силу или слабость войск и характеры полководцев, которых французский двор, сообразуясь с их страстями и личными вкусами, старался привязать к себе великолепными подарками. К этим уловкам присоединялись еще весьма важные для союзников и мудрые советы, как это доказывает перехваченная с помощью измены переписка Монталамбера. Офицеры эти были необыкновенно деятельны, они переписывались с властвовавшими в Версале министрами, с вождями французских войск и с послами своей нации, находившимися при дворах всех воюющих держав. Когда войска прекращали кампании, они лично переезжали из одного двора в другой, предлагая проекты и самые действенные средства для преодоления препятствий.

Перед отъездом Ришелье Гальберштадт подвергся еще одному грозному посещению французов. Полководец этот в день Росбахской битвы отозвал свои войска из города и из всего княжества, вытребовав предварительно с 10 городов и 100 деревень, составлявших эту область, более полутора миллионов рейхсталеров в течение шести недель. Сам он за охрану и охранные письма получил при этом 40 000 рейхсталеров, и еще 200 000 рейхсталеров из обещанной контрибуции остались неуплаченными. Ввиду того, что в

этой области находились еще 3000 человек прусских войск, истощенные гальберштадтцы по приказу короля отказались выплатить эту оставшуюся сумму. Ришелье решил их за это наказать и в январе выслал против Гальберштадта 12-тысячный корпус, стоявший в Брауншвейгском округе, под предводительством маркиза Войе. Он хотел схватить находившихся в городе пруссаков, но последним удалось отступить без урона. Тут начался еще более жестокий грабеж, [174] к которому присоединилась следующая угроза: те дома, где при обыске будет найдено более четырех талеров деньгами и более трех четвериков зерна, будут разграблены и сожжены; при этом зажигательные средства держались наготове. На самые убедительные просьбы Войе отвечал кратко: «*Денег, зерна или пожар!*» Вынужденные такой угрозой, жители собрали 4000 четвериков зерна и 121 000 рейхсталеров деньгами и серебром, причем бедные приносили со слезами по 16 и 8 грошей; остальные деньги были взяты под векселя. И все-таки произведен был военный обыск по домам, которые оказались страшно разграблены. После этого городские ворота были сожжены, столбы и стены разрушены. Напоследок неприятель потребовал от жителей обязательство уплачивать ему в виде наказания 100 000 рейхсталеров всякий раз, когда в городе появятся прусские войска. Депутаты заявили энергичный протест на такое несообразное требование. Наконец французы ушли, взяв с собой шесть заложников. Но Кведлинбург, где командовал граф Тюрпен, не подвергся такой судьбе. И здесь ожидали больших контрибуционных требований, однако великодушный этот вождь, не получивший столь бесчеловечных поручений или же не желавший их исполнять, потребовал лишь необходимое содержание для своих войск и известное число повозок. Благословляя его за умеренность, жители доставили требуемое.

Главным намерением французских вождей было взятие больших германских имперских городов. Уже за год до этого они тотчас же при вступлении своем в Германию овладели Кельном под предлогом, что король французский считается блюстителем Вестфальского мира. Имперский город Бремен подвергся той же участи в августе 1757 года, причем поводом к этому послужили военные склады, находившиеся тут для нужд английского короля. Впрочем, в данном случае обещали не нарушить ни правления, ни законов города; лишь в случае сопротивления грозили насилием. [175] Жители принуждены были уступить, и генерал, маркиз Армантьер, тотчас же овладел городом, неприятное положение которого было, впрочем, смягчено благородным поведением французского военачальника и дисциплиной войск. Пребывание тут французов было непродолжительно на сей раз: через две недели они покинули Бремен. Но по прошествии четырех месяцев, еще до открытия кампании, они возобновили проект овладеть вновь этим городом, узнав о подобном же намерении со стороны герцога Фердинанда Брауншвейгского. При исполнении его явились некоторые затруднения; так, чернь окружила в сильном негодовании ратушу и грозила собравшимся магистратам, если они впустят французов в город. Народ не хотел слушать никаких доводов, а французский предводитель не хотел ждать. Он велел подвезти орудия, и войска стали подходить к стенам со штурмовыми лестницами. Тогда поспешили заключить перемирие с полководцем, герцогом Брольи, условия которого вовсе не были так плохи для города, так как он согласился на все, что требовал магистрат. Но народ все же был недоволен этой мерой, особенно когда пришло известие о приближении 3000 ганноверцев. Чернь стала собираться толпами и вооружилась дубинами и другими инструментами, желая разрушить арсенал, чтобы заpastись там оружием и прогнать французов. Дело дошло до свалок, причем многие были убиты и ранены; только после этого возмущение прекратилось и подобным завоеванием заключились военные действия маршала Ришелье,

который уехал в Париж и почил на лаврах.

Клермон нашел армию, вверенную его начальству, в самом жалком состоянии. Маркиз Гавринкур, французский посол в Стокгольме, в письме своем к маркизу Монталамберу говорит по этому случаю: *«Клермон застал в войсках непонятный беспорядок: никаких распоряжений, ни единогласия при распределении войск по квартирам, никаких приготовлений запасов и содержания на будущее время, [176] словом, недостаток во всем»*. Поэтому новый фельдмаршал сделал своему королю следующий необыкновенный доклад: *«Я нашел армию вашего величества разделенной на три совершенно различные части. Первая из них находится на земле и состоит из грабителей и мародеров, вторая — в земле, а третья — в госпитальных»*. Поэтому он ждал инструкций для возвращения назад с первой частью этой армии, пока ее не постигла участь последних двух.

Но герцог Фердинанд не дал ему времени оправиться. Он открыл кампанию уже в феврале, овладев Везером, и направился к Ганноверу. Где только показывались его авангарды, враг бежал так поспешно, что оставлял даже всех больных и большое количество орудий и багажа. Даже столь важный во многих отношениях Бремен, где теперь командовал Сен-Жермен, был вновь оставлен французами, так же как Липштадт, Гамм, Мюнстер и другие значительные пункты. Еще только в Гойя на Везере удерживался некоторое время граф Шабот, пока наследный принц, впоследствии герцог Брауншвейгский, не прогнал его оттуда после энергичного сопротивления, увозя 1500 человек пленными. Это были первые подвиги молодого принца, стяжавшие ему в скором времени почетное место между величайшими полководцами этой эпохи [{150}](#).

Взятие Гойя открыло путь в Целле, Ганновер и Браун швейг. Легкие войска союзников опрокидывали всех неприятелей по пути. Благодаря смятению и беспорядку во время бегства, несколько сот французов сделались жертвой ярости ганноверских крестьян, озлобленных столькими насилиями. Через 8 дней весь Ганновер был очищен от неприятелей, бежавших неудержимо за Рейн и оставивших свои склады. Не успевшие бежать попались в руки врагов. Чтобы несколько обеспечить это беспорядочное отступление, Клермон пожертвовал 4000 человек, которых оставил в Миндене. Пункт этот был форменно осажден. Комендант, маркиз Моранжиз, на пятый день осады [177] потребовал свободного прохода войскам; получив отказ, он грозил сжечь мост через Везер, превратить город в груды пепла и погибнуть в развалинах его вместе с гарнизоном. Но маркиз остался при своих угрозах, которые возбуждали лишь насмешки осаждающих, и на следующий же день пункт этот был взят, причем оставшиеся 3500 человек гарнизона были взяты в плен; кроме того, неприятель овладел большим складом. В Гессене один лишь Марбург находился еще в руках французов. Но наследный принц Браун швейгский прогнал и отсюда французов; таким образом, вся нижняя Саксония и Вестфалия были теперь очищены от врагов. Французы остановились лишь у Везеля, оставив в руках союзников во время этой военной облавы 11 000 человек. В этой прусской крепости французский главнокомандующий учредил свою главную квартиру и большую часть войск отослал за Рейн.

Фердинанд нуждался в коннице. Находящиеся в его армии ганноверские и гессенские кавалерийские полки, вместе с несколькими тысячами прусских гусар, были недостаточны по количеству для большой службы в поле. Поэтому английский парламент решил выслать британскую конницу в Германию и усилить своей пехотой Фердинандову армию. Самым удобным местом для высадки этих войск был Эмден; но

этот пункт находился во власти французов, которые, ввиду имеющейся там гавани, пред назначили его для главного складочного места оружия и продовольствия. Но и этот их план был разрушен. Два английских корабля блокировали гавань и навели ужас на гарнизон, который опасался одно временной атаки с моря и с суши, отрезывавшей их от всякого сообщения. Оставалось только отступить, что и было сделано, но с большими потерями: вооруженные английские лодки, прусские гусары, ганноверские охотники — все старались превзойти друг друга в деятельности. Многие из отступавших французов были убиты, еще больше было взято в плен; причем все [178] раненые и больные были оставлены на произвол судьбы. Неприятель овладел множеством багажа, снарядов и большими магазинами; взятые французами заложники были освобождены. Из-за поспешного бегства французы забыли отозвать гарнизон соседнего форта Вехты; он был вскоре взят военнопленным, причем неприятель приобрел еще 100 штук орудий.

Все воюющие армии — прусская, австрийская, русская, шведская и имперская — находились еще на зимних квартирах, когда в марте произошла эта большая неожиданная эволюция, и упоенные победами французы должны были, подобно дичи при наступлении зимы в лесах, бежать из всех областей северной Германии. Таким образом, театр военных действий совершенно преобразился. Один лишь Везель оставался еще в руках французов. Фердинанд намеревался овладеть этим пунктом и совершенно прогнать их за Рейн. Но он сперва поселился на зимних квартирах в Вестфалии и ждал английскую конницу.

Французская нация, не забывшая еще Росбахского позора, была сильно угнетена этим новым неожиданным ударом. Сильное французское войско, преследуемое горстью немцев, собранных наскоро, не имеющих даже конницы, да к тому же именно тех немцев, которых они недавно покорили, решив их участь, обращаясь с ними грубо и презрительно, загнали в уголок страны и вынудили к исканию спасения позорной капитуляцией... — это было слишком сильно для галльского высокомерия. Уже воображали, что предприимчивый Фердинанд переправился через Рейн, находится во Франции и вскоре появится под стенами Парижа. Все это казалось таким необыкновенным для врагов Пруссии, что даже венский и петербургский дворы стали предполагать тайное соглашение между Францией и Пруссией, и немало труда приложили французы к тому, чтобы уничтожить это подозрение. Версальский двор вскоре проявил решительную деятельность. Были приняты самые энергичные [179] меры и мобилизованы все войска из внутренних областей Франции, которые должны были тотчас же подкрепить корпуса на Рейне; пограничные крепости были поспешно снабжены всем необходимым для сильной обороны, а чтобы оживить павшее мужество нации, больше желавшей мира, чем войны, был распространен слух, что в скором времени, благодаря посредничеству Испании, мир будет заключен.

Герцог Бель-Иль, бывший тогда полновластным хозяином в Версале, обратил внимание на источник злоупотреблений. Он сделал распоряжения, необходимость которых, особенно в военное время, должна была возбудить изумление всех дисциплинированных армий. Половина офицеров должна была оставаться при своих полках; далее, без отпуска офицеры не имели права удаляться от армии; за нарушение этого они наказываются лишением жалованья. Бель-Иль заключил также многих офицеров в Бастилию и разослал ко всем полковым командирам французской армии строгие приказы и угрозы. Но на них мало обратили внимания; зло слишком укоренилось и могло быть пресечено лишь с помощью совершенного преобразования воинского устава{151}. Ни субординации, ни дисциплины, ни порядка не соблюдалось во время походов их армий, в лагерях, даже на поле сражения; вместо них существовали варварские обычаи,

произвольные законы и бесчинства. Даже унтер-офицеры держали любовниц, которые сопровождали армию в экипажах, часто в обществе своих любовников. Во французских лагерях можно было найти все, чем роскошь манит глаза в великолепных столицах. От предметов необходимых до самых изысканных — все можно было иметь в бесчисленных лавках, в магазинах, торгующих шелковыми тканями, галантерейными товарами, духами, зонтами, париками, румянами и белилами. Однажды в армии принца Субизского, не превышавшей тогда 50 000 человек, находилось 12 000 повозок, принадлежавших купцам [180] и маркитантам, не считая офицерского багажа. В гвардейском корпусе один эскадрон герцога Виллерау, состоявший из 139 всадников, имел при себе 1200 лошадей, из которых лишь небольшое количество употребляемо было кавалеристами; остальные везли эскадронный обоз. Такое непомерное количество багажа сильно затрудняло продовольствие войск и препятствовало передвижению их. В лагерьх устраивались балы, и нередко караульный офицер покидал свой пост, чтобы где-нибудь по соседству протанцевать менуэт. Над приказами генералов издевались, исполняя их лишь при желании.

Разительный пример совершенного отсутствия субординации подал один из знатнейших и лучших генералов, граф Сен-Жермен, впоследствии датский фельдмаршал, а затем французский военный министр. Случай этот относится к последующей кампании, но тут он более уместен. Сен-Жермен был французским генерал-лейтенантом и командовал отдельным корпусом в 10 000 человек. Поссорившись с маршалом Брольи, он совершенно отказался повиноваться ему и наконец уехал, даже не известив об этом своего главного начальника и не приняв никаких мер для обеспечения стольких тысяч солдат. Ему показалось достаточным указать маршалу в письме то место, где находился вверенный ему корпус. Такая важная военная измена не произвела особенного впечатления ни в войске, ни во Франции. В Париже заявили: «*Il a donné sa demission*» [152]. Нация эта, столь ревниво относившаяся к своей чести, не принимала во внимание ни положения дел, ни обязательств к чести, к сану и к отечеству. При дворе и в столице ограничились лишь порицанием этого своевольства, одно помышление о котором сочлось бы в римской и прусской армиях преступлением, достойным смертной казни.

Благодаря своему образу мыслей и действий, столь противоположному военным обычаям и принципам немцев, французы стали так презренны в глазах германских войск, [181] что ни природное их мужество, ни любовь к славе не могли им снискать уважения. Немало способствовали этому и важные события. Встречает Фридрих французов — он тотчас же с большою легкостью одерживает над ними победы; Фердинанд среди зимы собирает рассеянные войска и прогоняет мечтавших о победах французов за несколько недель, почти без битвы, до самого Рейна. Вдвое сильнейший неприятель бежит отовсюду, оставляя свои магазины и думая лишь о спасении жизни. Французские войска, пришедшие на Рейн, находились действительно в самом жалком состоянии и представляли необъятную картину человеческой нищеты: изнуренные, изголодавшиеся, ободранные, они не имели даже предметов самой первой необходимости, так как весь багаж их лавочников и маркитантов сделался добычей легких войск Фердинанда, а недостаток хлеба был для них так же чувствителен, как и потеря пудры для волос. Зато веселье у них процветало: они пели, плясали и надевали шутовские наряды. Им разрешались различные вольности, которые считались бы непристойными в иных армиях. В походах они несли ружье, воткнувши хлеб на штык, а на рукоятку шпаги привешивали кусок мяса. Многие рядовые были без чулок и надевали штиблеты прямо на босую ногу. Бумажные манжеты были у них явлением весьма обыкновенным. Ни в одной

армии не было такого веселья: оно не прекращалось ни днем, ни ночью, не прерывалось ни походами, ни неудачами, ни победами. За недостатком иных зрелищ, раздевали по поясу развратных женщин и гоняли их сквозь строй: наказание, изобретенное лишь для увеселения, и тем более странное, что французских солдат не подвергали никаким телесным наказаниям{153}.

Все это еще увеличивало пренебрежение германских войск к французам; никогда оно не проявлялось в такой степени относительно храброго народа и не было скрываемо даже в самых критических обстоятельствах. Вот один разительный пример: прусский гусар был пойман французами [182] и приведен ими в лагерь. Клермон сам пожелал с ним говорить, так как взятие в плен прусского гусара было весьма большой редкостью. Плененный принадлежал к Черному полку, каждый всадник которого одет был в черное и на кивере красовалась у него мертвая голова, символ смерти; это был живой *memento mori*{154}. Один вид такого предвестника смерти, вооруженного острой саблей, внушал ужас. Эти гусары были пугалом для самых храбрых французских полков. По слухам, они при малейшем сопротивлении не давали пощады, а гусары сами подтверждали эту молву, чтобы тем легче было побеждать. Появление их производило невероятное действие. Целые отряды обращались в бегство, завидя нескольких гусар, и нередко один из этих черных всадников приводил в союзный лагерь целую толпу пленных. В бой они шли точно на танцы и никогда не возвращались без добычи. Между легкими прусскими войсками они отличались великодушием и геройской неустрашимостью, иллюстрацией чего может служить следующее. Гусар полонил австрийского офицера, который, согласно военному обычаю, тотчас же отдал ему часы и кошелек. Пруссак возвратил то и другое, говоря: *«Вы в плену и потому нуждаетесь в деньгах. Вот это, — тут он ударил по сабле, — всякий день снабжает меня ими»*. Этот Черный полк должен был однажды во время ожесточенного боя выдерживать неподвижно убийственную пальбу из орудий. Офицер спокойно курит трубку, а когда два гусара, сраженные ядрами, опрокидываются с лошадей, он кричит остальным: *«Смирно, дети! Когда один падает, остальным сейчас же сомкнуться; на то мы здесь и стоим»*. В другом сражении один тяжело раненный офицер, падая с лошади, закричал своим гусарам: *«Вперед, вперед! На врага! На меня не обращайтесь внимания»*. Такие примеры должны были возвысить в воинах понятие о долге и умалить страх перед смертью.

Разговор французского полководца с плененным гусаром производился при помощи переводчика. На вопрос, [183] где находится лагерь Фердинанда, он отвечал: *«Там, где вы не будете его атаковать»*. Его спросили, как велика армия короля. *«Найдите ее и сосчитайте, если у вас на это хватит храбрости»*, — был ответ. Клермон не счел себя оскорбленным такой дерзостью; напротив, она ему понравилась, и он спросил гусара, много ли у его короля таких солдат. Человек с мертвой головой отвечал: *«Я самый плохой, иначе я не был бы теперь у вас в плену»*. Для французов было большой загадкой найти подобные воззрения вне Франции. Гусар был выпущен, и Клермон подарил ему луи дор. Пруссак взял его, и, хотя сам был обобран и без гроша, но тут же, на глазах полководца, отдал монету одному французскому солдату, говоря, что не хочет принимать подарков от врагов своего народа. Ему предложили офицерский чин на французской службе; гусар ответил с презрительной усмешкой, что он пруссак.

Подобные черты характеризуют дух народа и эпохи. Такое благородство чувств у рядового могло выработаться лишь национальными принципами и убеждениями; поэтому такой поступок не изумил немцев, и хотя он сделался гласным, но имя пруссака

осталось неизвестным.

Долг историка отмечать подобные эпизоды; он приятен, когда они делают честь его народу. Но не должно ему умалчивать и о подвигах врага. Упомянутый выше маркиз Армантьер взял город Целле. Дворянство и граждане выслали депутатов, умоляя о пощаде. Армантьер отвечал: *«Господа! Я пришел сюда для вашего блага; но будьте уверены, что я постараюсь вам повредить как можно меньше»*. И он сдержал слово. По окончании войны он выслали из Франции целльскому священнику энциклопедический словарь, считавшийся тогда знаменитейшей книгой¹⁵⁵. При этом он писал ему: *«Вы слишком много подали мне поводов оказать пользу вашим несчастным согражданам, и я хочу вам поэтому засвидетельствовать свою справедливую благодарность»*. [184]

Французы, под предводительством генерала Мерсьера, взяли знаменитый своими льняными мануфактурами вестфальский город Билефельд, причем разграбили его, хотя генерал запрещал всякие бесчинства. Но чувствуя, что ему следовало бы поступать энергичнее, он в 1790 году, через 33 года после этого происшествия, послал из Байонны Билефельдскому магистрату значительную сумму денег, с просьбой вернуть ее пострадавшим; в случае же их смерти употребить этот капитал на пользу города. Жители Ганновера тоже имели счастье получить человеколюбивого коменданта. Им был герцог Рандан, который обнаруживал снисхождение и великодушие, где только мог. Французский генерал Вобекур, командовавший на Гарце, доказал своим славным поведением, как можно соединять благородство с неприятельскими действиями. Тронутые этим жители горного Клаусталья вычеканили в доказательство своей благодарности большую медаль с его изображением и с надписью: *Recto, Modesto Duci Vaubecourt, Civit — Clausthal. 1762 («Честному, умеренному герцогу Вобекуру — гражданине Клаусталья»)*.

Возвратимся опять к прерванной нити истории. Фердинанд, предоставив короткий отдых своим войскам на зимних квартирах, открыл кампанию с отважным намерением перенести театр войны если не в самые пределы Франции, то все же к границам этого государства. Но так как французская армия расположилась на Рейне, притом в весьма выгодной позиции, а Фердинанд не имел понтонов, то переправа через эту большую реку представляла необыкновенные затруднения; но все прошло весьма удачно, благодаря превосходным мерам, и 1 июня ночью союзная армия счастливо переправилась у Клеве на ту сторону Рейна, частью в нанятых у голландцев судах, из которых был построен понтонный мост, частью на плоскодонных лодках. Причиненный несколькими голландским владениям убыток был вознагражден четырьмя тысячами гульденов. [185] Фердинанд сильно желал сражения, но Клермон тщательно избегал его и, сильно укрепившись, сидел в Рейнфельдене, несмотря на то, что армия его была гораздо сильнее неприятельской. Атаковать его там было бы дерзостью. Оставалось лишь одно средство — принудить его к отступлению искусными маневрами, что и удалось ловкому противнику^{156}, и на четырнадцатый день после переправы через Рейн французская армия очутилась на равнинах Крефельда. 23 июня произошло сражение, в котором Фердинанд обнаружил необыкновенные военные дарования. Он совершил три атаки, из которых две были ложные; но это обстоятельство, благодаря искусным маневрам, не было замечено врагом. Главным местом действия был, собственно, левый фланг французов, в лесу, от занятия которого зависела судьба битвы. Здесь командовал генерал Сен-Жермен; в надежде на скорую помощь он храбро защищался. Действительно, весь гренадерский корпус был отправлен для его подкрепления, но по дороге заблудился. Наконец в лес проник наследный принц Брауншвейгский во главе пехоты, и после

упорной трехчасовой битвы неприятель был изгнан оттуда{157}. Французская кавалерия лишилась при этом части своих лучших всадников, а прусские драгуны, ожесточенные какими-то шутками французов, энергично мстили за них. Союзники лишились в этом сражении 1500 человек убитыми и ранеными, враги же лишились более 7000 человек. Чувствительной национальной потерей для французов была смерть графа Жизора, единственного сына герцога Бель-Иля; это был юноша с редкими достоинствами, который подавал блестящие надежды. Он умер от раны на руках наследного принца Брауншвейгского, который знал его и любил. Победитель Фердинанд ходил по полю битвы, и грустно смотрел на изувеченные трупы, и сказал офицерам, поздравлявшим его: *«Уже десятый раз в своей жизни вижу я подобное зрелище. Дай Бог, чтобы оно было по следним!»* [186]

После битвы наследный принц двинулся вперед со своим корпусом, взял Роремонд посредством капитуляции и выслал отряды для разведки под самые стены Брюсселя. Были наложены контрибуции на Брабант и Люттихское епископство. Но самым важным последствием этой победы была осада Дюссельдорфа, где находились главные французские склады. На шестой день, когда бомбы и гранаты превратили в кучу пепла множество домов, город сдался. Гарнизон получил свободный пропуск, а громадные запасы провианта, снарядов и прекрасных орудий достались завоевателям. Во Франции до того испугались этой новой неудачи, что Бастилия была наполнена офицерами, а Клермон вызван обратно. Дофин пожелал сам начальствовать над армией, но ему не разрешили. Между тем были приняты новые меры для спасения чести французского оружия. Армии снабдили рекрутами, всеми необходимыми припасами и инструкциями. Командование на Рейне получил теперь опытный маршал Контад; причем принц Субиз получил приказание во что бы то ни стало вновь проникнуть в Гессен со своей армией, усиленной 6000 вюртембергцев. Эта область, по причине отдаления Фердинанда, могла быть, по-видимому, легко отвоевана, что послужило бы поводом для отозвания союзников от Рейна. Субиз выступил туда, и хотя его авангард и был разбит гессенской земской милицией, он все же проник с 30-тысячным войском в центр этой провинции. Гессенский генерал, принц Изенбург, имел всего 7000 человек для защиты ее; с этим войском он занял выгодную позицию между Касселем и Минденом. Видя невозможность сопротивляться такой большой армии с такими малочисленными и плохо организованными войсками, он намеревался лишь выиграть время и ожидать исхода военных действий на Рейне. Согласно этому намерению, он хотел отступить. Но войска его, имевшие самое презрительное мнение о французах, не хотели и слышать об этом. Он принужден был остаться, и таким образом 23 июня у деревни Зандерсгаузен произошло [187] сражение между ним и герцогом Брoльи, корпус которого состоял из 12 000 человек, большей частью немцев, состоявших на французской службе. Бой был весьма ожесточенный. Гессенцы дрались как львы, так что в течение пяти часов исход битвы оставался неизвестным; но под конец они должны были уступить перед многочисленностью. Изенбург ушел с поля битвы, потеряв 1500 человек убитыми, ранеными и пленными и почти всю свою артиллерию. Триста храбрых гессенцев утонули в Фульде; чтобы не попасть в плен, они бросились вплавь через реку. Благодаря этой победе французы овладели Везером и могли распространять свои завоевания далее в ганноверском и вестфальском округах. Гессен, испытав год тому назад столь тяжелые бедствия, вновь стал страдать от бича войны{158}.

Англичане, до сих пор соглашавшиеся лишь на морскую войну, после Крефельдской битвы и успехов Фердинанда решили перенести ее на материк. Законодательные власти этого государства точно так же, как и народ, все требовали самых энергичных мер,

чтобы побороть французов и на воде, и на суше. Великий Питт все еще держал в своих мощных руках кормило британского правления и властвовал над высокомерной этой нацией. Благодаря своему всепобеждающему красноречию и глубокой пронизательности, он был всевластен как в королевском совете, так и в парламенте. Согласно его принципам, надо было или совсем оставить какое-нибудь дело, или же всеми силами добиваться его. Парламент согласился выслать 18 000 человек в Германию. Будь это раньше, Фердинанду удалось бы удержаться на Рейне и, по всей вероятности, была бы завоевана крепость Везель, блокированная союзниками. Но теперь положение этого полководца стало критическим. Против него выступила 80-тысячная армия с опытным полководцем, запасы его армии начинали истощаться; притом продолжительные дожди совершенно испортили дороги, а река вышла из берегов. Походы были необыкновенно [188] затруднительны. Фердинанд хотел сразиться; Контад, напротив, зная свои преимущества, тщательно избегал сражения. Между тем стесненный Ганновер требовал скорой помощи; к тому же Фердинанда сильно беспокоило довольствие его войск и обеспечение английских, которые должны были высадиться в северной Германии и легко могли быть отрезаны от него.

Эти соображения принудили германского полководца переправиться назад через Рейн, но препятствия были не обыкновенно велики: река далеко и широко разлилась, а бдительный неприятель с грозными силами стоял очень близко. Союзная армия перебросила мост через реку у Рееса, где был обильный магазин, большой запас денег и полевой госпиталь. Для защиты города и моста тут находился генерал Имгоф с 3000 человек. Генерал Шевер с 10 000 французов хотел атаковать этот пункт, и от удержания его зависело спасение союзной армии. Фердинанд никак не мог прийти в помощь, так что Имгоф мог полагаться лишь на храбрость своего войска{159}. Лагерь его был защищен рвами и частоколами, а неприятель не был знаком с местностью; Имгоф осторожно воспользовался этим обстоятельством, и вместо того, чтоб ожидать французов, он сам вышел навстречу им. Атака была сильная и тем более увенчалась успехом, что ее не ожидали от столь небольшого корпуса. В полчаса несравненно более многочисленный неприятель был разбит; он поспешно бежал в Везель, оставив 11 орудий, много снарядов, массу повозок и несколько сотен пленных. Бегство его было так стремительно, что французы побросали за собой оружие; по дороге в Везель было найдено более 2000 ружей.

Хотя этот случай незначителен в столь кровопролитной и обильной действиями войне, но здесь он занял место величайшей победы, так как отдал в руки Фердинанда большие магазины в Реесе и Эммерихе и понтонный мост, без которого он не мог бы переправиться через Рейн. В случае [189] же неудачи этот превосходный полководец, очутившись со своими войсками без продовольствия, без понтонов, словом, без всякой надежды, в чужой земле, стал бы добычею врагов. Теперь же удачная переправа не подлежала больше сомнению. Германский полководец обманул французов ложными маршами и позициями, чтобы скрыть свое намерение; однако разлившийся Рейн был причиной тому, что мост при Реесе пришлось разобрать и построить его при Гритгаузене. Французы сделали последнюю попытку, выслав из Везеля четыре судна особой конструкции, которые должны были разрушить его{160}; но суда эти были пойманы вооруженными лодками, так что 9 и 10 июня вся союзная армия счастливо переправилась через страшно бушующий и сильно охраняемый неприятелем Рейн, не потеряв ни одного человека; отступление это было еще более искусно, нежели переправа на левый берег. Вскоре после того английские войска, высадившиеся в Эмдене,

беспрепятственно соединились с союзниками у Коесфельда.

Прибытие англичан сильно обрадовало немцев. Их было 10 000 солдат, то есть первая дивизия из обещанных парламентом 18 000 человек. Воины эти представляли не обыкновенно красивый корпус; всадников и лошадей его, кроме того, украшал внешний вид. Один гренадерский полк носил шапки, богато шитые золотом и серебром, с надписью: «*Nec timor, nec pavidus*» («*Ни страха, ни трепета*»). Один кавалерийский полк ехал на рыжих лошадях, другой — на сивых, третий — на вороных, а четвертый — на гнедых; лошади были все на подбор, как во время парада. Кроме упряжных лошадей, корпус этот привез с собой еще 1000 багажных повозок.

Между британскими войсками, пришедшими в Германию, находилось также 2000 горных шотландцев, которые своей храброй деятельностью причинили много вреда неприятелю. Они отличаются особыми нравами и населяют Шотландские горы и Гебридские острова. Кичась своим [190] непосредственным происхождением от древних каледонцев, которых ни римляне, ни датчане, ни саксонцы, ни норманны не могли подчинить себе, и теперь еще они пользуются большей независимостью в правлении, чем их соотечественники. Говорят они до сих пор древним горским языком, на котором пел Оссиан {161}, и, вместе с ним, сохранилась почти неприкосновенной их древняя одежда, нравы и образ жизни. Как некогда, так и теперь воспеваает горный шотландец в покрытой мхами хижине героическую историю своего народа, и теперь еще он охотно делится с незнакомым путником овсяным хлебом у своего гостеприимного очага и, согласно древнему патриархальному обычаю, скорее повинуется своему ленному владельцу, главе рода, чем английскому королю.

Горные шотландцы отличаются крепким телосложением, очень ловки, хорошие пешеходы, непритязательны в пище и выносливы. Они очень храбры и хорошо исполняют солдатскую службу, но не выносят строгой дисциплины; брюк они не носят, а обматывают бедра полосатым шерстяным плащом, ниспадающим до колен. Завернувшись в этот плащ, они спят без палаток под голым небом, а иногда зарываются в землю, к чему обладают особой ловкостью. Пожитки свои они носят не в ранцах на спине, подобно другим военным народам, а спереди в остроконечных сумках из тюленьих шкур, которые привязаны на животе. На ногах у них нитяные чулки собственного изделия, прикрывающие голень лишь до половины; на головах носят шапки с перьями. Вооружены они ружьями со штыками, парой пистолетов, заткнутых за пояс, большой шпагой и длинным, свешивающимся спереди ножом. Военную музыку их составляют барабаны и волынки; последние пользуются особым почетом в Шотландии. Один из их странных древних обычаев состоит в том, что каждый батальон имеет оленя, которого во время походов ведут во главе первого взвода. [191]

Эти горные солдаты обнаружили в Германии присущую им храбрость многими удивительными подвигами. Между прочим, при Дилленбурге они атаковали французский кавалерийский полк, всадники которого пытались было вскочить на лошадей, но шотландцы частью избили их, частью пленили и вернулись в главный лагерь верхом на отбитых лошадях.

Фердинанд занял выгодную позицию при реке Липп, чтобы дать своим войскам возможность отдохнуть; отсюда он мог также прикрывать Ганновер, но завоеванный Дюссельдорф пришлось опять покинуть. Ганноверский гарнизон вышел из этой крепости, забив гвоздями все орудия и побросав порох в Рейн. Клеве был также оставлен,

и французы тотчас же овладели обоими пунктами. Изенбург расположился на Везере, а генерал Оберг с 9-тысячным войском должен был прикрывать Гессен. Оберг расположился в сильном лагере у Зандерсгаузена и употреблял все средства, чтобы заставить французов атаковать его на этой позиции. Субиз, стоявший против него с 30-тысячной армией, не хотел этого, а старался зайти ему в тыл. Опасаясь этого, Оберг покинул свой лагерь и 10 октября подвергся нападению многочисленного врага при Луттерберге. Место было слишком велико, и потому малочисленные войска его не могли защищать всех пунктов. Несмотря на это, гессенцы защищались храбро и отбили неприятельскую пехоту, но как раз в эту минуту французская конница атаковала их с фланга и с тыла. Эта неудача их была тем чувствительнее, что, не имея кавалерии, Оберг принужден был отступить. Союзники лишились при этом 1500 человек убитыми, ранеными и пленными и 28 орудий.

10-тысячный корпус саксонцев, присоединившийся незадолго до этого к французам, больше всего способствовал этой победе; да и впоследствии храбрые саксонцы везде достигали большего, чем французы. Несмотря на это, они должны были испытывать от своих высокомерных союзников [192] всякие унижения и выслушивать упреки за все неудачи. Саксонцы эти были большей частью беглые солдаты из прусской армии, не желавшие сражаться против своего государя. Их разделили на 12 полков и приняли на французскую службу. Они имели с собой 24 орудия, подаренные супругой дофина и украшенные ее вензелем. Брат ее, принц Ксаверий, второй сын польского короля, был предводителем этого отряда. Принц этот, не имея никаких военных способностей, плохой вождь, плохой патриот и плохой правитель, незабвенный в саксонских летописях по своим странным административным распоряжениям, своим высокомерным обращением сильно озлобил солдат, которые обнаруживали большое рвение к службе и считали, что заслуживают иного обращения. Солдаты не только роптали, но в присутствии принца громко ругали его. Ксаверий был воспитан при дворе, где царил азиатская роскошь и принято было, как на востоке, рабское выражение покорности, и едва верил своему слуху при подобных оскорблениях. Когда он стал придумывать страшные наказания, один саксонский генерал дал ему мудрый совет не обращать внимания на этот народный ропот и обращаться с солдатами иначе. Принц послушал его, и солдаты, хотя и не возымели лучшего мнения о его военных дарованиях, все же почитали в нем отныне королевского сына.

Субизу за Луттербергскую победу был пожалован фельд маршальский жезл. С этих пор он стал проходить по всем соседним провинциям, налагал везде тяжелые контрибуции и подошел под самые стены Гамельна. Ганноверское правительство сильно обеспокоилось, и снова архив и сокровища были отправлены на хранение в Штаде. Но движения и позиции Фердинанда удержали французов от дальнейших завоеваний и от соединения их армий, которые после нескольких неудавшихся попыток поселились на зимних квартирах: главная армия Контада между Маасом и Рейном, а войска Субиза — вдоль берегов Рейна и Майна. Гессен был [193] совершенно освобожден ими. Здесь расположился на зиму принц Изенбург; герцог Фердинанд отправил свои войска в Вестфалию, а сам поселился в Мюнстере.

Благодаря деятельности этого великого полководца французы не могли исполнить жестоких приказаний своего двора, достойных не цивилизованной нации, а разве только каких-нибудь ирокезов. Еще летом решено было в Версале, во вред всякому человеческому чувству, исторгнуть всевозможные выгоды из приобретенных преимуществ. Лувуа, министр Людовика XIV, еще в прошлом столетии подал пример

указов об опустошениях, которые великий Тюренин вынужден был исполнить в несчастном Палатинате^{162}. Этот французский прием, заимствованный у татар и уже целое столетие единодушно признанный позорным всеми европейскими нациями, даже французами, был теперь вновь, к стыду культурного народа, применен французами. Военный министр Бель-Иль писал маршалу Контаду: *«Не знаю иного источника для удовлетворения наших настоятельных нужд, кроме денег, получаемых из неприятельских земель, которые должны, кроме того, доставлять нам полное продовольствие: сено, солому, овес, хлеб, зерно, скот, лошадей, даже людей для пополнения наших иностранных полков. До конца сентября (1758) необходимо будет превратить в совершенную пустыню все местности, лежащие перед фронтом кордона, который мы хотим расположить на зиму, чтобы неприятель не имел никакой возможности подойти к нам»*. В следующих письмах к Контаду эти приказания были еще энергичнее. В письме от 5 октября значилось: *«Вы должны превратить всю Вестфалию в пустыню, а в землях по Липпе и в Падерборне, как самых плодородных провинциях, надо все истребить вплоть до растительных корней»*.

Хотя французские вожди и не совсем точно исполняли эти жестокие предписания, все же поступки многих из них свидетельствуют о полной их готовности к тому. Насильственные вымогательства принадлежат к самым [194] обыкновенным ужасам войны, даже у цивилизованных народов; их тогда лишь следует отмечать, когда они становятся невероятными. Так было в графстве Ганау, которое, подобно Гессену, особенно страдало от железного бича врагов. Здесь находился интендант Фулон, столь известный и за границей как жертва народа во время революции 1791 года; он велел запереть членов правления, дворян, магистрат и знатнейших граждан, всего 93 лица, между которыми были старики, дряхлые и больные, в одну комнату, за то, что они не могли дать требуемой контрибуции. Там они провели три дня и две ночи без пищи и питья и без сна, так как за недостатком места должны были стоять. Этот неизвестный до того между христианами поступок был еще усугублен на третий день новым приказом, воспрещающим страже выпускать их даже для естественных надобностей. Им не отпускали хлеб и воду, полагающиеся сильным и самым отчаянным преступникам, а когда члены правления Гундероде, Гуго и другие заключенные знатного происхождения унизились до того, что стали просить о хлебе своих тиранов, один из них, по имени Ла-Зон, написал им в ответ: *«Сегодня вечером отпущу вам требуемое, но впредь не ждите больше подобных любезностей»*.

К характеристике предшествовавшей кампании относятся необыкновенно многочисленные битвы, стычки и значительные схватки. Настоящая же отличалась большею частью прерванными осадами. В Силезии и Саксонии крепости Швейдниц и Зонненштейн, а в Вестфалии Минден и Дюссельдорф были осаждены по всем правилам и взяты; зато Фридрих прервал осаду Ольмюца, русские — осаду Кюстрина и Кольберга, австрийцы — Нейсе и Дрездена, а имперские войска — Торгау и Лейпцига. Военное счастье настолько изменило врагам, что к половине декабря пруссаки и их союзники не имели совсем врагов в Силезии, Саксонии, Бранденбурге, Померании, Гессене и большей части Вестфалии. [195]

Книга шестая

Во Франции весь королевский совет, даже сам дофин, высказывались за мир. Один лишь

Людовик XV и его любовница настаивали на продолжении этой войны, столь губительной для государства. Кардинал Берни, которого столь воспетая им некогда Помпадур, точно так же как и король, не хотели слушать, отказался от занимаемой им должности министра иностранных дел, на каковой он за короткое время успел приобрести славу. После его отставки последовала смерть военного министра Бель-Иля и господствующим министром стал Шуазель, который, следуя своим прежним связям с венским двором, с величайшим рвением начал продолжать войну. Первым его делом было заключение нового союзного трактата между Францией и Австрией, происшедшее 30 декабря 1758 года. Новый этот союз был несимпатичен всем беспристрастным французам уже тем, что приносил несомненный вред Франции и не обещал никаких преимуществ. Но министр, от имени короля, приказал Парижской Академии Надписей, чтобы придать договору мнимое значение внешней обстановкой, отчеканить медаль для увековечения его. В том месяце была заключена новая конвенция между Англией и Пруссией, по которой Фридрих должен был получать ежегодно 4 миллиона рейхсталеров субсидии. В четвертом параграфе ее обе державы обязывались, без обоюдного соглашения, не заключать перемирия с врагами. [196] Франции пришлось употребить все свое влияние как в Петербурге, чтобы усилить ненависть императрицы против короля, так и в Константинополе для умиротворения нового султана, который, ко времени истечения срока перемирия с Австрией, вступил на престол Османов {163}. Между Россией, Швецией и Данией был заключен союз, чтобы препятствовать вторжению неприятельского флота в Зунд. Но Дания не получала от этого никаких выгод, поэтому французы должны были купить согласие копенгагенского кабинета. Тогда только успокоились остальные две державы, постоянно опасавшиеся вторжения победоносного английского флота на свои берега.

Фридрих решил в следующей кампании действовать оборонительно со своей главной армией. Надежда на помощь турок побудила его, должно быть, к этому, так как еще в январе писал он генералу Фуке, принадлежащему к числу его немногочисленных поверенных лиц: *«Турки начинают двигаться; недолго будут они бездействовать»*. Но с этой оборонительной системой была связана и деятельная, причем он не упускал случая грозить неприятелю. Еще в эту зиму он дал ему почувствовать всю свою энергию. Польский князь Сулковский, вопреки нейтралитету, соблюдаемому этой республикой, принимал деятельное участие в войне. Он вербовал войска и устраивал магазины для русских. На представления прусского короля он давал самые дерзкие ответы, ссылаясь на свою независимость, на достоинство магната, и удвоил при этом свои старания в пользу русских. Он пребывал в Рейсе, в Польше, довольно далеко от границ Силезии. Здесь у него были собственные солдаты, орудия, кроме того, он считал себя достаточно обеспеченным, благодаря значению своей республики.

Но имя пруссаков, произносимое теперь с благоговением самыми могущественными народами земли, не могло безнаказанно быть поругано столь незначительным подданным. Фридрих, устранив все политические соображения, [197] выслал в Польшу корпус под начальством генерала Воберснова, который без выстрела овладел Рейсом, взял князя в плен и обезоружил его солдат; причем были разрушены магазины, предназначенные для русских, и орудия, лошади, повозки и военные припасы увезены в Силезию. Польские солдаты побоями вынуждены были вступить в службу Пруссии, а князь был посажен в крепость Глогау, где сидел до окончания войны. Такова была судьба высокомерного дворянина, который, кичась несколькими деревнями, населенными нищими крестьянами, дерзнул прикинуться союзником сильных монархов и принять участие в войне. Другим союзником такого рода был газетный издатель в Эрлангене,

который, в угоду политическим взглядам своего государя, объявлял войну пруссакам на столбцах своей газеты. При этом он печатал беспощадную клевету. Один прусский офицер взялся наказать этого полководца и велел отпустить ему известное число палочных ударов, в получении которых пациент должен был дать формальную квитанцию.

Никогда еще ни одна европейская война не возбуждала такого интереса в отдаленных народах, как эта. Замечательно, что пруссаки везде приобретали приверженцев, частью благодаря восхищению, возбуждаемому приверженцами Фридриха, частью благодаря естественной симпатии к слабому в неравной борьбе. Чувства эти обнаруживались даже в тех странах, которые до того времени знали о существовании Пруссии лишь по географическим картам. Испанцы, несмотря на все богатства своего обширного королевства, никогда не были в состоянии выставить в поле и половины тех сил, которые теперь Фридрих противопоставил врагу из своего небольшого и бедного государства. Потому они с живейшим участием следили за прусской войной, стараясь уяснить себе эту загадку. В Голландии чеканили в адрес врагов Фридриха сатирические памятные медали. В Неаполе до того были поражены неожиданным [198] исходом всякой кампании, даже всякого предприятия против Пруссии, что жители забыли, очевидно, о большом пространстве, отделявшем их от воюющих, об Альпах, словом, обо всех препятствиях, и считали возможным, что война перейдет в Италию, и пруссаки уже мерещились им по соседству с Везувием. Поэтому войска в королевстве были усилены точно так же, как и караулы у столичных стен{164}.

Хотя в Риме не опасались такого расширения театра военных действий, тем не менее жители этого города принимали необыкновенно живое участие в удачах и неудачах всех наций, воюющих в Германии, а симпатии их большей частью принадлежали Фридриху. Они горячо желали ему успеха как раз в то время, когда папа старался умалить его престиж торжественными богослужениями и освященными подарками. Вся Венеция была разделена на две партии: *Teresiani* и *Prussiani*{165}, смертельно ненавидевшие друг друга. Каждая из них посещала свои особые кофейные, в которых одна партия не выносила присутствия приверженцев другой. Это пристрастие распространилось даже между монахами и обнаружилось бурной демонстрацией в монастыре *S. Giovanni e Paolo*. Живущие в нем монахи подрались в трапезной, причем оружием послужили им тарелки, блюда и кубки. Но в Венеции партия короля все же была сильнейшей; там даже сложилась поговорка: «*Chi non e buon Prussiano, non e buon Veneziano*» («Кто плохой пруссак, тот и плохой венецианец»). Один торговец мехами выставил в своем магазине портрет Фридриха и для наглядного выражения своего благоговения повесил перед этим изображением зажженную лампаду; этот способ почитания употребляется в Италии и во всех католических странах для особо чтимых святых. В Швейцарии было такое ликование после каждой победы Фридриха, как будто ее одержали швейцарцы{166}. А в Германии не только протестантские вюртембергцы, вынужденные сражаться против [199] Фридриха, от души желали ему удач, но пристрастие доходило до того, что даже католические баварцы, палатинцы, жители Майнца и имперские солдаты, носившие в кармане четки, а через плечо нарамник, весьма неохотно шли против прусского короля.

И во Франции, где нация насчет этой войны была не согласна с двором, Фридрих сделался предметом особого восхищения. Дань уважения его необыкновенным качествам воздавалась ему даже в царских дворцах: этим объясняется ответ маркизы Помпадур, когда герцог Бель-Иль сказал ей полушутя, полусерьезно, что надобно энергично вести войну, иначе Фридрих со своими пруссаками может еще явиться в Париж. Помпадур,

зная настроение дворов и свое всемогущее влияние на слабого Людовика, отвечала: *«Прекрасно! Тогда я увижу короля».*

Несмотря на то, что подвиги Фридриха и его стойкость в неудачах снискали ему столько приверженцев и почитателей, у него все же было множество личных врагов во всех странах, которые старались всячески вредить ему. И прусские провинции, и Саксония были полны шпионов. Их посылали в Дрезден, переодетых в придворную саксонскую ливрею; там они совещались со знатнейшими лицами, а потом были высылаемы обратно. Но случай открыл важнейшие из заговоров, основанных на шпионстве, которым занимался саксонский министр, граф Вакербарт (несмотря на то, что он находился в крепости Кюстрин). Через месяц его освободили под условием немедленного выезда в Польшу.

В Цербсте находился французский шпион, маркиз Франь, которому покровительствовал тамошний двор и который даже жил в княжеском дворце. Фридрих пошутил над этим неразумным покровительством, велел схватить маркиза и отвезти его в Магдебург. Фельдмаршал Зекендорф, известный своими неудачными кампаниями и столь же неудачными переговорами, до того забыл свой сан и свою глубокую [200] старость, что уже девяностолетним старцем захотел разыгрывать роль шпиона. Он жил в Саксонии, в своем имении Мейзельвиц, под охраной стражи, где пруссаки, по приказу короля, относились к нему снисходительно, даже с почтением. Несмотря на это, он завел тайную переписку с врагами Фридриха. Монарх этот, возмущенный таким известием, велел своим гусарам схватить его в церкви и тоже отвезти в Магдебург. Он тоже был вскоре выпущен, но должен был дать письменное обязательство в том, что во все продолжение войны не будет иметь никаких сношений с врагами прусского короля.

Никогда еще прусские войска не были так деятельны, как в эту зиму. Несмотря на суровое время года, на высокие горы и непроходимые дороги, что для других солдат было бы столькими непреодолимыми препятствиями, Генрих проник в Богемию, взял проходы силой и рассеял неприятельские войска. Гюльзен нашел при Коммотау австрийского генерала Рейнгардта, который окопался на одной горе; он атаковал его и взял в плен весь его корпус, состоявший из 2500 человек, из которых ни одному не удалось бежать. Затем Гюльзен пошел в Заац, а принц Генрих в Будин. Здесь, подобно тому, как было в Ловозице и Лейтмерице, отняты были все магазины, содержавшие 35 000 тонн муки, 137 000 четвериков овса, 86 000 порций сена и 74 000 хлебов. 50-тысячная армия могла бы существовать этим в течение пяти месяцев, а 25-тысячной кавалерии на месяц хватило бы фуража. Весь этот громадный запас был испорчен, уничтожен вновь выстроенный мост и сожжены на Эльбе 150 судов. Австрийцы сами сожгли магазин в Зааце, чтобы он не достался пруссакам{167}.

Из Саксонии были также предпринимаемы походы на имперские войска. Сам принц Генрих проник во Франконию и выслал несколько корпусов вперед для разведки. Они отовсюду прогнали экзекуционные войска, составленные из различных пестрых национальностей, военная организация, [201] дисциплина и жалкие подвиги которых в эту обильную происшествиями войну находились в странном противоречии с большими германскими армиями, сосредоточивавшими на себе всемирное внимание. В бегстве своем они отовсюду направлялись в Нюрнберг, где в неприступном лагере находилась их главная армия; бегство это сопровождалось большими потерями, и пленные уводились сотнями; множество багажа, знамен и орудий досталось неприятелю, а магазины их, находившиеся в Бамбергском епископстве и еще во многих других местах, были

уничтожены. В городе Бамберге имперские войска сами сожгли магазин. Вскоре после того прибыли сюда пруссаки. Город сдался, и генерал Кноблок собирался овладеть им, но несколько тысяч австрийцев, большей частью кроатов, не хотели уйти оттуда. Завязался бой на улицах с таким ужасным криком, что миролюбивые жители попрятались в погреба. Нигде не видно было никого, весь город словно вымер, потому несколько не запертых галантерейных магазинов были разграблены. Но через несколько часов австрийцы были выгнаны, и беспорядок прекратился. Жители согласились на большую контрибуцию и дали векселя на ту сумму, которой не могли внести наличными деньгами. Хотя король объявил этот их долг несуществующим, жители, опасаясь нового посещения предприимчивых пруссаков, благоразумно уплатили по векселям. Во Франконии находилось много небольших австрийских корпусов; все они были рассеяны. Эрфурт был взят на капитуляцию и уплатил 100 000 рейхсталеров контрибуции.

У Кронаха был взят в плен генерал Ридезель с 2500 человек, а Вюрцбург и другие города по пути пруссаков были обложены контрибуциями. Все венчалось удачами, только не намерение принца Генриха, непременно желавшего вступить в бой с главной армией.

Другой корпус пруссаков вторгся в Мекленбург. Это герцогство было также одним из вспомогательных источников [202] Фридриха. Герцог его, не соразмерив свою слабость с силами могущественного соседа, был настолько неосторожен, что открыто объявил себя врагом ненавистного ему прусского короля на сейме в Регенсбурге и еще до войны дерзко оскорбил Фридриха. Он первый подал голос за то, чтобы поступать с королем как с врагом Империи, и стоял во главе князей, добивавшихся его изгнания, не подумав о последствиях всего этого. Он хотел таким образом проявить свое деятельное участие в войне, так как ни на минуту нельзя было сомневаться в победе могущественных союзников, а придерживаясь партии сильных, он надеялся получить большие преимущества — но дождался лишь разорения своей и без того небогатой страны. Бедные мекленбургцы должны были тяжело расплачиваться за политические промахи своего герцога, так как ни одна из провинций, где пруссаки водружали свои победные знамена, не испытала столь жестоких притеснений, как это Мекленбург-Шверинское герцогство. Сам герцог бежал, предоставив свою страну неприятелю, и люди сотнями покидали города и деревни.

Те же, которые остались из-за земельных владений, по нерешительности или другим причинам, тем тяжелее почувствовали железный гнет войны. Между прочим, страна эта во время всех этих семи разорительных лет, помимо громадного количества фуража и скота, должна была дать 16 000 рекрутов и 42 миллиона рейхсталеров контрибуции. Причем пруссаки поступали с возмутительной суровостью: члены магистрата содержались в заключении на хлебе и воде; в Гюстрове собор был превращен в тюрьму для набранных рекрутов, где они содержались по несколько недель, пока их отводили в армию. Несчастные жители, которым герцог внушил ненависть к пруссакам, неоднократно обнаруживали ее. Пруссаки стали мстить, причем комиссар, заведующий контрибуционной частью, который, подобно французу Фулону, был посвящен в это дело адскими [203] наущениями, часто говорил, что готов исторгнуть из себя последнюю каплю крови, внушающей его сердцу состраданье. То, что нельзя было унести, разрушали; даже перины бедных жителей были изрезаны и перья пущены по ветру. Трогательное письмо принцессы Шарлотты Мекленбург-Стрелицкой к Фридриху, где она описывала ужасы эти, производившиеся в ее соседстве, положило им предел и было причиной возвышения этой принцессы на британский престол {168}.

Пруссакки не упрочивали за собой этой провинции, как они это делали с Саксонией, но зато тем чаще производили вторжения в нее. Теперь они по приказанию Фридриха стали действовать более умеренно; но время было военное, и от врагов нельзя было ждать добра; они взяли Шверин, силою забирая молодых людей в солдаты как в городах, так и в деревнях, и налагая большие контрибуции.

В эту зиму и шведы не были оставлены в покое. Уже в первых числах января из Саксонии явился в Померанию генерал Дона, чтобы вновь прогнать врагов, которые во время отсутствия пруссаков овладели большей частью незащищенных городов. Предприятие это было удачно, благодаря деятельности и мужеству подчиненных Дона, генералов Платена и Мантейфеля. Дамгартен, Вольгаст и другие пункты, занятые шведами, были вскоре отняты у них; города же Анклам и Деммин были взяты осадой. Последний держался всего два дня, а первый немного дольше. Из них было вывезено 700 пленных и множество орудий, снарядов и провианта. При этом потери шведов были очень значительны из-за отдаления их от родины и сильных препятствий, которые им пришлось преодолеть в Стокгольме для получения необходимых военных принадлежностей. Многочисленные военные предприятия пруссаков в Померании и полное обратное завоевание занимаемой до сих пор шведами провинции были делом одной недели. Штральзунд вновь был осажден. [204]

Все южногерманские области, мало защищаемые плохими крепостями и лишенные солдат, были открыты для пруссаков после их удачных предприятий во Франконии. Наследный принц Брауншвейгский с 12-тысячным войском из союзной армии подошел к армии принца Генриха и соединился с ним. Имперские войска бежали отовсюду, а их полководец, герцог Цвейбрюккенский, умолял герцога Брөльи о помощи. Счастье улыбалось здесь пруссакам; но Генрих, отделенный от короля, своего брата, пространством в 70 миль, должен был прекратить преследование, чтобы прикрыть слабо защищенную Саксонию, куда с большими силами вторглись австрийцы; поэтому он отозвал назад свои победоносные полки.

Русские между тем собрались в Польше и угрожали новым вторжением в прусские провинции. Фридрих отправил навстречу им генерала Дона, которому нечего было уже делать в Померании, чей сильный корпус должен был удержать или затруднить их продвижение. Ему удалось уничтожить неприятельские магазины в Бромберге, Рогосно и Цунине; но главным намерением его было сражение, поэтому он переправился через Варту, а так как здесь ему не удалось склонить неприятеля к битве, то объектом его стремления сделалась Познань, где находился главный русский магазин. Но город этот был окружен хорошими укреплениями и защищен сильным корпусом, на помощь которому шли еще другие войска. В результате намерение это было оставлено.¹⁶⁹ Во время этого вторжения ярко обнаружилось право сильного: невзирая на нейтралитет этой страны, Дона потребовал доставок из Польши, не уплатив за них. Он были отобраны насильно, множество жителей, подданных республики, уведены рекрутами и распределены по полкам. При этом был опубликован прусский манифест, в котором старались оправдать необходимость подобных мер.

Наконец недостаток припасов вынудил пруссаков к отступлению за Одер. Русские, тоже нуждавшиеся в провианте [205] и желающие, кроме того, соединиться с австрийцами, также направились к этой реке. Фельдмаршал Салтыков заменил Фермора, который просил увольнения от службы главнокомандующим по близорукости{170}. Но он остался при армии и служил под начальством своего заместителя, за что приобрел при

дворе славу великого патриота, что упростило его значение в армии. Его голос по-прежнему преобладал во всех решениях, и он мог отомстить обидевшим его австрийцам, не отвечая за это. Пруссаки получили также нового вождя. Король, недовольный Доном за то, что он упустил много удобных случаев атаковать русских и обнаружил при этом совершенно не свойственное прусским вождям нерадение, передал начальство генералу Веделю{171}. Полководец этот вручил Дону и остальным генералам королевский приказ, облакающий его неслыханной для прусской армии властью. Фридрих писал: *«В этом сане Вы являетесь полным моим заместителем, поэтому Вам следует повиноваться так же, как и мне. Для войск Вы должны быть тем, чем был диктатор во времена римлян»*.

Ведель прибыл в армию 22 июня. Он не знал ни сильных, ни слабых сторон своих войск, ни неприятеля, ни местности. А между тем он получил приказ немедленно атаковать русских, если нельзя иначе препятствовать соединению их с австрийцами. Лаудон именно с этой целью выступил с 30-тысячной армией. Русские спешили ему навстречу, а так как на следующий день по прибытии Веделя, 23 июля, они продолжали идти дальше, то прусский генерал не нашел возможным откладывать далее атаку. Сражение произошло при деревне Кайе, недалеко от Одера, возле бранденбургских границ. Армии были чрезвычайно неравны; при том позиция русских во время битвы была очень выгодна; пруссакам же мешали при атаке болота, и они не могли выставить достаточное количество орудий. Сражение длилось от часу пополудни до самого захода солнца. Ведель был разбит [206] и должен был отступить, потеряв 5000 человек убитыми, ранеными и пленными{172}.

Потеря эта еще увеличила смертью генерала Воберснова, талантливого и весь ма уважаемого армией вождя, который сражался как герой и пал в битве, которую не советовал. Тогда Ведель вернулся за Одер, а Салтыков подошел к самому Кроссену, подвергая Берлин сильной опасности.

Ничто не препятствовало более соединению союзных армий. Лаудон разделил свою, оставив Гаддика позади с 12 000 человек, а сам с 18 000 человек, преимущественно кавалерии, 3 августа присоединился к русским. Движения и вообще все действия этих двух австрийских генералов для достижения своей главной цели и для преодоления всех препятствий были образцовыми. Имперская армия, столь мало действовавшая до сих пор, много способствовала теперь осуществлению проекта Лаудона. Она вторглась в Саксонию, и вследствие этого генерал Финк, наблюдавший за Гаддиком, должен был упустить последнего из виду и спешить для защиты Лейпцига и Торгау. Соединенная армия русских и австрийцев, превышавшая 80 000 человек{173}, двинулась вперед и окопалась на берегу Одера, недалеко от Франкфурта. Все старания Веделя были теперь направлены к тому, чтобы затруднить неприятелю переправу через реку.

Король ограничился оборонительными действиями в Силезии. Он долго стоял лагерем у Ландсгута, ожидая удобной минуты. Даун находился напротив него с главной армией, тоже ожидая случая сразиться или же двинуться вперед. Чтобы разрушить надежды его и вытеснить австрийцев назад в Богемию, бдительный неприятель их употреблял все средства, чтобы затруднить им подвоз продовольствия, так что в императорском лагере серьезно стали подумывать о перемене позиции. Но приближение русских изменило планы обоих вождей. Даун старался подойти [207] к ним ближе для облегчения их маневров, а Фридрих направил свои действия к воспрепятствованию мерам,

предпринимаемым с этой целью.

Злополучное сражение при Кайе и последовавшее за ним соединение неприятельских армий побудили наконец монарха идти поспешно в свои бранденбургские владения. На этот раз поспешность не позволила ему запастись ни пехотой, ни конницей из своей армии; он уехал лишь в сопровождении небольшого корпуса гусар. Генрих должен был выслать большую часть своих войск из Саксонии для формируемой армии на Одере, а сам отправился в Силезию для командования армией в отсутствие короля; армия эта состояла теперь из 40 000 человек и расположилась у Шмукзейфена на расстоянии двух дней похода от Ландсгута. Напротив нее стоял Даун с 70 000 войск. Отряд Финка тоже получил приказ оставить Саксонию и идти к Одере, так что в этой области совершенно не было прусских войск. Гарнизоны оставлены были лишь в Дрездене, Лейпциге, Торгау и Виттенберге, причем король полагался преимущественно на испробованную неустранимость Дрезденского коменданта, генерала Шметтау. Путешествие Фридриха обошлось удачно; высланные вслед за ним войска прибыли без урона; сам он у Губена наткнулся на корпус Гаддика, взял у него несколько орудий и 500 повозок с мукой, увел 600 пленных и тогда беспрепятственно соединился с армией Веделя.

После этого Фридрих решил немедленно дать сражение и переправился через Одер{174}. В его армии было 40 000 человек, а в неприятельской — 60 000. Последняя стояла на высотах между Франкфуртом и Кунерсдорфом в укрепленном лагере, защищенном огромной артиллерией. Правое крыло ее прикрывал Одер, а левое — болота и кустарники. Перед фронтом находились глубокие пропасти; на правом крыле русские построили, кроме того, звездный шанец и защитили доступ в свой лагерь засеками. Несмотря на все эти преимущества, король решил приступить к [208] атаке 12 августа. Он выстроил свою армию в лесу пятью линиями, из которых первые три состояли из пехоты, а две задние — из кавалерии. Отсюда пруссаки, выстроенные ступенькообразными линиями{175}, с большим ожесточением атаковали левое крыло русских, стоявшее на так называемых Мельничьих горах, а Финк в это время обстреливал с возвышенного пункта русский лагерь. Король намеревался атаковать неприятеля одновременно с фронта, с фланга и с тыла, но, к несчастью, он был плохо знаком с местностью. Встретившиеся по пути большие пруды неожиданно остановили атаку. Были сделаны большие обходы, сильно утомившие войска, причем было потеряно много времени{176}. Тяжелые орудия, которых нельзя было повернуть в лесу, пришлось отпрягать, поворачивать и затем снова запрягать лошадей.

Наконец пруссаки вышли из лесу и подошли к русским укреплениям, которые стали обстреливать из трех батарей. Русские ответили на это пальбой из ста орудий, установленных ими на левом фланге. Тогда король отдал приказ брать приступом неприятельские батареи. Предназначенные для этого гренадеры пробрались через засеки и пропасть и взобрались наконец на эти высоты, находившиеся весьма близко от русских укреплений, поэтому картечи целыми слоями ложились на пруссаков. Но, не теряя мужества, последние удваивали силы и с опущенным оружием добрались до русских батарей; звездный шанец был также взят. Тогда всякое сопротивление прекратилось; неприятель был выбит из всех своих укреплений при ужасном избиении, и все левое крыло русских, спасаясь бегством, направилось к Кунерсдорфскому кладбищу, покинув артиллерию.

Битва началась в полдень, а в 6 часов вечера пруссаки уже овладели всеми батареями этого крыла, 180 орудиями и несколькими тысячами пленных. Победа пруссаков

казалась такой же решительной, как и неприятельские при [209] Коллине и Гохкирхе, и уже с места битвы были высланы в Берлин и в Силезию курьеры с этой приятной вестью, как вдруг военное счастье изменило им самым неожиданным образом{177}.

Прусская пехота сделала что только было возможно, но победа их была бесполезна, так как прусская кавалерия находилась на другом фланге, где удерживала австрийцев; орудия же не могли так скоро поспеть. Это неудачное стечение обстоятельств было тем досаднее, что местность была настолько же удобна для действий артиллерии, насколько представляла неудобство для пехоты. Наконец несколько орудий появились на высотах, но их было слишком мало для довершения начатого великого дела. Между тем король с другим крылом стал подходить к русским, за ним последовал корпус Финка. Но путь представлял большие препятствия: войскам приходилось либо пробираться между многочисленными прудами, либо проходить по узким мостам. Русские воспользовались этим промежутком времени, чтобы построиться и чтобы по возможности пользоваться еще своими орудиями; Лаудон, не принимавший до сих пор участия в битве, стал тоже двигаться со своими австрийцами после того, как Фридрих отозвал Зейдлица из наблюдательной позиции, которую он занимал. Полководец этот, предугадывая неудачу, весьма неохотно и лишь после многократных приказов короля покинул ее. Его конница выступила, совершила тот же переход прудами, так же выстроилась под огнем неприятельской артиллерии и подошла к врагу; но страшные картечные залпы, валившие на землю целые ряды всадников и лошадей, привели в замешательство эту мужественную кавалерию, которой пришлось отступить.

Между прочим, пруссаки еще ничего не потеряли, напротив того, за ними оставались решительные преимущества. Русские, сбившиеся в кучи по 80 и по 100 человек, образовали на возвышении настоящий хаос, который, впрочем, [210] был защищен 50 орудиями, извергавшими страшный град картечи. Вследствие пятнадцатичасового похода, отчаянной кровавой схватки и жары душного летнего дня пруссаки были до того истощены, что еле переводили дух. Несмотря на это, битва была ими выиграна, и весьма было вероятно, что русские, потерпевшие необыкновенные потери, ночью отступят. Они и теперь охотно уступили бы неприятелю славу этого дня, но полагали себя в большей безопасности за своими укреплениями, нежели во время бегства днем{178}. Но Фридрих считал, что еще ничего не было сделано, если не все было сделано. Он был того мнения, которое при этом случае даже публично выразил, что русскую армию надо не только победить, но совсем уничтожить, чтобы она не возвращалась опять для опустошений. Прусские генералы на все эти доводы приводили лишь одно возражение — истощение войск. Зейдлиц даже сильно подчеркивал это. Представления этого великого полководца, о мужестве которого Фридрих был весьма высокого мнения, казалось, поколебали короля, но тут подошел генерал Ведель, и тот, несмотря на свои военные неудачи, постоянно пользовался расположением короля, который теперь удостоил его вопроса: «Ведель, а вы как думаете?» Ведель, ловкий придворный, совершенно соглашался с королем, и везде пронесся возглас: «*Марш!*»

У русских была большая батарея на еврейском кладбище, из которой можно было обстреливать все поле битвы; но они покинули ее, испугавшись кавалерийской атаки принца Вюртембергского. Прусская пехота находилась лишь в 800 шагах от этой покинутой батареи и потому спешила овладеть ею. Казалось, ничто не мешало этому предприятию, и оставалось пройти каких-нибудь 150 шагов, как вдруг явился Лаудон, пехота которого овладела батареей и открыла по пруссакам картечный огонь. Все старания подойти ни к чему не повели; увеличивалось лишь замешательство, которым

воспользовался Лаудон, окружив пруссаков [211] справа и слева своей конницей, нещадно истреблявшей их.

Победа зависела теперь от завоевания так называемой Острой горы, защищаемой пастбищем длиною в 400 шагов, от 50 до 60 шагов шириною и от 10 до 15 футов высотой, со всех сторон кончавшейся обрывами; там стояли лучшие войска Лаудона {179}. Пруссаки бросились туда, пытаясь взобраться на крутой край, но все их мужество было тщетно; тот, кому с величайшим трудом удавалось взобраться, был тотчас же убит или сброшен назад в пропасть.

Наконец природа вступила в свои права. Все мужество пруссакам не могло заменить недостатка сил. Острая гора была много раз атакована, но взобраться на нее не удалось. Ужасный и непрерывный картечный и ружейный огонь русских и австрийцев падал смертоносным дождем на пруссаков, опрокидывая все. Финк, пытавшийся со своим корпусом штурмовать другие высоты, напрасно употреблял все усилия. Сам Фридрих подвергал себя величайшей опасности; платье его было все прострелено, две лошади под ним убиты и сам он легко ранен. Золотой футляр в кармане спас ему жизнь, удержав пулю, которая сплющила золото и, потеряв силу полета, осталась там же. Подобной же опасности подвергся он, когда падал его смертельно раненный конь. Флигель-адъютант Гец спас короля, предложив ему тотчас же своего. Его умоляли уйти из этого опасного места, но он ответил: *«Надо испробовать все, чтобы выиграть битву; я обязан тут быть точно так же, как и вы»*. Русские дрались с необыкновенным ожесточением; они падали рядами, словно мертвые, на землю, давали пруссакам пройти через себя, тогда вскакивали и палили из ружей вслед им. Все попытки прогнать русских и австрийцев с горы были тщетны.

Тогда прусская кавалерия дерзнула атаковать высоты, но даже кавалерийская тактика Зейдлица оказалась тут [212] бессильной. Эта конница, привыкшая под его командой опрокидывать вдвое и втрое сильнейшую неприятельскую конницу, обращать во всех позициях пехоту в бегство, даже отбивать батареи и преодолевать величайшие затруднения местности, изнемогла тут в невозможной борьбе под высоко стоявшими орудиями русских. Сам храбрый вождь ее был ранен. Та же участь постигла принца Евгения Вюртембергского, пытавшегося атаковать вторично; за ним последовал генерал Путкаммер, бросившийся на врагов во главе белых гусар; но он был убит {180}. Оставшиеся дельные вожди прусской армии, генералы Финк и Гюльзен, были ранены. Все прусские войска, конные и пешие, пришли в величайшее расстройство. В эту критическую минуту Лаудон со свежими войсками напал с фланга и с тыла на совершенно изнемогавшее правое крыло пруссаков. Полководец этот, так часто умевший воспользоваться на войне удачной минутой, привел теперь кавалерию, которая построилась надлежащим образом вдали от битвы и в полном порядке ударила на расстроенные ряды пруссаков. Это обстоятельство решило битву. Казалось, панический страх овладел всей прусской армией, которая бежала в лес и через мосты, где никто не хотел ждать очереди; произошла ужаснейшая давка и неописанное смятение, вследствие чего пруссаки лишились большинства орудий: кроме завоеванных ими в начале дня, осталось на месте 165 прусских. Король сам чуть не попал в плен, так как он был между последними отступавшими с поля битвы, и ему пришлось идти по ущелью. Только необыкновенное мужество и редкое присутствие духа ротмистра Притвица спасло его от столь большой беды. Фридрих считал плен неизбежным и часто повторял: *«Притвиц, я погиб»*. Мужественный офицер этот, имевший с собой лишь сто гусаров для защиты от нескольких тысяч преследовавших их неприятелей, отвечал: *«Нет, Ваше Величество,*

этому не быть, пока мы еще живы». Вместо того чтобы действовать только оборонительно, он постоянно [213] атаковал, производил схватки и не дал возможности неприятелю произвести правильную атаку, а в это время сражающиеся гусары все подвигались вперед. Наконец Фридриху удалось счастливо добраться к остальным войскам, а спаситель его был награжден царскими подарками и высокими военными чинами.

Никогда еще стойкость этого монарха не испытывала столь жестоких ударов, как в этот день. В несколько часов с высоты несомненной победы он низринулся в пропасть полного поражения. Он пробовал все для удержания от бегства пехоты; но ни приказания, ни просьбы короля, к тому же этого короля, имеющие обыкновенно такую силу, ничего не могли тут сделать. Говорят, что в этом отчаянном положении он громко призывал к себе смерть. Живое воображение представило ему в первые минуты ужасные последствия поражения, и с того же поля битвы, откуда он несколько часов тому назад выслал гонцов с известием о победе, теперь были отправлены в Берлин приказания о принятии мер к защите и спасению бегством. Ему казалось, что неприятель уже в его резиденции, опустошает ее, и он не в силах противиться ему. Войска его до того рассеялись, что на другой день после битвы едва можно было собрать в строю 5000 человек; все завоеванные орудия были вновь утеряны вместе с большей частью прусских. Генерал Вунш, командовавший прусским корпусом по ту сторону Одера и намеревавшийся после ожидаемой победы отрезать русским пути к отступлению, к концу сражения пришел во Франкфурт и взял в плен русский гарнизон; но так как последовавшее поражение уничтожало эти преимущества и угрожало ему большой опасностью, то он принужден был покинуть город. Наступившая ночь благоприятствовала королю. Ему удалось собрать свою армию на нескольких высотах, которые неприятель не дерзнул атаковать.

Между тем приказ короля для спасения Берлина был уже отправлен. Король объявлял в нем, что он теперь не в [214] состоянии защищать город, почему все знатные и богатые жители должны постараться уйти. Но, к счастью, курьер подвергся преследованию казаков и только на четвертый день прибыл в Берлин. За это время положение дел значительно изменилось и все немного пришли в себя после первого страха. Члены магистрата обратились к королю с представлениями, которые были охотно приняты им. Но королевская семья должна была все же удалиться из Берлина и поселиться в Магдебурге, куда перенесен был также архив.

Это сражение было настоящей резней; ни одно не было до сих пор столь кровопролитным. Пруссаки считали 8000 убитыми, 15 000 ранеными и 3000 пленными. Почти все прусские генералы и чиновные офицеры были ранены. Русские и австрийцы имели 24 000 убитыми и ранеными{181}, и сам Салтыков сознавался в письме своем, извещавшем императрицу об этой битве, ввиду понесенного урона: *«Ваше Величество, не изволите этому удивляться, так как прусский король всегда очень дорого продает свои поражения»*. Полководец этот говорил: *«Еще одна такая победа, и мне придется с посохом в руке самому доставить известие о ней в Петербург»*.

Ночь после сражения Фридрих провел одетый, лежа на соломе в деревне Этшер, в какой-то крестьянской хижине, почти совершенно разрушенной казаками; вокруг него спали его адъютанты на голой земле, а несколько гренадеров сторожили эту группу{182}. На следующий день Фридрих переправился через Одер, собрал беглецов, соединился с Вуншем, вызвал из Померании генерала Клейста с 5000 человек и выписал поспешно

орудия из своих арсеналов. Таким образом, имея вечером после битвы лишь 5000 человек, через несколько дней он снова был во главе 28-тысячной армии. Русские боялись его, несмотря на свою победу, и окопались. Фридрих снова обратился к своим войскам с речью, воодушевляя их мужеством, и в несколько недель [215] Берлин был обеспечен, армия его снабжена всем необходимым и настолько усилена, что не только могла защищать Бранденбургское курфюршество, но Вунш мог даже отделиться со своим корпусом и идти в Саксонию.

Между пруссаками, павшими при Кунерсдорфе, находился также майор Клейст, благородный, достойный почитания человек, бессмертный своими поэтическими творениями. Король игнорировал его произведения, написанные по-немецки, а современники не оценили его; но потомство несомненно должно воздать ему должную славу. В одном из своих стихотворений он говорил, что, может быть, и ему придется умереть за отечество, и, к несчастью, предчувствие его сбылось в этот кровавый день. Клейст повел батальон на неприятеля и взял три батареи. Когда пуля раздробила ему правую руку, он берет шпагу в левую и ведет к четвертой своих солдат, которые любили его как отца. Картечный выстрел опрокидывает его; солдаты выносят его из толпы и оставляют во рву на произвол судьбы, жестоко поступившей с ним. На него напали казаки, похожие на людей по внешности, но во всем остальном настоящие хищные звери из Ливийской пустыни, живущие инстинктом грабежей, убийства и пожара и незнакомые с чувством сострадания. Они сняли с него все, даже напитанную кровью рубаху; и вот герой этот, мудрец, бессмертный певец весны, лежал обнаженный, как червь, в болоте. Проезжавшие мимо русские гусары сжалились над ним; они бросили ему старый плащ, немного хлеба и полгюльдена. Но пришли другие казаки и отняли у него и эту милостыню. Голый, без перевязок, он должен был всю ночь до утра пролежать в своей крови. Он был тяжело ранен, хотя не смертельно, но ужасное это положение и болотистая вода растравили его раны, и он умер во Франкфурте через несколько дней после битвы в плену у русских, которые с почетом похоронили его. Многие офицеры сопровождали похоронное шествие вместе с членами академии. Один [216] русский офицер, заметив, что на гробе нет шпаги, положил свою. Его опустили в могилу, над которой горевали прусские воины, германские музы, которую воспевали барды и усыпали розами чувствительные девушки{183}.

Русские не воспользовались этим драгоценным временем для окончания войны, которого, несомненно, можно было бы добиться энергичными действиями тотчас же после битвы. Сам Фридрих удивлялся их бездеятельности, а Даун осыпал Салтыкова горькими упреками, на которые тот отвечал так: *«Я выиграл два сражения и ожидаю теперь от вас известия о двух победах с вашей стороны, чтобы действовать дальше; несправедливо, чтобы действовали одни только войска моей Государыни»*. Маркиз Монталамбер убеждал его действовать далее, так как в противном случае плоды его побед станут пожинать австрийцы. Русский полководец отвечал: *«Я не ревнив. Желаю им от души еще больше удач, а с меня достаточно»*.

Эти слова были причиной озлобления всех русских генералов, особенно же главнокомандующих, против австрийцев. Венский двор, вместо того чтобы заручиться доверием их и привязать их к общему делу личной пользой, напротив того, сильно жаловался на Апраксина, умершего в тюрьме во время производства его процесса, затем на Фермора и на Бутурлина, возводя подозрения то насчет их усердия, то насчет военных способностей. Вначале и Салтыков в Вене не понравился, и на него жаловались императрице за бездеятельность, за неохотную помощь союзникам и вообще

недостаточное усердие к общему делу. Он получил за это выговоры, которые и другие генералы приняли на свой счет и которых они не могли забыть. Вся русская армия вымещала с избытком эти оскорбления на австрийцах, к чему побуждала их особенно бездеятельность, нерешительность и излишняя медлительность Дауна. Сильное отдаление русской армии от двора затрудняло исполнение приказаний и облегчало оправдания в послушании им. [217]

В Вене слишком поздно заметили вред, происшедший от этих жалоб на главнокомандующих, поэтому они прекратились, и там стали подумывать об иных средствах, которые, впрочем, оказались недействительными, так как отвращение, порожденное личными обидами, не могло уже быть уничтожено подарками и лестными обещаниями. Русские полководцы стали исполнять только свои обязанности и не больше, чтобы только не нести ответственности. Они никогда серьезно не желали соединения с австрийскими войсками, которые ограничивали их действия, затягивали кампании и потому сильно затрудняли и без того очень обременительное содержание армии.

В Петербурге радость по поводу Кунерсдорфской победы была необыкновенна. Салтыков получил звание фельдмаршала, а князь Голицын — генерал[-аншефа]; все генерал-лейтенанты получили орден Андрея Первозванного, а каждый рядовой — шестимесячный оклад жалованья; Лаудон получил от императрицы Елизаветы золотую шпагу, усыпанную алмазами, а каждый австрийский полк, участвовавший в битве, по 5000 рублей. Петербургский двор, давно стыдившийся несуразного хвастовства своих полководцев после Цорндорфского поражения, считал эту победу первой и единственной, одержанной русской армией над Фридрихом, как полководцем, хотя победа была одержана, собственно говоря, не ими, а австрийцами 184. Елизавета велела изобразить это событие на памятных медалях, нагрузить ими две повозки и отослать в армию для раздачи их между солдатами.

Хотя в течение трех недель русские выиграли два сражения, но положение короля не особенно пострадало от этого. Потери эти не были для него так вредны{185}, как отдаление от Саксонии и Силезии, где неприятель удачно воспользовался его отсутствием, отрезав его от этих областей. Особенно беспокоил его Берлин. Следовало неминуемо ожидать соединения главной русской армии с главной [218] австрийской, стоявшей в Ловозице. По этому поводу Даун и Салтыков съехались для совещаний в Губене. Решено было, чтобы русские остались в прусских провинциях по левую сторону Одера, причем Даун обязался доставлять им хлеб и фураж; после завоевания Дрездена обе армии хотели направиться в Силезию на зимние квартиры, если предполагаемая осада Нейсе кончится успешно. После этого полководцы расстались, а русские, в ожидании судьбы Дрездена, спокойно остались в своем лагере у Фюрстенвальде{186}, ограничившись разрушением шлюзов на канале Фридриха Вильгельма, соединявших Одер со Шпрее. Шлюзы эти, служившие памятником величия увековеченного в истории курфюрста Бранденбургского, были совершенно уничтожены варварскими врагами.

Очевидно, Даун, обещая доставку провианта, не взвесил надлежащим образом связанных с этим затруднений: русские употребляли ежедневно 140 000 фунтов хлеба, или 1 400 четвериков, следовательно, ежемесячно 42 000 четвериков; австрийцы же — 220 000 фунтов, следовательно, ежемесячно требовалось 108 000 четвериков для обеих армий. Саксонские области, совершенно истощенные войной, не могли доставить такого необыкновенного количества, особенно в короткий срок, так как зерно надо было сперва

вымолотить, а потом перемолоть; другого средства не было, как выписать требуемое из австрийских магазинов в Циттау, Герлице и Лаубане, где запасы всегда пополнялись из Богемии. Для доставки же 42 000 в одном транспорте требовалось 2400 повозок, запряженных четверками. При этом нельзя было рассчитывать на провиантный обоз императорской армии, который и без того ежедневно работал для содержания войск; поэтому повозки приходилось большей частью добывать в Богемии. При величайшей поспешности не удалось бы снарядить этот транспорт раньше трех недель. Это обстоятельство должно было изменить весь план военных действий, и то еще хорошо, [219] если этот транспорт — что было весьма сомнительным — не будет по пути атакован пруссаками и придет к месту своего назначения без урона. Поэтому исполнение обещания Дауна оказалось делом весьма неудобным.

Австрийцы между тем проникли в Силезию. Фуке, прикрывавший со своим корпусом проходы в эту провинцию, благоразумно впустил туда императорского генерала Гарша с многочисленной армией. Гарш заболел, начальство принял генерал Де Вилле, который проник в страну еще глубже, а его легкие войска совершали набеги под самые стены Бреславля. Но позиции и передвижения Фуке, отрезавшего неприятельскую армию от Богемии, вскоре принудили императорского полководца изменить план действий из-за недостатка хлеба. Он должен был поспешно отступить через непроходимые горы, так как главные дороги были заняты неприятелем. Отступление это совершено было через 12 дней после прибытия и сопровождалось все время невыгодными для австрийцев схватками. Таким образом, планы относительно Силезии на этот раз были разрушены; тем удачнее действовал неприятель в Саксонии, которая, не будучи защищена прусскими войсками, подверглась нападению австрийцев и имперских войск.

Еще за всю эту войну последним не представлялось столь удобного случая для завоеваний, как теперь, благодаря отсутствию прусских войск. Первое предприятие их было направлено на Лейпциг, комендант которого, генерал Гаузен, не мог и помышлять о защите открытого пункта и потому тотчас же сдал город герцогу Цвейбрюккенскому, а сам получил свободный пропуск. Вслед за этим генерал Клеефельд подошел к Торгау; пункт этот не был крепостью, хотя и был окружен валом и стенами. Он потребовал сдачи под необыкновенной угрозой, что при малейшем промедлении прусские города Галле, Гальберштадт и Кведлинбург будут в продолжение трех дней преданы грабежу и пожару. Комендант, полковник Вольферсдорф, отвечал, [220] что будет защищаться до последней крайности и что ему нет дела до остальных городов; но если ему дадут шестидневное перемирие, он пошлет к королю за распоряжениями его по этому поводу. Клеефельд согласился под условием, если и герцог Цвейбрюккенский даст тоже свое согласие. Комендант имел при этом в виду лишь выиграть время, чтобы получить подкрепление, которое действительно явилось из Виттенберга еще до получения отрицательного ответа от герцога, сопровождавшегося [появлением] 6000 солдат, тяжелыми орудиями и мортирами. Осаждающие, под начальством принца Штольберга, подкрепленные австрийскими легкими войсками, пытались овладеть предместьями, но пруссаки отбили их и зажгли последние. Затем последовали два штурма подряд, которые тоже были отбиты; осаждающие поставили батарею возле Эльбы, но удачная вылазка помешала им и тут. После всех этих неудач коменданту была предложена почетная капитуляция, но он отверг ее. Тогда осаждающие приступили к генеральному приступу, который тоже кончился неудачно, но он был повторен в четвертый раз с удвоенными усилиями. Пока большая часть гарнизона удерживала осаждающих под стенами, Вольферсдорф сделал вылазку с 400 человек, зашел неприятелям с тыла и отбил их,

причинив большой урон.

Но комендант не мог ожидать скорого окончания осады, так как на помощь нельзя было надеяться и, что было хуже всего, обнаружилась нехватка пороха. Это обстоятельство решило судьбу города. Своей храброй обороной Вольферсдорф спас прусскую честь, а так как принц Штольберг вновь предлагал ему весьма выгодную капитуляцию, то он и согласился на нее. Пруссаки получили свободный пропуск с распущенными знаменами, барабанным боем и в сопровождении всей своей артиллерии; причем было условлено, что ни одна сторона не примет к себе перебежчиков. Но лишь только войска вышли из ворот, где двумя рядами выстроились кроаты, как уже сделана была попытка [221] нарушить капитуляцию. Когда прусский батальон Грольмана, состоявший большей частью из набранных саксонцев, подошел к тому месту, где почти все неприятельские генералы собрались смотреть на шествие войск, генерал-адъютант принца Штольберга и другие офицеры громко кричали: *«Кто честный саксонец, кто стоит за Империю или был в имперской армии, пусть выйдет, его сиятельство берет вас под свое покровительство!»* Это воззвание моментально подействовало, и почти весь батальон разбежался; некоторые попрятались за выстроившимися кроатами, другие же за частоколом, в городском рву или под мостом на Эльбе.

Но решимость Вольферсдорфа положила предел этому позорному инциденту. Он закричал беглецам, чтобы они вернулись в ряды, иначе он велит их перестрелять, причем тут же застрелил одного из них и велел всем своим офицерам, егерям и гусарам последовать его примеру. Остановив остальные войска, он велел им выстроиться в боевой порядок. Принц постарался напугать его угрозами, но Вольферсдорф, с пистолетом в руке, оглушил Штольберга следующими словами: *«Так как вы нарушаете капитуляцию, то и я ничем не связан. Потому беру вас в плен со всей вашей свитой, возвращаюсь в город и снова начну защищаться. Вернитесь за шанец, а то я велю стрелять»*. Действительно, прусские войска уже возвращались, а егеря и гусары стреляли в дезертиров, как в диких зверей. Крик поднялся ужасный, а имперские генералы, не знакомые ни с войной, ни с военными обычаями, не знали, как выйти из этого затруднения, пока императорский генерал Лацинский, вождь кроатов, не подошел и серьезно не заявил принцу Штольбергу, что необходимо сдержать все условия капитуляции. Тогда все перебежчики были выданы; спрятавшихся разыскали, и все они должны были снова занять свои места в строю. Вольферсдорф, воспользовавшись преимуществом, добытым его мужеством, потребовал, чтобы [222] императорские войска, предназначенные для его охраны до Виттенберга, слушались его приказов и во время похода находились на расстоянии двух тысяч шагов от пруссаков. На все это было дано согласие.

Теперь настала очередь Виттенберга, охраняемого тремя батальонами. Два из них составляли один из тех саксонских полков, которые при Пирне были взяты на прусскую службу. Саксонцы эти ожидали лишь удобного случая, чтобы уйти. Третий батальон был так же ненадежен; он состоял из перебежчиков и пленных. Комендант, генерал Горн, считая, что невозможно положиться на такой гарнизон, немедленно принял предложенную капитуляцию и получил с войсками и артиллерией свободный пропуск в Магдебург. Кроме Лейпцига, имперские войска заняли еще города Бельгерн, Штрела, Риза и Мюльберг, благодаря чему овладели Эльбой до Дрездена. Все это случилось в то время, пока Фридрих был занят русскими.

Теперь ждали, что Саксония будет совершенно освобождена, Берлин взят, а Магдебург

осажден. Но ничего этого не случилось, и король, полагавшийся на свои удачи и на известную нерешительность неприятельских вождей, когда им следовало извлекать пользу из одержанных побед, был преисполнен надежд уже на следующий день после Кунерсдорфской битвы. За несколько дней до этого герцог Фердинанд прислал ему с одним офицером известие о победе при Миндене. Фридрих велел офицеру подождать, так как он надеется послать в ответ герцогу подобное же известие. Офицер явился на другой день после битвы. *«Очень жалею, — сказал король, — что не нашлось лучшего ответа на столь приятную весть. Если же ваш обратный путь совершится благополучно, Даун еще не будет в Берлине, а Контад в Магдебурге, то можете уверить от моего имени герцога Фердинанда, что потеряно не много».* Действительно, ничто не могло побудить Салтыкова к возобновлению военных действий: на сей раз тщетно было [223] красноречие Монталамбера, получившего самые положительные приказания от своего двора — погубить во что бы то ни стало прусского короля. В одном из известных государственных писем было сказано: *«Надо, чтобы русские пожелали разграбить Берлин и все Бранденбургское маркграфство».* Но Салтыков ничего не хотел знать, говоря, что не будет подвергать дальнейшим опасным предприятиям свою истощенную армию. Кроме того, его озлобляла бездеятельность Дауна, повергавшая в изумление всю Европу.

Хотя русские не извлекли почти никакой пользы из своей победы, тем не менее она повлекла за собой целую цепь неудач для короля, которому никогда в жизни не приходилось переживать их столько за один раз. Первым ударом была потеря Дрездена. Австрийцы постоянно стремились овладеть этой столицей, и теперь они рискнули вновь попытаться осадить ее в отсутствие короля. Армия их, по соединении с имперскими войсками, состояла из 30 000 человек. Осадные орудия были доставлены в скором времени из Праги. Генерал Шметтау был готов к обороне. Покинув Новый город, отделенный от Старого Эльбой, он ограничился защитой последнего. Новый город был занят австрийцами. Императорский генерал Гуаско грозил, что будет обстреливать город из 18 батарей; Шметтау обещал ему отвечать из ста орудий. Но вдруг получено было известие о Кунерсдорфской битве. Пользуясь первым впечатлением, неприятель предостерегал коменданта об его опасном положении при малочисленности гарнизона и на невозможность помощи, причем предлагал ему выгодную капитуляцию. Шметтау всегда был решительным, деятельным и неустрашимым вождем; и теперь он оказался таковым, смеялся над всеми угрозами, которыми его до тошноты осыпали ежедневно. Герцог Цвейбрюккенский велел ему сказать, что если предместья Дрездена будут сожжены пруссаками, то весь гарнизон будет избит, а осажденный имперцами Галле — разграблен, сожжен, тамошние соляные копи опустошены и все прусские [224] земли до самого основания превращены в пустыню. Шметтау, в ответ на эти любезности, тотчас же сжег предместья. Тогда один посланный следовал за другим, причем генералы Макир и Гуаско сами вступали в переговоры с прусским комендантом. Несмотря на всю безвыходность его положения, следовало ожидать энергичнейшей обороны; но письмо Фридриха изменило положение дел.

Король известил Шметтау о своей неудаче при Кунерсдорфе тотчас же после битвы, говоря, что будет весьма трудно освободить Дрезден и чтобы тот, в случае крайних обстоятельств, добивался лишь выгодной капитуляции и в особенности заботился о сохранении касс. Шметтау был несколько удивлен, но еще не отчаивался. Герцог Цвейбрюккенский велел ему передать, что если он только подаст вид, что хочет защищаться, то ни один пруссак не будет пощажен. Такие угрозы не производили никакого впечатления на коменданта, его же угрозы возымели действие. Когда он заявил

курфюршескому двору, относившемуся к происходившему совершенно безучастно, что при первом пушечном выстреле, произведенном неприятелем со стороны Нового города, эта красивая часть Дрездена будет сожжена, отсюда атаки не произошло, и Шметтау мог сосредоточить свой гарнизон в одном пункте, отражая наступление на Старый город. Он старался выиграть время, надеясь на помощь или на какое-нибудь известие от короля; но известий не было никаких, и он мало-помалу стал верить императора торским генералам, убеждавшим его в полном бессилии Фридриха.

Меры, принятые для его освобождения, остались ему неизвестными, так как город был совершенно отрезан. Такое положение длилось двадцать семь дней при постоянных атаках, стеснениях и угрозах неприятеля. Тогда все надежды его исчезли. Личное его мужество ничего не могло сделать, точно так же, как решимость и власть прусской дисциплины не могли удержать его недовольных солдат и [225] принудить их к дальнейшей обороне; все его заботы сосредоточились теперь на громадной сумме денег, сложенной в городе. Здесь, как в центральном пункте области, находились все доходы ее, контрибуционные суммы и военная касса; иные суммы были также отданы на хранение в это место, считаемое безопасным. Всех денег было более пяти миллионов талеров. Итак, необходимость спасти это сокровище и доставить его в безопасное место, особенно ввиду тогдашнего критического положения Фридриха, руководила решением Шметтау, который знал, что отсутствие денег делает всякую войну невозможной, уничтожая самые храбрые полки. Но он не знал, что вспомогательный корпус уже выслан. Осаждающие же, которым хорошо было известно о вступлении этого корпуса в Саксонию, считая, что Дрезден уже спасен, забыли все свои угрозы и согласились почти на все требования Шметтау. Он капитулировал, получив свободный пропуск со всем своим гарнизоном, обозом, артиллерией, снарядами, понтонами и повозками, нагруженными деньгами, при всех знаках военного отличия. Было также установлено, что все имущество прусских подданных будет вывезено и что императорские войска не примут к себе ни одного перебежчика, причем императорский генерал Макир дал честное слово *«исполнить все самым точным образом и без всякого спора»*. Но магазины были оставлены неприятелю. Одной ржи, пшеницы и овса здесь оказалось 30 000 четвериков, муки — 12 700 центнеров и множество иного продовольствия, благодаря чему австрийцы, уже помышлявшие об отступлении в Богемию из-за недостатка оно, опять были в состоянии удержаться в Саксонии.

Едва капитуляция была заключена, подписана имперским фельдмаршалом герцогом Цвейбрюккенским и одни ворота уже заняты завоевателями, как в двух милях от Дрездена появился Вунш со своим корпусом, совершившим чрезвычайно усиленные марши. Солдаты его напрягли [226] все силы и в эту минуту не могли продолжать похода, так как, кроме того, должны были два раза отражать императорского генерала Brentano, вышедшего навстречу им со своим корпусом. Вунш, ничего не зная о капитуляции, решил штурмовать Новый город. Приближение его оживило павших духом дрезденских пруссаков, а некоторые офицеры гарнизона были того мнения, что капитуляцию, уже формально подписанную, следует уничтожить и немедленно прогнать австрийцев, уже занявших одни ворота. Но Шметтау, все еще опасаясь за свои сокровища, о спасении которых он имел от короля столь серьезные инструкции, не хотел и слышать о такой дерзкой мере, хотя удачный исход ее был вероятен. Впрочем, вице-комендант, полковник Гофман, считая, что должно это сделать и без приказаний, сел на лошадь и обратился к главному караулу с приказанием следовать за ним. Но караульный офицер, капитан Сидов, не хотел ему повиноваться. Тогда Гофман обозвал его трусом и выстрелил по нему из пистолета, однако промахнулся. Несколько

караульных солдат, чтобы отомстить за своего офицера, сделали залп по Гофману, и храбрый полковник был убит. Исчезли надежды пруссаков; Вунш отступил, и весь Дрезден был занят австрийцами.

Но капитуляция, столь торжественно заключенная, была нарушена почти во всех пунктах, и австрийцы обращались самым позорным образом с гарнизоном, признанным ими не пленным, а сво бодным. Императорские офицеры, рядовые, даже ге нералы точно старались превзойти друг друга в неблагородном поведении. Они силой выхватывали из рядов солдат, принуждая их вступить в австрийскую службу. Офицеров оскорбляли площадной бранью, били прикладами, палками, ранили, даже убивали. Австрийские офицеры, забывая свое звание или, вернее, чуждые правил чести и благородства, сами были зачинщиками, то есть главными действующими лицами в этом постыдном деле и постоянно кричали своим солдатам: «*Бейте собак! Стреляйте по этим канальям!*» [227] Даже главнокомандующие, генералы Макир и Гуаско, были не последними в этом. Забыв данное слово, которое им, как офицерам, полководцам и вождям германских воинов восемнадцатого столетия, должно было бы быть трижды священо, пример чего был подан их предводителем кроатов, генералом Лацинским при Торгау, они силой отняли у пруссаков торжественно обещанные им капитуляцией оружие, понтоны и военные принадлежности; повозки и суда для транспортов не были им выданы, а на жалобы их отвечали угрозами. Даже определенный в капитуляции срок пребывания в Дрездене был сокращен на два дня. Но, преодолев бесчисленные затруднения, генерал Шметтау, благодаря своему благоразумию и решимости, все же увез деньги и гарнизон, как добычу.

Никогда еще комендант крепости не действовал лучше Шметтау в столь критическом положении. Несмотря на свою неудачу, он заслуживал полного одобрения философа, который, однако, относился хладнокровно даже к таким комендантам, которые отражали все приступы и отстаивали крепости. Не зная о происходившем вне города и не обладавший собственным письмом Фридриха, он уступил справедливым опасениям и точно последовал приказаниям своего монарха. Поэтому Фридрих не мог наказать его, как главнокомандующего, но он наказал его своей немилостью и удалением с поприща славы. Предчувствуя тяжелые последствия потери Дрездена и испытав их вскоре, он не мог и не хотел простить генералу его неудачи, хотя тот с таким трудом доставил ему королевскую казну, столь заботливо вверенную его попечению. Ревность Шметтау к службе была несомненна; но на это не обратили внимания, так как удача не от него зависела и он не мог исправить ошибки короля. А ошибки эти были велики, потому что Вунш получил положительный приказ не тотчас же идти на помощь сильно теснимому и содержащему такие сокровища и магазины Дрездену, но пытаться сперва овладеть Виттенбергом и Торгау, [228] где нечего было терять, а тогда уже спешить к столице Саксонии, которую своевременное прибытие его несомненно могло бы спасти. К тому же в течение 27 дней не было сделано попыток снабдить коменданта известиями посредством тайно высланных гонцов.

Вообще ни одна армия в эту войну не была так плохо снабжена лазутчиками, как прусская, потому что король их не вознаграждал, а какой-нибудь червонец, выданный шпиону за удачное известие, нисколько не компенсировал те большие опасности, которым он подвергал свою жизнь. Этот недостаток, происходивший от экономических соображений, разрушил бы многие важные предприятия и совершенно изменил бы ход событий этих кампаний, если бы Фридрих не получал важных сообщений от стольких преданных ему людей всех сословий, особенно же благодаря догадливости, соединенной с

неутомимой деятельностью его сторонников и гусарских офицеров; это было пылкое усердие воинов, отчасти заменявших шпионов.

Величайшие вожди признали необходимость пользоваться такого рода людьми; но никто не умел пользоваться ими лучше принца Евгения, который награждал их по-царски, за что они служили ему превосходно¹⁸⁷. Многими своими великими подвигами при ограниченных силах обязан он тайным сообщениям своих лазутчиков. Фридрих хотел с этой целью воспользоваться знаменитым разбойником Кезебиром, который сидел в Штеттине в кандалах, приговоренный на пожизненное тюремное заключение. От этого немецкого Картуша, с его мужеством и нахальством, можно было ждать больших услуг в качестве шпиона, поэтому ему даровали свободу с самого начала войны. Но Кезебир, не столько помня помилование, сколько претерпенное наказание, хотя и обещал все, но исчез и не вернулся более.

Между тем принц Генрих пришел с главной армией из Силезии в Саксонию^{188}, застиг врасплох австрийского [229] генерала Веля при Гойерсверде благодаря необыкновенно форсированному маршу, уложил 600 австрийских солдат и взял самого генерала в плен с 1800 солдатами. Поход этот, один из самых необыкновенных, совершен был на пространстве десяти миль в стране, почти всюду занятой неприятелем, в течение 56 часов, причем за все время ни разу не разбивали лагеря и войска отдыхали только два раза по 3 часа. Остальные 50 часов поход не прерывался ни днем, ни ночью, и план австрийцев был разрушен. Принц Генрих имел при себе прекрасного помощника для всех своих военных операций, в лице своего адъютанта, капитана Калькрейта, человека, одаренного необыкновенными способностями и рожденного быть полководцем^{189}.

Еще юношей он возбуждал удивление, а позднее, став генералом, был обожаем войсками. Он был неразлучным товарищем Генриха во все время войны.

Русские стояли в это время в Ловозице вместе с Дауном^{190}. Генрих не мог вступить в битву вследствие критического положения короля и потому обратился к неприятельским магазинам, причем ему удалось искусно уничтожить самые большие из них. Тут неприятельские войска стали ощущать недостаток в продовольствии. Австрийцам лишь с большим трудом удавалось удовлетворять собственные нужды, и потому они предложили русским, прибывшим в Саксонию, деньги вместо продовольствия. «*Мои солдаты не едят денег*», — отвечал Салтыков и ушел через Силезию в Польшу. Лаудон последовал за ним, употребляя все усилия побудить его к осаде Глогау. Но план этот был совершенно разрушен, так как союзные армии при Бейтене на Одере наткнулись, к своему удивлению, на прусский лагерь. Здесь стоял король, прикрывая Глогау и решившийся на все, даже на сражение при самых невыгодных условиях, лишь бы спасти эту крепость. Так как он имел всего 24 000 человек и опасался нападения врасплох, то войска его всякий день стояли под ружьем. Однако русские не [230] посмели его атаковать, а, переправившись через Одер, разрушили за собой мост выстрелами из орудий, чтобы избежать погони, и пошли вдоль реки, намереваясь, по-видимому, идти на Бреславль. Но повсюду они встречали пруссаков, занявших проходы^{191}.

Король еще находился недалеко от русских, когда у него обнаружились сильные приступы подагры. Никогда еще заботы его не были тяжелее, так как следовало ожидать немедленного нападения русских при первом же известии о болезни короля. Не будучи в состоянии командовать, Фридрих принужден был бы среди адских мучений тела и души

ждать, лежа в кровати, решения своей участи, которая заранее была ясна. Но русские ничего не узнали об этом безнадежном состоянии, и короля вновь спасли его прежние удачи. Так как он не мог ни сесть на лошадь, ни вынести езду в экипаже, то велел солдатам отнести себя в Кобен, местечко на берегу Одера. Тут он собрал своих генералов, сообщил им свою опасную болезнь, лишаящую его возможности находиться при армии, и дал им следующую инструкцию: *«Убедите моих храбрых солдат, что, несмотря на многие неудачи этой кампании, я не успокоюсь, пока все не будет восстановлено опять. Скажите им, что я полагаюсь на их мужество и что лишь смерть разлучит меня с моей армией»*. И тут же, среди ужасных страданий, он продиктовал распоряжение относительно расположения войск на квартиры [{192}](#).

Между тем русские продолжали свой опустошительный поход. Гернштадт был пределом их распространения по Силезии. Так как этот открытый, но укрепленный от природы пункт, снабженный гарнизоном в несколько сотен пруссаков, не хотел сдаваться, то они брандкугелями ¹⁹³ превратили его в груды пепла и после этого подвига направились в Польшу. Лаудон спрашивал Салтыкова, что ему теперь делать со своим корпусом. Салтыков отвечал: *«Делайте что хотите, я иду в Познань»*. Еще некоторое время [231] Лаудон оставался при русской армии; наконец он ушел, сильно недовольный, и вернулся в Австрию.

В конце октября вся Силезия и Бранденбург были освобождены от русских и австрийцев. 12 горящих деревень и пылающий город Гурау ознаменовали уход первых, помимо иных опустошений, так как убийства и пожары были непременно принадлежностью их походов. Судьба эта постигла также имения графа Козеля на Одере. Он жаловался по этому поводу королю, который отвечал: *«Мы имеем дело с варварами, стремящимися стереть с лица земли человечество. Вы видите, любезный граф, что я больше думаю о том, как помочь злу, нежели о том, чтобы жаловаться на него, и то же советую всем моим друзьям»*. Действительно, озлобление могущественных союзников против короля дошло до того, что оно покрыло позором этот век. Все совершенные ужасы увенчались многократным распоряжением, чтобы австрийские и русские войска при вторжениях своих в Бранденбург и Силезию, согласно императорскому указу, не оставляли прусским подданным ничего, кроме воздуха и земли. К этому странному приказу относится манифест, который был найден 17 ноября 1759 года в Грабе, в Богемии, где вышеприведенные слова находятся в подлиннике.

Деятельность генерала Вунша превзошла все ожидания. Корпус его состоял всего из 5000 человек, с которыми он отправился в Саксонию, чтобы вновь завоевать эту страну, всю наполненную неприятельскими войсками [{194}](#). Лишь только он явился перед Витгенбергом, имевшим 2-тысячный гарнизон, как комендант тотчас же предложил капитуляцию. Вунш, не желая терять времени, согласился дать ему свободный пропуск, а сам поспешил в Торгау. Имперский генерал Клеефельд, командовавший здесь, тоже согласился на сдачу; но его условия не были приняты. Прусский полководец атаковал ночью предместья, выгнал оттуда кроатов и приготовился к штурму. Тогда последовала [232] капитуляция; гарнизон получил свободный пропуск, но должен был оставить артиллерию и снаряды. Тогда Вунш двинулся к Дрездену, где осаждающие приняли его корпус, состоявший из гренадеров, мушкетеров, добровольцев, драгун и гусар, за целую армию. Это обстоятельство облегчило задуманную со стороны озабоченных императорских и имперских генералов капитуляцию, и Вуншу осталось тогда идти обратно в Торгау, который в этот короткий промежуток времени вновь был осажден. Гарнизон его состоял лишь из 500 человек, и генерал Сент-Андре подошел к нему с

сильным корпусом имперцев и австрийцев.

Получив это известие, Вунш тотчас же отправился туда со своими легкими войсками, остальным велел следовать за собой и не успокоился до тех пор, пока не приблизился к Торгау, не будучи замечен неприятелем. Тут он велел раздать вина своим истощенным солдатам и стал в боевом порядке. Только тогда имперские войска заметили приближавшихся пруссаков и приготовились к битве, причем так были уверены в победе, что не убрали даже своих палаток. Впрочем, не дав им времени для этого, а бросившись стремительно со своей конницей, он атаковал сразу фронт и фланг и опрокинул уже все, когда пехота еще только собиралась стрелять. Весь 10-тысячный корпус, заключавший 4 кирасирских полка, 2 драгунских, 1200 гренадеров и 2000 кроатов, бежал в лес, покинув лагерь вместе со всеми находившимися там военными принадлежностями.

Эта большая стычка, хотя и не может назваться сражением, сопровождалась преимуществами самой блестящей победы, так как восстановила начинавший уже падать престиж пруссаков, а король снова овладел Саксонией до самого Дрездена. При этом заслуживает внимания благородный поступок одного имперского генерала. В битве некий прусский драгун Плеттенбергского полка, воодушевленный военным пылом, сражался как герой времен рыцарства; он опрокидывал всех перед собой и, не обращая внимания на [233] своих храбрых товарищей, зашел далеко в неприятельские батальоны, сражаясь до тех пор, пока его не ранили и тяжело раненная лошадь не упала вместе с ним. Окружавшие его неприятельские солдаты хотели было убить его, но генерал Сент-Андре остановил их, сказав: *«Такого храброго солдата из столь храброго полка надо спасти»*. Он тотчас же приказал позаботиться о нем, и как только тот выздоровел, отправил того обратно в его полк без выкупа, дав ему деньги и рекомендательное письмо.

Король, зная малочисленность корпуса Вунша, не ждал столь быстрого обратного завоевания Саксонии; он тот час выслал туда генерала Финка с более сильным корпусом. Хотя тот и опоздал для освобождения Дрездена, но не оставался бездейственным, а, соединившись с Вуншем, атаковал 21 сентября у Корбитца большой австрийский корпус под командой Гаддика, разбил его после кровопролитного боя, длившегося целый день, и увел 500 человек пленными [\[195\]](#).

Таким образом, ко всеобщему удивлению, большие победоносные союзные войска неприятелей принуждены были действовать оборонительно, а гораздо более слабая, разбитая и разделенная прусская армия стесняла все их движения и разрушала все планы. [234]

Книга седьмая

После всех больших неудач, постигших Фридриха и его армию в течение нескольких месяцев, театр военных действий до окончания кампании сосредоточился в одной Саксонии. Были сделаны всевозможные попытки прогнать отсюда принца Генриха, но все они были неудачны, благодаря его бдительности и военным дарованиям, причем он не только удержался там, но еще нашел возможным прикрыть Лейпциг и Виттенберг. Тогда австрийский полководец придумал новый обширный план. Он хотел отрезать прусского вождя от саксонских городов, а самого его запереть в лагере. Даун разделил с этой целью армию на несколько корпусов, из которых самый сильный находился под начальством герцога Арембергского. Генрих подозревал что-то относительно намерений

врага, а между бумагами пойманного адъютанта герцога Арембергского были найдены дальнейшие разъяснения неприятельских планов. Он тотчас же выслал по разным дорогам генералов Финка, Веделя, Вунша и Ребентиша с их корпусами, которые наткнулись на неприятеля, но тот постоянно отступал. Наконец 29 октября пруссаки наткнулись у Претша близ Дюбена на большой Арембергский корпус, который, придя в сильное замешательство, тоже хотел отступить, но императорский генерал Гемминген решил нанести неожиданный удар по пруссакам, встав во главе гренадерского корпуса. Прусский генерал Платен со [235] своими драгунами и гусарами налетел в карьер на стоявших в засаде австрийских гренадеров, опрокинул их, взял 1500 пленных и рассеял остальных.

Король все еще был болен и велел перевезти себя в Глогау, где пребывал до выздоровления. Он послал генерала Гюльзена с большей частью своей армии тоже в Саксонию, где пруссаки приобрели такой перевес, что Даун счел необходимым занять укрепленный лагерь Плауэн, чтобы прикрыть Дрезден. Из всех недавних завоеваний австрийцев в Саксонии у них осталась только ее столица. Главным намерением Фридриха было отнять у них этот важный пункт, как только вернутся из Силезии и Саксонии войска для соединения с принцем Генрихом. Чтоб действовать более энергично, король, хотя и не совсем здоровый, выехал из Глогау и 13 ноября, после двадцатидневного отсутствия, снова прибыл в армию. Надо было непременно, чтобы армия Дауна, запертая, несмотря на обладание Дрезденом, в одном углу Саксонии, принуждена была отступить в Богемию. Отступление это осуществилось бы, может быть, и само собой, но король хотел его ускорить. С этой целью Финк был выслан с 10 000 человек к Максену в горы, а Клейст должен был со своим корпусом вторгнуться в Богемию. Последняя экспедиция оказалась удачной; Клейст уводил пленных, налагал контрибуции и грабил в отместку за жестокости, производимые в Силезии и Бранденбурге.

Позиция Финка грозила отрезать неприятелю подвоз из Богемии; но она же была сильно рискованной, так как Финк был далеко от армии короля и со всех сторон окружен императорскими войсками. Генерал этот, предчувствуя свое критическое положение, дерзнул перед выступлением своим сказать об этом королю, который отнесся к его представлениям весьма немилостиво. Фридрих отвечал своим могущественным изречением, обращавшим кажущееся невозможным в возможное: *«Знаете, что я терпеть не могу затруднений. Поэтому идите»*. Итак, Финк пошел в [236] Максен и велел генералу Линдштедту занять с 3000 человек проход у Диппольдисвальда, благодаря чему сообщение с Фрейбергом оставалось свободным. Но король не был доволен этим распоряжением и написал: *«Лучше, если вы соедините весь корпус: тогда будете в состоянии энергичнее встретить неприятеля. Кроме того, немногие батальоны у Диппольдисвальда могут быть быстро опрокинуты, так как неприятель, в случае какого-нибудь предприятия, наверно придет с большими силами»*. Приказание Фридриха было исполнено, причем Финк тотчас же сообщил о позиции неприятеля, который теперь свободно мог атаковать его. Последующие письма генерала Финка к королю были перехвачены австрийцами и этим навлекли королю большую неудачу, стоившую ему ценою многочисленного корпуса.

21 ноября было самым несчастным днем, оставшимся навсегда в памяти прусских воинов. Финк подвергся со всех сторон нападению 40 000 человек. Он занимал позицию большей частью внизу, а враги находились на высотах; к тому же они были гораздо многочисленнее. С одной стороны стоял Даун с главной австрийской армией, с другой — герцог Цвейбрюккенский с имперцами. Несмотря на это, пруссаки сражались весьма

храбро. Неприятельский огонь был направлен только в один пункт, и деревня Максен, находившаяся среди прусских линий, загорелась; из-за этого произошло смятение. К тому же австрийские гаубицы произвели большое замешательство в прусском обозе, охватившее вскоре и всю пехоту; путь же отступления был отрезан. После перестрелки, длившейся весь день, пруссакам не хватало амуниции и патронов. Надежда на помощь короля была очень слаба, так как он не знал и даже не подозревал об их положении. Финк, зарекомендовавший себя при стольких случаях как мужественный и опытный в военном деле полководец, и теперь не оробел. Он хотел пробиться и, собрав генералов, объявил им свое намерение. Но невысказано было [237] пробиваться сквозь сильно охраняемые ущелья; надо было либо пожертвовать всеми войсками, либо сдаться в плен. Финк полагал, что в первом случае не окажет хорошей услуги королю; а так как у пруссаков было много австрийских пленников, которыми можно было поменяться, то он избрал второй исход, более человеколюбивый. Вунш предложил попытку пробиться ночью с кавалерией и действительно выступил. Но пехота не могла следовать за ним, и Финк, полководец, которого Фридрих назвал вторым Тюренном, принужден был капитулировать [{196}](#).

Даун не хотел знать иных условий, кроме взятия его в плен, и настоял даже на том, чтобы Вунш был отозван вместе с кавалерией и тоже сдался бы в плен. Напрасно Финк отговаривался тем, что генерал этот командует совершенно отдельным корпусом: австрийский вождь настаивал, и Финк должен был на все согласиться. Вунш, получив приказание, вернулся, но не подписал капитуляции. Несмотря на это, он был взят в плен. Обоз пруссаков не был разграблен, так как это было главным условием сдачи; но 70 орудий, 24 штандарта и 96 знамен сделались добычей австрийцев. Весь корпус, состоявший из 16 батальонов и 35 эскадронов, 9 генералов и 11 000 человек пехоты и конницы, должен был положить оружие; только несколькими гусарам удалось бежать, и они-то привезли королю страшную эту весть.

Казалось, прусская военная слава померкла от этого в глазах народа, но подобная судьба бывала уделом и самых храбрых народов. Римляне положили оружие сомкнутыми рядами при Кавдинском ущелье и при Лериде; французы — в день битвы при Блейнхейме; саксонцы — при Пирне; британцы при Саратогге, так же как теперь пруссаки при Максене [{197}](#). Все они поступали так, убедившись, что невысказано даже при всей человеческой храбрости и напряжении всех сил сделать что-нибудь в столь критическом положении.

Но Фридрих полагал, что можно было избежать этого несчастья; поэтому по окончании войны генералы Финк, [238] Ребентиш и Герсдорф были вызваны на военный суд, нашедший их оборону недостаточной и приговоривший, под председательством генерала Цитена, всех троих к заключению в крепость. Ребентиш служил еще некоторое время, но остальные были тотчас же лишены чинов. Финк умер главнокомандующим датской армии, а Ребентиш — генералом в Португалии.

За этим несчастьем тотчас же последовало другое. Генерал Диреке стоял с 3000 человек на берегу Эльбы у Мейсена. Король отозвал обратно этого генерала, которому пришлось переправляться через реку, покрытую льдом. Генерал Бек, один из лучших полководцев Марии-Терезии, воспользовался этим обстоятельством и подошел с сильным корпусом; немногочисленные суда были тотчас же уничтожены неприятелем, и Диреке, после кровопролитного боя, должен был сдаться в плен с той частью корпуса, которая не успела переправиться. Таким образом 1400 пруссаков снова попали в руки

австрийцев.

Даун, столь осторожный обыкновенно, был до того воодушевлен приобретенными преимуществами, что подошел к армии короля, надеясь, что она тотчас же обратится в бегство. Но он нашел ее совершенно готовою к отражению атаки и потому спокойно отступил назад. Как полагал императорский генерал Макир, одного его появления будет достаточно, чтобы овладеть осажденным пруссаками Фрейбергом. Он подошел с 16-тысячным войском в сопровождении огромного количества повозок и багажа, свидетельствовавшего о его несомненной надежде на победу. Но пруссаки стояли в боевом порядке, и их пушечные залпы принудили неприятеля к отступлению.

Лучшими источниками помощи для Фридриха были постоянные ошибки его врагов. И теперь оказались обмануты всеобщие ожидания. Даун, вместо того чтобы воспользоваться своими большими выгодами и проникнуть далее, расположился, точно побежденный, в укрепленном лагере [239] за Плауэнской ложиной. Напротив того, Фридрих, потерявший к концу кампании почти половину своей армии, несмотря на истощение всех полков, составлявших в совокупности лишь 20 000 человек, не изменил своей позиции, но еще удержал, кроме небольшого Дрезденского округа, всю Саксонию. Чтобы немного пополнить армию, он выписал 12 000 человек из союзных войск, которые прибыли к концу декабря к королю во Фрейберг с наследным принцем Брауншвейгским во главе. Лишь только прибыло это подкрепление, Фридрих, несмотря на зимнее время, двинулся вперед и разогнал все расположенные перед ним неприятельские войска. Он намеревался атаковать генерала Макира у Диппольдисвальда; но расположение австрийцев было недоступно из-за искусно прорытых рвов, обильных батарей, окружавших лагерь скал и ущелий, поэтому король вернулся во Фрейберг.

Затем последовала необыкновенная зимняя кампания, погубившая множество людей. Войско короля было размещено на квартирах в местечках и селениях близ Дрездена, но тут была такая теснота, что лишь немногие могли поместиться под кровлями. Целые полки половину зимы стояли в маленьких селениях, из которых впоследствии перешли в большие. Офицеры жили в комнатах, а солдаты должны были строить для себя бивуаки, где, как татары, лежали день и ночь у пылающего огня. Зима этого года была не обыкновенно сурова, и снег покрывал землю по колено в течение нескольких недель. Дрова приходилось таскать солдатам из отдаленного леса, причем из-за ужасного холода на это дело уходил весь день; по всем селениям то и дело сновали толпы солдат, идущих в лес или возвращающихся оттуда. По мере того как холод усиливался, а дрова все убывали, солдат, следуя инстинкту самосохранения, не щадил ни конюшен, ни амбаров, ни домов. Испанцы в новооткрытой Америке с не меньшим усердием искали золота, как пруссаки теперь дерева. При этом питание было [240] крайне скудно, и солдат должен был удовлетворяться одним хлебом, из которого день и ночь варил себе похлебку на воде. Чередование на карауле происходило очень часто, вследствие множества больных, а сменившись с часов, солдат почти не имел покоя. Если он не сделал запаса дров и льда или снега для варки пищи, то ложился на пепел и жарил свое тело, причем если передняя часть тела почти горела, то с другой стороны он почти коченел от мороза. Но это еще было не все. На расстоянии мили от Дрездена у Вильсдруфа стоял небольшой лагерь, которого король не хотел снимать, и в нем должны были находиться 4 батальона, сменяемые каждые сутки, так что всей пехоте короля приходилось поочередно стоять в палатках, которые совершенно замерзли, так что холст походил на дерево. Австрийцы, принуждаемые действиями пруссаков, должны были терпеть то же самое. Оба войска явили миру неслыханное дотоле в летописях северных войн действие, оставаясь в поле,

недалеко друг от друга, в течение всей этой суровой зимы под холщовыми кровлями, вопреки холоду и эпидемическим заболеваниям, пока более теплое время года не прекратило их страданий.

Так как совершенство не досталось в удел ни одному смертному и недостойно историку приписывать всякому капризу великого человека значение какого-нибудь зрело обдуманного плана или разумного намерения, то можно вполне усомниться в целесообразности этого ледяного лагеря, произошедшего, должно быть, от каприза, а не от зрелого размышления; этим ничего не было приобретено, да и нельзя было ничего ожидать, так как все человеческие силы совершенно замерли в ту зиму.

Сильный холод был так продолжителен, что плохо одетые солдаты ежедневно отмораживали себе члены{*5}. В лагере [241] не было теплых помещений, часовые раскладывали костры, когда были дрова, и только для офицеров поставили маленькие дощатые будки. Окоченевшие солдаты либо бегали как помешанные по лагерю, забывая о пище, либо забивались в палатки и ложились друг на друга, чтобы хотя сколько-нибудь согреться. В таком положении всякая атака или оборона были невозможны, и каждый раз полк, сменившись из лагеря, приходил в свои жалкие зимние квартиры с большим числом больных. Их хоронили сотнями, и эта одна зимняя кампания стоила королю больше войск, чем два сражения. Но являлись рекруты, и потому потери эти не были так заметны. Австрийцам было не лучше. Они расположились за Плауэнской лощиной в деревнях, защищенных от пруссаков Тарандским лесом и цепью ущелий. Осторожному Дауну и это показалось недостаточным: шанцы были нагромождены друг на друга, и все дороги и тропинки, даже ведущие на самые высокие горы, стали неприступны после возведения засек. Эти жалкие квартиры были могилой для многих тысяч воинов Марии-Терезии: эпидемические заболевания так свирепствовали между ними, что в январе в течение 16 дней от них погибло 4000 человек.

Но набор рекрутов так деятельно производился пруссаками, что уже в феврале король мог отослать герцогу Фердинанду занятые у него войска. Это обстоятельство произвело необыкновенное впечатление в Вене и служит доказательством того, что большие потери при Кунерсдорфе, Максене и других неудачах этой кампании, несмотря на истощавшиеся средства, были восполнены.

Война против шведов в эту кампанию, как и всегда, не привела ни к чему значительному. Так как прусский генерал Мантейфель должен был присоединиться к королю после Кунерсдорфского сражения, то шведы под начальством генерала Латингаузена могли действовать свободно. Они воспользовались этим случаем, чтобы взять несколько [242] пунктов, слабо защищенных пруссаками, и 8 прусских судов, снаряженных в Штеттине. Пруссаки снабдили их толстыми палубами и экипажами из земской милиции для обеспечения берегов и устьев Одера от высадок шведов. Всего подготовили 11 кораблей разной величины; носили они имена либо знатнейших лиц королевского дома, либо же греческих божеств. Польза их стала вскоре заметна, и бедные прибрежные жители более не подвергались грабежам отдельных шведских кораблей. Поэтому шведы решили уничтожить эту флотилию; они атаковали ее с 29 кораблями и, благодаря своей многочисленности, достигли цели; только три прусских судна спаслись.

Между тем шведская сухопутная армия проникла до Пренцлау. Но Мантейфель скоро собрал небольшой корпус и погнал ее из Анклама и Пренцлау назад через реку Пэну. Он не давал им покоя, но проник среди постоянных стычек до Гфейсвальда, причем увел

много пленных и в Деммине овладел шведской военной кассой; но наконец зимние холода принудили его окончить кампанию. Шведы отместили этому деятельному генералу: они атаковали его ночью в Анкламе, и, несмотря на то что гарнизон отбил их, причинив большой урон, заблудившийся в темноте ночи Мантейфель был взят ими в плен.

Король учредил еще один полк черных гусар под командой полковника Беллинга, который весьма отличился в этой экспедиции точно так же, как и во всех кампаниях против шведов в Померании и Укермарке; они играли большую роль на этом маленьком театре войны, и не было того дня, чтобы они не приводили пленных шведов, число которых достигло 3000 человек.

Кампания союзников в общем была очень удачна. Британцы принимали теперь самое деятельное участие в континентальной войне, а парламент отпустил на нее 1 900 000 фунтов стерлингов, не считая огромных издержек для перевоза своих войск в Германию, так как они причислялись [243] к морским действиям. Французы между тем положили начало своим предприятиям отважным делом, захватив врасплох среди зимы Франкфурт-на-Майне {198}. Этот вольный имперский город, добросовестно снабжавший государство положенным количеством войск и денег, полагал, что не имеет никаких причин страшиться союзников Империи. Они уже предоставляли французам проход через свою территорию, но только отдельным отрядам. Когда вновь последовало подобное требование, то согласие по следовало на тех же условиях. Для исполнения своего плана французы выбрали день Нового года, поэтому перед городом собрался порядочный корпус французов. Когда же франкфуртские трубачи стали очень шумно разъезжать по городу с новогодними пожеланиями, принц Субизский возымел подозрение, что они открыли его намерение, и потому отложил атаку до следующего дня. Хотя франкфуртцы ничего не предчувствовали, но все же были настороже. Решено было впускать в город только по одному полку французов, причем ворота должны были быть на запоре, пока каждый из них будет ехать по мосту.

Весь гарнизон был вооружен отчасти с тем, чтобы сопровождать французов, отчасти для охраны ворот и для сообщения большего веса распоряжениям магистрата. Несмотря на все это, город был взят без всякого кровопролития. Французские войска присоединились к первому входившему полку, опрокинули сопротивляющуюся им стражу, напугали остальных солдат, стоявших поблизости, взобрались на валы, овладели артиллерией и всеми воротами, пока другие полки занимали площади и важнейшие улицы. Таким образом в несколько мгновений союзный Империи Франкфурт сделался добычей французов, которые в течение первых дней распоряжались в нем, как в завоеванном городе. Субиз отправился в ратушу, объявил там свои приказания, которые, благодаря первому ошеломляющему впечатлению, были приняты весьма почтительно; причем полководец этот обещал [244] во имя своего короля охранять религию, свободу и привилегии города. Между тем все улицы покрылись солдатами и пылающими кострами, разведенными по случаю сильного холода. Жителям нельзя было выходить из домов, даже показываться в окнах, а городские солдаты были обезоружены.

Франкфурт стал главной квартирой французов, получивших благодаря этому полную возможность сообщения с императорскими и имперскими войсками, причем с помощью Майна и Рейна они могли снабжать себя всем необходимым. Отнять у французов приобретенные преимущества составляло главное намерение Фердинанда при открытии кампании. Но он оттянул его до апреля вследствие того, что имперские войска, равно как и корпус австрийцев и французов, вторглись в Гессен и другие соседние земли, и их-то

пришлось сперва прогнать; впрочем, это так удачно было исполнено наследным принцем Брауншвейгским, что имперские войска оказались разбиты во многих небольших стычках, в Мейнингене был взят в плен целый кирасирский полк, батальон вюртембергцев и два кельнских гренадерских батальона. Таким образом союзные провинции быстро освободились от неприятеля. Фердинанд оставил тогда 12 000 человек для прикрытия Ганновера и Гессена и выступил с 30 000 человек к Франкфурту. Герцог Бролы, принявший командование над тамошней французской армией, занял крепкий пункт при селении Берген поблизости от Франкфурта, которым Фердинанду необходимо было овладеть для достижения своей конечной цели.

Обе армии встретились 13 апреля. Сначала деревня Берген подверглась сильной атаке. Тут стояли 8 батальонов немецких войск, находившихся на французской службе, а за ней — несколько бригад французской пехоты, поддерживавших весьма деятельный пушечный огонь. Саксонский корпус занял высоты, идущие по направлению к Нидде. Принц Изенбургский, не знакомый с силой стоявшего перед ним неприятеля и вообще отличавшийся неудачами [245] на войне, совершил атаку отдельно с четырьмя гренадерскими батальонами, причем отдал странный приказ, чтобы все полковые врачи встали в строй. Люди эти, обязанность которых состоит в том, чтобы сопровождать войска, а не брать батареи, хотели было уже покинуть расположение прусских войск, но их удержали увещания одного из них, некоего Экермана, большого патриота; при этом некоторые из врачей оказались ранены, остальные убиты.

Французы, имевшие за собой все выгоды положения, удерживали, между прочим, свою позицию против врага, которому приходилось бороться со многими естественными препятствиями. Перед деревней находились ущелья, через которые гессенцы проходили лишь небольшими отрядами, а также плетни и заборы, через которые надо было перелезть. Наследный принц Брауншвейгский подошел на помощь им со своей дивизией и атаковал левый фланг французов. Ободренные этим, гессенцы возобновили атаку с удвоенной силой, и французы уже начинали слабеть, как вдруг Бролы, совершив искусный маневр, ударил во фланг союзников. Гессенцы были отбиты, а предводитель их, принц Изенбург, убит. Некоторые французские полки, увлекаемые своей пылкостью, оставили тогда в большом беспорядке свои позиции для погони за отступавшим неприятелем. Благодаря этому кавалерия союзников получила возможность энергично атаковать их. Множество французов и саксонцев пало под ее ударами. Но все зависело от овладения позицией при Бергене, и хотя атака в течение трех часов была возобновляема три раза, но безуспешно. Фердинанду оставалось лишь благоустроенное отступление на виду у превосходящего его численностью неприятеля. Но был полдень, а отступление могла прикрыть только ночь. В таком критическом положении Фердинанд притворился, будто хочет возобновить сражение; он разделил свою пехоту на два отряда, конницу поставил посередине, а перед ней — небольшую колонну пехоты [246] и сделал вид, что хочет атаковать деревню Берген и лес, находившийся у левого крыла, причем и тот и другой пункты деятельно обстреливались. Так продолжалось до наступления ночи, пока союзная армия не отступила до Виндекена, потеряв 2000 человек и 5 орудий [199].

Хотя урон был невелик, но проигранное сражение повлекло за собой весьма вредные последствия для союзников. Французы остались по-прежнему владельцами Франкфурта, который в руках Фердинанда стал бы источником величайших преимуществ; они могли продолжать свои операции с большими надеждами, между тем как Фердинанду приходилось действовать оборонительно. Но все же он удержал за собой Везер,

несмотря на все попытки французов удалить его от этой реки. Тогда они устремились вперед, овладели Касселем, взяли врасплох Минден, комендант которого, ожидая атаки с другой стороны у Везера, сосредоточил там свои войска; она действительно должна была быть произведена в этом месте, если бы один крестьянин, изменник, не снабдил неприятелей баркой и не указал коннице брод. Вторгнувшиеся в Минден французы предались ужаснейшим бесчинствам, которым герцог Брольи и другие знатные вожди напрасно старались положить предел; таким образом несчастный город был почти весь разграблен. Они овладели здесь большими магазинами и взяли 1400 пленных. Мюнстер был также взят после настоящей осады, а 4-тысячный гарнизон принужден был сдаться военнопленными. Эта победа при Бергене, торжественно отпразднованная во Франции, которую придворные сравнивали с величайшими сражениями, поэты воспевали, пуассарды радостно вспоминали, а дамы почтили особой прической *à la Bergén*, доставила Брольи титул имперского князя, пожалованный ему императорским двором.

Французы намеревались теперь проникнуть в Ганновер и отрезать союзников от Везера. Но Фердинанд разрушил [247] все их планы. Он хитростью взял имперский город Бремен, благодаря чему овладел Везером до Штаде{200}. Не только обладание Ганновером, но исход всей кампании зависел теперь от удачного сражения. Потеря Миндена побудила Фердинанда ускорить дело. Чтобы принудить неприятеля к битве, он выслал два корпуса, которые должны были угрожать магазинам французов, находившимся в тылу их армии. Наследный принц Брауншвейгский, командовавший одним из них, пошел на Герфорд для подкрепления генерала Древета, атаковавшего Оснабрюк, обратившего гарнизон его в бегство и овладевшего тамошними складами. Именно здесь Фердинанд устроил свой главный магазин. Союзники занимали выгодную позицию, а французам угрожала опасность быть отрезанными от своего подвоза. Контад испугался и велел строить один за другим мосты через Везер, чтобы облегчить сообщение с армией Брольи, стоявшей по ту сторону реки. 31 июля вечером он собрал военный совет, и решено было выступить еще ночью и с рассветом атаковать неприятеля. Брольи должен был присоединиться к главной армии. Для французов сражение ныне являлось настоятельной потребностью. Превосходство их сил и разбросанность корпусов союзной армии являлись, по-видимому, самым удобным случаем для блестящей победы. Между тем французский полководец, на случай неудачи, велел перебросить через ручей, впадающий в Везер, 19 мостов и объявил армии о том, что мосты эти предназначены для отступления.

Французы двинулись девятью колоннами, одна из которых, под начальством Брольи, должна была атаковать корпус генерала Вангенгейма, который расположился на некотором расстоянии от главной армии при сильно укрепленной деревне Тодтенгаузен с 10 000 человек пехоты и кавалерии и с двумя большими батареями. Фердинанд узнал о намерении неприятелей лишь в 3 часа утра от перебежчиков и очень обрадовался, так как сильно желал битвы и сам уже приготовился к атаке. [248]

Между тем Брольи подошел к лагерю Вангенгейма. Удача его предприятия зависела всецело от быстроты. Но он двигался слишком медленно, потеряв много драгоценного времени. Здесь французы явно доказали, насколько на практике они далеки от своих тактических теорий. Незнакомые с искусством быстрого построения, вместо того чтобы атаковать с рассветом, как было положено, они ожидали, пока рассветет, чтобы привести в порядок свои колонны; поэтому Брольи, ожидавший, кроме того, новых приказаний от Контада, мог подготовить свои войска только к пяти часам; Вангенгейм успел за это время занять оборону, а Фердинанд — прийти ему на помощь. Благодаря

мастерским маневрам и боевому порядку этого полководца весь план Контада был разрушен. Вангенгейм вышел из своего лагеря и присоединился к главной армии. Тогда положение французов стало очень опасно: их окружал Везер, болота и неприятельская армия. А сражаться было все же необходимо. Брольи храбро продолжал атаку, но его войска сильно страдали от артиллерии союзников, заставившей вскоре замолчать неприятельскую{201}.

Боевой порядок французов состоял в том, что цвет их кавалерии занимал середину строя. Это ни с чем не сообразное расположение, бывшее причиной большого поражения французов при Блейнхейме в 1704 году, отступавшее, кроме того, от всех принципов тактики, было залогом победы для союзников{202}. Фердинанд велел английской и ганноверской пехотам ударить в этот центр, в то время как [герцог] Бевернский должен был атаковать левое крыло французов. Колонны эти мужественно выступили против неприятельской конницы, невзирая на страшный пушечный огонь, направленный косвенно по их флангам. Французская кавалерия, не дожидаясь атаки, первая ударила яростно и со всех сторон на приближавшуюся пехоту, которая, однако, непоколебимо выдержала эту атаку французов, продолжая оставаться в порядке и посылая навстречу [249] им столь неудержимый град пуль, что конница обратилась в бегство в величайшем замешательстве. Другие кавалерийские полки возобновляли атаку, но все они были отбиты; опять новые корпуса заменили их, но и этим не посчастливилось. Наконец подошли жандармы и карабинеры, которым удалось ворваться в английскую пехоту, но она все же отбила их. Так повторилось четыре раза.

Союзная пехота не только устояла на своем посту, но подалась вперед и отразила все кавалерийские атаки. Саксонские войска, находившиеся в армии французов, отличились в этот день. Благодаря их мужественной атаке англичане пришли в расстройство; но, оправившись вскоре, они прогнали саксонцев. Бегство всей французской кавалерии разорвало строевую линию; стоявшие возле нее бригады французской пехоты не имели более поддержки, и фланги их были открыты. Брольи со своим разбитым корпусом пытался прикрыть этот центр, где царил общее замешательство. Это был критический момент, когда можно было уничтожить всю французскую армию. Его создали военное искусство и храбрость, и казалось, должно было последовать величайшее поражение французов в этом столетии, превосходящее даже поражение при Блейнхейме, Турине, Рамильи и Мальплаке{203}, но измена одного английского генерала спасла французов от окончательной гибели{204}.

Союзная пехота сделала все от нее зависящее; теперь пришла очередь кавалерии покончить дело. С этой целью Фердинанд поспешно отправил необходимые приказания лорду Саквиллю, командовавшему английской и немецкой конницами. Британец этот, недостойный своего народа, хотя умный и храбрый, питал низкую зависть к герцогу Фердинанду. Он один из всей армии был недоволен приобретенными в этот день преимуществами, так как они не согласовались с его тайными замыслами, клонившимися к тому, чтобы умалить военную славу Фердинанда и самому себе проложить дорогу к посту главнокомандующего, вопреки [250] недостаточным к этому дарованиям. Патриотизм его уступил зависти. Он притворился, что не понимает ясных приказаний главнокомандующего. Три адъютанта один за другим, из которых двое были англичане, приносили ему самые положительные приказания атаковать. Но он не атаковал, пропускал даром драгоценные мгновенья и наконец поехал сам к герцогу за объяснением, которое мог бы ему дать самый последний из его всадников. Фердинанд, нетерпеливый и раздраженный этим ослушанием, еще до прибытия Саквилля, выслал такое же

приказание маркизу Гранби, следующему английскому начальнику, командовавшему вторым отрядом конницы. Тот сейчас же повиновался. Хотя Саквилль и встал после этого во главе атаки, но удачный момент уже прошел и возвратить его не могли все британские сокровища. Брoльи весьма искусно воспользовался этой проволочкой: он отступил в удовлетворительном порядке, и остальные французские войска левого фланга последовали за ним.

Между тем на правом фланге союзников произошло очень жаркое дело. Прусская, ганноверская и гессенская кавалерии опрокинули французскую пехоту, изрубили большую часть ее и взяли несколько тысяч пленных. Все теперь стали спасаться бегством. Брoльи прикрыл тогда предпринятое правым крылом французов отступление к Миндену, а саксонцы, еще соблюдавшие некоторый порядок, вопреки большому урону, защитили беглецов левого крыла.

Французы лишились в этом сражении 8000 убитыми, ранеными и пленными, 30 орудий и многих знамен и штандартов. Несколько дней спустя у них была отнята еще большая часть их тяжелого обоза, часть военной кассы, багаж знатнейших предводителей и военный архив; затем магазины в Оснабрюке, Миндене, Билефельде, Падерборне и другие. Союзники насчитывали только 1300 человек убитыми и ранеными{205}. Маршал Контад писал тотчас же после битвы герцогу Фердинанду, называл его победителем и [251] просил позаботиться о раненых французах; просьба эта, по причине человеколюбия великого полководца, была совершенно излишней.

За эту победу Фердинанд получил британский орден Подвязки, причем король Георг послал ему 20 000 фунтов стерлингов, которые великодушный вождь роздал, как и всегда, своим войскам, обнаружившим отменную храбрость. Прусский драгунский полк Гольштейна, полонивший 4 батальона вместе с 10 орудиями, один получил несколько тысяч талеров. Фердинанд выразил при этом всем генералам, особенно же всем полкам, самую трогательную благодарность за их храброе благородное поведение во время битвы. Каждый вождь назывался по имени и получил таким образом перед лицом всей армии, сообразно своим подвигам, должную похвалу. Фердинанд был слишком великодушен, чтобы так же публично порицать, как оно того стоило, постыдное поведение Саквилля. Он предоставил этого генерала его судьбе и ограничился лишь тем, что не произнес имени этого преступного британца, тогда как все генералы были награждены большими или меньшими похвалами. Тем более расточал он свою признательность по отношению Гранби, публично сожалея о том, что этому генералу не удалось стать во главе британской кавалерии при столь многообещающей победе.

Саквилль был тогда отозван в Англию и явился туда с трепетом, так как боялся судьбы адмирала Бинга, который три года тому назад был расстрелян: английский народ требовал жертвы, а министры ради своей безопасности нашли нужным избрать его козлом отпущения и приписать ему все свои политические промахи. Бинг должен был умереть под тем предлогом, что не сделал всего возможного для нанесения вреда неприятелю и для спасения Менорки{206}. Так пал невинный вождь вопреки немного, впрочем, опоздавшему протесту всего военного суда; Саквилль, в качестве члена тайного совета, сильно добивался тогда этой трагической [252] развязки. Но теперь положение этого генерала было совсем иное: он не мог отстаивать своей невинности, так как его преступное поведение было достаточно очевидным и всякое оправдание было бы напрасно. Весь народ был страшно озлоблен на него, а чернь грозила разорвать на части. Лучшие слои общества смотрели на него как на негодяя, даже друзья избегали его, а

король Георг II не хотел слышать его имени. Он лишил его военных чинов и велел подать себе книгу, где значились его тайные советники; оттуда он собственноручно вычеркнул имя Саквилля. Затем поведение его было обсуждаемо военным судом, где он своей защитой увенчал свою подлость, говоря, что великий полководец, зави дую его военным доблестям, прислал ему противоречащие приказания, чтобы погубить его. Но множество свидетелей британцев, большей частью высоко урожденных и сановитых, возвратившихся из армии в Лондон, прославляли благородство Фердинанда и уничтожили все сомнения суда насчет позорного поведения Саквилля в битве. Он был объявлен виновным и не способным нести военную службу в Англии. Военный суд не мог распространить своей резолюции на гражданскую службу, и король, полагая, что он теперь уже не в состоянии вредить государству, воздержался от такого прибавления из уважения к старому отцу генерала, герцогу Дорсэ. Когда старик в скором времени после случившегося явился ко двору и со скорбным видом подошел к королю, монарх посмотрел на него молча и сильно растроганный. Наконец он обнял его и сказал: *«Мне жаль, милорд, что Саквилль ваш сын»*.

Кстати здесь будет заметить, что этот лорд Саквилль, опозоривший себя в германской и английской военной истории и формально лишенный чести в царствование Георга II, был тот самый, который в правление Георга III сумел интригами втесниться в дела правления, был главным зачинщиком американской международной войны и, принявши титул лорда Сен-Жермена, стал военным министром. [253] На этом посту он составил план военных действий в Америке, вследствие которого генерал Бэргойн, следуя бездарному плану, пал жертвою недостойного министра, вместе со своим корпусом, в пустынях Саратоги {207}. Эта неудача решила участь Америки, так как едва это известие прибыло в Европу, как Франция объявила независимыми британских подданных в Америке.

В день победы при Миндене была одержана другая победа наследным принцем Брауншвейгским при Гофельде. Фердинанд совершил нечто, повергшее в изумление и друзей, и врагов. Собираясь сразиться с армией, гораздо более многочисленной, он отправил 10 000 своих войск наследному принцу, намеревавшемуся атаковать герцога Бриссакского. Чтобы зайти неприятелю в тыл, принц должен был перейти реку Верру, через которую был только один узкий мост. По нему двигалась только часть его войск, остальные шли вброд, чтобы не терять времени. План атаки был так хорошо составлен, что не готовый к битве неприятель увидел себя однажды утром окруженным со всех сторон и, после кровопролитного сражения, должен был спастись поспешным бегством, покинув весь обоз. На поле битвы осталось столько убитых, что 2000 крестьян в продолжение трех дней хоронили их. Союзники лишились в этом сражении только 300 человек.

Поведение полководца после битвы служит настоящим масштабом его военного величия, и Фердинанд оказался на высоте своей славы; поэтому последствия этого дня, ознаменованного двумя победами, были весьма пагубны для французов. Контад должен был тотчас же покинуть свою выгодную позицию при Миндене, очистить Гессен, переправиться назад через Везер, уходить из страны, сполна снабженной продовольствием, постоянно преследуемый врагом, словом, лишиться всех выгод, приобретенных в этой кампании. Генерал Армантьер, блокировавший Липштадт, тотчас же снял блокаду и поспешил соединиться с главной [254] армией французов. Минден сдался союзникам. Были взяты значительные магазины и уведена отовсюду масса пленных. В Детмольде передвижной французский госпиталь с 800 человек сильного эскорта попал в руки победоносных немцев. Принц Гольштинский со своей прусской

кавалерией взял в плен за раз целый батальон так называемых королевских гренадеров. Затем последовало много больших стычек, кончившихся успешно для союзников. Корпус добровольцев Фишера был атакован наследным принцем при местечке Веттер; часть его была избита, а часть взята в плен. Только немногим удалось спастись вместе с вождем. Другой корпус был атакован знаменитым предводителем легких войск, полковником Лукнером, у Эльнгаузена, и разбит с большим для него уроном. Столица Кассель сдалась на капитуляцию ганноверскому полковнику Фрейтагу, который овладел также всем полевым обозом маршала Контада, принца Конти, герцога Бриссака, графа Сен-Жермена и вообще всех французских генералов недалеко от Детмольда. Марбург, с гарнизоном в 900 французов, не хотел сдаваться; он был осажден, и на пятый день после открытия траншей последовала его сдача. Взята была также крепость Цигенгайн с гарнизоном в 300 французов.

Между отбитым багажом маршала Контада найден был его портфель с тайными письмами и инструкциями от его двора, которые обнародовали по приказу английского короля. В них, между прочим, находились приказы опустошать те страны, которыми не удавалось овладеть. Но еще более удивительным, нежели эти приказы, был ответ французов, в котором, хотя и не отрицалась подлинность этих писем, но выражения их, совершенно явным, придавалось другое значение, не столько софистическое, сколько смешное.

Генерал Имгоф был послан в Мюнстер. Он некоторое время блокировал город и хотел приступить к настоящему штурму, но приближение французского генерала Армантьера заставило его снять осаду. Однако, получив [255] подкрепление, он возобновил ее. Французы снова подошли для атаки, но она не произошла, и через 6 дней по открытии траншей гарнизон капитулировал, получив свободный пропуск; но все орудия, снаряды, провиант и военные принадлежности стали добычей завоевателей. Это произошло 20 ноября, в несчастный для пруссаков день поражения при Максене; того же числа английский адмирал Хоук разбил на берегах Франции французский флот в такую ужасную бурю, что ее было достаточно для того, чтобы совершенно поглотить все человеческие силы; из всех побед, когда-либо одержанных на море, это была наиболее удивительная [208].

Имгоф нашел укрепления Мюнстера в столь плохом состоянии, что считал невозможным защищать этот пункт; однако он оставил в нем 5000 человек гарнизона, а сам вернулся к главной армии. Но кампания еще не была окончена, несмотря на весьма позднее время года. Взята была врасплох крепость Фульда, где находился герцог Вюртембергский, отдавший 12 000 человек своих войск на французскую службу. Вюртембергский лагерь находился недалеко от города. Герцог, не предполагая нашествия врага, пригласил фульдских дам на бал, который как раз должен был начаться, когда высланный сюда наследный принц Брауншвейгский с гусарами и драгунами своего корпуса явился под стены города и проник в город. Множество неприятелей было убито, находившиеся вне города рассеяны, и уведено свыше 1200 пленных. Герцогу удалось бежать, а его войска отступили в большом замешательстве из Фульды. Дамы этого духовного двора [209], нарядившиеся для танцев, должны были на сей раз отказаться от бала.

Вскоре после этой экспедиции наследный принц отправился в Саксонию для подкрепления прусского короля, после чего французам пришлось в голову атаковать ослабленную союзную армию на ее зимних квартирах. Но маршал Контад со времени Минденского поражения был в большой [256] ссоре с Броули, так как они взваливали

всю вину за поражение друг на друга. Версальский двор, ошеломленный этой неудачей и обеспокоенный их ссорой, выслал в армию маршала д'Этрэ с большими полномочиями, чтобы во имя короля уладить этот спор и сделать необходимые планы для будущих военных действий. Д'Этрэ был, однако, настолько благороден, что явился не в качестве главнокомандующего, а лишь для службы под начальством Контада и для подачи ему советов, если в них окажется надобность; во всем же остальном он обязывался повиноваться его приказаниям. Но все попытки прежнего фельдмаршала к примирению обоих соперников оказались безуспешными. Двор наконец решил этот вопрос, отозвав Контада обратно и вручив главное начальство вместе с фельдмаршалским жезлом Брольи. Новый главнокомандующий пожелал явиться достойным этой королевской милости неожиданным подвигом. Суровое время года не помешало ему пытаться совершить атаку 25 декабря. Но Фердинанд, блокировавший Гессен и расположивший свои войска на квартирах, был настороже. Он так энергично встретил французов, что те, после сильной канонады, должны были отступить. Неудача при Максене, потребовавшая высылки вспомогательных войск в Саксонию, а вследствие этого значительное ослабление союзной армии, не позволили Фердинанду извлечь всю ожидаемую пользу из его удачных походов.

Союзники, пришедшие в движение в ответ на атаку французов, стали всячески вредить неприятелю, причем особенно отличились приверженцы их Лукнер и Шейтер. Вообще легкие германские войска были очень деятельны и счастливы во всех этих кампаниях в противоположность неприятельским. Замечательно то обстоятельство, что французы никогда не играли важной роли на театре маленькой войны, несмотря на все их усилия проявить в них те подвиги, что и в больших сражениях. Все планы вождей для таких военных операций, поведение полководцев и солдат [257] в таких случаях, недостаточно продуманное исполнение этих планов — все свидетельствует о неспособности нации к подобного рода борьбе с врагом, так как хладнокровие и неусыпное внимание к ходу битвы, два весьма необходимых качества предводителей таких операций, плохо согласуются со свойственной французам живостью. Тем ощутимее была для них деятельность германских приверженцев, не дававших им ни минуты покоя и продолжавших эту небольшую войну с неслабеющим успехом. Они постоянно атаковали французские отряды, угрожали их зимним квартирам, их магазинам, перехватывали их транспорты и уводили много пленных, пока наконец сильные холода не принудили их самих отдохнуть в зимних квартирах.

Союзники опять овладели всеми областями и пунктами, которые принадлежали им до начала войны. Фердинанд расположился на зиму в Касселе и Вестфалии, а французы — в окрестностях Франкфурта-на-Майне. Казалось, что народы поменялись природой своих потребностей: и тут, и в Саксонии равно немцы, как и французы, стояли в поле друг против друга среди глубокой зимы, между тем как русские и шведы уже два месяца жили на зимних квартирах.

Были вновь сделаны мирные попытки, так как Англия выиграла теперь много [{210}](#), а Пруссия потеряла мало. Саксония в достаточной мере вознаградила Фридриха за потери, причиняемые ему врагами в занятых ими прусских областях, а в поле он был так страшен, как никогда еще, вопреки всем претерпенным неудачам. К тому же он, как и в прошлую зиму, владел всеми областями и пунктами, кроме Дрездена. При таких обстоятельствах он мог поистине считать себя счастливым. Удачи его союзников, помимо германских кампаний, были несравненно больше. Англичане сделали большие приобретения в Индии и Америке, уничтожив при этом почти совершенно французские

морские силы. При продолжении войны они могли ожидать [258] еще больших преимуществ на счет французов. Несмотря на это, оба союзных монарха предложили мир. Предложение это было сделано в Гааге, и король Станислав, столь легко, с философским спокойствием перенесший дважды приобретенную и дважды утраченную польскую корону {211}, предложил свою резиденцию в Нанси для мирного конгресса, на что Фридрих и Георг согласились. Первый писал из Фрейберга, где находилась его главная квартира: *«Приношу величайшую благодарность за это предложение и охотно согласился бы на него. Все действия, совершаемые под покровительством Вашего Величества, должны иметь удачный исход. Однако не все столь мирно настроены: дворы Венский и Петербургский довольно странным образом отвергли предложения, сделанные английским королем и мною. Очевидно, эти дворы побудят и французского короля к продолжению войны, от которой ожидают самого удачного исхода. Таким образом они сами дадут ответ за ту кровь, которая еще прольется. Дай Бог, чтобы все государи, подобно Вашему Величеству, вняли голосу человеколюбия, доброты и правосудия! Тогда свет перестал бы быть и театром опустошений и убийств».*

Противники ответили на это предложение весьма не определенным образом. Тогда предложена была Бреда и, наконец, Лейпциг для мирного конгресса. Враги Фридриха вполне надеялись на свой сильный союз, поэтому они не обнаруживали ни малейшего намерения содействовать миру. Напротив того, зиму они употребили на подкрепление своих войск и на пополнение повреждений и урона от предыдущих кампаний. Фридрих делал то же самое, но ему приходилось бороться с несравненно большими препятствиями. Число его противников простиралось до 90 миллионов человек, а подданных у него было всего 5 000 000. Королевство Пруссия и другие области его государства находились в руках неприятелей, так что оттуда ему нельзя было пополнять свои войска. Впрочем, Саксония почти заменяла [259] ему эту потерю; это был благодетельнейший источник для короля, доставлявший ему всегда и деньги, и провиант, и солдат. Доставки продуктов, [денег] и людей, к которым принуждены были несчастная Саксония и Тюрингия, благодаря необыкновенной жестокости, были чрезмерны и производились всегда вперед. Город Эрфурт поставил за 1760 год 100 000 рейхсталеров, 400 рекрутов и 500 лошадей; Наумбург — 200 000 рейхсталеров; Мерзебург — 120 300 рейхсталеров, 631 человек, частью рекрутов, частью погонщиков и 423 лошади; то, что недоставало для положенного количества, было уплачиваемо деньгами: за каждую лошадь — 50, а за каждого человека — 150 рейхсталеров. Цвикау должен был дать 80 000 рейхсталеров, Хемниц — 215 000, все города Тюрингии — 930 000, а весь тюрингенский округ — 1 375 841 рейхсталиер. Один Лейпциг должен был уплатить 1 100 000 рейхсталеров контрибуции, а весь лейпцигский округ — 2 000 000 рейхсталеров деньгами, 10 000 рекрутов, несколько сотен тысяч четвериков зерна, несколько тысяч лошадей и большое количество убойного скота. При этом срубались лучшие леса и дерево продавалось предприимчивым капиталистам.

Самый красивый германский лес в Торгау подвергся той же участи; положение его на берегах Эльбы облегчало это предприятие, и весь он был сплавлен в Гамбург. Курфюршеские арендные владельцы должны были также вносить арендную плату на год вперед. Таким образом, прусский король нуждался не в деньгах, а в людях. Малочисленность войск его произошла от большого количества дезертиров²¹², которых нельзя было вполне заменить саксонскими рекрутами и собственными его подданными. Благодаря этому возникла система вербовки, которая по характеру и распространению своему никогда не имела себе подобной на земле. Пленные неприятельские солдаты силою брались в прусскую службу; согласия их на это не

спрашивали, а просто ставили в прусские ряды, заставляли приносить присягу и [260] сражаться против своих соотечественников. Вся Германия наводнилась тайными вербовщиками, большая часть которых не была настоящими офицерами, а просто авантюристами, пускавшимися на всевозможные проделки, чтобы ловить людей. Прусский полковник Колинзон, созданный для этого дела человек, был их вождем и научал их собственным примером. Он разъезжал во всевозможных видах и одеждах и уговаривал сотни людей поступать на прусскую службу. Он не только обещал, но и раздавал чины, производя молодых простодушных студентов, купеческих приказчиков и других тому подобных в лейтенанты и капитаны прусской армии; в пехотинцы, кирасиры, гусары — все равно, на выбор. Слава прусского оружия была так велика и общеизвестна, представление о богатой добыче так неразрывно было связано с ней, что фабрикация чинов Колинзона не прекращалась. О прогонах ему нечего было заботиться, и задаток мог он оставлять себе, так как его рекруты брали по большей части издержки на себя. Много блудных сыновей во Франконии, Швабии и на Рейне обкрадывали своих отцов, приказчики — своих господ, управляющие — свои кассы, чтобы отправиться к тем добродушным прусским офицерам, которые раздавали роты и кресты. Они спешили со своими чинами в Магдебург, где их принимали, как обыкновенных рекрутов, — и силой ставили в строй. Сопrotивление не шло в счет; палка до тех пор была в работе, пока не следовало полного повиновения. Такими и иными способами Колинзон со своими помощниками доставил королю в течение войны 60 000 рекрутов.

Таким образом деятельность Фридриха, усердие его офицеров и всегда готовые деньги преодолели препятствия, которые считали непреодолимыми в Вене и Петербурге. Вначале пленные выкупались, подобно тому, как это производилось в апреле 1758 года между пруссаками и австрийцами в Егерндорфе и в октябре 1759 года между пруссаками и русскими; причем фельдмаршал оценивался в 3000 [261] человек или 15 000 гульденов, полковник — в 130 человек или 650 гульденов, а рядовой — в 5 гульденов. Но вскоре принята была новая система. Полагая, что недостаток в солдатах положит предел подвигам Фридриха, стали за труднать ему такой обмен пленнх при обоих императорских дворах и наконец совершенно прекратили его. Несмотря на это, все шло своим порядком и при открытии каждой кампании прусские полки имели почти всегда полный комплект. Войска, принадлежащие не занятым неприятелем военным кантонам, всегда являлись полностью. Никто, кроме больных и находившихся в командировках, не смел отсутствовать во время смотра, происходившего всегда весной, перед уходом с зимних квартир. Так как при Максене потеряны были целые полки, то они были вновь составлены из прикомандированных или выздоровевших солдат, из выкупивших себя за свой счет и из вновь набранных. Таким образом Фридрих восполнил все не достатки и уничтожил все следы потерь, понесенных его войском.

В августе этого года умер король испанский, Фердинанд VI. Король Неаполитанский, Карл, вступил тогда на испанский престол, а восьмилетний сын его, Фердинанд IV, — на неаполитанский. Австрийский дом имел большие притязания на королевства Неаполитанское и Сицилию, от которых пришлось отказаться лишь по необходимости; еще больше относились эти притязания к Парме и Пьяченце, и никогда еще не являлся более удобный случай для предъявления права на них: государем был ребенок, правление находилось в ненадежных руках, правители не руководились никакими принципами, финансы были в плохом состоянии, а войска малочисленны и без всякой дисциплины. Это была бы не кампания, а просто вступление во владение, и все обстоятельства обещали на сей раз спокойное обладание им. Испания еще не знала своего нового монарха

и, кроме того, не была приготовлена к подобной войне. [262] Франция же была совершенно истощена, ей самой приходилось бороться с могущественными врагами, и потому она не в состоянии была высылать войска в Италию. Поэтому вопрос этот действительно обсуждался в тайном совете императрицы. Но так как в то время при венском дворе политические соображения совершенно уступили место частным страстям, то и надежда весьма невероятного обратного завоевания Силезии уступила место несомненному овладению Неаполем и Сицилией, которые до этого, благодаря отдалению их от Австрии, являлись лишними, но теперь, в связи с ее прочими итальянскими владениями, упрочили бы владычество Марии-Терезии и ее потомства в Италии на многие столетия.

Король Сардинии{213} также предъявлял свои права на часть этого драгоценного наследства. Фридрих, горячо желавший войны в Италии, чтобы разделить могущество своих врагов, отправил флигель-адъютанта Коччеи в Турин, чтобы узнать мнение короля на этот счет; но этот некогда столь воинственный монарх{214} променял теперь меч на четки. Он был стар и предан ханжеству, единственным его стремлением было отличиться покаянными поступками. Таким образом, эта попытка Фридриха не удалась, как и большая часть его попыток действовать с помощью переговоров. Франция сильно желала мира с Англией, но не включая в него прусского короля. Монарх этот отправил депутата в Париж, в надежде открыть наконец глаза французскому министерству на его собственные выгоды, отвратить его от столь вредного союза и доказать, как пагубна была бы для Франции гибель Пруссии. Но все эти представления были тщетны, так как двор, находившийся в полной власти (помимо маркизы Помпадур) совершенно преданного Марии-Терезии герцога Шуазеля, не хотел ничего слышать. Придворный депутат, барон Эдельсгейм, был сперва принят вежливо, потом брошен в Бастилию, и все бумаги были у него отобраны. Фридрих отправил также [263] одного вельможу в Петербург, он явился туда с сильной протекцией английского министерства, в изобилии снабженный золотом, но ненависть Елизаветы к прусскому королю была непримирима; к тому же она надеялась удержать за собой завоеванную Пруссию.

В таком положении издала явился Фридриху союзник. Датский король опасался соседства русских, готовившихся теперь к осаде Кольберга, после завоевания которого они грозили овладеть всем Балтийским морем. Опасения эти еще усилились благодаря предъявлению русским наследником прав на Шлезвиг и его ненависти к Дании{215}. Поэтому Копен гагенский двор предложил прусскому королю за няться обороной Померании. Но вникнув в отчаянное положение Фридриха, датчане раздумали и стали обна руживать неохоту к исполнению собственного желанья. Вскоре найден был и предлог для прекращения переговоров. Король датский поставил такие условия, на которые заранее можно было ожидать несогласия Фридриха. Вопрос был, таким образом, решен, и королю прусскому оставалась лишь надежда на свое мужество, меч и удачу. [264]

Книга восьмая

Операционный план могущественных союзников клонился к тому, чтобы вынудить прусского короля пожертвовать либо Саксонией, либо Силезией. Проект этот утвердили лишь после продолжительных совещаний в Петербурге и Вене, так как кабинеты эти имели в виду преимущественно собственные выходы. Французы желали, чтобы русские осадили Штеттин; Салтыков же хотел вести войну в Померании вдоль морских берегов и

настаивал на том, чтобы взять сперва Данциг; Август просил возможно скорее освободить Саксонию. Австрийцы же думали только о завоевании Силезии, предложения их одержали верх, и Салтыков получил приказание проникнуть в эту провинцию во главе русской армии и осадить Бреславль. В Петербурге считали этот план превосходным, несмотря на то, что недостаток военных принадлежностей делал это предприятие немислимым. Для компетентных людей, конечно, была загадкой осада большого города на Одере, когда орудия приходилось везти из Богемии, в то время как армия шла от Вислы.

Фридрих сам защищал Саксонию: брата своего Генриха он выслал с большим корпусом для наблюдений за русскими, а принц Вюртембергский с меньшим корпусом пошел на шведов. Принц этот незадолго до этого был взят казаками в плен, но его выкупили, чем в Петербурге остались весьма недовольны. Чтобы усилить саксонскую армию, были отозваны оба прусских драгунских полка из союзных войск. [265] Король оповестил всех генералов, что в этом году ему придется чаще, чем когда-либо, совершать усиленные марши, чтобы принудить неприятеля к сражению. При этом он повелел им ободрять войска, чтобы побудить их терпеливо и стойко переносить ожидаемые труды, и напоминать им, что во всех битвах они должны показать себя достойными имени пруссаков.

В начале этого года Силезия была лишь слабо защищена. Король ограничился усилением тамошних крепостных гарнизонов войсками, причем померанский пехотный полк Мантейфеля обнаружил необыкновенный пример храбрости. Он покинул зимние квартиры недалеко от Нейсе, где был расположен вдали от прочих войск. Лаудон только выжидал этого момента, чтобы подойти к нему с четырьмя кавалерийскими полками. Он выслал офицера, предлагавшего пруссакам сдаться, причем всем обещано было пощадить багаж; но в случае сопротивления их угрожали перебить. Полковой командир в ответ на это просил офицера лично обратиться с этим предложением к солдатам. Он вывел его перед фронтом и на нижнегерманском наречии передал своим воинам предложение и угрозу Лаудона. Дельные пруссаки дали на померанском наречии весьма невежливый, но сильный ответ, разнесшийся с быстротою молнии по всему строю и прозвучавший изо всех уст одновременно. Тогда Лаудон приказал идти к атаке, и вся кавалерия сомкнутым строем бросилась на этот полк, одиноко стоявший в чистом поле, но была отброшена градом пуль, после чего пруссаки выступили вперед. Несмотря на атаки, постоянно возобновляемые с удвоенной силой, австрийцы ничего не могли добиться на протяжении двух миль; утомленный бессильными попытками, кавалерийский корпус отступил наконец с большим уроном.

Лаудон добился теперь того, чего не удавалось австрийцам в течение четырех лет: он открыл кампанию этого года на неприятельской земле. Прусский генерал Фуке прикрывал Силезию с 13 000 человек. Он стоял у Ландсгута в укрепленном [266] лагере на нескольких высотах. Из-за постоянно увеличивавшихся сил неприятеля положение пруссаков в этом лагере становилось весьма опасным; Фуке хотел поменять позицию и сделал по этому поводу серьезные представления королю; но Фридрих ничего не хотел знать, так как он, по совету силезского министра Шлаберндорфа, не хотел оставить без защиты доходные города, расположенные в горах. Поэтому король неоднократно высылал Фуке положительные приказы не покидать этот пост. Лаудон дождался, пока корпус этот уменьшился до 8000 человек, по причине выделения отрядов, и тогда атаковал его с 31 000 человек пятью отдельными корпусами, из пяти пунктов одновременно. Овладев несколькими шанцами, он, как при осаде крепости, послал

требование о сдаче. Фуке отвечал градом пуль и, постоянно сражаясь, отступал с одной высоты на другую до самой долины. Здесь он старался воодушевить солдат речью и, построив их четырехугольником, продолжал двигаться, защищаясь с необыкновенной храбростью, пока наконец войска его, окруженные со всех сторон, перестреляв весь порох в течение восьмичасовой битвы, не в состоянии были защищаться надлежащим образом и принуждены были уступить численности. Сам Фуке был опасно ранен в голову и полетел на землю вместе с убитой лошадей. Многие из самых храбрых его солдат пытались спасти своего полководца и сражались до тех пор, пока не пали возле него. Он получил еще два удара саблей в руку и в спину, и один австрийский всадник собирался уже покончить с ним, но редкая самоотверженность простого конюха, по имени Траучке, спасла жизнь героя. Он прикрыл своим телом Фуке и принял удар, предназначенный тому. Но раны оказались не смертельными, он выздоровел, и подвиг его был награжден.

Однако Фуке все еще угрожала смерть, если бы на крик Траучке: *«Как, вы хотите убить командира!»* — не прискакал полковник Левенштейновских драгун, Вуа, и не спас его. Истекающий кровью полководец, сделавший все, что [267] только повелевало благоразумие, военный опыт и храбрость в таком положении, и павший, как Леонид, внушал врагам уважение. Высокопоставленные и простые офицеры склонялись перед ним и наперерыв старались выразить ему свое почтение. Полковник Вуа велел привести свою парадную лошадь и просил Фуке сесть на нее. Но генерал этот отказался, говоря, что испачкает своей кровью красивое седло. Вуа отвечал, что оно несравненно выиграет, будучи обогрето кровью героя. Один только австрийский офицер настолько был низок, что осмелился в лицо вышучивать пленного полководца за его поражение. Но тут же все стали его порицать за это. Фуке заметил при этом: *«Дайте ему говорить, господа! На войне ведь так: сегодня мне, завтра тебе»*.

Еще остался непобежденным один небольшой отряд прусской пехоты под начальством полковника Белова. Построившись четырехугольником на равнине, он отражал все атаки кавалерии и некоторое время продвигался, несмотря на все могущество победителя. Но на помощь драгунам и гусарам подоспели кроаты, бросившись на пруссаков с фронтов, с фланга и с тыла одновременно; тогда пехота сложила оружие и просила пощады. Но что за ужасное зрелище! Большая часть этих храбрых и теперь беззащитных воинов пала все же под ударами разъяренных врагов.

Фуке был взят в плен с 4000 человек почти одной пехоты. 6000 пруссаков остались на поле битвы, а 1800 человек было ранено. Конница пробилась и, вместе с небольшой частью пехоты, пользовавшейся ее защитой, благополучно достигла Бреславля. Австрийцы насчитывали до 3000 убитыми и ранеными. Однако Лаудон опозорил свою победу постыднейшим грабежом Ландсгута. Город этот не был защищен и пользовался цветущим благосостоянием, благодаря своей торговле полотнами. Австрийцы поступили с ним словно с крепостью, взятою штурмом, производя ужасные бесчинства. Такими варварскими средствами хотели вознаградить храбрость солдат и приохотить их к будущим подвигам [216]. [268]

Важнейшим последствием Ландсгутского сражения было завоевание Глаца, самой значительной, после Магдебурга, прусской крепости. Она была в избытке снабжена снарядами и провиантом, но слабый гарнизон ее из 2400 человек составляли по большей части перебежчики и иностранцы, к тому же комендантом ее оказался недостойный человек, итальянец д'О, случайно попавший на этот пост. Бедственное положение

увеличивало еще удаление короля. И вот в июле эта главная крепость Силезии была осаждена генералом Гаршем. Австрийцы соорудили лишь немного батарей, надеясь на поддержку иезуитов и других монахов этого города, склонивших на их сторону католических солдат гарнизона. Действительно, лишь только появился неприятель, как пруссаки покинули некоторые наружные укрепления. Кроаты тотчас же овладели ими, и, ободренные столь быстрым успехом, на шестой день после открытия траншей, они бросились на приступ главных укреплений. Гарнизон, составленный из всякого сброда, поднял бунт, целые взводы бросали оружие, и через 4 часа вся крепость была в руках австрийцев. Оборона небольшого отдельного отряда ни к чему не повела, старый форт был взят штурмом, а новый сдался на волю победителей, которые нашли тут громадные запасы живности, благодаря чему стали твердою ногой в Силезии. Вообще вся эта провинция, не защищенная прусскими войсками, находилась к их услугам, и Лаудон мог выбрать любую крепость для осады.

Фридрих, ничего еще не знавший о накоплении стольких неудач, но все же очень озабоченный Силезией, намеревался выступить туда; но при этом ему не хотелось оставлять армии Дауна в Саксонии. Но он рисковал очутиться между двух огней, привлекая, с одной стороны, Дауна, а с другой — Лаудона, тем более что имперские войска тоже шли в Саксонию. Блокада Глаца, к которой Лаудон приступил еще до Ландгутского сражения и о которой Фридрих был извещен, положила конец его нерешительности. Он выступил, [269] переправился через Эльбу, разбил часть корпуса Ласси{217} и подошел к главному корпусу для атаки. Но Ласси не дожидаясь его, а быстро отступил; после этого и Даун переправился через Эльбу. Обе армии шли теперь рядом в Силезию. Зной был до того невыносим, что однажды, 6 июня, 105 пруссаков пали мертвыми в строю. Все жаждали воды, но тяжело нагруженным, обливающимся потом солдатам не разрешали пить. Едва же замечали они колодезь, ручей, пруд или лужу, то мучительная жажда побеждала даже страх перед ожидавшими их боями. Они выбегали из рядов, черпали воду шапками и утоляли жажду под ударами, которые немилосердно сыпались на них. Офицерами рудоводило при этом чувство собственного достоинства, но они не исполнили предписаний прусской дисциплины, повелевающей наказание не одними ударами, а смертью тут же на месте преступления.

Армия Дауна шла постоянно рядом с королевской, в тылу которой находился Ласси со своим большим корпусом. Это последнее обстоятельство побудило Фридриха, узнавшего между тем о Ландгутском поражении, атаковать Ласси со всей своей армией. Он внезапно повернул и пошел назад к Баутцену, прямо на Ласси, который отступил с величайшей поспешностью через Дрезден за Эльбу. Король решил осадить Дрезден, — что прежде не приходило ему в голову, — полагая, что осторожный Даун не пойдет один в Силезию и не покинет беззащитного Ласси. Во время похода Фридрих узнал о поражении Фуке, возвещенном ему радостной пальбой австрийцев. Вследствие этого намерения его относительно Дрездена стали еще более решительными. Даун между тем продолжал свой путь, стремясь изо всех сил предупредить короля в Силезии. Он воображал, что опередил его на несколько переходов, но на самом деле он на столько же отстал. Узнав о движениях короля и догадавшись о его планах, он тоже поспешно повернул назад.

Между тем Дрезден был блокирован. Пункт этот в качестве крепости был весьма незначителен: в Старом городе [270] не было ни защищенной дороги, ни рavelинов — только узкие рвы и земляные валы с частоколом в Новом городе. Жители и гарнизон были ошеломлены прибытием короля. В несколько часов австрийцы оказались

вытеснены из большого королевского сада и предместий, и, быть может, смелый приступ сразу решил бы участь города в эту критическую минуту. Но ужасы, неразрывные со штурмом, особенно же королевской столицы, заставили Фридриха принять иные меры. Он надеялся овладеть мгновенно этим важным пунктом с помощью переговоров о капитуляции; но австрийцы, подойдя по другому берегу Эльбы, открыли сообщение с городом и ввели в него много войск. Таким образом, надежды короля оказались тщетными. Вскоре прибыли сюда и имперские войска. Комендант, генерал Макир, на требование о сдаче отвечал, что будет защищаться до последнего человека. Дело дошло до правильной осады, которая принадлежит к самым достопамятным событиям этой необыкновенной войны.

14 июня пруссаки открыли канонаду по городу с обеих сторон Эльбы. Еще в тот же день гарнизон сжег запасы дров, сложенные по берегам реки, чтобы пруссаки не воспользовались ими для заполнения городских рвов. Огонь распространился и спалил много прилегающих домов. Тяжелая прусская артиллерия еще не прибыла, потому пруссаки стреляли двенадцатифунтовыми ядрами, гаубицами и брандтугелями. Часто вспыхивавшие от этого пожары были своевременно прекращаемы заранее принятыми мерами, для их тушения привлекли проживающих в городе евреев. Надеюсь, что опасность, грозящая королевской столице от пожара, — притом от союзника! — подействует на австрийцев, пруссаки вначале стреляли больше по городу, чем по валам. Но комендант, руководимый приказами свыше, не смутился этим и защищался, подкрепляемый всей австрийской армией, прибывшей через несколько дней. Войска ее постоянно входили и выходили из Нового города, словно [271] он и не был осаждаем, так как вытеснили отсюда с большим уроном слабый корпус пруссаков, находившийся вдали от короля и защищавший здесь линию Эльбы под командой принца Гольштинского. Преимущества от установившейся таким образом коммуникации были столь велики, что все действия осаждающих ни к чему не повели. Целые корпуса австрийцев вошли в город и производили вылазки, пока гарнизон отдыхал. Фридрих, щадивший по возможности внутренние части городов при осаде Праги и Ольмюца, теперь следовал иной системе, желая испробовать, не отступят ли австрийцы, видя неминуемую гибель Дрездена от пожаров.

Между тем из Магдебурга прибыла тяжелая артиллерия; тогда началось непрерывное метание бомб по городу. Жители испускали жалостные вопли, не зная, куда укрыться в смертельном ужасе. В домах они подвергались опасности быть раздавленными рушащимися стенами, сгореть или задохнуться, а по улицам носились бомбы и ядра, убивавшие ежечасно кого-нибудь, так что лишь крайняя нужда заставляла их выходить из домов. Предместье у Вильсдруфских ворот, уцелевшее во время предыдущей осады, было теперь зажжено пруссаками, чтобы подойти ближе к валам. Пламя страшно бушевало внутри и вне города; многие значительные улицы горели от одного конца до другого. Великолепные дворцы, которые могли бы украсить всякий европейский город, сделались жертвой огня. Ежеминутно со страшным треском обрушивались многоэтажные дома и мануфактуры. Видные жители зачастую погребены были заживо под обломками или же бежали, покинув все на произвол судьбы.

Бедствие их еще увеличилось благодаря поведению австрийского гарнизона, хищничество которого причинило им больше вреда, чем бомбы и пламя. В столице было много погребов и подземных сводов, недоступных для разрушительного действия бомб. Сюда несколько сотен семейств снесло все свои драгоценности. Все входы и отверстия были тщательно забиты, снабжены большими замками или же [272] наглухо заделаны, а

остальное было покинуто ими. Сами они бежали в виноградники, расположенные на соседних высотах, или в близлежащие местечки и деревни. Но тщетны были их предосторожности и надежда найти вновь остатки своего имущества. Союзники несчастных, австрийцы, взломали эти крепкие погреба и разграбили все. Самые искусно скрытые отверстия не ускользнули от их зорких глаз. Многие из злодеев были казнены, но это ни к чему не привело. Вот какова была дисциплина и поведение солдат в том городе, который они хотели защищать.

Ученый мир также понес утрату во время этих бесчинств. Несколько весьма важных законченных рукописей знаменитого сатирика Рабенера, тоже хранившихся в одном из таких погребов, попали в руки кроатов, которые, конечно, не позаботились отдать их в печать. Рабенер горько сожалел о своей потере, и никакие просьбы его друзей не могли его принудить к обработке того же сюжета. Он говорил: *«Я не хочу испортить дуракам того удовольствия, которое им доставила осада Дрездена»*.

Между тем бомбардировка Дрездена непрерывно продолжалась. Много бомб упало на церковь Св. Креста, одну из древнейших и прекраснейших во всей Саксонии. Крепкая колокольня долго сопротивлялась. Наконец массы железа пробили ее, раздробили крышу и разрушили внутренность здания, вместе с окрестными домами. Свирепое пламя довершило дело разрушения. На этой колокольне стояло несколько орудий, из которых, по заведенному обычаю, стреляли в известные торжественные праздники. Из этих-то орудий имели неосторожность стрелять по осаждающим, и то всего несколько раз, не причинив вреда, больше для пробы, чем со злым умыслом. Эти несколько выстрелов, которые были едва замечены и жителями и осаждающими, решили участь церкви, так как пруссаки сочли ее открытой батареей и решили ее сбить. Бесцельное разорение было уже раз навсегда лозунгом, и не было особого [273] приказа щадить другие церкви, потому и с этой поступили так же жестоко. Вообще высокие здания служили пруссакам мишенью, между прочим и великолепная сводчатая колокольня церкви Богородицы; но бомбы отскакивали от купола, производя на нем лишь трещины.

Но забота о личном спасении была наиболее важным делом для несчастных жителей всех сословий. Частые известия о гибели целых семейств под развалинами домов и начинающийся голод привели их всех в движение. Так как после открытия сообщения с Новым городом местность эта была защищена от бомб, то все тамошние дома были наполнены людьми до самых крыш; но большая часть их все же покинула город. Большие дороги были покрыты бегущими. Старцы и матроны, слабые и немощные, плелись, опираясь на костыли или поддерживаемые сыновьями и дочерьми, несущими большие узлы, с которыми сами едва могли двигаться. Матери, привыкшие с детства ко всем удобствам жизни, шли теперь пешком, с младенцами на руках, вознося жалобные вопли к небу. Большие дети плакали, маленькие кричали. Многие из этих беглецов жарко молились для облегчения своих сердец в этом несчастье и утешали друг друга. Но вид пылающего города, докучливый голод и перспектива будущих бедствий делали тщетными все утешения. За неимением лошадей, многие лица, привыкшие к благосостоянию и роскоши, должны были на спине тащить свои уцелевшие пожитки. Благовоспитанные милые девушки, столь часто встречавшиеся в этой столице, изнеженные и слабые, нагружены были как вьючные животные. Больные и слабые женщины сидели в тележках, в которые впряглись мужчины. В эти минуты ужаса забыты были все понятия о светских приличиях, все маленькие предрассудки высших классов общества о чести и бесчестии, все правила учтивости исчезли; все отношения

гражданской жизни потеряли свою силу или совсем перестали существовать. [274]

Осажденные были снабжены в избытке артиллерией, которой весьма удачно пользовались; но они не могли заставить молчать прусские батареи, так как те были возведены за развалинами сгоревших домов. В один день, 19 июля, было брошено в город свыше 1400 бомб и ядер; пылало во всех углах. О тушении уже и не думали; да оно было невозможно, так как осаждающие отрезали все каналы от города. Вылазки следовали одна за другой; многие из них удались осажденным, которые были постоянно подкрепляемы свежими войсками и могли производить сильные атаки. Они иногда выгоняли пруссаков из траншей, заклепывали орудия и приводили в Дрезден пленных. Фридрих, раздраженный всеми этими неудачами, выместил их на Бернбургском полку, который недостаточно упорно защищался в траншеях во время одной из вылазок осажденных и уступил перед многочисленностью последних. Его постигло наказание, беспримерное в военных летописях Пруссии: у рядовых отняли тесаки, унтеры и офицеры должны были снять позументы с фуражек. И то и другое было совершенно лишнее; солдату еще легче стало ходить без тесака, а форменное платье офицера нисколько не теряло от отсутствия какого-то украшения. Но это различие от остальных полков произвело величайшее впечатление на честолюбивых воинов. Полк, учрежденный знаменитым князем Леопольдом Дессауским, многократно проявивший свою храбрость и военную дисциплину, был чрезвычайно удручен. Почти все его офицеры, богатые и бедные, убежденные в том, что по мере возможности исполнили свой долг, подали в отставку, в чем им, однако, было отказано. Во Франции и других странах офицер оставляет службу, когда захочет, но в прусской армии, где высшие и низшие служащие не уступят никакому воину в честолюбии и где все, принадлежащее к военной организации, вращается вокруг нее, принуждение было обычным делом в правление Фридриха Великого. Такое насилие весьма мало согласуется с понятием о чести; это призрак, который, [275] однако, в нашей высшей культуре имеет больше значения, чем сущность ее. Хотя всякий поступок великого человека принято считать результатом его глубоко продуманных государственных принципов, но эту систему приневоливания, противную рассудку и опыту, да позволено будет отнести к тем причудам Фридриха, которые произошли случайно, а затем сделались его правилами. История этого монарха полна таких примеров; поклонники его умалчивают о них, философ неохотно собирает, а сонм историков не умеет ими пользоваться.

Вернемся снова к осаде Дрездена; ее продолжали лишь для того, чтобы с честью выйти из этого дела. Австрийцы горячо желали скорейшего окончания ее и с этой целью, вместе с имперскими войсками, пытались неожиданно атаковать королевскую армию, прикрывавшую корпус осаждающих. Главная квартира находилась во внешнем укреплении у слабо защищенной и прикрываемой одними форпостами деревни Груна, в некотором отдалении от лагеря. Казалось, это обстоятельство благоприятствовало неприятельскому предприятию. Враги льстили себе надеждой захватить короля в плен и вообще повторить Гохкирхское сражение. Все должно было произойти на рассвете, но, несмотря на быстроту, план этот окончился неудачей. Легкие австрийские войска проникли вперед, прусский полевой караул подался назад, король едва успел вскочить на лошадь и ускакать из деревни. Эта деревня была пределом, на котором остановились атакующие: с невероятной быстротой прусская армия стояла уже под ружьем. В течение трех минут можно было наблюдать необыкновенный переход стольких тысяч людей от состояния полнейшего покоя к величайшей деятельности. Пехота, кавалерия, артиллерия — все спало в палатках глубоким сном; по всей линии царил гробовая тишина, и разом все стало в боевой порядок. Солнце только что испускало первые лучи,

предвещая прекрасный летний день, как вдруг ужасающий крик: «*В ружье!*» — повторенный тысячами голосов, пронесся [276] по всему стану{*6}. Солдаты, полуодетые, бросились из палаток, построились, и вся армия сомкнутыми рядами пошла навстречу неприятелю, который тогда поспешно стал отступать, так как Даун вовсе не желал сражения.

При этом особенно отличились уланы, о которых следует здесь подробнее поговорить. Они принадлежали к особой, живущей в Польше немногочисленной части населения, имеющей свои нравы, обычаи и религию даже теперь, хотя они живут среди христиан. Они всегда отличались своей храбростью и преданностью республике, сражаясь во всех польских войнах за своих королей. И теперь они находились на службе Августа и предводимы были заслуженным саксонским офицером, майором Шибелем. Одеты они были как турки, составляли легкую конницу и вооружены были пиками. Повсюду уланы эти задирались с прусскими форпостами и арьергардами и сражались во время бегства, подобно древним парфянам{218}.

Эта попытка атаки врасплох была причиной перемены в позиции короля. Прусский лагерь был удален от так называемого Большого сада, а для защиты левого фланга новой позиции сад был превращен в засеки. Высокие величественные деревья, почтенные и неоценимые по своей редкости, стоявшие рядами по великолепным аллеям, были срублены. В несколько часов весь этот рай, служивший для публичных гуляний жителей, отличавшийся своей обширностью, произведениями искусства и роскоши, украшение Германии, достойное могущественного монарха, был превращен в ужаснейшую пустыню. Еще до осады саксонцы зарыли здесь мраморные статуи, украшавшие его, и собрание королевских антиков, одно из превосходнейших по сю сторону Альп. Пруссаки ничего не заметили, и потому эти памятники сохранились для Саксонии.

С переменной позиции осада пошла слабее и исчезла всякая надежда на завоевание Дрездена. Ко всем препятствиям [277] присоединилась еще потеря значительного прусского транспорта с военными припасами и хлебом, шедшего на восьми судах из Магдебурга и попавшего в руки австрийцев; в прусском лагере стал обнаруживаться недостаток, так как неприятель овладел Эльбой, прервав всякий подвоз по реке.

Фридрих только что намеревался снять осаду Дрездена, как узнал о взятии Глаца. Осажденные оповестили об этом радостной пальбой из орудий вокруг города. Король узнал об этом несчастье от австрийского генерала Нугента, взятого в плен во время одной из вылазок. Вначале король был совершенно ошеломлен, так как пункт этот считался сильно укрепленным; но вскоре он пришел в себя и сказал: «*Пусть! Когда наступит мир, нам его возвратят. Надо идти в Силезию, чтобы не все потерять*». Деятельный Лаудон, желая возможно лучше воспользоваться приобретенными выгодами, осадил Бреславль. Узнав об этом, король еще более стал торопиться. Пруссаки покинули лагерь под Дрезденом 30 июня в дождливую бурную ночь. Несколько орудий должны были поддерживать огонь в траншеях, но он постепенно ослабевал и наконец совершенно прекратился. Король вышел тогда из лагеря и направился со своей армией к Мейсену.

Так кончилась осада Дрездена, стоившая пруссакам 1478 человек убитыми и ранеными, причем 261 были взяты в плен. Шесть церквей, 416 красивых домов, дворцы и общественные здания столицы были превращены в пепел и 115 зданий повреждены.

Множество жителей лишилось жизни, стало калеками; еще большее количество живших до сих пор в достатке превратились в нищих. Несколько сотен семейств, выдвинувшихся благодаря промышленной деятельности многих поколений своих предков и мирно наслаждавшихся плодами ее, опомнившись после всех ужасов осады, увидели вдруг, что все для них безвозвратно погибло. Родственники, связанные узами нежности и любви, должны были теперь расставаться. Мужчины и юноши, взяв дорожный [278] посох, покидали свою несчастную родину и шли искать хлеба в чужие страны. Девушки, воспитанные в роскоши, пользовавшиеся до сих пор услугами стольких рук, должны были отказаться от всех прежних удобств жизни, от приятных, теперь исчезнувших надежд на будущее и стали сами служанками, чтобы заработать на свое пропитание. И теперь, по истечении тридцати лет, еще весьма чувствительны последствия этой ужасной осады. Область вздохнула свободнее, но столица, живущая не торговлей, а исключительно трудолюбием жителей, далеко отстала. Развалины убраны, на местах пожарищ возникли дома и дворцы, но исчезло высокое благосостояние этого королевского города, где искусства и великолепие соперничали друг с другом, где выдающиеся художественные дарования встречали величайшую поддержку, где утонченные нравы шли рука об руку с богатством и развитием промышленности и где самые изысканные зрелища служили образцом для других мировых столиц. От того Дрездена почти не осталось следов.

Вместе с злополучным предприятием этим кончилась цепь несчастий, непрерывно обрушивавшихся на Фридриха в течение 12 месяцев. Подобно тому, как кампания 1757 года беспримерна в истории войны, так же невероятно и то, чтобы монарх, в столь короткое время испытал столько разом накопившихся неудач, не изнемог под ними. Поражение, нанесенное русскими при Кайе в июле 1759 года, было первым сигналом к этим непрерывным превратностям судьбы; затем последовали ужасное поражение при Кунерсдорфе и потеря Дрездена. Финк был взят в плен со своим большим корпусом при Максене, Диреке — с небольшим при Мейсене; затем убийственная зимняя кампания с ее эпидемиями; злополучное сражение при Ландсгуте, завоевание неприятелями Глаца, а теперь — неудавшаяся осада Дрездена.

Итак, король пошел в Силезию; Даун старался как можно более затруднять поход пруссаков. Его легкие войска должны были сжечь все мосты через Редер, Шпрее, Нейсу и [279] Квейс, а все дороги, ведущие в Силезию, они сделали недоступными посредством засек. Но Фридрих преодолел все эти препятствия и продолжал идти дальше для освобождения Бреслава, который был осажден Лаудоном. При этом следует обратить внимание на одно удивительное обстоятельство: Фридрих, умевший орлиным взором своего гения избирать полководцев, очень редко с такою же заботливостью избирал комендантов для своих крепостей. На эти места обыкновенно поступали смотря по старшинству в чинах или же случайно; королю было все равно — будет ли то Гейден или д'О. Фридрих не знал ни того ни другого и был одинаково поражен позорным поведением д'О и удивительным подвигом Гейдена, который, находясь в гарнизонном полку, не предназначался для службы в поле, а по своему чину еще меньше того годился в полководцы; относительно военной славы у него были весьма ограниченные виды на будущее, и тот, чья необыкновенная неустранимость столько раз разрушила великие замыслы русских, должен был незаметно влачить свои дни в небольшом местечке.

Но теперь добрый гений Фридриха тоже благоприятствовал его намерениям. Королевская лейб-гвардия, почти совершенно истребленная при Коллине, была вновь сформирована полностью и квартировала в Бреславе. Благодаря этому обстоятельству

начальник ее, генерал Тауэнцин, стал комендантом столицы Силезии. Воспитанный в Потсдамской военной школе и посевший на полях брани, генерал этот соединял с высочайшими понятиями о чести неустрашимость, расторопность и военное дарование. Все эти достоинства были необходимы в такую критическую минуту, которая, быть может, никогда не имела себе равных. Лаудон стоял перед городом с 50 000 австрийцев, а в стенах его находилось 9000 австрийских военнопленных, готовых взбунтоваться. Всем этим внешним и внутренним врагам Тауэнцин мог противопоставить только 3000 человек, из которых 2000 были либо перебежчики, либо [280] приневоленные солдаты, либо инвалиды. Только на 1000 человек сильной королевской гвардии мог он рассчитывать, да и те состояли по большей части из иностранцев; рядовые из-за небольшого жалованья служили неохотно и оставались при своих знаменах лишь из принципов чести и дисциплины. Подобные случаи обнаруживают воинственный дух пруссаков и всего нашего века; доказанные, они все же являются для философа проблемами, а вдумчивый историк едва ли решается их приводить, ввиду их невероятности. Обуздать целую армию в городе с помощью небольшого числа недовольных и непригодных к службе солдат, сопротивляться в то же время другой армии, находившейся вне стен, и все это в плохо укрепленном пункте, населенном многими тысячами граждан, готовых поднять бунт, — такое чудо могло совершить лишь одно могущество прусской военной дисциплины. Если будущие историки будут восхвалять военные доблести, а поэты — воспевать их, то Гохкирх и Бреславль станут для них предметом вечного восхищения, как примеры торжества дисциплины.

Лаудон опасался, как бы подоспевшие прусские армии не помешали его намерению, которое он хотел привести в исполнение без помощи русских. Поэтому необходима была возможная быстрота; между тем он не был снабжен ни осадными орудиями, ни снарядами. Приступа нельзя было сделать, так как городские рвы оказались наполнены водой; оставалось открыть переговоры или пушечную пальбу. Он потребовал от коменданта сдачи на том основании, что: *«Бреславль — торговый город, а не крепость; поэтому противно правилам войны защищать его против столь многочисленного неприятеля. Король по ту сторону Эльбы, принц Генрих недалеко от Варты, а русские придут через два дня с 75 000 человек. Я думаю, что город скорее согласится принять австрийцев, нежели русских. Гарнизон сам назначит условия капитуляции. Если же он не захочет сдаться, то город будет предан пламени огнем 45 мортир»*. Тауэнцин [281] отвечал кратко: *«Бреславль — крепость, а я буду ожидать врага на валах даже тогда, когда все дома будут превращены в пепел»*. Тогда Лаудон пытался взбунтовать граждан против коменданта и написал письмо к председателю городского магистрата, Конради, выражая свое сожаление об участи невинных жителей, причем не были забыты ни 45 мортир, готовых воспламенить город, ни 75 000 приближавшихся русских. Но письмо не могло произвести никакого впечатления в городе, где такой генерал, как Тауэнцин, был комендантом; потому ответа на него не последовало. Лаудон повторил свое требование и усилил угрозы, говоря, что не пощадит и младенца в утробе матери. Тауэнцин отвечал: *«Ни я, ни мои солдаты не беременны»*.

После этого началось бомбардирование. Комендант распоряжался так благоразумно и энергично, что все попытки неприятеля, как внутри, так и вне города, окончились неудачей; а так как главная квартира Лаудона могла подвергнуться огню форсированных зарядов из кулеврин{219}, то комендант не давал ему покоя и открыл такой огонь, что ядра попадали к нему в квартиру и он должен был уйти подальше.

Однако Тауэнцин, не будучи уверен в помощи и видя малочисленность гарнизона, собрал

офицеров королевской гвардии и представил им свое положение и возможность, что город будет взят приступом еще до прибытия короля; в последнем случае он решил расстаться с гвардией на валах и сам с остальным гарнизоном защищаться до последней капли крови, чтобы мир, по его словам, не увидел странного зрелища — взятия в плен лейб-гвардии Фридриха. Офицеры, воодушевленные воинским честолюбием и любовью к родине, согласились на это благородное предложение и решили умереть в бою. К счастью, до этого не дошло, так как принц Генрих стал подходить усиленными маршами и Лаудон сам был принужден просить генерала Салтыкова, стоявшего в 9 милях от Бреславля, поспешить на помощь. Но он еще сделал последнюю попытку, чтобы уговорить коменданта [282] к сдаче, обещая исполнить все условия, каких тот потребует. Посланный императорский полковник Рувруа изобразил в самых черных красках положение короля и близость хищных русских войск, соблазняя Тауэнцина при этом преимуществом свободного пропуска и других почетных условий; все это, по его словам, оправдало бы честь коменданта в глазах мира и короля. Тауэнцин отвечал: *«Не знаю, где честь коменданта, сдающего крепость, пока брешь не пробита. Запрещено лишь начинать осаду города разорением его жителей. Пожар не изменил моих намерений, а только укрепил их»*. — *«Если так, — отвечал Рувруа, — то мы сейчас формально откроем траншеи»*. — *«Я этого давно ожидал»*, — возразил комендант, и они расстались.

Но этой угрозой окончилось все предприятие, так как Лаудон на следующий же день снял осаду. Даже друзья этого полководца сочли эту осаду необдуманной и уверяли, что генералом руководило чрезмерное доверие к своему военному счастью. Осада длилась всего 5 дней, но причинила много вреда. В вознаграждение за понесенные потери король пожаловал жителям 50 000 рейхсталеров. Во время этой осады была убита самая красивая женщина в городе, лучший солдат из королевской лейб-гвардии, разорвало самую большую пушку и сгорел лучший дворец; местопребывание короля тоже сделалось жертвой пламени.

Скорое прибытие Генриха спасло не только один Бреславль, но и всю Силезию. Главная русская армия находилась уже в центре этой провинции, на расстоянии всего одной мили от столицы, и план ее предводителя состоял в том, чтобы соединиться с австрийцами. Надеясь на несомненное завоевание Бреславля, он рассчитывал на тамошний большой магазин для прокормления своей армии во время кампании. Но благоразумные меры принца Генриха разрушили эти надежды, так что Салтыков даже не решился переправиться через Одер {220}. Время для обеих сторон было одинаково драгоценно, так как и Фридрих спешил сюда, [283] опасаясь за Бреславль. Он оставил в Саксонии Гюльзена со значительным корпусом, а сам, в виду австрийской армии, переправился через Эльбу, Шпрее, Нейсу, Квейс и Бобер. Он прошел между корпусами Ридезеля и Ласси; последний шел вслед за ним на расстоянии трех миль; главная же австрийская армия шла перед ним. *«Если бы кто-нибудь посторонний, — говорит король в своей истории, — наблюдал поход этих различных армий, то он подумал бы, что они повинуются одному предводителю. Армию фельдмаршала Дауна он счел бы авангардом, армию короля — главным корпусом, армию генерала Ласси — арьергардом»*.

Хотя король вез с собой 2000 повозок с провиантом, а мосты были разрушены, но он за 5 дней сделал 20 миль и благополучно достиг границ Силезии. Даун тщательно избегал битвы и, соединившись наконец с армией Лаудона, старался по возможности препятствовать сближению короля с его братом Генрихом и отрезать их также от

Швейдница и Бреславля. Но все же Фридрих и Даун находились близко друг от друга, и только небольшая речка Кацбах разделяла обе армии. Необычайное превосходство неприятельской армии, состоявшей из 100 000 с лишним человек, принудила короля с его 30-тысячным войском поступать подобно партизанам и часто менять позицию, чтобы ускользнуть от неприятельской атаки; только благодаря неустанной деятельности и бдительности мог он обеспечить себя в таком положении. Но все же он продолжал находиться весьма близко от неприятельских армий, чтобы они не могли атаковать принца Генриха, наблюдавшего за движениями русских. У Гольдберга прусские гусары овладели большей частью неприятельского обоза, заключавшего, между прочим, весь багаж генерала Ласси. Король приказал не трогать его и отослал в целости этому полководцу под эскортом трубача, который, кроме того, должен был отвезти также красивую и честную тирольскую девушку, находившуюся в свите генерала. Одна лишь очень точная карта всех австрийских лагерей во время кампаний 1758 [284] и 1759 годов была удержана королем в качестве добычи; когда же Ласси и ее потребовал обратно, то ему ответили, что сначала с нее снимут копию, а тогда отошлют ему.

Русские, еще находившиеся по ту сторону Одера, недалеко от Бреславля, вовсе не были довольны медлительными движениями австрийцев. Они полагали, что так как королю удалось беспрепятственно переправиться через Эльбу, Шпрее и Бобер, то он сумеет переправиться точно так же и через Одер, соединиться с принцем Генрихом и атаковать их тогда со всей своей армией. *«Королю стоит только сделать один из его обыкновенных форсированных маршей и искусных маневров, — говорил фельдмаршал Салтыков, — и все это он приведет в исполнение»*. При этом он положительно заявил, что уйдет назад в Польшу, как только пропустят короля через Одер.

Эта угроза принудила Дауна к сражению, чтобы удержать короля. 15 августа решено было атаковать прусский лагерь при Лигнице; положение последнего было невыгодно, а проект неприятелей был превосходно задуман. Атака должна была произойти на рассвете, так как неприятель хотел устроить нечто вроде Гохкирхского зрелища. Ближайшее затем намерение состояло в том, чтобы отрезать королю путь через Одер, даже отступление через Глогау. В австрийском лагере до того были убеждены в удачном исходе предприятия, что даже солдаты говорили: *уже раскрыт мешок, куда попадет прусский король со всей своей армией, останется только затянуть его веревкой*^{221}. Король узнал случайно об этом намерении неприятеля вечером накануне его исполнения; ему сообщили также подслушанное хвастовство солдат. Во время обеда он сам рассказал это, прибавив: *«Австрийцы отчасти правы; но я собираюсь сделать в этом мешке такую дыру, которую им трудно будет починить»*. Но король все же был озабочен своей невыгодной позицией, приводившей его на мысль Гохкирхскую атаку; ввиду некоторых распоряжений относительно доставки провианта, [285] ему нельзя было оставить этот лагерь, и он мог переменить позицию не раньше 14-го числа^{222}. Английский посол Митчел, опасаясь грозной атаки, сжег часть своих бумаг, но сам не хотел покинуть лагерь.

Получив такое известие, Фридрих приготовился к сражению, и план его тотчас же был готов. С наступлением ночи он вместе с армией выступил из лагеря, где крестьяне продолжали поддерживать сторожевые огни; гусарские патрули должны были продолжать ночную переключку. То же распоряжение было дано в лагере австрийцев для сокрытия их намерений от неприятеля; оставшиеся в лагере барабанщики по обыкновению произвели полунощную смену караула с барабанным боем. Таким образом,

обе армии старались одновременно обмануть друг друга одинаковыми средствами, и обе, по странному стечению обстоятельств, боролись с призраком. Фридрих с величавым спокойствием выстроился в боевой порядок на Лигницких высотах^{*7}. Была чудная летняя ночь. Звездное небо было безоблачно, и ветер смолк. Никто не спал; солдаты хотя и растянулись вооруженные, но все были бодры; петь нельзя было, и они скрашивали время беседой. Офицеры прогуливались, генералы объезжали армию верхом, делая необходимые распоряжения. Король сидел на барабане, совершенно так, как в прусской военной песне одного поэта, воспевавшего «героя, думавшего о сражении и сидевшего на барабане во тьме ночной под звездным небом».

Только начинало светать, как подошел Лаудон, собиравшийся атаковать левое крыло пруссаков в их лагере и полагавший, [286] что оно находится еще далеко. Но вдруг он увидел перед собой всю армию короля, вторая линия которой тотчас же стала атаковать его, приветствуя огнем из возведенной ночью батареи^{223}. Первую линию Фридрих назначил для наблюдений за армией Дауна, стоявшего против его правого крыла. Лаудон, рассчитывавший на поддержку своего главнокомандующего, не уклонился от битвы и парировал атаку в надежде на храбрость войск и частые свои удачи. Он подвинул свою конницу, которая ударила на прусскую, но неудачно, так как ее вогнали в болота, откуда ей лишь с большим трудом удалось выбраться; тогда выступила прусская пехота, которая, после жаркой схватки, опрокинула австрийскую. Последняя все же пыталась еще пробиться всей колонной через деревню Пантен, расположенную перед фронтом прусской армии, но пруссаки зажгли ее гаубицами и принудили неприятеля сосредоточить битву на левом фланге. Надежда последнего на помощь была напрасна, так как Даун слишком поздно узнал об атаке, произведенной королем; хотя главная австрийская армия находилась всего на расстоянии полумили от места битвы, но изменившийся ветер относил в противоположную сторону звуки выстрелов. Кроме того, этот полководец, прибыв в прусский лагерь, не знал, где искать ту армию, которую уже считали побитой; когда же он подошел наконец к месту битвы, то закрытая местность не позволила ему надлежащим образом атаковать ожидавшую его первую линию пруссаков. Он пытался пробиться, но неудачно^{224}. Тогда Лаудон, сделавший все, что только было возможно, и подвергавшийся лично величайшей опасности, отступил и оставил королю поле сражения, потеряв 10 000 человек, 23 знамени и 82 орудия; 6000 австрийцев были взяты в плен, 4000 ранены или убиты. В армии же Фридриха насчитывалось всего 1100 человек убитых и раненых.

Было прекрасное утро, солнце освещало кровавое поле брани, покрытое трупами и умирающими; но оно осветило также и трогательную картину: Бернбургский полк, столь [287] опозоренный при Дрездене, идя в бой, поклялся либо заслужить вновь отнятые у него знаки отличия, либо предать себя в жертву демону войны. Намерение это, зародившееся у всех без различия чина и возраста и горячо поддерживаемое удрученными офицерами этого полка, произвело чудеса храбрости, вполне достойной пруссаков. Король заметил это. После боя он проезжал на коне мимо полка. Офицеры молчали, надеясь на справедливость монарха; но четыре солдата схватили под уздцы лошадь короля, обняли его ноги и умоляли о возвращении им потерянной милости, ссылаясь на исполнение своего долга. Фридрих был тронут. «*Да, ребята!* — сказал он. — *Возвращу вам милость и забуду все*». Еще в тот же день полк этот получил обратно отнятое у него оружие и военные украшения, и Фридрих, произнося речь, оповестил всю армию о храбром поведении его и о даровании ему совершенного помилования.

Лигницкая битва продолжалась всего два часа. В пять часов утра, когда во всех

европейских странах светские люди были погружены в глубокий сон, а рабочий люд только что стал просыпаться, тут уже совершены были великие подвиги; была одержана важная победа, воспрепятствовавшая соединению русских с австрийцами и уничтожившая их виды на силезские крепости. Фридрих тотчас же велел всей армии произвести торжественный залп и затем выступил в поход. Поход этот может считаться удивительным и единственным в своем роде и должен быть упомянут наряду с великими событиями этой войны: истощенная от кровавых трудов и окруженная многочисленными неприятельскими войсками, армия короля должна была, не вздохнувши даже, немедленно выступить в поход, причем ей пришлось везти за собой все добытые орудия, всех пленных, а также и всех раненых. Последних уложили на фурах, предназначенных для транспортов муки и хлеба; для этой же цели были употреблены экипажи и коляски, кому бы они ни принадлежали; сам король дал свою коляску. Верховые лошади короля и знатнейших полководцев [288] были отданы раненым, которые еще могли ехать верхом. Пустые фуры из-под муки были разрублены, а лошадей использовали для перевозки захваченных орудий. Каждый всадник и обозный погонщик должен был нести по одному неприятельскому ружью. Ничего не было оставлено или забыто, будь то предмет важный или пустячный; это была добыча. Не был оставлен ни один раненый, будь он пруссак или австриец, так что в девять часов утра, через четыре часа после окончания битвы, армия эта, столь неожиданно отягощенная новым обозом, уже находилась в пути.

Все эти превосходные и разнообразные распоряжения были с величайшей быстротой приведены в исполнение генералом Зальдерном, человеком необыкновенно деятельным, соединявшим обширные военные познания с непобедимым мужеством; советами его Фридрих часто пользовался. Казалось, он рожден был полководцем, и хотя в качестве генерал-майора еще не предводительствовал армией, но все же считался одним из величайших военных гениев этого столетия. По наружности своей он походил на бога войны: высокий, очень статный и величественный. Постоянно присутствуя при армии короля, он оказывал последнему неоценимые услуги, как исполнением его трудных и весьма сложных поручений, так и своим командованием дивизиями во время сражения.

Столль необыкновенно нагруженная армия прошла еще в тот же день три мили по направлению к Пархвицу, поблизости которого Чернышев прикрывал Одер с 20-тысячной армией русских. Однако король, несмотря на свою победу, находился в ужасном положении: фуры с продовольствием были пусты; 16 августа у него оставалось хлеба всего на один день, кроме небольшого запаса в ранцах у солдат. Если русские удержатся на своей позиции, то он ничего не мог получить из своих бреславльских магазинов; а чтобы пробиться в Швейдниц, надо было сперва разбить соединенную австрийскую армию. Если бы он отважился на этот шаг при столь неравных силах, то ведь удачный исход был немислим, ввиду транспорта [289] из 6000 пленных, завоеванных орудий и нескольких тысяч раненых, которых надо было прикрывать. Но русские вскоре избавили его от этих забот, так как главная их армия отступила за Одер, причем предводители ее оправдывались тем, что, не получая никаких известий от австрийцев в продолжение пяти дней, они предположили либо совершенное поражение, либо прекращение всякого сообщения; таким образом, дорога в Бреславль была свободна для пруссаков. Но русский генерал Чернышев все еще стоял по сю сторону Одера. Чтобы принудить и его к скорейшему отступлению, король придумал следующую хитрость: он написал принцу Генриху письмо, сообщая ему свою победу над австрийцами и свое намерение переправиться через Одер, чтобы атаковать русских; причем он напоминал брату об условленных движениях, которые тот должен был делать с этой целью. Письмо это было дано крестьянину, получившему, кроме того, соответствующие

инструкции, как ему следовало попасть в плен к русским. Хитрость удалась как нельзя лучше, и Чернышев, получив письмо, немедленно перешел обратно через реку. Таким образом король благополучно вышел из положения, которое даже перед Лейтенской битвой не было так безвыходно, как теперь, после Лигницкой победы. Тогда можно было еще ожидать препятствий для победителей, ввиду позднего времени года, притом русские ушли тогда обратно к себе на родину; теперь же зима была еще далеко, а русская главная армия, вместе с австрийской, очень близко. Но победа над Лаудоном устранила все эти опасности. Никогда еще король не был так доволен — он мог соединиться наконец со своим братом, Генрихом; военное счастье, так долго избегавшее его, казалось, вновь улыбалось ему. Битву он выиграл, можно сказать, во время похода и на том же самом поле, где в 1241 году произошло кровавое сражение между христианскими народами и татарами{225}. Несколько дней спустя письмо короля к маркизу д'Аржану обнаруживает его настроение: [290]

«Прежде, — писал Фридрих, — любезный маркиз, битва 15 августа была бы очень важной; теперь же это только незначительная стычка. Нашу участь может решить лишь большое сражение. По всей вероятности, оно скоро произойдет, и мы можем радоваться только тогда, если исход его будет удачен. Пока я вам очень признателен за ваше искреннее участие в этом случае. Немало понадобилось хитрости, чтобы привести дела к желаемой цели. Только не говорите мне об опасностях: битва эта стоила мне только одной лошади и мундира; уж очень легко так покупать победы. Я не получил того письма, о котором вы говорите. Наша переписка словно блокирована: русские стоят по сю сторону Одера, австрийцы по ту. Чтобы очистить дорогу адъютанту Коччеи, надо было пробиваться через их посты. Надеюсь, что он вручил вам мое письмо. Ни в одной кампании мое положение не было столь безвыходно, как теперь, и уверяю вас, что разве только чудом удастся мне преодолеть те препятствия, которые я предвижу. Я неизменно буду исполнять свой долг; но помните всегда, любезный маркиз, что я не могу повелевать счастьем и что мне приходится, составляя планы, весьма часто рассчитывать на случай, так как у меня не хватает средств, чтобы исполнить их самостоятельно. Мне приходится совершать геркулесовы подвиги в такие годы, когда силы меня оставляют и немощи моего тела усиливаются. Признаться вам, у меня даже не хватает надежды, единственной утешительницы несчастных. Вы недостаточно ознакомлены со всеми обстоятельствами и потому не можете представить себе ясно всех тех опасностей, которые грозят государству. Я знаю их и скрываю. Я себе одному оставляю все опасения и сообщаю миру одни лишь надежды или же немногие благоприятные известия. Если удастся то, что я задумал, тогда только, любезный маркиз, можно будет радоваться. Я веду здесь жизнь воюющего монаха. Дела чрезвычайно занимают меня; остальное [291] время я посвящаю наукам, которые составляют мое единственное утешение, в чем я уподобляюсь тому великому консулу, который был отцом своей страны и красноречия {226}. Не знаю, переживу ли эту кампанию; если дождусь ее конца, то проведу остаток дней моих вдали от всякой суеты и займусь лишь философией и дружбой. Не знаю, где мы будем квартировать зимой. Мой бреславльский дом сгорел во время последних обстрелов. Враги наши хотели бы отнять у нас даже свет дневной и воздух, которым мы дышим; но ведь надо же, чтобы они нам оставили где-нибудь место, и если оно безопасно, то я буду весьма доволен, если увижу там и вас. Что станет с миром между Францией и Англией? Видите, любезный маркиз, что ваши соотечественники еще более слепы, нежели вы предполагали: они теряют Канаду и Пондишери, чтобы угодить венгерской королеве и русской царице. Дай Бог, чтобы принц Фердинанд вознаградил их за такое усердие».

Владетельный герцог Вюртемберга, выставивший не только положенное количество

войск в качестве имперского князя, но принимавший даже личное участие в этой войне, прибыл между тем с 12 000 собственных солдат в Саксонию. Сперва князь этот действовал заодно с французами, теперь же он хотел испытать свое военное счастье в союзе с австрийцами, причем не требовал субсидий, а удерживал за собой лишь контрибуции, налагаемые на неприятельские земли. И действительно, он был неумолим в прусских и гессенских землях. Город Галле должен был внести 75 000 рейхсталеров. В августе он присоединился к имперской армии, состоявшей из 34 батальонов пехоты и 7 кавалерийских полков; сюда подошли еще 7 австрийских полков пехоты и 6 кавалерийских, под предводительством Гаддика, вместе с 2000 кроатов. Гюльзен, стоявший у Мейсена, покинул свою позицию, видя приближение такой силы, и расположился в укрепленном лагере близ Штрелы. Здесь он был атакован со всех сторон 18 августа, и все ожидали возобновления Максенского события. [292] Но пруссаки удержались на своей позиции, отбили неприятеля после жаркой схватки и взяли 1300 человек пленных. После этой битвы Гюльзен пошел в Торгау, чтобы прикрыть свои магазины. Тут он окопался и удерживался в лагере 6 недель, пока недостаток в продовольствии не вынудил его к мастерскому отступлению в Бранденбургскую область. Таким образом, вся Саксония вплоть до Торгау и Виттенберга была вновь оставлена пруссаками, которые, впрочем, на прощание обещали скоро вернуться.

Таково было положение прусских дел в Саксонии. В Силезии же Даун, вследствие отступления русских и искусных маневров короля, был принужден, вслед за Лигницкой битвой, уйти в горы, чтобы не быть отрезанным от Богемии. Поэтому Фридрих дерзнул совершить поход со всей своей армией мимо неприятельского лагеря под страшным градом пуль. Салтыков отказался теперь от намерения соединиться с австрийцами; за ним наблюдал прусский генерал Гольц, оставшийся с 12-тысячным войском у Глогау после присоединения оставшихся корпусов к армии короля. Многие важные для пруссаков схватки подтвердили возвращение счастья на сторону Фридриха. У Гогенфридберга Цитен погнал гораздо более многочисленного неприятеля под самые батареи Лаудонова стана и увел 400 пленных. Близ Рейхенау был атакован корпус Бека, причем пруссаки полонили 800 кроатов, а в Вальштадте генерал Кроков взял в плен 300 австрийцев. У Гогенгирсдорфа в горах произошла в виду обеих армий большая схватка, причем австрийцы лишились 600 гренадеров и 14 орудий. Канонада длилась 18 часов. Многие войска пробирались все глубже в горы и наконец очутились так близко друг от друга, что можно было обстреливать из орудий оба стана. Но ввиду бесплодности такого маневра, он не был приведен в исполнение; воспрещена была даже перестрелка форпостов, и неприятельские отношения стали носить характер перемирия. Крайние [293] форпосты и патрули с обеих сторон беседовали между собой, а когда последние встречались, случайно заблудившись, то неприятели миролюбиво указывали друг другу истинный путь.

Такой прием — быть на виду у врагов, — употребляемый часто королем, обыкновенно приводил в сильное смущение австрийских полководцев: они путались в своих предположениях и становились нерешительными. Подобное нахальство, противоречащее всем общепринятым правилам, влекло за собой еще иные выгоды; однако со времен Цезаря ни один европейский полководец до Фридриха не пользовался подобным приемом. Король же, постоянно изучая подвиги этого величайшего из римлян и признавая его своим образцом в военном искусстве, часто пользовался в своих кампаниях этим средством, оказавшим ему теперь большие услуги, так как Даун отказался на сей раз от всех своих намерений, зарылся глубоко в горы, несмотря на свои несметные силы, и

занят был лишь безопасностью своей армии.

Книга девятая

Между тем русские войска, находившиеся в Померании, не были бездеятельны. Русский флот, под командой адмирала Мишукова, прибыл в августе к берегам этой области, и тогда Кольберг подвергся правильной осаде 27 русских военных судов, фрегатов и бомбардирных галеот со стороны моря и 15 000 человек со стороны суши. Сюда же прибыла еще шведская эскадра из шести линейных судов и двух фрегатов, присоединившаяся к русскому флоту.

Генерал Демидов, прибывший на судах с 8000 русских, которых присоединил к главной армии, распорядился высадкой войск, происходившей одновременно с трех сторон. За 4 дня было брошено свыше 700 бомб в город, не считая брандкугелей. Все уже было готово к приступу. Но и эта попытка так же была неудачна, как и предшествовавшая. Гейден снова защищался самым неустрашимым образом, не обращая внимания на огненный дождь, разорявший город; граждане не роптали, видя, как дома их превращались в груды пепла. Мужество их было непоколебимо; наконец генерал Вернер смог подойти на помощь из Силезии. Он вел лишь 5000 человек и с ними в 12 дней прошел 40 миль. 18 сентября на 26-й день осады он прибыл к Кольбергу и тотчас же атаковал русских. Последним, считавшим себя в безопасности, благодаря большому отдалению прусских армий, даже и во сне не снилась возможность прибытия [295] подкрепления, поэтому небольшому отряду Вернера удалось так напугать их, что они не только сейчас же сняли осаду, но мгновенно обратились в бегство, покинув орудия, снаряды, палатки, фураж, багаж и даже самый необходимый провиант. Часть их искала спасения на судах, а часть скрылась на суше. Вернер взял несколько сотен пленных и явился победителем на берегах Балтийского моря. Моряками овладел невообразимый ужас: не считая себя безопасными от прусских гусар на своих военных кораблях {227}, они сняли весь флот с якоря и ушли в открытое море. Патриоты отчеканили памятную медаль в честь этого необыкновенного события с надписью словами Овидия: «*Res similis fictae*» («Дело, похожее на притворство»), а Рамлер в превосходной оде воспел это избавление своего родного города.

Вернер, исполнивший столь блестящее предприятие и не имея уже русских перед собой, обратился против шведов. Он атаковал их в предместье Пазевалька, отнял 8 орудий, убил 300 человек и взял в плен 600. Город был бы тоже завоеван, но неприятель собирался сжечь его, чего Вернер не хотел допустить из сострадания к жителям. Он пошел в Мекленбург, обложил его военными контрибуциями, но движения русских снова отозвали его в Померию. Много раз испытанная храбрость Вернеровских гусар побудила короля, вопреки строго установленному порядку и числу, согласиться на просьбу этого генерала усиливать свое войско по мере надобности и возможности. Отпускаемое продовольствие согласовалось отныне с его рапортами.

Генерал этот, урожденный венгерец и протестант, ушел из австрийской службы, где по тогдашним, темным еще понятиям больше обращали внимания на вероисповедание, чем на заслуги, и потому не давали ему повышения. К этому пренебрежению присоединилась преследующая его ненависть генерала Надажди, и Вернер перешел в прусскую службу, где король принял его с удовольствием. Честолюбие, ненависть и жажда мщения соединились в этом человеке, чтобы [296] показать врагам Пруссии, которые стали

теперь его собственными, кого они потеряли в его лице. Надасди был главной целью его замыслов — взять его в плен было заветной мечтой Вернера. Неумолимо преследовал он его во время походов и постоев, заходя ему часто на непроходимых дорогах с тыла, причиняя постоянную тревогу; много раз ему чуть не удалось исполнить свое сильное желание. Может быть, он наконец исполнил бы его, если б Надасди не вышел в отставку, поссорившись с австрийским двором.

Лето кончилось, и началось дождливое время года, принудившее как австрийцев, так и русских подумать о зимних квартирах. Но врагов Фридриха сильно коробила та мысль, что они со своими многочисленными армиями ничего не сделали в эту кампанию. А тут еще Даун попал в такое критическое положение в горах, где подвоз был так затруднителен, а наступательные действия немыслимы; ему оставалось лишь отступить в Богемию. Стали придумывать всевозможные средства, чтобы удалить короля отсюда. Самым целесообразным показался поход русских на Берлин. Чтобы побудить к этому Салтыкова{228}, Даун предложил поддержать это предприятие вспомогательным корпусом. Итак, 20 000 русских, под начальством Чернышева, и 15 000 австрийцев, под начальством Ласси и Брентано, выступили в Бранденбургскую область; издали прикрывал их Салтыков со всей своей армией. До того привлекательной была перспектива грабежа королевской резиденции, что направлявшиеся туда австрийцы сделали без единого дня отдыха форсированные марши, которых от них нельзя было ожидать: за 10 дней они прошли 40 миль. Русский генерал, граф Тотлебен, урожденный немец, долго живший в Берлине, вел авангард русского корпуса, а так как все тут зависело от деятельности первого прибывшего, то он так спешил, что 3 октября, на шестой день по выступлении из Бейтена в Силезии, с 3000 человек стоял уже под стенами Берлина. [297]

Эта громадная королевская столица, без валов и стен, защищена была лишь гарнизоном в 1200 человек и вследствие этого не могла, конечно, сопротивляться. Но комендант, генерал Роков, тот же самый, которого посетили австрийцы три года тому назад, уступая просьбам дельных представителей города, приготовился к обороне. Представители эти были: старый фельдмаршал Левальд и раненый великий генерал Зейдлиц, которые из патриотизма собирались лично отстаивать маленькие укрепления перед городскими воротами. Все взялись за оружие, даже инвалиды и больные. После отказа сдаться в тот же день начался обстрел города брандкугелями и гранатами из гаубиц, а ночью двое ворот подверглись яростному штурму. Начались пожары во многих пунктах, но они вскоре были потушены, а штурмовавшие мужественно отбиты. Благородный пример увенчанных славою вождей, которые исполняли тут службу рядовых, невзирая на свои годы и высокое положение, вдохнул во всех неустранимость и заменил недостающий гарнизон. Русские отказались от штурма. На следующий день принц Евгений Вюртембергский пришел на помощь городу с 5000 человек.

В один день он прошел 9 миль и был принят в Берлине, как посланный небом избавитель. Город быстро доставил войску его множество убойного скота, а также несколько сотен тонн пива и водки. Лишь только оно немного отдохнуло, как принц тотчас же атаковал Тотлебена и погнался до Копеника{229}.

Но тут явился корпус Чернышева. Впрочем, и этот полководец намеревался отступить без битвы, но убедительное красноречие французского посланника Монталамбера сообщило делу иной оборот. Тотлебен был значительно подкреплён и выступил снова, так что пруссакам пришлось отойти из-за превосходства неприятельских сил. Между

тем подошел и Гюльзен со своим корпусом из Саксонии. Однако теперь неприятель был настолько силен, что мог удержаться под стенами столицы, но, продлись это состояние [298] несколько дней, Берлин был бы спасен, так как Фридрих уже выступил из Силезии, а отступление австрийцев и русских уже было решено их военным советом, еще до завоевания города. Но прусские полководцы считали, что предприятие их слишком рискованно из-за появления главной армии русских в окрестностях Франкфурта-на-Одере и приближения генерала Панина, выступившего с семью полками для подкрепления Чернышева. Кроме того, безумно было защищать с 14 000 войска неукрепленный город, имевший более двух миль в окружности и неизбежно обреченный на гибель при бомбардировке. Не хотели также испытывать счастья и в открытом сражении, так как в случае поражения Берлин стал бы жертвой беспощадного грабежа. Потому оба прусских корпуса ушли в Шпандау и оставили столицу на произвол судьбы.

Судьба эта оказалась не так страшна, как полагали. Город немедленно капитулировал и сдался Тотлебену, который нашел тут много старых друзей, вспомнил веселые дни, проведенные им некогда в их обществе, и потому поведение его в столице ознаменовано было умеренностью. Но такому снисхождению с его стороны больше всего способствовал один берлинский купец, по имени Гоцковский, один из тех редких людей, которые, будучи одарены добродетелями, способностями и энергией, рождаются иногда для блага целых государств и случайно приобретают возможность обнаружить свои блестящие качества. Достойный патриот этот, которого фортуна одарила богатством, употребляемым им для самых благородных целей, был в этом случае ангелом-хранителем Берлина: он в эти критические мгновенья спас не только столицу, но его советы, поступки и жертвования оказали, кроме того, громадное влияние на всю войну. Он надомнил городской магистрат сдать русским, которые ведь были только вспомогательными войсками, а не австрийцам, от которых, как от главных врагов, нельзя было бы ожидать пощады. Великодушные, с которым Гоцковский [299] поддерживал пленных русских офицеров после Цорндорфской битвы, стало известным в русских армиях; вследствие этого новые владельцы Берлина стали питать к нему большое уважение, и он даже приобрел дружбу главного полководца их Тотлебена, чем усердно пользовался для доставления выгод столице. Ежечасно являлся он к этому генералу с просьбами, касающимися как общественного блага, так и частных лиц. Все, знакомые и незнакомые, просили его заступничества, даже искали вместе со своими пожитками убежища в его доме, как единственном безопасном месте. Чтобы придать просьбам этим больше веса, он сопровождал их драгоценными подарками, золотом или дорогими камнями, которых никогда не ставил в счет городу.

Тотлебен потребовал 4 000 000 рейхсталеров контрибуции и вначале не хотел ничего уступить, ссылаясь на положительный приказ генерала Фермора вытребовать или нагнать эту сумму, притом не плохой ходячей монетой того времени, а старым золотом. Все берлинцы пришли в отчаяние. Наконец купцу-патриоту, пожертвовавшему огромную сумму из собственного состояния, удалось выпросить уменьшение требуемой контрибуции до 1 500 000 рейхсталеров; а 200 000 рейхсталеров поступило в подарок армиям, причем принята была и ходячая тогда, плохой стоимости монета вместо требуемого старого золота. С этим известием Гоцковский помчался в ратушу, где собравшиеся члены городского правления приветствовали его как ангела. Гостинец был тотчас же выдан армиям и уплачены 500 000 рейхсталеров контрибуции; на оставшийся миллион купечество выдало вексель.

Русские не хотели ни с кем иметь дела, кроме Гоцковского, который день и ночь

проводил на улицах, уведомлял вождей о всех бесчинствах, предупреждал несчастья и утешал страждущих. Фермор получил приказ разграбить и уничтожить все королевские фабрики, причем были обозначены между прочими так называемая кладовая, доставлявшая [300] прусским войскам сукно, и золотая и серебряная мануфактуры. 10 октября было предназначено для этого разрушения. Гоцковский, узнав об этом ночью, тотчас же поспешил к Тотлебену и заявил, что эти якобы королевские фабрики вовсе не принадлежат королю, что доход их не поступает ни в одну из его касс и всецело идет на содержание большого Потсдамского сиротского приюта. Гоцковский должен был письменно и под клятвой подтвердить это заявление — и фабрики были спасены.

Таким образом, в руках Тотлебена заключались все средства, которыми можно было бесконечно вредить королю. Берлин, эта новая Пальмира, где среди песчаного моря возникли неисчислимы и великолепные произведения строительного искусства, наполняющие бесконечные улицы, был величайшим мануфактурным городом Германии, средоточием всех военных принадлежностей, центральным пунктом, снабжавшим одеждой все прусские войска. Здесь находился громадный запас багажа, форменного платья, оружия и всевозможных военных принадлежностей, многие тысячи людей беспрестанно работали в мастерских, чтобы увеличить находившиеся там запасы и заменить вышедшие из употребления. Никогда еще торговля не процветала так в Берлине. Там жили купцы, не уступавшие самым известным торговым домам нашей части света по богатству, обширному кредиту и предприятиям. Купец Оэмиге уплатил по контракту в течение года 400 000 марок своим серебром в монетный двор. Вышеупомянутый купец Гоцковский совершил со своим королем контракт на доставку провианта, стоящего 7 500 000 рейхсталеров, и сейчас же вслед за тем выдал 800 000 рейхсталеров городу Лейпцигу в счет уплаты контрибуции. Шплитгерберский торговый дом, имевший монополию сахара во всей монархии и дававший заработок нескольким тысячам людей, владевший, кроме того, наряду с другими торговыми отраслями также оружейными фабриками, получил однажды в этой войне 4 000 000 [301] рейхсталеров из королевской сокровищницы за изготовленное оружие и боевые принадлежности. Ни одно частное лицо в Германии не владело столь обширной и цветущей мануфактурой, как живший в то время негоциант Вегели. Купцы евреи Эфраим и Итциг приобрели монетную монополию в государстве и так умели пользоваться этим важным экономическим рычагом, что вексельный курс обширнейших торговых пунктов вполне зависел от них, и они считались самыми богатыми евреями во всей Европе.

В таком цветущем состоянии находился Берлин, когда Тотлебен овладел им. Он уже принял начальствование над городом, когда Ласси явился на шестой день после взятия его и с неудовольствием узнал о снисходительном поведении русских. Этот императорский полководец силой прогнал русский караул от Галльских ворот и занял их своими войсками, причем потребовал для себя своей части во всем, грозя в противном случае объявить торжественный протест против капитуляции. Чернышев уладил этот спор и велел отвести австрийцам трое ворот и выдать 50 000 рейхсталеров из сумм, предназначенных для гостинца солдатам.

Тотлебен был вынужден принимать на себя всевозможные роли: публично он произносил величайшие угрозы и проклятия, а частным образом обнаруживал добрые намерения, подтверждаемые делом {230}. Большая часть жестоких приказов, полученных Фермором, была отменена, но и этого было мало. Требования других врагов Фридриха, продолжавших строить свои разорительные планы в его столице, были еще более жестоки. Между прочим, хотели взорвать арсенал, образцовое произведение новейшего

строительного искусства, одно из роскошнейших зданий в Европе. Последствия этого варварского разрушения были бы ужасны, так как тут было нагромождено множество каменных плит и здание находилось среди самых многолюдных улиц, великолепнейших дворцов Германии и близ королевского замка. Тотлебен должен был уступить, и команда русских [302] солдат из 50 человек была отряжена для доставления необходимого для этого пороха из пороховой мельницы недалеко от Берлина. Русские, не знакомые с данным поручением, слишком близко подошли к пороховому магазину, который вместе с ними взлетел на воздух. Этот случай спас арсенал, так как ощущался уже недостаток пороха. Неприятели ограничились лишь грабежом арсенала; то, что нельзя было унести, было разбито, сожжено или сброшено в реку. При этом оказались разрушены королевский литейный завод, монетный двор, пороховые мельницы и все королевские фабрики; королевские кассы, содержавшие более 100 000 рейхсталеров, были опорожнены точно так же, как и все магазины{231}.

Берлинские газеты давали далеко не снисходительные отзывы о совершенных русскими ужасах. Фермор в наказание за это велел прогнать сквозь строй их редакторов. День и час экзекуции был уже назначен; несчастные находились уже на гауптвахте и ждали своей жестокой участи. Тотлебен, которому тоже досталось в газетах и который считал необходимым для своей же безопасности отомстить за оскорбленную честь русских, остался на этот раз непреклонен; но Гоцковский, принявший живейшее участие в этом совершенно постороннем для него деле, до тех пор просил, пока не простили редакторов; их только подвели к строю и сделали тут выговор.

Всему городу было объявлено, под угрозой суровой кары, что все жители должны снести свое огнестрельное оружие на большую дворцовую площадь. Приказание это вызвало новое недоразумение, так как все сочли, что неприятели надеялись этим облегчить себе грабеж и убийство безоружных. Гоцковскому едва удалось добиться отмены этого приказания; но для виду несколько сотен штук старого, непригодного оружия было снесено на площадь, где казаки его разбили и бросили в воду, вместе с несколькими сотнями пластов соли. Другой приказ Фермора касался [303] сверхкомплектной контрибуции, которую должны были внести евреи, причем известные своим богатством. Предполагалось взять в качестве заложников [банкиров] Итцига и Эфраима. И это требование не было приведено в исполнение благодаря заступничеству Гоцковского, который в том же году в одном общественном деле был награжден названными евреями самой поразительной неблагодарностью.

При установлении размера контрибуции было условлено, что ни один солдат не будет квартировать в городе. Но Ласси, обнаруживавший при всех случаях свою непримиримую вражду к пруссакам, надсмеялся над этим условием и насильно поселился в городе с несколькими полками своего корпуса вопреки сопротивлению русских. Тогда начались возмутительные бесчинства. Не довольствуясь содержанием за счет горожан, австрийцы грабили деньги, драгоценности, платье — словом, все, что только можно было унести. Берлин вдруг превратился в сборище казаков, кроатов и гусар, которые среди бела дня грабили дома, били и увечили людей. Кто только дерзал вечером выйти на улицу, бывал раздет донага. 282 дома были взломаны и разграблены. Австрийцы в этом далеко превзошли русских; они не хотели ничего знать об условиях капитуляции, а следовали только голосу национальной ненависти и жажде грабежа; поэтому Тотлебену пришлось ввести еще больше русских войск в город и велеть стрелять по австрийцам. Последние врывались как бешеные в королевские конюшни, которые согласно капитуляции должны были остаться неприкосновенными и охраняться 24 русскими

солдатами. Лошади были силой выведены, с экипажей короля содраны все украшения, а сами экипажи изрублены в куски. Квартира королевского шталмейстера Шверина была разграблена. Даже больницы, служившие убежищем больным и нищим людям, которых пощадили бы даже дикари, не избежали общей участи. Грабеж был лозунгом. Австрийцы не пощадили и церквей: в так называемой Иерусалимской [304] церкви взломана была дверь в ризницу и похищены церковные облачения и кружка для бедных. Даже несколько гробниц было открыто и похищены одежды у трупов. Поведение это, достойное самых темных веков и самых диких людоедов, продолжалось бы без конца, если бы не серьезный протест голландского посла Ферельста, который разругал бесчувственных полководцев, пристыдив их за несоблюдение народных прав и обязанностей человеческих.

Эта дикость и жажда грабежа стали уже походить на эпидемию. Саксонские солдаты, которых по нравственности не превзошли до сих пор солдаты остальных европейских стран и дисциплина которых была почти такая же, как и у пруссаков, совершенно изменили своему национальному характеру. Они квартировали в Шарлоттенбурге, на расстоянии одной мили от Берлина, известном своей роскошной королевской резиденцией. Забыв о том, что король прусский, по всей вероятности, скоро прибудет в Саксонию и страшно отомстит им, они свирепо ворвались во дворец, разоряя все, что только видели: рубили драгоценную мебель, разбивали на мелкие куски зеркала и фарфор, рвали клочьями обои, резали ножами картины, полы, боковые стены и двери рубили топорами. Многие ценные вещи уцелели от разорения, но не от грабежа, так как офицеры взяли их себе, как добычу. Королевская дворцовая часовня была тоже разграблена, а орган разбит. Увенчано было это варварское поведение поступком, который больше всего огорчил короля, а именно разорением редких, неоценимых художественных произведений, принадлежащих золотому веку греческого искусства и собранных в Риме. Фридрих приобрел эти великолепные антики из художественной галереи кардинала Полиньяка. Они не сделались жертвой времени или диких полчищ, презирающих искусство. Нет! Разрушили их преднамеренно цивилизованные воины народа, у которого тоже процветали искусства. Головы, руки и ноги статуй были не только разбиты, но превращены в порошок, чтобы нельзя [305] было их больше восстановить. Находившиеся при этом австрийцы и русские усердно помогали им, а полководцы, если не ободряли солдат своим примером, то равнодушно относились к происходившему. Когда Фридрих после заключения мира увидел это опустошение, он воскликнул: «*Чудовища!.. Но разве они в состоянии оценить эти красоты? — Придется их простить!*»

Жители Шарлоттенбурга, уплатив 15 000 рейхсталеров контрибуции, полагали, что этим купили свою безопасность. Но они были обмануты. Все дома оказались разграблены, а то, что не могло быть расхищено, подверглось уничтожению. Мужчин били до крови кнутами, наносили раны саблями, женщин и девушек насиловали. Два человека, раненные просто для забавы, умерли тут же на глазах своих палачей.

Как австрийцы, так и русские помышляли уже о зимних квартирах и считали войну почти законченной. Многочисленные армии обеих наций заняли центральные области Фридриховых владений и отсюда наводнили все провинции. Подошли и шведы; императорские войска находились в Саксонии и владели Эльбой; Лаудон был в Силезии, а Даун со своими многочисленными войсками неотступно следовал за королем.

Но это воображаемое торжество длилось всего несколько дней. Фридрих хлынул словно

поток из Силезии, и на театре войны, подобно тому, как на театральной сцене по данному знаку, произошла мгновенная перемена. Слова: «Король идет!» — действовали словно электрический удар и привели всех в движение. Австрийцы и русские поспешно ушли из Берлина. Чернышев и Тотлебен совершили отступление настолько усиленными маршами, что за два дня прошли 12 миль. Ласси поспешил в Саксонию для соединения с армией Дауна. Шведы вернулись назад, а главная русская армия поспешно переправилась через Одер{232}.

Тотлебен получил от Фермора приказ в день отступления, 12 октября, взять с собой в качестве заложников трех [306] знатнейших купцов: Шютца, Вегели и Вюрстлера. Гоцковский спас этих банкиров, находившихся в смертельном ужасе, убедив добродушного Тотлебена забрать взамен их кассиров, которых русские потащили за собой в Кенигсберг и поступили с ними там как с преступниками. Благодаря поспешному отступлению русских многие условия, заключенные ими с городом, остались невыполненными. Члены магистрата умоляли Гоцковского уладить и это дело и отправиться в русскую армию. Просьба сия ставила в весьма критическое положение этого купца, содержавшего на своих фабриках 15 000 человек, которым он должен был платить еженедельно, который уже и без того упустил и пожертвовал столько, а теперь должен быть покинуть семью и свое дело, чтобы предать себя в руки дикому народу. Но благородный патриот этот, избранный для облагодетельствования своей родины, думал недолго и поспешно ушел, эскортируемый казаками. По дороге он спас хитростью и большими подарками медные заводы и фабрики в Нейштадт-Эберсвальде, обреченные на разорение вместе с новым каналом, находившимся там. В главной квартире русских, где находился Фермор, с ним поступали недружелюбно: несмотря на паспорт, обеспечивавший его возвращение в Берлин, его хотели выслать в Пруссию и там заставить ждать от русской царицы ответа на посланное городом Берлином письмо по поводу уменьшения контрибуции. Ничто не могло избавить Гоцковского от этого столь убыточного для него путешествия; наконец, он должен был пожертвовать множеством драгоценностей, которые взял с собой на всякий случай и которые теперь роздал любимцам Фермора.

Одно обстоятельство, о котором Гоцковский ничего не знал, усилило озлобление русских полководцев против него. Фридрих, старавшийся всеми силами спасти оставшийся миллион контрибуции, велел Берлинскому магистрату не очень торопиться с уплатой его. Фермор узнал об этом и стал горько упрекать Гоцковского. «*Ваш король, — говорил [307] он, — воображает, что ему принадлежит весь мир. Я знаю, что он не велел уплачивать по выданным векселям. Но моя государыня найдет средства вознаградить себя за убытки. Кроме того, что вы за купцы, если все должны вас остерегаться и ничего не имеют общего с подданными, которым король может воспрещать платежи по векселям, и таким образом уничтожать по усмотрению их стоимость*». Гоцковский доказал ему ненарушимость коммерческих обязательств и тотчас же предложил собственноручно подать в Гамбурге вексель к уплате 150 000 рейхсталеров из следуемого миллиона, выслать эстафетой акцептацию векселя и оставаться в главной квартире до получения ответа. Так и было сделано; но ему разрешили уехать только после того, как он подписал формальное обязательство в том, что вернется через четыре недели. Его должен был сопровождать эскорт из 50 казаков, которых в Кирице атаковали по ошибке пруссаки, вследствие нерадения трубача, удалившегося от охраны; большая часть ее была избита, пока Гоцковский, сам рисковавший жизнью из человеколюбия, не объяснил цель своего путешествия.

Случай этот наделал много шума в Берлине и поразил всех. Военное счастье было теперь сомнительно, так как русские оставались еще слишком близко и могли вернуться. Кроме того, купечество было сильно обеспокоено приказом короля относительно векселей, так как русские грозили завладеть всеми товарами берлинских купцов в Данциге, Пруссии, Лифляндии и Курляндии и объявить их имена бесчестными на всех европейских биржах. Чтобы выяснить это недоразумение, Гоцковский поспешно выехал к королю в Саксонию. Фридрих не хотел допустить платежей в возмездие за уничтожение имперским надворным советом вюрцбургских и бамбергских долговых обязательств, но Гоцковский объяснил ему сущность вексельных операций. После этого монарх согласился на уплату всей контрибуции, но дело это должно было содержаться до времени в тайне. [308]

Так как русская императрица ничего не хотела уступить из назначенной суммы, то надеялись по крайней мере внести в зачет ее множество доставленных лошадей и фуража. Гоцковский, помимо всего уже связанный своим обещанием, отправился в Пруссию, взяв необходимые вексельные расписки для окончания дела. В Данциге знатнейшие купцы умоляли его не ехать далее, а покончить необходимые формальности письменно, ввиду сильного озлобления против него русских. Он знал об этом: высланные им вперед слуги были ограблены и брошены в тюрьму; но надежда значительно сократить контрибуционную сумму во время своего личного присутствия в главной квартире русских, в Мариенбурге, посредством дифференции ажио и сумм к уплате, побудила его пренебречь всеми опасностями для блага своего отечества; впрочем, ему удалось обойти их умом и деньгами. Остальные его надежды были тщетны: ничего не было уступлено из назначенной суммы, несмотря на то, что этот купец-патриот пожертвовал один из собственного своего состояния 40 000 рейхсталеров при этой попытке для блага своих сограждан. Его лишь обнадежили тем, что императрица со временем вознаградит эти убытки. Но русские захотели тотчас же отблагодарить его за полученные подарки; поэтому они разрешили возобновление совершенно прекращенной до сих пор почтовой деятельности, так же как и беспрепятственную доставку товаров, принадлежащих прусским подданным, через все области, занятые русскими войсками. Фельдмаршал Бутурлин объявил это всей армии и приказал, при всяком требовании, отпускать конвои для эскортирования этих транспортов²³³.

В Берлине до того были тронуты патриотизмом Гоцковского, что члены городского магистрата писали ему от 4 марта 1761 года: *«Это беспримерный пример, чтобы человек столько предпринял и вынес для своих сограждан, сколько вы предприняли так бескорыстно»*. И на Фридриха это произвело сильное впечатление; он приказал выплатить [309] ему 150 000 рейхсталеров и никогда не потребовал их обратно. Гоцковский тотчас же употребил эти деньги на удовлетворение заветного желания короля, т. е. основал в Берлине фарфоровый завод. Через год в самый разгар войны было кончено это важное предприятие, и возникла фабрика, содержащая целый маленький народ художников и в скором времени ставшая в один ряд с лучшими фарфоровыми заводами Европы.

Вследствие капитуляции между русскими и берлинским магистратом небольшой гарнизон столицы был взят военнопленным. Судьба эта постигла также половину корпуса королевских кадетов. Старшие из них, все взрослые юноши, были удалены, остались одни дети 10, 11 и 12 лет; надеялись, что молодость их послужит им достаточной защитой, и потому в капитуляции, касавшейся лишь действительного гарнизона, о них даже не было упомянуто. Несмотря на это, русские потащили за собой

этих детей, как некогда Навуходоносор детей знатных иудеев; они должны были маршировать, спать под открытым небом и не получали даже хлеба. Просьбы и слезы их ничего не могли сделать; более взрослые и образованные горько упрекали своих победителей и с благородной настойчивостью требовали, чтобы им выдавали содержание. Наконец им дали барана. Всемогущая нужда была и тут их наставницей. В том возрасте, когда человек не знает еще никаких забот и едва умеет отличать блюда, дети эти должны были сами убить животное и приготовить его. О них вовсе не заботились и раздавали им хлеб как милостыню. Труды похода были им не по силам, и многие из них погибли.

Между тем это отступление русских, разрушившее все их надежды, сопровождалось всевозможными жестокостями. Опустошения, к которым вначале относились безразлично, теперь стали систематичны. Города: Копеник, Фюрстенвальде, Беесков, Ландсберг, Ораниенбург, Либенвальде, маркграфский загородный дворец Фридрихсфельде и все [310] вообще бранденбургские города были разграблены или опустошены. От ворот Берлина до границ Польши, Силезии и Саксонии страна походила на пустыню. Ни одной головы скота не осталось бедным жителям, ни одной хозяйственной принадлежности, ни кровати, ни средств к пропитанию. Хлеб в зернах, который нельзя было взять с собой, был затоптан в грязь или развеян по ветру.

Город Франкфурт, так часто посещаемый русскими, на этот раз не был пощажён ими. Его хотели сжечь и с этой целью зажгли уже на рынке большой костер. Бургомистр подвергся истязанию плетьюми, остальным членам магистрата грозили тем же и со всеми жителями вообще поступали бесчеловечно. Такими средствами русские добились своей цели. Все, что только город мог собрать, было отдано неприятелям. Город этот находился в таком месте, что жители, помимо собственных своих бедствий, должны были еще смотреть на опустошение всего своего отечества. Более 100 000 голов рогатого скота, вместе с лошадьми и неисчислимым количеством всякого рода добычи было вывезено отсюда. Со всех сторон раздавались всевозможные жалобы. Целые деревни зажигались для забавы; крестьян, горожан и дворян нещадно секли, а над женами их и дочерьми, невзирая на их возраст и общественное положение, ругались тут же на глазах их мужей и родителей.

В этом случае враги Фридриха словно старались превзойти друг друга в жестокости, так как и австрийцы под предводительством Ласси не знали, как и в Берлине, никакого удержу своим бесчинствам; во время своего отступления они не пощадили даже гробниц. В Вилькельсдорфе, деревне, принадлежавшей Шверинскому дому, склеп владетелей был взломан, все трупы, из которых многие давно уже служили пищей червям, были выброшены из гробов, полусгнившие их платья были содраны с костей, а грустные их останки выброшены в поле. Такие ужасы, неслыханные даже между дикими, весьма редкие у варварских орд [311] и незнакомые даже ирокезам, служат указкой для истории и должны быть переданы потомству, как характерные особенности этой войны.

Изо всех загородных королевских резиденций только Сан-Суси и Потсдамский дворец остались целы. Тут командовал австрийский генерал Эстергази, который один в этой экспедиции постоял за честь Австрии и заслужил одобрение за личное благородство и превосходную дисциплину своих войск; он осматривал нагроможденные тут сокровища искусства, вкуса и великолепия, восхищался всем, но и зорко охранял все, так что ни одна вещь не была похищена. Русский бригадир Бахман, урожденный немец, отличился так же в Берлине, в качестве помощника коменданта, своей кротостью и великодушием. Тронутый его поведением магистрат предложил ему перед отступлением русской армии

10 000 рейхсталеров. Но Бахман не взял их, говоря, что достаточно вознагражден тем, что имел честь быть несколько дней комендантом Берлина.

Король только что подошел со своей армией к саксонской границе, когда узнал о случившемся. Ни одна потеря не была для него чувствительнее опустошения саксонцами Шарлоттенбурга. Раздражение одержало верх над его обычной философией. За все время войны пруссаки не тронули ни одного королевского дворца в Саксонии; напротив того, они зорко охранялись нарочно приставленными к ним караулами. Но тут Фридрих велел разграбить охотничий замок Губертсбург. Поручение это было дано батальону добровольцев Квинта Ицилия. Солдаты так усердно исполнили его, что через несколько часов от замка остались одни лишь голые стены. Саксонский двор был не столько возмущен мщением Фридриха, сколько бессмысленным поводом к нему. Полковые командиры оправдывались яростью своих солдат, которую ничем нельзя было укротить. Наиболее потерпевшим областям Фридрих подарил 300 000 рейхсталеров, которые были розданы только низшим подданным, а не дворянству. [312]

Между тем Лаудон сделал попытку взять Козель в Силезии. Позднее время года неудобно было для осады; поэтому он решился на штурм, который кончился неудачей. Тогда он объявил всеобщее прощение городу, чтобы привлечь на свою сторону гарнизон его, состоявший большей частью из пленных и перебежчиков. Но и эта неблагородная попытка не сопровождалась желаемым успехом, так же точно, как и последовавшее за ней бомбометание, от которого загорелся один магазин и несколько строений. Впрочем, оно длилось всего одну ночь; на следующий день Лаудон, узнав о приближении прусского генерала Гольца, велел увезти назад свою тяжелую артиллерию и снял осаду.

Вторжение неприятеля в Берлин сильно повредило королю и в Саксонии. Едва Гюльзен покинул эту провинцию, как австрийцы и имперцы стали распоряжаться в ней точно так же, как и в прошлом году после отступления пруссаков. Теперь они сожгли мост у Торгау и завладели этим городом, содержащим гарнизон в 2000 человек. Комендант его защищался недолго. Имперцы овладели тут одним значительным магазином и полевым госпиталем, который весь был занят больными. Затем настала очередь Виттенберга. Этот плохо укрепленный город был осажден по всем правилам, и комендант его, генерал Саленмон, храбро вел защиту. Неприятель не щадил бомб, так что через несколько дней большая часть этого значительного города была превращена в пепел, причем сгорел и запас провианта, предназначенный для гарнизона. Наконец город сдался после того, как гарнизон перестрелял все свои снаряды и лишился провианта.

У Фридриха не осталось теперь ни одного магазина в Саксонии, которую совершенно овладел неприятель; дальнейшее существование его в этой провинции зависело теперь всецело от его оружия. Средство это никогда не обманывало его. Герцог Цвейбрюккенский ушел с берегов Эльбы, взяв с собой имперцев, и оставил в одном лесу [313] генерала Вида с 3600 человек. Прусский авангард атаковал последнего и прогнал его отсюда, причинив урон в 1900 человек. После этого Фридрих направился к Дюбену, где был разбит и взят в плен целый батальон кроатов. Город этот окружен Мульдой и образует нечто вроде полуострова; Фридрих основал тут магазин, велел поспешно выставить редуты и оставил прикрытие из 5000 человек. Намереваясь атаковать австрийцев со всеми своими силами, он должен был теперь подумать о прикрытии тыла от имперцев, расположившихся лагерем у Лейпцига.

Богатый этот город, снабженный всеми удобствами жизни, подобно некоторым городам

Германии, всегда был приманкой для больших и малых войск. Друзья и враги постоянно спорили за его обладание, которое не было сопряжено с большими трудностями и не требовало осады. Город этот мог оказать сопротивление лишь легким войскам и был бы неприступен только при наличии армии, охраняющей его стены извне. Но вместо укреплений он имел богатства, порождавшие всевозможные предприятия; ни один город за всю эту войну не принадлежал поочередно стольким владельцам. На этот раз имперцы серьезно решили поселиться тут на зимних квартирах, а жители Лейпцига, утомленные большими налогами, налагаемыми пруссаками под всевозможными предлогами, горячо желали такой перемены. Но Фридрих никогда не исключал из своих планов этой золотой россыпи и теперь послал в Лейпциг генерала Гюльзена. Имперцы поспешно удалились и отступили назад за Плейсу и Эльстер; их примеру последовал и герцог Вюртембергский, который, поссорившись с имперскими генералами, отступил обратно в свои владения, не стяжав никаких лавров. Таким образом, Лейпциг был занят пруссаками без одного выстрела, точно так же, как и Виттенберг.

Даун решил непременно овладеть Саксонией. Дрезден, самый большой, самый значительный и сильный город в курфюршестве, находился в его руках, и почти все [314] австрийское могущество было сосредоточено в этой области; кроме того, зима уже наступила и кампания была, по-видимому, кончена. Но король прусский точно так же твердо решил не упустить столь важной для него Саксонии. А тут подошли еще большие хлопоты: русские стояли у Ландсберга на Варте и ждали только успеха своих союзников, чтобы вновь вступить в Бранденбург и устроиться там на зиму вместе с австрийцами. Этой операцией король был бы совершенно отрезан от Берлина, Померании, Силезии — следовательно, от всех своих владений и лишился бы тогда какой-либо подмоги. У него не имелось других магазинов, кроме Дюбенского, да и тот был почти истощен. Прусской армии грозила голодная смерть, а продолжительные морозы могли каждый день стянуть поверхность Эльбы льдом. Положение Фридриха стало невыразимо ужасно. Надо было либо победить, либо погибнуть. Большое сражение должно было решить дело, и Фридрих был вполне готов к нему. Но Даун ничем не хотел рисковать, несмотря на все свое преимущество. Он полагал, что ему удастся исполнить свое желание одними лишь оборонительными действиями, и поэтому расположился в укрепленном лагере при Торгау, где год тому назад стоял принц Генрих, которого Даун никогда не решался здесь атаковать. Фридрих переправился через Эльбу близ Дессау, там, где его неприятель совсем не ожидал, и, соединившись с корпусами принца Вюртембергского и генерала Гюльзена, пошел на Дауна.

Австрийский полководец присоединил к своей армии все разрозненные корпуса, кроме того, которым командовал генерал Brentano; этот последний был атакован генералом Клейстом при Бельгерне, который разбил его, причинив сильный урон убитыми и взяв 800 пленных. Так как король потерял всякую надежду вызвать своего противника на добровольное сражение, то дерзнул брать приступом австрийский лагерь, несмотря на все препятствия. Ему оставалось только это одно крайне трудное средство. Приступ этот был [315] необходим, и притом безотлагательно. Уже 2 ноября вечером, когда войска, маршировавшие целый день, только что расположились лагерем, он объявил всей армии свое намерение, и тотчас же начались приготовления к битве.

За 4 дня до этого Фридрих, в письме своем к маркизу д'Аржану, изображал свое положение и покидающие его силы следующими сильными словами: *«Вы цените жизнь как сибарит, а я смотрю на смерть как стоик. Никогда не увижу я той минуты, когда мне придется заключить бесславный мир. Никакие обстоятельства, никакое*

красноречие не заставят меня подписать свой позор. Или я погребу себя под развалинами моей отчизны, или же найду способ положить конец своему несчастью, если уж не буду в состоянии его вынести. Я твердо решил рискнуть всем еще в этой кампании, так как хочу победить или же умереть с честью». С такими мыслями король стал готовиться к битве{234}.

3 ноября является весьма знаменательным днем в летописях войн; кровь лилась рекой; обеим армиям, столь часто пожинавшим лавры, грозила совершенная гибель; люди яростно сопротивлялись законам природы или же спокойно подчинялись им в самые ужасные минуты. Обе стороны проявили одинаковую храбрость и сделали все, что только возможно, с помощью военного искусства; решительный исход битвы долго колебался, пока наконец победа не досталась пруссакам уже ночью.

Король выступил четырьмя колоннами через Торгауский лес. Его план был необыкновенно смел: он собирался не только победить австрийцев, но и совершенно уничтожить их армию. Отрезанные от отступления через Эльбу, побежденные и бегущие, они должны будут либо пасть, либо броситься в реку, либо положить оружие. Он хотел атаковать одновременно оба крыла австрийцев или, вернее, оба изгиба линии полумесяцем, которую образовала армия Дауна и которую предполагалось тогда отбросить на неприятельский [316] центр. С этой целью король разделил свою армию, состоящую из 60 батальонов и 120 эскадронов, чтобы совершить две отдельные атаки. Генерал Цитен был послан по дороге на Эйленбург с половиной прусской армии, чтобы атаковать Зюптицские высоты, находящиеся близ Торгау{235}. Если королю удастся побить неприятеля со второй половиной, то австрийская главная армия погибнет безвозвратно, а вместе с ней и военные силы Марии-Терезии для этой войны, а имя Торгау станет, подобно Каннам, бессмертным у поэтов и историков{236}.

Но для достижения этой великой цели надо было преодолеть еще необыкновенные препятствия. Даун стоял с цветом австрийских войск в весьма выгодной позиции; левое крыло его примыкало к Эльбе, правое было прикрыто высотами и снабжено большими батареями, а перед фронтом находились леса, рвы, пруды, засеки и болота. Корпус генерала Ласси находился на небольшом расстоянии от главной армии, которая, вместе с цепью прудов, прикрывала оба его крыла. Армия генерала Цитена должна была прежде всего атаковать этот корпус, поэтому он и направился к Зюптицским высотам{237}. Но разделение прусской армии, которое должно было остаться тайной для неприятеля, произошло уже во время похода по дороге, ведущей в Лейпциг. Тут Фридрих со своими корпусами двинулся к Домицийской чаще, занятой врагами: гренадеры, кроаты, драгуны и гусары быстро ушли к главной армии, как только заметили короля. Вскоре после этого пруссаки наткнулись на австрийский драгунский полк, шедший особняком и ничего не знавший о приближении неприятеля. Он неожиданно попал между двух колонн королевской армии. Прусская пехота тотчас же заняла все выходы из леса, пока кавалерия окружала неприятельский полк. Дело это пришлось преимущественно на долю гусар Цитена, проявивших большое мужество. Все драгуны, не павшие под их ударами, были взяты в плен вместе со своим генералом. Король между тем [317] продолжал идти дальше, окружил правое неприятельское крыло и, несмотря на то что его пехота, конница и артиллерия еще находились позади, немедленно атаковал неприятеля со своим авангардом, состоящим из гренадерских батальонов; это был пример величайшей отваги, который был подан Карлом XII при Нарве и который также сопровождался удачей{238}. Пушечный огонь, долетавший до слуха пруссаков издали, заставил короля предположить, что Цитен уже вступил в битву с неприятелем; это

оправдывает до некоторой степени слишком быструю его атаку. Никогда мгновения не были ему дороже. Было 2 часа пополудни; оставалось всего несколько дневных часов, в которые должна была решиться судьба Фридриха, быть может, даже всей прусской монархии.

Даун приветствовал пруссаков пушечной пальбой, еще не слыханной со времени изобретения пороха. 400 орудий на батареях были все направлены в одну точку, и огненные пасти извергали неустанно смерть и гибель. Это был образ ада, который словно разверзлся, чтобы поглотить свою добычу{*8}. Самые старые воины обеих армий никогда еще не присутствовали при такой канонаде; сам король часто обращался к своему флигель-адъютанту со словами: *«Какая ужасная канонада! Слыхали ли вы когда-нибудь подобную?»* Следствия ее были невероятны: через полчаса 5500 прусских гренадеров лежали убитыми или ранеными на поле битвы; перебравшись через частокол и совершив удивительную по своей храбрости атаку, они едва успели выстрелить, а на следующий день только 600 человек из них находилось в строю. Трудность атаки увеличивала еще [318] местность, идущая в гору. Эта позиция ограничивала и маневрирование пруссаков, так что вторая их линия находилась едва на расстоянии 300 шагов от первой. Казалось, король был ошеломлен этим ужасным поражением своих гренадеров, а когда пал один из их вождей, граф Ангальт, которого он очень любил, Фридрих обратился к его брату, своему флигель-адъютанту, и сказал: *«Все плохо сегодня! Мои друзья покидают меня. Только что донесли мне о смерти вашего брата»*. Был сильный дождь, но гром орудий и еще больше того — град пуль, столь сильно и непрерывно пронизывающий воздух, казалось, разорвал облака в области поля битвы, и небо несколько прояснилось.

Между тем выступила из леса главная колонна. Еще прежде, чем пруссаки увидели врага, уже верхушки деревьев, раздробленных ядрами, посыпались на них. Гром орудий страшно звучал в лесу. Трескущие, оглушительные удары звучали словно погребальные трубы. Выйдя из леса, пруссаки, идущие, подобно морской волне, среди порохового дыма, увидели совсем не победную сцену, а поле битвы, усеянное мертвыми и страшно изуродованными телами, корчившимися в крови. Не было больше гренадеров, с которыми пруссаки надеялись восторжествовать, армия Цитена была далеко, судьба ее была неизвестна, и враг стоял непоколебимо за своими смертоносными орудиями. Прусская артиллерия пыталась было пододвинуть свои пушки, но они не могли поспеть за быстро двигавшейся пехотой из-за частоколов, находившихся на пути; кроме того, упряжные лошади оказались убиты ядрами или искалечены, погонщики, не успевшие бежать, были убиты, а колеса и лафеты раздроблены. Несмотря на это, пехота произвела новую атаку с тем мужеством и порядком, которым так отличались пруссаки в поле. Австрийцы, ободренные поражением гренадеров, подошли вперед, но и они должны были отступить. Картечь страшно свирепствовала между пруссаками. Целые роты гибли. Ряды постоянно строились, [319] чтобы восполнять пробелы. Старые офицеры падали, на их место становились молодые, побуждая ветеранов к мужеству своим примером; таким образом они все двигались вперед, взбирались на высоты и брали приступом батареи.

Но вскоре сцена изменилась. Почти вся прусская конница была еще позади и не могла поэтому прийти на помощь победоносной пехоте; орудия последней остались в лесу или лежали с раздробленными лафетами у опушки его. Даун воспользовался этим и повел свежие войска на поле битвы. Его кирасиры ударили на прусскую пехоту, устроив настоящую кровавую баню, и прогнали ее обратно в лес. Наконец прусская конница

подросла на помощь своим братьям, но она приведена была в замешательство царившим тут смятением и рвом, делавшим невозможными все попытки построиться; австрийцы и ее отбили. Новая атака конницы была удачнее, причем кирасирский полк Шпаэна, предводимый великим знатоком маневра, полковником Дельвигом, обнаружил удивительную храбрость, один бросился навстречу неприятельской коннице, отбил ее и тогда обратился со своим убийственным делом против австрийской пехоты, привел последнюю в замешательство и увел несколько тысяч пленных. Между последними находился также полк императора. Вся австрийская линия была в опасности. Но тут подошла со всех сторон новая австрийская конница, и пруссакам пришлось отступить. Фридрих пытался еще раз атаковать со своей пехотой, но безуспешно. Наступила ночь, силы истощились, король был ранен, и битва, казалось, была совершенно проиграна. Даун отправил курьеров с этим известием в Вену; окруженные многими гонцами, трубившими в трубы, они совершили свой въезд в императорский город при криках радости народа, возвещая полную победу{239}.

Но в книге судеб было записано торжество не Марии-Терезии, а Фридриха. Цитен со своей армией не бездействовал. Из-за неудач королевской армии план его битвы [320] должен был стать иным; притом он имел перед собой большой корпус Ласси, состоящий из 20 000 человек. Наконец ему удалось преодолеть все препятствия и подойти на помощь королю{240}. Генерал Зальдерн понял, что все зависит от занятия Зюптицких высот; поэтому он не терял их из виду и подошел к пылавшей деревне Зюптиц. Подполковник Меллендорф, гвардеец, впоследствии губернатор столицы{241}, посоветовал один маневр, который увенчался полнейшим успехом. Несколько батальонов продефилировало через деревню и начало штурм находившихся поблизости высот и большой батареи. Скоро им удалось овладеть ею. Остальные войска, притащившие руками свои орудия, последовали по этому пути славы, прикрываемые конницей. Тогда на этих высотах открылась неожиданно сильная канонада, увеличившая во тьме уже и без того сильное расстройство австрийцев.

В это время подошло несколько прусских отрядов левого фланга, построившихся в боевой порядок по мере возможности, причем трубачи их играли прусский марш, чтобы товарищи не ошиблись, приняв в глубокой темноте за неприятелей. Это подкрепление подвел генерал Гюльзен. Полководец этот, отличавшийся мужеством и большим патриотизмом, лишился всех своих лошадей, убитых ядрами; так как старость и раны мешали ему идти пешком, он сел на пушку и так велел себя везти до неприятельского лагеря. Ласси, самый несчастный вождь в поле из всех вождей этого столетия, пытался вновь силой овладеть высотами, но был два раза отбит Зальдерном и его ветеранами после страшно кровопролитной схватки{242}. Пруссаки энергично отстаивали приобретенную позицию. Этот счастливый исход решил участь битвы, продолжавшейся до половины десятого. Закат оказался для пруссаков кровавым, зато вечерняя звезда, столь часто покровительствующая большим и удачным предприятиям, была им милостива. Австрийцы ни о чем больше не думали, как об отступлении, [321] которое совершили благодаря трем понтонным мостам, переброшенным через Эльбу.

Река эта служила австрийцам как бы компасом в ту темную ночь; небо было покрыто тучами, и нельзя было видеть собственной руки. Однако многие австрийцы не воспользовались таким указателем. Они блуждали большими и малыми отрядами, частью по лесу, частью по полю битвы, где пушечные выстрелы, словно погребальные факелы, освещали на мгновения ужасные орудия смерти. Не зная, где находятся враги, они на каждом шагу должны были быть настороже. Подобно тому как трусы в полночь

воображают, что видят призраки, так теперь храбрые пруссаки видели всюду врагов. Подъезжавшие друг к другу отряды открывали огонь, длившийся до тех пор, пока кто-нибудь не замечал ошибки. Таким образом пало много пруссаков от руки своих же соотечественников. У австрийцев происходило то же самое. Поминутно блуждающие отряды брали в плен заблудившихся офицеров; но приходили неприятельские отряды, отнимавшие так же скоро этих пленных. Императорский генерал Мигацци вообразил, что собирает свою бригаду, но оказалось, что это были пруссаки, которые, узнав его поговору, тотчас же взяли в плен. То же случилось с императорским полковником Оросом, прусским подполковником Меллендорфом и многими другими прусскими и австрийскими офицерами. Сам король наткнулся со своим прикрытием на блуждающее войско. На обыкновенный клич: «*Кто идет?*» — последовал ответ: «*Австрийцы*». Тогда сопровождавшие Фридриха ударили по ним и взяли в плен целый батальон кроатов. Вскоре после этого произошел такой же инцидент с большим отрядом императорских карабинеров, блуждавших в темноте. Несколько сотен стрелков собрались по дороге, ведущей в Торгау, но заблудились и попали в руки прусских кавалеристов, соскочивших с коней и [322] потому принужденных сражаться пешими. Австрийские стрелки вскоре сдались.

В этой тьме египетской невозможно было отдавать приказания и невозможно было повиноваться им. Вожди были убиты, ранены или блуждали, отыскивая свои рассеянные отряды; они ощупывали вокруг себя, как слепцы, и падали то на трупы, то на всевозможные предметы, рассыпанные по полю битвы. Многие знатные прусские офицеры, привыкшие к тому, чтобы приказания их всегда исполнялись, подобно изречениям оракула, чтобы бороться с природой и с помощью всемогущего слова «должен» делать возможным то, что казалось невозможным, впервые увидели тут предел своей военной деятельности.

Они хотели собрать и сформировать большие отряды воинов во тьме, покрывающей землю, среди страдальческих возгласов умирающих. Но напрасно они приказывали, звали, кричали, волновались. Никто не слушал, будучи уверен, что благодаря темноте избегнет наказания, и всякий уступал лишь могучему инстинкту самосохранения.

Ночь, продолжавшаяся 14 часов, была ужасно холодна. Нескольким взводам удалось собрать немного дров и развести огонь, другие же должны были как безумные бегать во тьме, чтобы движением согреть свое тело, при этом они постоянно спотыкались о тела убитых. Дождь превратил землю в болото, но все же некоторые пробовали лечь и отдохнуть в грязи, пока сырость не промочила их одежды и они не стали коченеть. Солдаты целый день ничего не ели и были совершенно обессилены своей кровавой работой. Кто имел еще при себе котомку с хлебом и находил в ней еще запас, не знал, где достать глоток воды. Мучимые голодом, жаждой, усталостью и холодом, они страстно ожидали дня, а с ним и новых кровавых сцен. Как ни тяжело было положение блуждающих истощенных солдат, в эту ночь происходило нечто еще более ужасное. Раненые, насколько были в силах, старались добраться до ближайших [323] деревень; иных же печальная судьба их приковала к полю битвы. Коченея от стужи, с раздробленными членами, оторванными костями, плавая в крови и лишенные всякой помощи, несчастные эти призывали смерть. Но еще до прихода ее многие сотни их были обречены на большие страдания. Толпы негодяев, солдат, погонщиков и женщин бродили в эту кровавую ночь по полю битвы, грабя живых и мертвых. Даже рубах не оставляли они беспомощным раненым. Напрасно те громко жаловались; жалобы их расплывались в ужасном общем треске, разносившемся в воздухе от пушечных выстрелов. Не один

раненый был убит этими извергами, которые боялись быть узванными. Многие из пострадавших были легко ранены в ноги, но все же так, что не могли идти. Но, раздетые донага, лежа на болотистой, стянутой льдом почве, они погибли.

Эта столь достопамятная ночь была театром никогда еще дотоле не виданного зрелища. После совершенного окончания битвы обе армии смешались. Можно было встретить бесчисленные костры в Торгауском лесу, у которых грелись одновременно пруссаки и австрийцы, и притом не как победители и пленные, а вооруженные и свободные. Сильная потребность тепла соединила их случайно и превратила кровожадных воинов в мирных людей, которые заключили между собой на несколько часов перемирие, чтобы спокойно дождаться следующего дня и новых военных удач. Так как никто не знал, в чью пользу решилась битва, то обе стороны условились отдаться в плен тому, кто с наступлением дня окажется хозяином поля битвы.

Король отправился в деревню Эльсниц, находившуюся недалеко от места сражения. Здесь все крестьянские дома, хижины, конюшни и сараи были наполнены теми ранеными, которым удалось найти тут убежище, частью при содействии других, частью с помощью напряжения всех имевшихся у них еще сил. Тут стонали они на своих окровавленных постелях, кто под руками хирургов, а кто еще в [324] ожидании перевязки. Фридрих, не желая беспокоить их, велел открыть себе деревенскую церковь и тут перевязать полученную им болезненную рану груди от мимолетной пули; затем он принимал рапорты, отдавал приказания и отправил курьера, депешу которому написал при слабо мерцающей свече, сидя на нижних ступенях алтаря и употребляя вместо стола верхние. Хотя он считал себя хозяином поля битвы и вообще победителем, но так как ничего еще не знал об отступлении неприятеля, то собирался на следующий день возобновить сражение. Он дал соответствующие распоряжения еще до наступления утра, причем пехота должна была не стрелять, но ударить в штыки. Ожидали только рассвета, чтобы сформировать вновь рассеянные войска. Но лишь только восходящее солнце осветило поле, усеянное трупами, как Фридрих увидел, что там не было уже ни одного австрийца. Все поле битвы принадлежало ему — победа была вполне решена и Саксония удержана. Австрийцы переправились через Эльбу и вдоль берегов ее пошли в Дрезден, а пруссаки — в свои зимние квартиры {243}.

Даун был тяжело ранен в этой битве. Он удалился и передал начальство генералу Буккову, а так как последнему тотчас же пулей раздробило руку, то начальство перешло к графу О'Доннелю. Тот поспешил прикрыть Дрезден и занять укрепленный лагерь при Плауэне. Цитен и принц Вюртембергский преследовали его неустанно во время этого отступления и увели еще несколько сотен пленных. Обе армии необыкновенно ослабели от этой кровавой битвы. Австрийцы насчитывали свыше 12 000 убитыми и ранеными, а 8000 человек были взяты в плен на поле сражения; они потеряли 50 орудий, 27 знамен и 20 понтонных. Потери пруссаков составляли 10 000 убитыми и ранеными и 4000 пленными.

Хотя Даун делал большие промахи до и после битвы, но все же он очень хорошо защищался; австрийские же войска [325] обнаружили необыкновенную храбрость. И, несмотря на то, что на следующий же день в Вену прибыли гонцы с печальной вестью, прекратившей клики радости, все же Мария-Терезия весьма была довольна своим фельдмаршалом, который приехал в императорскую столицу. Монархиня была настолько великодушна, что возобновила знаменитое древнее зрелище, происходившее 2000 лет тому назад, когда после битвы при Каннах римский сенат встретил консула

[Варрона] у ворот Рима. И Мария-Терезия выехала несколько миль навстречу разбитому Дауну, приветствуя его словами: *«Я хотела иметь удовольствие первой приветствовать вас с прибытием и поздравить с новыми заслугами, приобретенными вами в этой кампании. Кроме того, я желаю лично узнать о состоянии вашего здоровья, которое меня очень огорчает»*. Вообще, эта великая императрица не упускала случая подбодрить свои войска. Она обыкновенно присутствовала лично, когда войска проходили через Вену, чтобы присоединиться к главной армии; самыми милостивыми словами старалась она влить мужество в сердца солдат, называла их: *мои дети!* — и самодовольно улыбалась, когда по всему строю гремело ей ответное: *матушка!* Никогда не отпускала она их без подарков.

Последствия этой победы были весьма значительны. Вся Саксония, кроме Дрездена, перешла вновь в руки пруссаков, и это обеспечило им зимние квартиры. Фридрих оказался в состоянии выслать войска в Силезию, Бранденбург и Померанию и прогнать неприятеля из этих областей. Он даже выслал герцогу Фердинанду корпус в 8000 человек. Мекленбург был снова приобретен. Лаудон, потерпев неудачу при Козеле, ушел в Глац. Шведы были выгнаны генералом Вернером в Штральзунд, а русские, стоявшие еще до сих пор настороже, возвратились в Польшу, на свои прежние зимние квартиры. [326]

Книга десятая

В венском кабинете придерживались весьма ошибочного принципа, лежащего в основании всех австрийских военных планов. Он состоял в том, чтобы не истощать войск завоеванием Саксонии, но приберечь их для Силезии. Этим объясняется столь частая бездеятельность и нерешительность австрийских полководцев. Но опыт научил их, что Силезию можно обрести лишь в Саксонии. Подобно тому как в сказке великан Антей, с которым боролся Геркулес, тем становился сильнее, чем чаще был бросаем о землю, так и поражения Фридриха в Саксонии снабжали его лишь новыми силами, с которыми он вновь поднимался. Здесь он запасся необходимыми силами после Коллинского поражения и отступления в Богемию, чтобы восторжествовать при Росбахе и Лейтене. Здесь он наскоро предотвратил все дурные последствия злополучной Гохкирхской битвы и вновь получил возможность идти для освобождения Нейсе. Поражения при Кайе и Кунерсдорфе не стали так ужасны, как только Фридрих овладел снова занятой неприятелем Саксонией. Здесь осталось без всяких последствий взятие в плен большого корпуса при Максене, не вызвавшее даже изменений позиций пруссаков. Несчастное сражение при Ландсгуте, потеря Глаца, снятие осады Дрездена и сопряженное с таким разорением взятие Берлина были для него не так чувствительны здесь. Такие силы собирал Фридрих в Саксонии [327] после своих поражений, и они были еще несравненно большими после его побед в этой стране, после битвы при Торгау он стал страшнее, чем когда-либо.

Среди такого смещения наций в странах, обойденных войной, торговля необыкновенно процветала. Особенно повезло в этом отношении Голландии: благодаря войне она приобрела многие преимущества, хотя республика эта часто была обижаема воюющими сторонами. Между прочим, французы захватили голландскую почтовую фуру, в которой находилось 100 000 гульденов деньгами, принадлежавшими голландским подданным. Напрасно генеральные штаты жаловались на это похищение, совершенное, кроме того, на их же территории. Версальский двор отказался от всякого

удовлетворения их жалоб, так как полагал, что голландцы симпатизируют в этой войне англичанам; кроме того, ему хотелось досадить гамбургцам{244}. Таким образом деньги эти достались французскому партизану Камбефорту.

Эта враждебность французского правительства к городу Гамбургу имела многие причины. Было весьма естественно, что как сенат, так и жители его были более склонны покровительствовать военным успехам своих соотечественников в соседних областях, нежели их врагам. Но наружно они проявили строгий нейтралитет, чтобы не подвергнуть опасности своей блестящей торговли. Город этот пользовался редким счастьем не страдать от общего народного бедствия, а напротив — приобрести благодаря ему выгоды, в то время как вся Германия, все области ее, все города и деревни в большей или меньшей степени испытывали ужасы войны. Здесь-то поставщики получали все необходимое, здесь совершилось множество удачных спекуляций и пересланы были несчетные суммы денег из воюющих стран, преимущественно из Англии. Этот богатый, свободный и во многих отношениях счастливый город должен был все-таки испытать на себе бедствия того времени. [328] Французы, как и все могущественные народы, привыкли пренебрегать нейтралитетом маленьких государств и считали врагами тех, кто не заявил себя положительно их сторонниками. Делая столько поставок из союзных Австрии областей и не оплачивая их, взяв силою имперские города Франкфурт и Бремен, они, наверное, простерли бы свои попытки и на Гамбург, если б военные их действия были удачнее. Но не король датский, а герцог Фердинанд Брауншвейгский оказался тогда ангелом-хранителем Гамбурга; не будучи в состоянии вредить жителям своим оружием, они обратились против их торговли.

Скоро нашелся повод ставить ей преграды. Один ганноверский артиллерийский офицер посетил своего друга, гамбургского купца Вуппермана, и спросил, где можно заказать известное число жестяных труб. Вупперман указал на Клемпнера, с которым офицер заключил торговое соглашение, и вручил купцу деньги. Французский министр в Гамбурге, Шамбо, беспокойный человек, навлекший много бедствий на Мекленбург своими пагубными советами, узнает случайно об этом и находит, что это удобный случай для проявления его национальной ревности и авторитета. Он в своем мемуаре изображает самыми черными красками преступление купца, его союз с врагами Франции и требует обратно его заказ под всевозможными угрозами. Но совершить такое насилие над гражданином этого вольного города было не так легко, тем более что купец этот принадлежал к числу весьма уважаемых и имел связи с большими торговыми домами внутри и вне своего отечества. Во всех почти других странах он сделался бы политической жертвой, но в Гамбурге этого не могло быть, благодаря конституции города. Ошеломленный французскими угрозами магистрат приступил, однако, к рассмотрению дела. Склады купца и его торговые книги были подвержены тщательной проверке, но в них не нашли никакого следа подозрительных соглашений и сделанных доставок. [329] Однако Шамбо не удовлетворился этим. Он грозил городу потерей его торговых преимуществ во Франции, арестом всех гамбургских кораблей в королевстве, даже уничтожением их торговли при помощи французских каперов. Тогда Вупперман превратился в пленного в своем доме, пока сам версальский двор не убедился в его невинности. Но вскоре после этого явились новые жалобы против Гамбурга, потому что французы не хотели позволить пруссакам и их союзникам делать тут наборы рекрутов. 24 мая 1760 года Людовик XV уничтожил данные им этому городу торговые преимущества.

В Силезии, между генералами Лаудоном и Гольцом, было заключено перемирие до 21

мая 1761 года, под тем условием, что оно прекратится не раньше, как за 4 дня до объявленного истечения срока. Прусский генерал, принц Бернбургский, хотел постоять за свои права, ссылаясь на то, что страна принадлежит его королю и он имеет право делать здесь набор рекрутов. Ответ Лаудона был краток: он атаковал совершенно не готовый к сопротивлению гарнизон Франкенбурга и взял тут в плен батальон пехоты и эскадрон гусар; это была для пруссаков потеря настоящих солдат, которых никак не могли заменить несколько сотен рекрутированных невежественных крестьян. Таким образом перемирие внезапно кончилось и опять возобновились кровавые и ничего не решающие схватки.

Король Фридрих после победы при Торгау поселился на зиму в Лейпциге, куда после битвы привезли множество раненых. Город этот жестоко поплатился за свой патриотизм. Жители его громко изъявляли желание дать убежище имперским войскам, в качестве союзников их курфюрста; за это хотели их наказать. Пруссаки предъявили к ним новые усиленные требования. Они должны были внести огромные суммы денег и поставить необъятное количество всяких продуктов. Магистрат заявил, что город не в состоянии дать требуемое, и ссылаясь на письменные [330] обещания короля, определявшие размер их, который теперь был превышен.

Размер этот состоял в денежной контрибуции 500 000 рейхсталеров, которая уже была внесена. Но представления были бесполезны; а так как сопротивление продолжалось, то была употреблена сила. Уже часто пугали жителей серными венками, вешая их на домах. Теперь им предоставили выбор: либо дать деньги, либо город будет сожжен. Но так как они имели много причин сомневаться в жестокости короля, а в угрозе усматривали жадность к деньгам второстепенных начальников, то они и не подумали повиноваться. Смехом, а не страхом были встречены угрозы, и серные венки были вновь сняты.

Тогда были сделаны иные попытки. Знатнейшие члены магистрата и самые богатые купцы были брошены в тюрьму, где с ними обращались как со злодеями. Их заперли по чуланам, где они должны были лежать на соломе, без всяких самых примитивных удобств. Им не давали ни кроватей, ни стульев, ни теплых кушаний. Вначале обрекли на эту участь 120 человек, которой они, впрочем, подвергались всего 10 дней, после чего их освободили, оставив лишь 17 самых знатных, которые должны были выдержать четырехмесячное тюремное заключение. Привыкшие к самой роскошной жизни, они должны были довольствоваться самой грубой пищей, изнеженные всеми изысканными удобствами этого века тела их вынуждены были отдыхать на твердой земле, а сосуд с супом, тайно принесенный под складками шелкового платья их прекрасными дочерьми, навещающими их, считался уже большим приобретением. Они по необходимости жили в страшной грязи и ходили с большими бородами, словно евреи. *«Что ж, собаки! Будете платить?»* — было обыкновенным утренним приветствием сборщика контрибуций, который таким жестоким обращением выгодно устраивал свои личные дела. Если бы узники были посажены отдельно, цель была бы, может быть, скоро достигнута, но, [331] будучи вместе, каждый из них ободрял друг друга и побуждал к терпению. Между ними возникло соединявшее их одушевление, благодаря которому они стойко выносили всякие оскорбления и жестокости. Только после угрозы, что все эти главы столь богатого города, отцы семейств, проливавших о них слезы день и ночь, будут отведены рекрутами в Магдебург, пешком и с ранцами за спиной, заключенные оробели. Город согласился дать все, что только было возможно{*9}.

Требования, предъявляемые теперь к городу, составляли сумму в 1 100 000

рейхсталеров; но и при самом искреннем желании нельзя было выплатить ее за недостатком наличных денег. Часто упоминаемый купец Гоцковский находился тогда в Лейпциге и видел горе жителей. Магистрат, зная, какое уважение Фридрих питал к этому человеку, умолял через высланную к нему депутацию о его посредничестве, на что тот охотно согласился. И вот опять спаситель Берлина оказался если и не спасителем — то все же благодетельным помощником Лейпцига в минуту бедствия. Фридрих удовольствовался 800 000 рейхсталеров, и Гоцковский поручился на эту сумму. Король потребовал, чтобы он вознаградил себя за службу, оказанную чужому городу. Но купец счел это за низость и поручился безо всякого обеспечения, за что получил указом совета от 26 января 1761 года самую трогательную благодарность и уверения всех граждан в готовности оказать ему всевозможные услуги.

Совершенные тут жестокости, которые, впрочем, не все происходили вследствие приказов короля, стоили многим жизни. Горе свело в могилу мужей, жен и детей. Многие жители ушли из Лейпцига; торговля почти прекратилась, а знаменитые ярмарки превратились в обыкновенные рынки.

Необходимость, вынудившая Фридриха вести против величайших государей Европы продолжительную и дорогую войну, несмотря на его отчасти занятые врагами, отчасти [332] опустошенные области, побудила его ко всевозможным вспомогательным средствам, отличавшимся своей необыкновенностью. Самое важное из них было уменьшение стоимости прусской и саксонской монетной меры. Это средство было распространено неслыханным образом. Монеты были арендуемы берлинским евреем Эфраимом{245}, который ежегодно отчеканивал бесчисленное множество золотой и серебряной монеты разных сортов и различного достоинства под всевозможными штемпелями{246}. Эта аренда была повышаема из года в год и достигла наконец семи миллионов рейхсталеров. Начало было сделано саксонскими золотыми и серебряными монетами, на которых обозначен был 1753 год. Затем использовали прусские, мекленбургские и наконец бернбургские штемпеля, для чего было куплено разрешение бернбургского князя. С каждым годом монеты становились все хуже, так что в конце концов стоимость августдора, состоявшего по большей части из меди с небольшой примесью золота, не превышала стоимости полутора рейхсталеров хорошего серебра {247}. Старые августдоры и фридрихдоры стоили, вместо обыкновенных пяти талеров, двадцать рейхсталеров ходячей серебряной монетой, которую в насмешку звали эфраимитами или жестянками. Ею платили прусским войскам, всем поставщикам армий, гражданским чиновникам и при всех торговых операциях. Этот легкий способ размножить деньги вскоре нашел последователей. Много мелких немецких князей, никогда не пользовавшихся монетным правом, воспользовались этим случаем и стали чеканить плохие монеты, которыми платили своим придворным и которые меняли на старое серебро. Значительные государи, участвовавшие в войне, как-то ландграф Гессен-Кассельский, герцог Брауншвейгский и другие, принуждены были делать то же самое; один Ганновер сохранил неизменной свою собственную высокую монетную меру{248}. И другие нации присоединились к этой спекуляции. Шведы, у которых между [333] всеми воюющими нациями меньше всех было денег, первые воспользовались этим средством; они вошли в сношения с несколькими гамбургскими купцами и основали в Штральзунде большой монетный двор. В английском мануфактурном городе Бирмингеме изготовлялись тайно многие сотни центнеров таких монет, которые распространялись по миру на голландских кораблях{249}.

Все старались чеканить огромное количество монет, которые народ называл

поддельными; но они необыкновенно оживили торговлю и промышленность. Поэтому постоянное уменьшение их номинальной стоимости не было так заметно, и разошлись они уже в количестве нескольких миллионов, когда догадались о подмене{250}. Один Гамбург не попался на обман; здесь, согласно мудрому распоряжению, все счета велись банковыми деньгами, т. е. настоящим серебром, постоянно получались целые грузы переводных денег за товары, потому здесь подвергали тщательному химическому анализу новые сорта монет, чтобы точно определить их стоимость. Этот анализ, тотчас же объявляемый всем, весьма походил на нильский землемер в Египте{251}. Это был указатель, объявляющий всем нациям стоимость этих зачумленных монет.

Вся северная Германия была наводнена ими; величайшие торговые города владели миллионами этих чудесных денег, которые, нисколько не изменяя своей величины, формы и чеканки, становились все хуже по стоимости и обманывали кажущимся богатством владельца больших сумм. Даже голландцы были снабжены ими в избытке и воображали, что после окончания войны им удастся очень дешево покупать прусское дерево и зерно. Все сырые и обработанные продукты и вообще все предметы в торговле повысились по цене в Париже соразмерно этой плохой монете. Одни лишь продукты первой необходимости не очень вздорожали, так как иначе простой солдат не в состоянии был бы прокормить себя. [334]

В память этого прусского монетного духа, являвшегося в стольких местах и менявшего свою внешность подобно призраку, голландцы отчеканили особую сатирическую медаль, изображавшую Фридриха, занятого беседой с Эфраимом, которого король треплет по щеке. Надпись на ней гласила: *«Это мой милый сын, которого я облюбывал себе»*.

Ужасные последствия этой финансовой операции обнаружались сейчас же после мира, когда многие тысячи состоятельных людей, не пострадавших от войны, потеряли все свое имущество, известные и уважаемые на всех биржах купцы обанкротились и бесчисленное множество семей превратились в нищих. Эти политические ужасы были страшнее самой войны{252}.

Императрица Мария-Терезия пользовалась иными средствами, чтобы уменьшить на время войны огромную потребность в деньгах. Подданные ее должны были уплачивать десять процентов от суммы своего состояния; с разрешения папы она брала во время войны одну десятую доходов всех духовных учреждений. Но и эти значительные источники помощи не были достаточны, и стали помышлять о новых. Все штаб-офицеры, от майора до фельдмаршала, получали во время последних лет войны жалованье не деньгами, а бумагами, которые не походили на ассигнации и не были предназначены для оборота; это были, собственно говоря, государственные облигации. Те, которые не могли или не хотели дожидаться назначенной платы после окончания войны, продавали эти облигации со значительной потерей в банк, специально учрежденный с этой целью императором Францем, который исполнял там должность придворного банкира. Таким образом монарх пользовался своими собственными сокровищами, совершенно независимо от доходов своей супруги. Большая часть доставок армиям была также уплачена такими бумагами.

К этим вспомогательным источникам присоединились многие патриотические пожертвования. Князь Венцель [335] Лихтенштейн, самый богатый из австрийских подданных, подал благородный пример. Состоя шефом австрийского артиллерийского корпуса, он не только великолепно снабдил его всем необходимым за собственный счет,

но и содержал часть его из собственных доходов, за что императрица велела соорудить ему во время войны металлическую статую в венском Арсенале. И другие богатые люди обнаружили различным образом свой патриотизм, хотя далеко не соразмерно своим богатствам; а дамы венского двора, чтобы не отставать от прочих в усердии, пожертвовали — своими драгоценностями? Нет! Они щипали корпию. Понятие о благотворительности соединилось с этой патриотической мыслью. А тут еще и Мария-Терезия подала великий пример человеколюбия и тоже стала щипать корпию своими царскими руками для раненых рядовых солдат. Это занятие сделалось общим тоном, наконец оно стало эпидемией, распространившейся по всему городу. Жены ремесленников опустошали свои шкафы с бельем, чтобы, жертвуя рубахами, тоже принять деятельное участие в войне. Благодаря этому торговля полотном в Австрии стала процветать, а корпия возами посылалась в полевые госпитали, так что наконец стали просить, чтобы эта благотворительность прекратилась.

Надежда в конце концов все-таки овладеть Силезией не ослабела еще в императорской столице после пятилетней бесплодной войны. Взятие Глаца еще более подкрепило ее, причем могущественные союзники обнаруживали все то же усердие. Победу при Торгау они считали скорее поражением короля прусского — по причине ее кровопролития — и придерживались энергичнее, чем когда-либо, принципа не принимать выкупа за его пленных. Но недостатка в солдатах у него не было. Ввиду того, что землепашество совершенно пало в его государстве, благодаря постоянным опустошениям, тысячи молодых парней променяли соху на ружье. Высокий рост теперь уже не так [336] ценился: нужны были вообще люди, которых быстро преобразовывали в солдат. Набрав таких рекрутов, множество высланных туда офицеров и унтер-офицеров день и ночь учили их в тех же местах, где их рекрутировали. Им едва давали перевести дух. Ни холод, ни снег, ни воскресный, ни праздничный день не прекращали монтировки, дрессировки и упражнений, происходивших на рыночных площадях, полях, конюшнях и сараях, так что они приходили в свои полки уже готовыми солдатами и могли исполнять военную службу.

Число старых солдат было весьма невелико в воюющих армиях после стольких сражений. Но у пруссаков военный дух, впитанный с молоком матери, заменял военную опытность. Так как многие офицеры пали и король заменял их по возможности дворянами, то из Берлинского кадетского корпуса постоянно были вызываемы юноши, которым еще далеко было до возмужалости и которых посылали в армию^{*10}. Но эти юноши были уже вполне обученными солдатами и во всем походили на ветеранов других армий, кроме физической силы. Несмотря на свое благородное происхождение, они были воспитаны под ружьем, приучены к грубой пище и закалены бодрствованием в жару и холод; при этом они были знакомы со всеми отделами военной службы и преисполнены самых высоких понятий о военной чести. Часто, вскоре после своего прибытия, они использовались в армии для значительных военных операций, которые исполняли с систематичностью взрослых, знанием дела и с усердием. Иногда они учили рекрутов в полках, собранных большими отрядами; им давали небольшие команды, делали их адъютантами. В сражениях они ободряли даже старых солдат словом и примером. Австрийцы часто встречали таких юношей между пленными и, взирая лишь на молодость их, заключали о сильном оскудении [337] числа солдат Фридриха, который принужден был брать на службу детей для пополнения строя.

Ненависть, постоянно растущая между воюющими нациями, достигла постепенно высокой степени между австрийцами и русскими; история эта подала много примеров ее.

Особенно австрийцы, так далеко отставшие тогда в смысле культуры и лишенные знаний, отличились этой национальной ненавистью. Согласно их политическим воззрениям, война, начатая Фридрихом, была преступным возмущением против императора и государства, а в религиозном фанатизме своем они считали, что сражаются против еретиков, истребление которых приносит им заслуги. Благодаря прусским неудачам при Ландсгуте и Глаце в начале кампании число пленных значительно увеличилось. Чем больше их было, тем хуже стали с ними обращаться, и часто несчастных пруссаков сотнями бросали в венскую тюрьму, предназначенную для злодеев, и там жестокостями принуждали их вступить в австрийскую службу. Пленные же прусские офицеры выслались в небольшие местечки, чтобы, как говорили, яд их политических и религиозных мнений не мог распространяться. Согласно таким принципам с ними обращались далеко не великодушно. Иногда им подолгу не выдавали жалованья и предоставляли содержание этих зачастую весьма бедных слуг чести милосердно сострадательных людей. Просьбы низших офицеров так же были бесполезны, как и представления пленных генералов.

Фуке не мог молчать, [глядя] на эти страдания. Хотя с ним обращались необыкновенно почтительно и мягко, но он был слишком благороден, чтобы ценой своих страждущих и ожидающих от него помощи товарищей уступить постыдному отличию. Он стал говорить серьезно, и, хотя тон этот сочли не подобающим пленному, он стал еще смелее. Будучи другом своего короля, преисполненный энтузиазма прусской службы и убежденный, что за эти качества его лично ненавидели в Вене, он все же слишком [338] неосторожно стал рассказывать о своем недовольстве, употребляя в отношении к императрице и ее министрам выражения, которые можно было безнаказанно использовать только в Англии. Он говорил о подлости, об обмане и о недостойных министрах, окружавших престол Марии-Терезии и скрывавших от нее истину. Такой язык был не знаком в Вене, поэтому австрийцы сочли его за оскорбление величества и наказали, по мнению венского двора, весьма снисходительно, потащив больного пленного полководца из Бругга над Лейтой в Карлштадт в Кроатии, лишив его слуг и заточив в крепость. Фридрих, имевший в своем плену гораздо более австрийских генералов, чем они прусских, отмстил за своего друга и велел четырех знатнейших австрийских офицеров, живших до сих пор совершенно свободно в Магдебурге, посадить в крепость. Эта война репрессиями пошла еще далее. Австрийцы, не желая отставать, посадили также четырех знатнейших пленных прусских генералов в тесное заключение. Тогда Фридрих поступил точно так же со всеми остальными генерал-лейтенантами, посадив их в крепость, на что некоторые из них весьма неохотно согласились, а одного пришлось даже силой потащить туда, так как ему не хотелось менять своей удобной квартиры на крепостную камеру. Это подало повод к странной корреспонденции между маркграфом Карлом Прусским и Лаудоном. Обе стороны засыпали друг друга горькими упреками, что, впрочем, несколько не улучшило положения дел. Репрессии продолжались, и все военные вожди обеих сторон оставались в заключении, подобно злодеям, до заключения мира, который был также сроком освобождения и для прусских генералов. Страдания, претерпенные Фуке для короля, не остались без награды. Фридрих никому не был более благодарен, как этому полководцу, который после окончания войны, осыпанный подарками, вдали от своего полка и правительства, был освобожден от всякой службы, а жил в свое удовольствие в [339] городе Бранденбурге, пользуясь до самой смерти дружбой своего монарха.

Французы открыли свою кампанию 1760 года со 130 000 человек, из которых 100 000 должны были действовать в Вестфалии, а 30 000 — на Рейне. Брольи надеялся этим

разъединить союзников. Однако исполнению его намерений сильно помешало недостаточное повиновение знатнейших военачальников, весьма недовольных быстрым ростом власти маршала. Это было причиной нерешительности, благодаря которой герцог Фердинанд успел присоединить к себе подошедшие через Эмден 7000 англичан; таким образом, находящаяся под его начальством британская армия простиралась до 20 000, союзные же армии его насчитывали до 70 000 человек. Смерть ландграфа Гессен-Кассельского, скончавшегося в январе, не произвела никаких перемен в политических союзах, так как новый регент подтвердил все договоры своего отца и остался верен принятой системе. Супруга этого государя, в качестве опекуны своих сыновей, была регентшей Ганау. Но ввиду того, что правительство обнародовало это постановление, не испросив разрешения французских генералов, то все советники и государственные чиновники до самого незначительного канцеляриста, равно как и все члены Ганауского магистрата, [были] арестованы и присуждены к денежному наказанию в размере 100 000 рейхсталеров.

Получив подкрепление, Фердинанд хотел атаковать французов, которые, очевидно, намеревались проникнуть в Ганноверское курфюршество. С этой целью он и выступил, причем наследный принц вел авангард и при Корбахе наткнулся на неприятеля. Полагая, что перед ним не более чем отдельный отряд, он мужественно выдержал его атаку; но корпус этот составлял часть главной французской армии и постоянно был подкрепляем свежими полками. Герцог Фердинанд, со своей стороны, не мог вовремя подоспеть на помощь наследному принцу. Поэтому ничего не [340] оставалось, кроме отступления, которое совершено было в большом порядке. Хотя французская конница употребляла все усилия, чтобы воспрепятствовать ему, но наследный принц сам стал во главе своей кавалерии и отбил неприятеля. Союзники лишились при этом 800 человек убитыми, ранеными и пленными и 15 орудий. Сам наследный принц был ранен; но, несмотря на свои потери, он возбудил удивление врагов и друзей своей энергией и мудрым распоряжением, предохранившим его от полного поражения. Он сгорал нетерпением вознаградить себя за понесенные потери, и 16 июля, через 7 дней после Корбахского сражения, он атаковал другой французский корпус при Эмсдорфе, разбил его совершенно и увел 2700 пленных, между которыми находился и сам предводитель корпуса, генерал Глаубиц. Кроме того, пруссаки овладели, помимо орудий и знамен, всем неприятельским лагерем со множеством багажа и военных принадлежностей. Взамен этого Брольи сделал попытку захватить корпус ганноверского генерала Шперкена; она кончилась бы успешно, если бы последний не совершил поспешного отступления и союзная армия не подоспела ему на помощь.

Вюртембергский корпус, с которым мы встречались на театре военных действий в Саксонии, был уволен из французской службы в начале этой кампании, так как владетельный герцог не желал по требованию версальского двора служить под начальством саксонского принца Ксаверия, который, будучи братом супруги дофина, имел больше влияния, чем сам герцог. Недовольные французские генералы, граф Сен-Жермен, граф Люк, маркиз Войе, оставили тогда армию и отказались служить королю. Удаление их произвело большие неурядицы. Фердинанд захотел воспользоваться этим и атаковал более слабую французскую армию из 35 000 человек, под начальством кавалера Мюи, при Варбурге, причем атака эта произведена была одновременно с фронта и с [341] тыла. Сражение произошло 31 июля, и шло очень упорно, пока не подоспел лорд Гранби с английской конницей. Проскакав два часа до места битвы, она ударила на французов, которые и без того уже сражались в большом беспорядке, а теперь обратились в бегство. Конница их бросилась в речку Димель, чтобы пройти ее вброд, что ей и удалось.

Но многие из последовавших за ней пехотинцев утонули. Потери их, помимо знамен и орудий, состояли из 5000 убитыми, ранеными и пленными. Союзники насчитывали 1200 человек убитыми и ранеными. Но военное счастье удивительно обнаружило свое непостоянство, так как в тот же день был французами взят Кассель, после того как генерал Кильманэге отступил из Гессена в Ганноверскую область, опасаясь превосходства неприятелей. Вскоре наследный принц атаковал врасплох ночью небольшой французский корпус при Циренберге и увел 500 пленнх. В Марбурге французы тоже подверглись нападению генерала Бюлова, который разорил там их пекарню.

Недостаток крепостей в Нижней Саксонии и Вестфалии привел к необыкновенно оживленным схваткам, сопровождавшимся переменным счастьем для обеих воюющих сторон, которые быстро овладевали при этом городами и областями, но так же быстро лишались их. [Так, например,] французы овладевали какой-нибудь областью, считали ее своей собственностью и присылали сюда арендаторов, чтобы высосать из нее доходы по своему. Но часто еще до прибытия этих арендаторов там все бывало разорено самими же французами. Потому завоеваниям французов мало придавалось значения; они обыкновенно лишь старались парировать неприятеля в том пункте, где он их собирался атаковать. Теперь как раз произошел такой случай. Во время успехов главной армии французов и имперцев были взяты Минден, Кассель, Геттинген, Эймбек и Цигенгайн, а Гамельну грозила осада. Но все эти удачи походили на сон, по причине их кратковременности. Через [342] несколько дней явился Лукнер, помешал дальнейшему успеху завоевателей, прогнал их из Гамельна и увел много пленнх. Взамен этого французы захватили в плен в Цигенгайне 800 союзников, они овладели также полевым лазаретом в Касселе и хотели, по-видимому, удержаться здесь.

Брольи имел огромное количество войск, с которыми из-за воцарившихся разногласий он не дерзал начинать сражения; напротив того, он даже окопался у Касселя, велел укрепить Геттинген и дал возможность Фердинандовым разведывательным корпусам препятствовать подвозу во французский лагерь и уничтожать магазины. Вспомогательные средства, доставлявшие необходимое пропитание для такой большой армии из опустошенных областей, становились все драгоценнее, а затруднения увеличивались. Французская армия употребляла ежедневно 100 000 порций для лошадей, и с этой целью высылались почти ежедневно от 15 000 до 20 000 человек под сильным эскортом для фуражировки.

В это время англичане совершенно овладели морем. Их военные корабли предписывали на этой стихии законы всем морским державам Европы, да и в других частях света успехи их стали возрастать. При Квебеке французы были совершенно разбиты, и вся Канада находилась в руках победителей, которые тогда обратились к французским островам в Вест-Индии. Английский кабинет, где великий Пипин²⁵³ был тогда всемогущ, решил перенести войну по возможности в самое сердце Франции. Согласно этому плану, наследный принц был послан с корпусом в 15 000 человек в Клеве, чтобы прогнать оттуда французов. Дабы увеличить свои силы, принц присоединил к себе еще часть гарнизонов Мюнстера и Липштадта. После этого он переправился через Рейн, послал свои легкие отряды для совершения рейдов в Нидерландах, увел множество пленнх и осадил Везель. Но продолжительные дожди сильно мешали его операциям: дороги стали непроходимыми, реки разлились, а при перевозке [343] тяжелых орудий происходили постоянные задержки. Несмотря на это, траншеи перед этой крепостью были открыты 10 октября и началась форменная осада. Важное значение данного пункта побудило

Брольи принять самые энергичные меры для освобождения его. С этой целью был выслан туда генерал Кастри с 20-тысячным корпусом, к которому в Нью примкнуло еще 10 000 человек. С этой армией он прибыл после форсированных маршей в Рейнберг. Битва была неизбежна. Она произошла 16 октября у монастыря Кампен. Наследный принц, хотя был гораздо слабее неприятеля, занимавшего выгодную позицию у леса при Ремпенбреке, мужественно атаковал его и сам взял в плен одного французского полковника. Тот, не зная о приближении врага, хотел осмотреть свою позицию в лесу. Увидя немецкого полководца, которого он, однако, не знал, тотчас же поспешил ему навстречу, говоря: *«Вы — мой пленник»*. — *«Не я, — отвечал наследный принц, — а вы — пленник, вас окружают мои гренадеры»*.

Сражение длилось с утра и до самого вечера, причем обе стороны обнаружили необыкновенное мужество. Однако союзникам не удалось прогнать французов из леса, все их попытки были напрасны. Сам наследный принц не щадил себя; он опять был ранен, а под ним убита лошадь. Наконец союзники отступили в величайшем порядке, не будучи преследуемы врагом, хотя отступление происходило по полуразрушенному паводком рейнскому мосту. Они взяли в плен знатного генерала, барона Врангеля, и несколько сот французских солдат; кроме того, еще несколько орудий, но зато и сами понесли значительный урон. Сражение было кровопролитно: союзники насчитывали 1600 человек убитыми, ранеными и пропавшими, а французы — 2600{254}. Однако последним легко было воспользоваться тем обстоятельством, что мост через Рейн был разрушен. Наследный принц видел всю опасность своего положения и, чтобы скрыть ее, выстроился в боевой порядок [344] и сделал вид, будто хочет атаковать неприятеля, чем выиграл необходимое для переправы время. Тогда осада Везеля была снята и наследный принц расположился лагерем у Брюинена.

Битва при монастыре Кампен, уступающая по кровопролитию большим сражениям и сопровождавшаяся в стратегическом отношении незначительными последствиями, остается достопамятной для человечества, благодаря одному необыкновенному случаю. Случай этот будет в памяти у потомства даже тогда, когда битвы и вожди будут забыты. Это был величайший, благороднейший и самый интересный единичный поступок во всей войне. Кавалер Ассас, молодой французский офицер из овернского полка, командовавший отрядом, составлявшим авангард, был атакован союзниками в вышеупомянутом лесу. Было темно, и он находился в некотором отдалении от своего отряда. Вдруг его одного окружило целое войско. Сто штыков, готовых пронзить его, были направлены ему в грудь и грозили мгновенной смертью при малейшем возгласе. Великий Конде говорил: *«Покажите мне такую опасность, от которой нет спасения, и я содрогнусь»*. Спасения не было для этого кавалера, если он позовет своих солдат в присутствии неприятеля; даже их спасение не было обеспечено его смертью. Напрасно! Ассас думал лишь о своем долге и закричал: *«Овернцы, здесь неприятель»*. Мгновенно штыки пронзили его. Если Деции добровольно жертвовали своей жизнью на войне, то их побуждала к этому мысль о благе отечества в критическую минуту; они рассчитывали на восторги Рима, статуи, храмы и бессмертие{255}. Ассас, состоя в низком чине, не мог рассчитывать на это и пожертвовал собой в цвете лет на верную смерть.

Этот великий подвиг оставался неизвестным в продолжение 17 лет. Только в 1777 году военный министр, принц Монбарей, доложил о нем французскому королю и просил о назначении пенсии для нуждавшейся семьи героя, на что [345] монарх согласился. Тогда весь народ выразил участие к этому подвигу, великие художники старались увековечить его кистью и резцом. Он не был забыт и в 1790 году, когда французское народное

собрание причислило эту пенсию к весьма немногим исключениям, считая ее национальным долгом, и решило выплачивать ее неизменно.

Зима наступала. Был ноябрь; но еще не прекращались военные операции со стороны союзников. Наоборот, Брoльи обнаруживал совсем не свойственную ему бездеятельность; он стоял неподвижно в сильном лагере у Эймбека и послал много отрядов для прикрытия различных направлений. Это ослабление его армии и отдаление армии принца Субизского побудило Фердинанда испытать счастье в битве. Он употребил все средства, чтобы вызвать на нее Брoльи; но все было напрасно. Атаковать французов в крепком лагере казалось слишком рискованным делом. Поэтому Фердинанд удовольствовался маневрами, имеющими целью отрезать сообщение Брoльи с Геттингеном. Он действительно блокировал этот необыкновенно важный для французов город, защищаемый гарнизоном из 5000 отборных *grenadiers de France*. Предводителем их был генерал Во, старик, который присутствовал уже при 18 осадах и имел искалеченные руки и ноги. Он сделал превосходные распоряжения. Жителям заблаговременно был отдан приказ запастись на пять месяцев съестными припасами, все дома подверглись осмотру и зарегистрированы были все съедобные продукты. Так как начались морозы, то кузнецам велено было изготовить крюки для взламывания льда и наконечные быки, чтобы они препятствовали замерзанию воды во рве. Кроме того, он велел закрыть отверстия шлюзов и свод малого моста, вследствие чего произошло сильное наводнение. 12 октября он совершил отчаянную вылазку. Позднее время года пришло ему в помощь: все реки вздулись, а эпидемические заболевания уносили в союзных войсках людей и лошадей. Даже транспорты не могли передвигаться [346] из-за большой смертности среди лошадей, трупы которых покрывали дороги. Союзники отказались тогда от надежды овладеть городом, который к тому же был снабжен провиантом на столько месяцев. Но попытка этой блокады, продолжавшейся 20 дней, все же дала возможность Фердинанду достигнуть своей цели. Французский полководец ушел назад и расположился на зиму в Касселе. Субиз пошел со своей армией к Нижнему Рейну и расквартировал ее вдоль этой реки. Союзники, не встречая более врагов в Вестфалии, также расположились на зиму в этой области.

Фердинанд употребил теперь все свои старания на то, чтобы вновь наполнить магазины, опустошенные французами в Вестфалии и восточной Фрисландии. Закупки делались частью в Голландии и Англии, частью в гаванях Балтийского моря, где заблаговременно сделали большие запасы жизненных продуктов и зернового хлеба как для армий, так и для опустошенных областей. Меры эти были возможны благодаря всегда имевшимся в наличности гинеем, без которых в истощенных провинциях вскоре распространился бы сильнейший голод.

Теперь кампания считалась законченной. Но Фердинанд составил много отважных проектов, которые собирался привести в исполнение среди зимы. Французы овладели Гессеном и имели тут большие магазины; причем армии их занимали позицию в форме полумесяца, простиравшегося от Геттингена до Везеля.

11 февраля 1761 года Фердинанд выступил четырьмя колоннами и со всех сторон атаковал зимние квартиры французов, которые совершенно растерялись и бежали, не сопротивляясь даже, оставив Кассель, Геттинген, Марбург — словом, все пункты, бывшие самыми сильными оплотами цепи их войск. Кассель остался с гарнизоном в 10 000 человек, а Геттинген — с 7500. Плохо укрепленные позиции французов сдались одна за другой; они уничтожали [347] магазины, а сами бежали. Но союзники так быстро

преследовали их, что спасли еще пять больших магазинов от разрушения. В одном из них они нашли 80 000 мешков с мукой, 50 000 — с овсом и 1 000 000 порций сена. Чтобы расширить приобретенные выгоды, ганноверский генерал Шперкен подошел со своим корпусом к саксонским границам, намереваясь здесь соединиться с одним прусским корпусом. Саксонские войска, в соединении с имперцами, всеми силами старались помешать этому. Вследствие этого 15 февраля при Лангензальце произошла кровавая битва, в которой саксонцы были разбиты и лишились 5000 человек. Последствием ее было то, что многие еще занятые французами пункты также были покинуты ими, а перебежчики стали являться целыми толпами. Но все это мало имело значения, пока Кассель оставался еще в руках у французов. Осада этого города представляла величайшие затруднения. Пункт этот был в изобилии снабжен всем необходимым. А тут еще мешало суровое время года, очень многочисленный гарнизон и мужественный и честолюбивый командир, граф Брольи, брат французского фельдмаршала. Он приготовился к долгой осаде и велел на случай нужды приготовить большое количество соленого конского мяса. Красивые сады перед городом были уничтожены, и не пощадили ничего, что могло сколько-нибудь способствовать удержанию этого пункта. Фердинанд расположил свою армию таким образом, что мог блокировать Марбург и Цигенгайн и защищать осаждающих Кассель от всяких атак. 1 марта, среди зимы, траншеи были открыты, причем стреляли не по городу, а лишь по укреплениям. Граф Липпе-Бюкебургский, величайший, должно быть, артиллерист своего времени в Европе, командовал корпусом осаждающих, состоявшим из 15 000 ганноверцев. Но он ничего не мог сделать из-за недостатка снарядов, подвоз которых сильно затрудняли дурные дороги. А тут еще маршал Брольи, желая во что бы то ни стало удержать этот город, [348] собрал все свои войска на Нижнем Рейне и атаковал наследного принца при Грюнберге. Местность была очень выгодна для французов, а необыкновенное превосходство их сил принесло им победу. Союзники лишились, кроме большого числа убитыми, еще 2000 пленных, 121 орудия и 18 знамен{256}. За этой неудачей последовали многие другие. Так, отряды, блокировавшие Марбург и Цигенгайн, были превращены в полнокровные осадные корпуса. В этот последний пункт в течение 18 дней было брошено 1500 бомб. Город сгорел, но французы храбро защищались; а так как беспрестанные дожди мешали открытию траншей, то обе осады были сняты. То же случилось и с осадой Касселя, продолжавшейся 4 недели; при этом были покинуты все пункты, которыми союзники недавно овладели. Фердинанд пошел со своей армией в Падерборн. Тогда французы снова захватили весь Гессен и имели свободный доступ в Ганноверское курфюршество. Ничто не сдерживало их дальнейшие операции, кроме недостатка в магазинах, потеря которых была для французов чрезвычайно чувствительна. Обе стороны удовлетворялись тем, что спокойно оставались в местах своего расквартирования.

Эта принужденная бездеятельность длилась до конца июня. Фердинанд выступил первым и, решив атаковать французов, пошел на армию принца Субизского. Но тот избег сражения и поспешно отступил к Зоесту, причем лишился 6 орудий и 400 возов с хлебом. И Брольи ушел от Касселя. По пути у Димеля он встретил корпус ганноверского генерала Шперкена. Хотя тот был удобно расположен, однако его предводитель не рискнул сражаться со столь большой армией. Он отступил, сражаясь, и оставил французам 800 пленных, 19 орудий и 170 повозок.

Между тем Фердинанд постоянно беспокоил французов своими легкими отрядами, разрушал их вновь созданные магазины и перехватывал транспорты. По дороге в Марбург немцы захватили 800 повозок с мукой и 4000 [349] лошадей. Эти постоянно

повторявшиеся неудачи побудили Брольи соединиться с Субизом и, пользуясь превосходством своих сил, сразиться с союзниками. Лишь только Фердинанд заметил их намерение, он расположился в сильном лагере у Ганновера. Брольи атаковал его здесь 15 июля, открыв сильную канонаду. Битва длилась до вечера; французы были отбиты и отступили в леса у Зацбаха. Битва возобновилась на следующий день с рассветом. Обе французские армии подошли вместе в боевом порядке. Брольи командовал правым крылом, а Субиз — левым. Огонь тяжелой артиллерии и ружейная пальба были ужасны и длились 5 часов. Это была, собственно говоря, большая битва из-за укреплений, причем разрозненные корпуса союзников поддерживали друг друга насколько благоразумием, настолько и мужеством, хотя им пришлось столкнуться с большими трудностями. Разнообразные приказания немецкого фельдмаршала, касавшиеся маневрирования, были точно исполняемы. Французам не удалось приобрести ни одной пяди земли. Наконец союзники овладели высотой, привели неприятеля в замешательство и отбили его^{257}. Оставив своих убитых, раненых и орудия, французы бежали. Было взято много пленных, между которыми находился также весь французский полк «Руж»^{258}. Левое крыло французов, завязавшее между тем рукопашный бой с наследным принцем, тоже уступило и подалось назад. Характер местности не позволил коннице преследовать бегущих и тем сделать победу еще более блестящей. Потери французов в этой битве, которая, по имени находившейся поблизости деревни, названа была Вилленгаузенской, состояла из 5000 человек убитыми, ранеными и пленными; союзники насчитывали 300 убитых и 1000 раненых.

Никогда еще полководец не был более благодарен за мужество; никто так великодушно не вознаграждал за храбрость в совершенно для него постороннем деле, как Фердинанд, и никто из государей, современных ему, не был [350] столь благороден в поступках и не владел в такой степени искусством награждать. Полководцы всех наций, даже обладающие сами несчетными богатствами, одержав победу, довольствуются тем, что предоставляют монархам выразить свою благодарность за подвиги действовавшим при этом вождям; Фердинанд же, хотя пользовался скудными доходами, по-своему распоряжался ими, руководимый своим великодушным сердцем. Он не ждал медленных и сомнительных последствий своих рапортов, а отдавал свои деньги и считал, что нельзя более целесообразно употребить финансы, пожалованные ему благодарным британским монархом и английским народом. Подарки его всегда были царскими. И теперь известное число офицеров получило от него значительную сумму; между ними находились генералы Вутгенау и Гильзе, получившие каждый по 4000 рейхсталеров.

Через несколько дней после битвы принц Альберт Генрих Брауншвейгский, недавно лишь прибывший в армию, чтобы делить успехи своего великого дяди и своего брата, наследного принца, имел несчастье получить смертельную рану в случайной схватке. Сам Субиз послал в лагерь союзников двух своих самых опытных хирургов, которым, однако, не удалось спасти этого благородного юношу. Эта характерная для нашей эпохи учтивость среди войны не помешала, однако, Лукнеру взять большой магазин в Гекстере, заключавший 5780 мешков с зерном и мукой и много других запасов продовольствия. Далее, сторонник союзников, Фрейтаг, сжег французские магазины в Витценгаузене, Эшвеге и Ванфриде, пробил и затопил близ Ротенбурга и Мельзунгена 33 судна, нагруженных снарядами, а у Фрицлара захватил военную кассу, содержащую 25 000 рейхсталеров.

Несмотря на эти преимущества и победу, одержанную Фердинандом в последней битве, ничего не было выиграно. Ввиду большого превосходства неприятеля и их источников

[351] помощи, потери их были незначительны; они, наверное, пытались бы снова довести до крайности истощенную союзную армию соединенными своими силами, если бы французские полководцы не поссорились. Между ними продолжалась старая вражда, а Вилленгаузенская битва, за дурной исход которой никто из них не хотел брать ответственности на себя, послужила для нее новой пищей, и между обоими произошел большой спор. Брольи обвинял Субиза в том, что он произвел атаку слишком поздно; Субиз же, напротив, уверял, что Брольи начал ее слишком рано, еще до условленного времени, чтобы победить без его, Субиза, содействия, и что он же приказал отступать именно тогда, когда армия принца Субиза надеялась вновь одержать верх. Раздор этот принял такие размеры, что его пришлось решать трибуналу маршалов Франции.

Несогласия эти были причиной того, что обе армии расстались после сражения. Обе они отступили. Брольи пошел в Кассель, а Субиз переправился через Рер. Первый во время рекогносцировки чуть было не попал в плен. Один прусский черный гусар уже схватил его за ворот, когда тот собирался перескочить через плетень, но лошадь гусара спокнулась, и Брольи удалось спастись. Но 10 его адъютантов и 200 всадников из его эскорта были захвачены. Наследный принц Брауншвейгский тоже чуть не подвергся той же судьбе за несколько дней до этого, рекогносцируя французов при Унне. Они внезапно окружили его, но принцу удалось со своим эскортом пробиться сквозь толпу неприятелей. Во время одного из таких походов произошел странный случай. Был густой туман, и обе враждебные армии шли на небольшом расстоянии одна от другой. В этой дневной тьме один французский драгун, отделившийся от своего полка, попал в колонну маршировавшей союзной армии. Он скоро заметил свою опасную ошибку, и спасти его могла лишь большая и мгновенная решительность. Одаренный ею от природы, он скоро составил план действий. [352] Схватив одного английского офицера, беспечно ехавшего перед ним, он приставил к нему пистолет, говоря: «Смерть или плен». Ошеломленный офицер сдался, вообразив тоже, что заблудился и попал во французскую армию. Но он тотчас же был выведен из заблуждения и спросил драгуна, как тот смеет здесь брать его в плен. Всадник отвечал: *«Я сознаю опасность и хочу попытаться избежать ее; если я счастливо выйду из ваших рядов, то вы будете моим пленником; если же моя попытка не удастся, тогда я буду вашим»*. Напрасно англичанин, считавший постыдным такого рода плен, предлагал ему часы и кошелек за свое освобождение; драгун был непоколебим. Дерзость его увенчалась успехом, и он благополучно прибыл во французский лагерь.

Позиции враждебных армий в эту кампанию были теми же, которые 1800 лет тому назад занимали римляне и германцы. Здесь, в окрестностях Детмольда, лежал древний Тевтобург, о чем свидетельствуют часто находимые здесь римские монеты и оружие. В областях Липпе, Равенсбург, Оснабрюк и Мюнстер было сборище этих победителей мира, захотевших подчинить себе и германцев, но тут они нашли назначенную судьбой северную границу своих подвигов. Часто проходили теперь армии через Тевтобургский лес, еще и теперь называемый своим древним знаменитым именем, в окрестностях которого германцы под предводительством Арминия разбили наголову Вара с его легионами, наводившими ужас на все народы всех стран; здесь-то они взяли в добычу и выставили в качестве трофеев римских орлов, пользовавшихся божественными почестями, охраняемых подобно величайшим святыням и весьма редко попадавших в руки врагов Рима. Это были победные трофеи, которых еще никто не видел в качестве добычи по сю сторону Альп. Полунагие, еле вышедшие из состояния дикости и снабженные плохим оружием варвары, воспламененные жаждой свободы, добытой для защиты своих [353] домашних очагов, [выступили] против покрытых панцирем и латами,

искусно вооруженных и посвященных во все тайны военного дела римлян, сражавшихся за власть над миром{259}.

Фердинанд оказался перед необходимостью разделить свои войска, чтобы наблюдать за обеими неприятельскими армиями, которые наконец выступили. Брольи решил непременно проникнуть глубже в Ганноверскую область, а Субиз угрожал взятием Мюнстера, который и блокировал; но у него имелся бдительный противник в лице наследного принца. Под предводительством последнего союзники захватили город Дорстен на Липпе. Пункт этот был укреплен французами и предназначен для склада оружия; теперь там делались приготовления для осады Мюнстера, и тут же находилась пекарня армии принца Субиза. Союзники взяли более 100 печей, 4000 мешков муки и более 100 000 порций сена. Все это было уничтожено, печи разрушены, а гарнизон из 650 человек попал в плен. Тогда Субиз оказался вынужден отступить за Липпе.

Брольи был слишком силен, чтобы опасаться Ганноверского лагеря. Фердинанд же старался застигнуть его битвой на невыгодной позиции и потому держался постоянно поблизости от него. Но французский вождь тщательно избегал столкновения. Так как силой нельзя было остановить его наступления, то Фердинанд прибег к хитрости. Он совершил марш-бросок в Гессен и отрезал французской армии подвоз. Этот мастерский военный маневр удался, так как Брольи тотчас же вернулся в Гессен. Тогда Фердинанд пошел в Падерборн, чтобы наблюдать там за французами, если они захотят снова посягнуть на Ганновер. Наследный принц, не имевший теперь повода опасаться за Мюнстер, присоединился к главной армии и уничтожил по пути французские магазины в неукрепленных пунктах.

Между тем Субиз опять переправился через Липпе, выслав вперед отряды, совершавшие набеги на Вестфалию [354] и жестоко опустошавшие ее. Брольи отправил отряды в Гарцвальде и наложил там на жителей тяжелые контрибуции. Принц Ксаверий Саксонский осадил Вольфенбюттель, сдавшийся после пятидневной бомбардировки. Город этот должен был уплатить 200 000 рейхсталеров контрибуции, 28 000 рейхсталеров в подарок вождям и еще 14 000 рейхсталеров за сохранение колоколов, так как неприятель пощадил его колокольни. Платеж был сделан большей частью наличными деньгами. За оставшуюся сумму были взяты под залог товары, векселя и заложники. Владетельный герцог Брауншвейгский уехал со своей семьей в Целле, чтобы не смотреть на эти бедствия своей страны.

Затем Ксаверий обратился на город Брауншвейг, который был им даже осажден, но в ту ночь, когда уже собирались открыть по столице огонь, 20-летний принц Фридрих пришел на помощь своему родному городу; он соединился с генералом Лукнером, и оба безотлагательно атаковали осаждающих, не ожидавших нападения. Последние, после жаркой битвы, были отогнаны, потеряв более 1000 человек и несколько орудий, так что им пришлось не только снять осаду, но и оставить Вольфенбюттель.

Отряд армии Субиза взял Оснабрюк и варварски поступил с жителями этого города, потому что они не могли тотчас же внести громадной контрибуции. Другой отряд появился перед Эмденом, где гарнизон состоял из двух взводов английских инвалидов; обещания французов и просьбы испуганных жителей побудили последних сдать город {260}. Несмотря на собственные заверения, французы обложили всю восточную Фрисландию контрибуциями, составлявшими наличными деньгами 1 000 000 рейхсталеров, причем Эмден должен был внести 200 000, а Аурих — 150 000

рейхсталеров. Часть этой суммы была уплачена. Но огромные платежи, совершенно превосходившие [355] силы жителей, и жестокости неприятелей для получения их привели народ в отчаяние. Крестьяне собрались, вооружившись кто чем мог, напали на бесчеловечных своих врагов и на время выгнали их из страны. Однако многие из повстанцев погибли на виселице за свою храбрую самозащиту, когда пришел другой французский отряд.

Французы не теряли из вида имперского города Бремена. Выгодное местоположение этого пункта на Везере, обширность и богатства его, соседство с морем — все было тут заманчиво и побуждало их возобновить свои многократные и безуспешные попытки овладеть данным местом.

К тому же город этот именно теперь оказался снабжен многочисленными магазинами для союзников; их весьма легко было пополнять со стороны моря и поддерживать постоянные сношения со Штаде. Французы уже показали в отношении к Франкфурту-на-Майне, что при случае можно враждебно поступать с имперскими городами. Жалобы на это, обращенные к главе Германии, оставались без последствий. Поэтому французы снова решили взять Бремен и, если возможно, удержаться в нем. Но молва об их жестокости и примеры ее во всех соседних странах побудили жителей к энергичному решению скорее защищаться до последнего человека, чем отдать город во власть такого неприятеля. Последний при приближении своем к стенам был отбит с большим уроном и быстро отступил назад. Фердинанд усилил гарнизон несколькими британскими батальонами.

Неудовлетворительная деятельность французов вполне заменялась у них всевозможными распоряжениями относительно мер предосторожности и вооружения. Часть стен и валов Дудерштадта была разрушена, для чего использованы были 800 крестьян и рудокопов из Гарца, которых местные жители должны были кормить и поить. [356] Даже женщин заставили работать. 300 женщин носили на носилках пушечные ядра из чугуноплавильного завода Лаутерберга в Геттинген, куда Дудерштадт должен был также поставить 600 пар башмаков. От княжества Геттингенского потребовали 13 000 кусков холста для постелей и 18 000 рубах. Но главная их забота касалась наполнения магазинов, и тут французы не снижали свои требования, будь то в дружеской или во вражьей стране. По этому поводу франконский округ написал от 10 ноября 1761 года жалобную грамоту императору, оценивая уже сделанные доставки и претерпленные на войне убытки в 23 миллиона гульденов; просили заступничества короля французского, чтобы впредь щадили этот округ, так как иначе он не в состоянии будет платить свои государственные повинности. Но на эти жалобы не было обращено никакого внимания; требования предъявлялись прежние, а угроза имперских чинов не была приведена в исполнение.

Замечательное письмо, которое Антон Ульрих, герцог Саксен-Мейнингенский, вскоре послал во франконский военный совет по поводу этих притеснений, энергично представляет их характер. Он говорил: *«Все народы Европы, кроме одних португальцев, уже в течение 2000 лет проносили свои знамена в Германии. Все они либо опустошали проходимые ими страны, либо повергали их в бедственное состояние своими походами. Но ни один из них не пренебрегал должным уважением по отношению к окружающим собраниям; только в наш просвещенный век Франция одна непочтительно обращается с этими собраниями, состоящими из владетельных князей и чинов, ее союзников в войне, и проявляет деспотизм, который не решились бы применить в*

реквизиционной камере Гренобля. Служба королю — достаточная причина для французов, оправдывающая всякий несправедливый поступок и всякое вымогательство». [357]

Эти жалобы германского князя сочли в Версале преступлением, и герцог строжайшими угрозами был вынужден взять их обратно. Но деспотизм этим не ограничился. Во Франции было необходимо решение Высшего суда [\[261\]](#), чтобы отменялись резолюции судебных инстанций. В Германии же французский двор считал всякие формальности лишними. Обыкновенный гонец привез франконскому военному собранию в Нюрнберге приказ Людовика XV под угрозой самой тяжелой кары совершенно вычеркнуть из своих протоколов и актов жалобы герцога Саксен-Мейнингенского и резолюцию, принятую относительно этого вопроса. Приказание это было внушительно, благодаря близости французских армий, и потому тотчас было исполнено.

Употребляя принудительные меры, французы пользовались всевозможными средствами, чтобы обеспечить свои нужды. Ганноверцы должны были доставить большое количество кошек, так как во французских магазинах завелось множество мышей. Но кошки не выносили жизни взаперти, тогда стали требовать доставки ежей и лисиц. В ганноверских областях, по примеру Фридриха в Саксонии, было набрано множество рекрутов в возрасте от 15 до 40 лет, которых заставляли сражаться против своего отечества. Если же они хотели тайно оставить эту принудительную службу, то их, подобно прирожденным французским подданным, наказывали за это смертью. Из ганноверских лесов велено было доставить 50 000 изгородей для лучшего укрепления Геттингена. В этом городе французы приняли на себя должность полицейских. Башмачники, работа которых оказывалась плохой, были наказываемы палочными ударами на публичном рынке, причем вся гильдия башмачников должна была присутствовать при наказании. Постоянно возобновлявшиеся беспокойные сцены стали причиной того, что большое число студентов высшей школы вместе с различными профессорами [358] уехали в Клаусталь. Но Гессен подвергся еще худшей участи, чем Ганновер. И здесь французы набирали рекрутов для службы своему королю. Коли такой солдат, принуждаемый силою сражаться против своего отечества, своих братьев, против всего того, что ему было дорого, убежал от ненавистных для него знамен, то его ждала беспощадная смерть на виселице. Все годные для военной службы люди были взяты на заметку, а эмиграция была воспрещена под угрозой ссылки на галеры. При этом французские войска должны были ежедневно делать военные упражнения в Касселе, так как старались, следуя указаниям перебежчиков, подражать прусским приемам упражнений. [359]

Книга одиннадцатая

Все воюющие народы желали мира, но государи их были против него. Один Фридрих горячо ждал примирения, не желая, однако, чем-либо для этого жертвовать. В это время Мария-Терезия не удовлетворилась бы даже возвращением всей Силезии, если бы главное ее намерение — низвести короля прусского до степени незначительного князя — не было бы достигнуто. Елизавета удовлетворила свою жажду мести и охотно согласилась бы кончить войну, всю тяжесть которой она начинала чувствовать; но, считая королевство Пруссию русской провинцией, на добровольную уступку которой нельзя было рассчитывать, она могла удержаться в ней лишь с помощью продления войны. Стокгольмский двор и весь шведский народ всегда ненавидели прусского короля, к тому

же управление государством все еще находилось в руках государственных советников, слепо повиновавшихся приказам версальского двора. Правда, французский народ больше всех жаждал окончания войны, отнимавшей у него деньги и людей, открытой во вред интересам государства для удовлетворения личных целей министров и королевской любимицы и яростно продолжаемой теперь неизвестно для чего; война эта покрыла французское оружие таким стыдом, которого не помнят несколько столетий, и, кроме того, даже при самом счастливом исходе, от нее нельзя было ждать никаких национальных выгод. [360]

Людовик XV, занятый лишь удовольствиями, мало заботился о счастье и бедствиях своего народа. Кормило государственного правления находилось теперь в руках Шуазеля. Министр этот владел неисчерпаемым запасом политических уловок и заключил соглашение с Австрией; он любил войну и ненавидел прусского короля. Ненависть его стала безграничной после прочтения одного поэтического письма, которое Фридрих написал Вольтеру и которое тот, страшась Бастилии, отослал министру. Шуазель, изображенный весьма презрительно в этом послании, не предназначавшемся для гласности, забылся до того, что ответил тем же, заимствуя тон от парижских памфлетистов. С тех пор неудержимо возрастали в нем ненависть и жажда мести. Теперешнее его предначертание было очень сложно. Он хотел употребить все средства, чтобы склонить к войне Испанию, с которой заключил знаменитый Бурбонский союз; затем переговорами усыпить Англию среди ее побед и тем выгадать время для восстановления французского флота. Затем он решил высадить в Великобритании армию на 6000 плоскодонных судов, чтобы придать иной оборот неудачной до сих пор для Франции американской войне. Итак, граф Бусси был отправлен в Лондон, чтобы предложить английскому двору перемирие; на это согласия не последовало, хотя лорд Стэнли, в качестве английского посланника, был тоже отправлен во Францию. Оба получили свободный пропуск для своих путешествий, которые ни к чему не привели, так как французские переговоры были простой политической уловкой. Мария-Терезия тоже надеялась выгадать что-нибудь подобным приемом; она сама высказалась в пользу мира и предоставила Аугсбург для конгресса, который, впрочем, все откладывался, так как Фридрих не хотел допустить к нему ни одного императорского посла.

Мадридский двор, следуя тайному союзу с Францией, пытался уговорить англичан принять его посредничество. [361] Когда же оно было отвергнуто, то испанский посол в Англии произнес по адресу великого Питта несколько угроз, на которые тот дал свой знаменитый ответ: *«Вы уже знаете мое решение; я не отступлю от него до тех пор, пока лондонский Тауэр не будет взят вооруженными силами»*. Так как во время мирных попыток восстановление столь жестоко разоренного курфюршества Саксонии было всегда главным условием союзных держав, то Фридрих счел нужным решить этот вопрос при помощи странного предложения. Лучшим средством для этого показался ему обмен земель; он хотел обменять королевство Пруссия и свои вестфальские области на Саксонию, причем род Августа должен был сохранить королевский титул, как формальное наследство. Фридрих же взамен этого хотел принять титул Венденского короля. Доходы с обоих предложенных для обмена государств были совершенно одинаковы; при этом соседство Польши обещало для новой монархии самое желательное влияние для удержания этой короны. Но предложение это было тотчас же взято обратно, так как Август счел это за оскорбление и ни под каким видом не хотел отказаться от своей любимой страны. Не случись перемен в России на следующий год, проект этот удалось бы осуществить. Тогда победитель предписал бы законы, которые

волей-неволей пришлось бы принять, и Саксония осталась бы в руках завоевателя{262}.

Тогда враги Фридриха далеки еще были от мысли, что ожидания их будут обмануты, так как воинственный дух продолжал воодушевлять все дворы, а тут еще Испания обещала свою помощь великому союзу. Таким образом, как в Вене, так и в Версале, Петербурге, Варшаве и Стокгольме появились новые лучи надежды и исчезли последние следы мирных переговоров.

Между тем Фридрих понес потерю, равнявшуюся целой провинции: в октябре 1760 года умер Георг II, английский король. С его кончиной прекратилось и королевское [362] усердие к энергичному продолжению войны в Германии, или, по выражению Питта, к завоеванию Америки в Германии. Вся английская нация, когда-то недовольная войной на континенте, теперь убедилась в ее необходимости и единодушно желала ее продолжения. Питт, управлявший Нижней Палатой, хотя и был еще во главе правления, но со вступлением на трон нового короля{263} не пользовался более прежней властью в кабинете. Ему пришлось делить ее с лордом Бьютом, любимцем нового короля. Министр, лишенный всяких административных способностей, имел лишь дар сделаться необходимым своему монарху и низвергнуть большую цветущую монархию с ее высокого положения своими безумными мерами. Это была как раз эпоха падения британского могущества, достигшего высшей степени в 1761 году. Бьют, чувствовавший всю свою несостоятельность стать во главе правления, но желавший непременно властвовать, полагал, что мир не представит для него таких трудностей, как война; кроме того, он составил планы расширения королевской власти, которых нельзя было осуществить в военное время. Итак, он желал мира. Но так как остальные министры, парламент и весь народ были противоположного мнения, то ему еще не приходилось заявить об этом гласно. Но он тайно работал над осуществлением своей цели, и последствия этого сказались вскоре. Договор с Пруссией не был возобновлен, и Фридрих не получил субсидий, хотя Георг III в своей парламентской речи²⁶⁴ торжественно обещал исполнить обязательства свои относительно союзников. Обещание это вызвало всеобщую радость, которую даже парламент выразил в своем адресе к королю, заключавшем столь почетные для Фридриха слова, произнесенные сенатом иностранной державы: *«Мы не можем достаточно выразить своего восхищения по поводу непоколебимой стойкости прусского короля, нашего союзника, и неистощимых средств его гения. — От всего сердца и безотлагательно изъявляем свое согласие [363] на выдачу ему вспомогательных сумм»*. Но Бьют не хотел и слышать об этом. Сначала прибегли ко всевозможным отговоркам и наконец прямо отказались от выплаты субсидий, так как министр этот, наряду с самыми низкими людьми своей нации, ценил людей лишь по денежной их стоимости и этим хотел заставить Фридриха подписать условия мира по его усмотрению.

Во время войны, особенно же во время зимних постоев, Фридрих не забывал наук и искусств. Он им посвящал часть своего времени. Музы сопровождали его и в лагере, куда они весьма редко являлись со времен римлян. Полковник Квинт Ицилий пользовался всякий день обществом короля. Этот ученый офицер, настоящее имя которого было Гишар, имел необыкновенные познания в области древней и новой литературы; особенно же изучил он тактику греков и римлян, превосходно объяснив ее в своих сочинениях. Это обстоятельство побудило Фридриха назвать его именем некоего римского центуриона, которое так и осталось за ним на всю жизнь. Так как король после битвы при Торгау первый раз проводил зиму в Лейпциге, то Квинт убедил его побеседовать с профессорами тамошнего университета. Фридрих был безгранично предубежден против

немецких ученых; он ни одного из них не удостоил своим знакомством и не читал книг на родном языке, полагая, что немецкая литература 1760 года находится в том же состоянии, как и в 1730 году, когда королевский юноша был истязаем учеными педантами и когда придворный шут Гундлинг был президентом немецкой академии наук в Берлине. Между тем как раз во время этих кровавых сцен, в эти дни разорения и невыразимых бедствий, вставала для презираемой Фридрихом немецкой литературы чудная заря, возвещавшая самый прекрасный день.

Уже давно немцы приписывали себе славу быть самым ученым народом мира. Они глубоко изучали науки, языки [364] всех тех народов, наставниками которых сделались сами, благодаря своему неутомимому изучению стольких отраслей человеческих знаний. Но при всех своих качествах ученые эти были педанты. Ученость вытесняла их гений, и как раз те люди, которые духовно гораздо больше жили в Афинах и Риме, чем в Германии, совершенно незнакомы были с принципами вкуса. При том немецкий язык не был еще обработан. Только тогда, когда бессмертные поэты оживили его божественной искрой гения, проявили его во всех формах и настроили лиру свою на все тоны, когда его стали развивать, — только тогда узнали его красоту, богатство и силу. И вот в области науки совершились те гигантские успехи, о которых еще теперь иноземные народы не могут судить из-за недостаточного знания языков. Великая эпоха эта как раз совпала со временем этой необыкновенной войны, когда развилось так много иных духовных деятелей, обнаружившихся удивительными действиями.

Никогда духовный переворот народа не был быстрее и чудеснее; никогда еще величие человеческого духа не проявлялось столь разнообразно, как теперь. Пока немецкие полководцы, Фридрих и Фердинанд, под громом орудий давали страшные наставления народам земли, немец Винкельман так же мужественно, как удачно вступил в лабиринт древности, чтобы привести в порядок хаос древнего искусства, немец Эйлер определял течение планет, а немец Менгс становился Рафаэлем восемнадцатого столетия²⁶⁵. Художники-пластики размножились в Германии и проявили свое искусство на камне, медалях и меди. Таким образом, немецкие музы вызвали искусства среди кровавых битв и вплели лиру поэта, кисть живописца, резец гравера и долото скульптора в новопосаженные лавры.

Этот духовный переворот распространился на все. Именно в то время, когда совершенствовалось военное искусство, благоразумные немецкие теологи оставили свои непонятные догматы и стали преподавать чистую мораль. [365] Немецкая критика была до сих пор в состоянии детства, теперь настало для нее время вступить на великое поприще. Юристы изменили свой варварский язык и ввели философию в храм Фемиды. Доктора перестали обнаруживать при больных свою греческую ученость и стали понятно говорить и писать. Немецкие естествоиспытатели, хотя никто из них не был таким живописцем природы, как Бюффон^{266}, все же продолжали больше чем когда-либо наставлять в естественных науках даже самые умные народы Европы, французов и англичан, производя новые открытия, неутомимые изыскания и совершенствуя искусство речи. И математики воспользовались новым богатством языка, обнаружив в своих сочинениях неслыханную до тех пор доступность.

Но больше всех отличались поэты. Уже прозвучали песни Галлера, Гагедорна, Бодмера, Утца и Геллерта^{267}, прошедшие незаметно среди еще необразованного народа. Настало лучшее время, когда столько событий и страстей побудило даже самых сонных людей всех слоев германского общества если не к деятельности, то к проявлению своих

чувств, и тогда-то выступили Виланд, Клопшток и Лессинг{268}. Эти три мужа были избраны судьбой, чтобы обеспечить национальную славу германского гения у современников, но еще больше у позднейшего потомства и встать наряду с величайшими гениями других народов. Эти великаны шли в то время, еще юношами, медленными, но верными шагами к храму бессмертия. Виланд начинал очаровывать людей своей божественной поэзией. Поучая и наслаждая на каждом шагу, он шел по своему лабиринту, то воспевая симпатические ощущения, то облекая свою философию в самые прелестные образы, переноса читателей то на Олимп, то в Грецию, то во времена рыцарства, изображая то действительность, то идеальный мир; то пленял он своей прозой, то стихами, притом с таким искусством, что, по словам французского поэта Дората, можно было подумать, [366] что сами Грации диктовали все это, а Виланд только записывал. Клопшток выступил тогда же со своей Мессиадой, поставившей его наряду с величайшими поэтами всех времен, а Лессинг начинал развивать свой гений, проявившийся везде, во всех отраслях знаний. Клейст неподражаемо воспевал прекрасную природу, Глейм становился германским Тиртеем и Анакреоном, Рамлер — Горацием, а Гесснер — Феокритом{269}. Еще не было философов и историков, лишенных педантизма, но уже вполне можно было рассчитывать на их скорое появление, так как эти поэты должны были что-нибудь создать, воодушевление их должно было согреть, искусство их — повлиять на дух и вкус общества, а могущество их гения — подействовать даже на бесчувственных людей.

Фридрих игнорировал это блестящее начало славной литературной эпохи из предрассудка, которого даже его беспристрастным ученым друзьям не удалось победить. Между прочими в это время при короле находились два защитника новейшей немецкой литературы, два ученых иностранца: английский посол Митчел, его военный товарищ, и французский маркиз д'Аржан, друг Фридриха. Оба они старались обратить внимание короля на полет германского гения, за которым он не следил. Но так как монарх терпеть не мог немецких букв, то представления этих прекрасных мужей остались бесполезными. Готшед{270}, имевший еще тогда много сторонников, считавших его необыкновенным человеком, менее всех мог уничтожить эти предрассудки, когда удостоился беседы с коронованным поэтом. Его ложно приобретенная слава при ограниченных способностях, полное отсутствие ума и вкуса скорее усилили предвзятое невыгодное мнение короля и определили его суждение по этому вопросу на всю остальную жизнь. Наконец Фридрих, по совету Квинта Ицилия, призвал к себе профессора Геллерта{271}. Основательные познания этого ученого, его вкус и поведение повергли короля в удивление, и [367] похвалы его поистине пристыдили скромного Геллерта{ }an>; даже откровенность ученого, упрекавшего монарха в его слишком большом пристрастии к французам и в пренебрежении немецкой литературой, понравилась ему. Но дело кончилось лишь одним свиданием, несмотря на приглашение Фридриха к частым посещениям.

Столь неожиданное прекращение английских субсидий немало, должно быть, способствовало тому, что Фридрих в последующей кампании решил действовать лишь оборонительно. Австрийцы, не привыкшие к этому, полагали, что эта осторожность не что иное, как военная хитрость, с целью более успешного исполнения какого-нибудь большого замысла, и потому со своей стороны тоже воздержались от наступательных действий и лишь наблюдали за его движениями. Силезия все еще была главной целью австрийцев и русских; ввиду этого Фридрих направился туда весной этого года, оставив в Саксонии принца Генриха с армией. Здесь же остался и Даун со своей главной армией, предоставив Лаудону попытать счастья с королем. Полководец этот, ставший главным заведующим полевыми магазинами и который до сих пор командовал лишь

второстепенными корпусами, впервые стал теперь во главе большой армии и с нею проник в Силезию; руководясь особыми приказами своего двора, он теперь тщательно избегал битвы, вопреки своему обыкновению. Два месяца стоял он в укрепленном лагере при Браунау, и горные духи покровительствовали тут австрийцам, как некогда под начальством Дауна. Наконец он выступил, так как в основании этого военного плана должно было быть его соединение с главной русской армией. Генерал Гольц стоял с армией в 12 000 человек у Глогау, чтобы наблюдать за русскими. Король прислал ему еще подкрепление из 9000 человек с приказанием [368] по очереди атаковать все русские корпуса, двигавшиеся поодиночке {272}. Но вскоре Гольц умер; начальство принял Цитен, проникший в Польшу; но ему пришлось отказаться от дальнейших попыток из-за быстрого соединения всех русских корпусов, которые вторглись в Силезию и старались соединиться с Лаудоном, стоявшим по ту сторону Одера. Но королю удалось предупредить их, благодаря необыкновенно быстрым, почти невероятным маршам; 4 августа прусская армия, вместе со всеми корпусами, находившимися в Силезии, имея при себе, кроме обыкновенной артиллерии, 130 тяжелых орудий, прошла шесть с половиной миль от Опперсдорфа за Нейсой до Пуатмансдорфа; на следующий день она прошла до Штрелы 2½ мили, а 6 августа — снова 6½ мили до Канта. Благодаря таким усиленным передвижениям армии, Фридрих долго мешал переправе русских через Одер; последние блуждали в нерешительности кругом и бесцельно обстреливали Бреславль из семи батарей. Поэтому соединения неприятельских армий не произошло, согласно плану, в июле, а только 12 августа, при Штригау, удовлетворив наконец желаниям союзников, стремившимся к тому уже 4 года.

Из-за того что у русских тотчас же обнаружился недостаток провианта, 4 дня спустя Лаудон выслал им в Ящер 400 000 порций хлеба. За несколько недель до этого в русскую главную квартиру прибыли две фуры с памятными медалями, изображавшими Кунерсдорфскую битву, которые были розданы солдатам.

Главкомандующим русской армии был теперь фельдмаршал Бутурлин; войско его состояло из 60 000 с лишним человек, а австрийское — из 72 000. Фридрих же имел всего 50 000 солдат; с ними он расположился лагерем у Бунцельвица, близ Швейдница, прикрыв собой эту крепость. Неприятельские армии охватили его здесь, расположившись полукругом, так что армия короля была свободна лишь со стороны тыла. Политическое и военное положение [369] Фридриха часто становилось весьма критическим в этой войне, но никогда не было так безвыходно. Битва, являвшаяся обыкновенно для него лучшим средством, была немислима ввиду такого превосходства неприятельских сил. Даже труднодопустимая при подобных обстоятельствах победа могла быть куплена лишь ценой дорогих жертв и весьма мало принесла бы пользы по причине многочисленности неприятельской армии; поражение же сопровождалось бы для короля самыми ужасными последствиями. Но в прусских армиях недостаток сил часто заменял Цезарь и его удачу. Фридрих первый раз в жизни решил тщательно избегать битвы. В его главной армии, составлявшей цвет его военных сил, особенно когда он командовал ею, никогда не было и речи об укреплениях. В его лагерях довольствовались, согласно военным обычаям, лишь земляными насыпями на полевых пехотных караулах и устройством батарей для тяжелых орудий. Теперь же велено было укрепить весь лагерь. Но и это действие Фридриха носило печать необыкновенного и было приведено в исполнение таким способом и с такой быстротой, что является беспримерным в новейшей военной истории.

Середина лагеря находилась на расстоянии полумили от Швейдница. Все пространство,

занимаемое пехотой, превращено было в цепь непрерывных линий. Тут были окопы со рвами в 16 футов глубины и столько же ширины, соединенные вместе 24 большими батареями; перед линиями были вбиты частоколы, построены наклонные палисады, а перед ними вырыты еще волчьи ямы в 6 футов глубиной. Но оставлены были все же промежутки, через которые конница и даже пехота могли бы пройти, чтобы в случае необходимости атаковать неприятеля с тыла и с флангов. Некоторые места лагеря были прикрыты частью болотами, частью рекой Штригау, частью Ноненбуш-лесом, где пруссаки под прикрытием егерей проделали засеки. Села: Бунцельвиц, Яуэрник, Цешен и Петервиц были [370] сильно укреплены. Четыре укрепленных холма внутри лагеря представляли словно бы 4 бастиона, а так называемая Вюрбенская гора на левом крыле походила на цитадель. Ничего, кроме батарей, не было видно. Каждая из них была снабжена, кроме того, фугасами, т. е. минами, или ямами, наполненными порохом, ядрами и гранатами, вырытыми недалеко от батарей, которые с помощью проведенных туда труб могли быть взорваны в любую минуту. Король взял, кроме того, из Швейдница тяжелые орудия для подкрепления батарей, имевших всего 460 штук орудий и 182 мины; все это находилось на холмах, куда доступ от природы был затруднителен, благодаря ручьям и болотистым лугам. Таков был Бунцельвицкий лагерь, походивший на крепость; знатоки считали его образцовым ввиду удачного соединения принципов тактики с принципами искусства лагерных укреплений. Он представлял для атакующего неприятеля непреодолимые препятствия: тот не мог ожидать никакой пользы от своих орудий ввиду высокой позиции прусского лагеря; а ружья были совершенно бессильны перед такими частоколами и окопами. Точно так же мало помощи обещала кавалерия, которой при всех движениях пришлось бы находиться под огнем неприятельских орудий. Если характер укреплений был удивителен, то быстрота этих работ была не менее удивительной. Этот огромный, разнообразный труд был делом трех дней и трех ночей. Одна половина армии работала, пока другая отдыхала, и так продолжалось непрерывно днем и ночью, пока все не было готово. Там, где кончались укрепления у левого крыла, стояло на большой равнине 90 эскадронов прусской конницы, ожидая с нетерпением возможности удачно применить в таком выгодном месте преподанные им Зейдлицем искусные кавалерийские маневры.

Лаудон получил от своей монархини полномочие дать сражение или избежать его. Он желал первого; и он, и русский главнокомандующий вначале решили атаковать [371] короля. Но надо было составить план действий, а из-за противоречивых мнений, различных политических и военных принципов австрийцев и русских, различных военных приемов, многих сомнений и разнообразных потребностей, он не мог быть готов в один день. Фридрих воспользовался этим столь драгоценным для него временем, и, когда улажены были все несогласия врагов, когда все было уже приведено в порядок и полководцы решились на атаку, они увидели перед собой вместо прусского лагеря цепь укреплений, точно по волшебству выросших из земли. Чтобы атаковать их, или, вернее, штурмовать, надо было составить новый план действий, обнаруживавший постоянно новые трудности. Наконец в большом военном совете, состоявшемся в русском лагере в присутствии Лаудона, Бутурлин категорически заявил, что не хочет пускаться на риск со своей армией; в случае же битвы между прусскими и австрийскими войсками он вышлет один корпус своих войск для подкрепления. Действительно, атака этого прусского лагеря была весьма рискованным делом; только с помощью потоков крови можно было проникнуть вовнутрь этой полевой крепости. Самые отважные воины всех армий робели перед таким предприятием, которое по своему значению превосходило все дела этой войны и представило бы самую ужасную битву настоящего столетия.

Но эта рискованная попытка была все же величайшим желанием Лаудона, тем более что, несмотря на сильные потери, победа стала бы решающим событием во всей войне, а в самом неудачном случае отступление русских и австрийцев было обеспечено благодаря их позициям. И он продолжал убеждать русских вождей в несомненности удачного исхода атаки; но последние, и без того уже питающие к нему чувство зависти, как к истинному победителю при Кунерсдорфе, не хотели с этим соглашаться и не отступали от того мнения, что не надо рисковать. Необходимость привела к его решению взять на себя главный удар. Лаудон [372] не хотел довольствоваться самой легкой частью дела в этой кровавой битве, ценою которой его государыня должна была приобрести Силезию; таким великодушным выбором более трудной задачи он надеялся скорее исторгнуть согласие русских, которые постоянно жаловались на обременение их войск самой трудной работой. Но план этот тоже не понравился русским, которым пришлось бы тогда играть второстепенную роль, а полководцу их, графу Бутурлину, уступить первенство Лаудону, стоявшему ниже его чином {273}; кроме того, в случае удачи его сочли бы лишь помощником победы австрийцев, а при неблагоприятном исходе — может быть, даже единственным виновником поражения.

Между тем Фридрих ежечасно ожидал битвы. Днем, когда можно было видеть все движения в неприятельских лагерях, солдаты его должны были отдыхать, но лишь только наступали сумерки, палатки снимались, весь багаж армии отсылался под Швейдницкие батареи, и все полки, вооружившись, становились за своими укреплениями. Вся пехота, конница и артиллерия стояли в боевом порядке все ночи напролет. Король находился обыкновенно при одной из главных батарей, где была поставлена для него небольшая палатка. Его собственный багаж был также ежедневно отсылаем вечером; утром же он снова возвращался. Только после восхода солнца войска складывали оружие и снова разбивали лагерь. Зной был сильный, и, кроме хлеба, был большой недостаток в съестных припасах. Недоставало убойного скота, овощей, солдатам нечего было варить; обреченные на хлеб и воду, они уже стали сильно роптать. К тому же чувствовалась сильная потребность сна, возраставшая с каждым днем, так как о продолжительном отдыхе нельзя было и думать. Число больных страшно возрастало, их целыми партиями отвозили в Швейдниц. Недовольство войск стало всеобщим, и дезертирство стало бы весьма сильным, если бы не сильные укрепления, мешавшие днем, [373] и постоянное пребывание в строю по ночам. Это обстоятельство увеличило нерешительность неприятельских полководцев, так как они ничего не могли узнать относительно значения различных лагерных пунктов.

Соединение неприятельских войск, которого вначале так опасался Фридрих, оказалось для него весьма благоприятным обстоятельством, так как большая часть кампании была потрачена неприятелем на достижение этой цели. Не будь его, одна русская армия бездействовала бы, а неутомимый Лаудон, не будучи связан в своих намерениях, воспользовался бы большим превосходством своих сил, так как Фридриху пришлось бы отделить половину своей армии для наблюдения за русскими.

Теперь король надеялся на время, в особенности же на голод. Сам он был обеспечен обильными швейдницкими магазинами, снабжавшими его хлебом и фуражом. Но неприятельские войска скоро должны были почувствовать недостаток, так как, заключенные в небольшом пространстве между горами, они не могли рассчитывать на продолжительное обеспечение провиантом. Цена на четверик зернового хлеба достигла 15 рейхсталеров, и то жителям приходилось почитать себя счастливыми, что можно было его приобретать даже за такую цену. Русским пришлось прежде всего пострадать

от этого, а Фридрих со своей стороны не упускал случая вредить им. Он выслал генерала Платена с 4000 человек, зашедшими русским в тыл. Проникши в Польшу, они нашли при Гостине большой обоз, сопровождаемый 4000 человек^{274}. Платен приказал атаковать, пруссаки ударили в штыки и без одного выстрела проникли за окопы, где овладели 5000 фур, которые Платен велел сжечь, увел 1900 пленников и разорил 3 больших магазина. Он угрожал разорением даже главному познанскому магазину. Русские сочли необходимым отступить. Таким образом, потратив 20 дней на проекты, приготовившись к двум атакам рано утром и отступив, ничего не предпринимая, [374] союзники отказались от всех планов и отобрали назад уже данные распоряжения насчет боевых позиций, которые доказывали намерение Лаудона применить столь часто употребляемый Фридрихом косо́й ордер битвы^{275}.

Бутурлин отделился от императорских войск и переправился со своей армией 13 сентября через Одер, оставив при австрийском войске Чернышева с 20 000 человек. Русские ушли в Польшу, которая была для Пруссии ящиком Пандоры; мало того, что ежегодно отсюда выходили русские со своими опустошениями, теперь еще вылетели из этой страны страшные тучи саранчи, заслонявшие солнце и наводнившие у Цюллишау 60 квадратных миль полей.

Известие об уходе русских возбудило ликование в прусском лагере, который праздновал их отступление как победу. Хотя армия Лаудона, в соединении с русским корпусом, была еще почти вдвое сильнее королевской, все меры, принятые пруссаками для защиты, внезапно были отменены; лагерь уже не снимался по вечерам, обоз оставался на месте, войска не стояли ночами под ружьем; швейдницкие орудия были отправлены обратно в крепость, мины были опорожнены, волчьи ямы засыпаны и уничтожена большая часть окопов. Восстановлено было сообщение с долиной, и прусский лагерь мог быть снова обильно снабжаем всеми необходимыми припасами.

После ухода русских Фридрих оставался в этой позиции всего 14 дней; он еще не считал кампанию оконченной и хотел ознаменовать ее делами. Лаудон стоял в своем сильном лагере и не обнаруживал желаний сразиться. Король думал прогнать его отсюда грозным маршем в Богемию или же дожидаться удобного случая к битве. Кроме того, швейдницкий магазин почти истощился от продолжительных больших доставок, а в Нейсе находились в изобилии жизненные припасы. Согласно этому плану, Фридрих вышел из своего лагеря и отправился в Мюнстерберг, находящийся на расстоянии двух дней похода от Швейдница. [375]

Подобно всем прусским крепостям и крепость Швейдница имела лишь слабый гарнизон, состоявший к тому же из перебежчиков и других весьма ненадежных людей. Но самый пункт, хотя часто был осаждаем и прославлен различными военными, вовсе не был настоящей крепостью. Комендант ее, генерал Цастров, своим опытом, умом и военными знаниями, казалось, вполне мог заменить ее недостатки. Кроме того, ввиду близости короля, осада ее была немыслима и Лаудон далек был от этой мысли; но он все же усердно готовился к нападению на нее врасплох. Чернышев давал весь свой корпус, но австрийский полководец взял у него лишь 800 русских grenадеров, которых присоединил к 20 австрийским батальонам под начальством генерала Амада. Тайнственные приготовления, знание привычек коменданта, очень любившего выпить, и слабый гарнизон гарантировали успех. Защита крепости основывается в наше время преимущественно на артиллерии и на умении пользоваться ею. Хотя в крепости и было 240 орудий, но артиллеристов имелось всего 191 человек. Пленный австрийский офицер,

по имени Рока, пользовавшийся благосклонностью коменданта и полнейшей свободой, сообщил своим малейшие подробности. Цастров не предчувствовал ничего и был до того беззаботен, что не выслал всадников для наблюдений за движениями неприятеля и не велел бросать брандкугелей для освещения полей ночью; он даже не снабдил своих офицеров инструкциями на случай необходимости. Поэтому Лаудон мог прекрасно воспользоваться этим и подойти незамеченным к частоколам. В речи, обращенной к своим войскам, он формально запретил грабить город, обещал за это солдатам награду в 100 000 гульденов. Гренадеры единодушно закричали: *«Ведите нас только добыть славу. Денег мы не хотим!»* Лаудон сперва окружил крепость легкими войсками, а кроаты совершали ложную атаку, пока все 20 батальонов, разделенные на 4 колонны, подходили незамеченными, со штурмовыми лестницами и фашинами, [376] с четырех разных сторон около 3 часов пополудни ко внешним укреплениям. Тут они оставались недолго и, без одного выстрела, проникли со штыками в шанцы, прикрывающие дорогу, ведущую к укреплениям, прогнали отсюда или изрубили гарнизон, направили прусские орудия на крепость и стали осаждать главный вал.

Должно быть, без ведома вождей напоили осаждающих водкой, чтобы воодушевить их мужеством, поэтому они не обращали внимания на опасности. Особенно русские врывались в город как помешанные — целыми толпами. Впотымах они наткнулись на глубокую яму в укреплениях. На этом месте не предвиделось препятствий, а разводной мост был уничтожен. Передние ряды остановились и потребовали лестниц и фашинов; но некоторым русским офицерам это показалось слишком долгим делом, они думали, что яму эту точно так же можно заполнить людьми, и погнали задние ряды на передних. Несчастные были таким образом сброшены в пропасть напиравшей на них силой, а товарищи перешли по их телам {276}. Русские убивали всех по пути. Форт Беген был почти взят, и пруссаки просили пощады, которой разъяренные русские не хотели дать. Один прусский артиллерист не хотел умереть без мести; он зажег пороховой склад и взлетел на воздух вместе с пруссаками и 300 неприятелей. Отбиты были только 3 звездных шанца. Последнюю атаку совершил командир именного Лаудонова полка граф Валлис, подступив к главному укреплению, под названием Виселичного, которое пруссаки защищали необыкновенно храбро. Два раза австрийцы были отбиты, но Валлис кричал им: *«Или мы возьмем крепость, или я тут же умру! Я это обещал нашему шефу. Наш полк носит его имя! Победим или умрем!»* Речь эта произвела чудеса. Офицеры сами носили лестницы, и форт был взят. 250 австрийских пленных, заключенных в крепости в Водяном форте {277}, воспользовавшись этой минутой, взломали двери своих казематов, влезли на стены [377] и открыли своим соотечественникам внутренние ворота в город. Во все время этого дела австрийцы не стреляли из орудий, пока не овладели прусской крепостью, и пользовались только саблей и штыком. Потери их ранеными и убитыми состояли из 1600 человек.

После трехчасового штурма, с наступлением утра, крепость Швейдниц была взята и без предварительной осады, без всякой капитуляции находилась в руках врагов Пруссии, вместе с гарнизоном из 3700 человек, арсеналом и магазинами. Это важное событие произошло 1 октября. Обещанные 100 000 гульденов вместо добычи были причиной некоторой умеренности. Грабеж длился 4 часа. Подобно тому, как в Кюстрине и Дрездене, многие окрестные жители сложили тут свои лучшие вещи, чтобы спасти их от казацкого грабежа. Они стали теперь добычей грабителей, неистовство которых все усиливалось, пока наконец энергичные усилия гуманного князя Лихтенштейна и графа Кинского, проникших в город с конницей, не положили предела бесчинствам, в которых, впрочем, не участвовали русские гренадеры. Воины эти подали в этом случае столько же

неожиданный, сколько и славный пример: взобравшись на валы, они сели на них и каждый спокойно остался на своем посту.

Комендант Цастров, хотя и окруженный деятельными врагами, именно в эту ночь устроил бал, но он сумел оправдать себя перед королем, ссылаясь на упорную оборону отдельных фортов. Фридрих отвечал, что случай этот остается для него загадкой и что он произнесет свое суждение после. Должно быть, он имел особые причины и не привлек этого генерала к военному суду после окончания войны, а только уволил его от службы.

Лаудон вновь приобрел весьма важное для австрийского оружия преимущество. Завоевание Швейдница впервые после шести кровавых кампаний дало возможность австрийцам поселиться на зиму в Силезии. Но награда полководцу вовсе [378] не соответствовала его заслуге, так как ему отплатили неблагодарностью. Мало того, он подвергся бы за это даже наказанию, если бы его не защитили всем своим влиянием император Франц и князь Венцель Лихтенштейн, которого императрица уважала как отца. К ним присоединился также граф Кауниц, который, пользуясь случаем, написал императрице поздравительное письмо, кончавшееся словами: *«Да сохранит вам Бог вашего Иисуса Навина!»*

Могущественные покровители эти, озабоченные сохранением чести своего двора, зашли еще дальше, и, чтобы подобными низкими придворными происками не дать всей Европе повода к насмешкам, они добились, что Лаудон получил не только милостивое письмо от императрицы, но еще и подарки. Но он все же не был прощен, о чем достаточно свидетельствует ограниченная власть, которой он пользовался в следующей кампании, вопреки своему блестящему подвигу, и неуважение, оказываемое ему двором, пока жива была Мария-Терезия; сан фельдмаршала он получил только 17 лет спустя. Преступление его состояло в том, что он взял столь важный город без спроса и без разрешения на то придворного военного совета в Вене, следовательно — и без ведома императрицы; формальность эта, в связи с необходимой при этом отсрочкой, уничтожила бы наверное все предприятие. Враги этого великого вождя в Вене дошли до того, что назвали удачно исполненное дело проделкой кроатов.

Необыкновенно быстрое повышение Лаудона, иностранца, без предков, без состояния, без протекции, без всяких интриг и покровительства при дворе, а только за его личные заслуги, притом в такой стране, как Австрия, было чем-то беспримерным в нашем веке {278}. Майор кроатов Лаудон, который еще в 1756 году должен был смиренно просить у писарей австрийских канцелярий изготовления императорских указов и послушно ожидать, когда им заблагорассудится написать их, в 1761 году был провозглашен [379] всей Европой как величайшая подпора престола Марии-Терезии, которой он и был поистине. Он подал проект атаки при Гохкирхе. Он спас Ольмюц, захватив в Моравии большой прусский транспорт. Он победил корпус Фуке и взял в плен этого великого генерала. Он овладел Глацем. Он, а не Салтыков, разбил короля при Кунерсдорфе. Многими другими, хотя и менее значительными преимуществами, австрийцы были обязаны ему, а теперь он завоевал Швейдниц.

Большие военные дарования этого полководца были, казалось, предназначены судьбой для Фридриха. Лаудон был до войны в Берлине и пожелал быть прусским полковником, но король отказал ему. Тогда он удалился из его государства, по виду заурядным человеком, но судьба хотела, чтоб он оказал величайшее влияние на всю войну. Если бы Лаудона не было при войсках Марии-Терезии, то они не могли бы сражаться в течение

семи кампаний, а все военные операции Фридриха и их последствия были бы совсем иными. Проект атаки Швейдница он сообщил императору вместе с затруднениями, которые представят формальности, замедляющие такие предприятия. Успех в данном случае мог быть обеспечен лишь быстротою действий. Операции короля были неизвестны, и малейшее разоблачение тайны сделало бы попытку совершенно невозможной. В этом вопросе император взялся быть его заступником перед императрицей; он же первый сообщил ей об этом счастливом событии, стоившем гораздо больше выигранного сражения. Мария-Терезия, не привыкшая получать таким путем военные известия и ревниво оберегавшая свой авторитет, в первую минуту даже не обнаружила никакой радости. Она была возмущена, а пренебрежение, оказанное военному совету, еще более воспламенило ее гнев. Она не хотела слушать никаких доводов, и Лаудон погиб бы, если б не великодушные Франца, Лихтенштейна и Кауница. [380]

Судьба, которая столь часто повторяет те же события в истории народов для назидания человечества и даже, подобно проблемам философии, делает их похожими вплоть до индивидуальных особенностей, дважды повторила в этом столетии в Австрии необыкновенный случай. Для подпоры этой монархии в две критические эпохи необходимы были два героя с совершенно необыкновенными дарованиями, которые не рождаются всякий год, которых нельзя найти в каждой стороне и которых поэтому не нашлось тогда в Империи. Но добрый гений Австрии привел как раз вовремя их обоих из чужбины. Великие имена Евгения [Савойского] и Лаудона всегда будут блистать в австрийских летописях. Судьба и подвиги этих мужей имеют к тому же особенное поразительное сходство. Оба были иностранцы. Высокие их военные дарования не были оценены на родине их, короли пренебрегли ими; сами же они глубоко чувствовали могущество этих дарований. Людовик XIV насмеялся над Евгением, юношей-солдатом, но ему впоследствии пришлось содрогаться при имени этого мужа и полководца²⁷⁹. А что должен был испытывать Фридрих II при имени Лаудона? Почти ежедневно слышал он о неутомимой деятельности этого полководца, уравнивающего своей энергией медлительность и нерешительность остальных австрийских полководцев. Редко приходилось ему получать приятные известия в связи с именем Лаудона; обычно приходили вести неприятные, иногда страшные, потрясавшие человека, но скрывааемые королем. Семь лет боролся Фридрих с дарованиями Лаудона и с его военным счастьем; точно так же принц Евгений в течение 13 лет уничтожал замыслы высокомерного Людовика. Честолюбие и месть, две могучие страсти, воодушевляли этих полководцев и побуждали их дать почувствовать свои достоинства тем, кто пренебрег ими. Оба жаждали битв и созданы были скорее для наступательных, чем оборонительных действий. Во все продолжение своих удачных подвигов оба терпели [381] обиды и преследования от верховного военного совета, оба были грозой турок, и оба водрузили двуглавого орла на стенах Белграда^{280}. Это были люди с непоколебимым, но благородным характером, и войска их боготворили. Оба скончались в глубокой старости, когда монархия их собиралась вступить в борьбу с могущественной нацией ^{281}.

Столь неожиданное известие о потере Швейдница страшно поразило армию короля. Никакое событие, никакая неудача в течение всей войны не производила такого впечатления на храбрых пруссаков. Теперь вдруг были утеряны все плоды славной и столь тягостной кампании, и не без основания стали опасаться ужасов новой зимней войны. Во всяком случае, можно было с полной вероятностью ожидать продолжительной осады. А тут еще стали приходиться страшные вести из Померании, и

виды на будущее становились все мрачнее. Но это унылое настроение скоро прошло, стойкость Фридриха оживила вновь всю армию. Он собрал знатнейших офицеров, сообщил им свое критическое положение и свои надежды и разрешил всем недовольным оставить его службу. Но никто не воспользовался этим предложением, и все почувствовали новые силы. Никогда король и его армия не желали так страстно битвы. Лаудон же, довольный своей удачей, хотя обыкновенно был рад битве, теперь не подавал к ней повода; он опасался отчаянной атаки Фридриха, которую заставляли предполагать некоторые его распоряжения; поэтому австрийский полководец со своими войсками, далеко превосходящими пруссаков, 8 ночей подряд провел под открытым небом. Войска его были бодры, так как Мария-Терезия, вместо обещанных 100 000 гульденов, пожаловала всем солдатам, бывшим при штурме Швейдница, по 13 гульденов на человека. Ничто теперь не препятствовало австрийцам идти на Бреславль, что и предложил Чернышев. Фридрих именно этого и опасался; но Лаудон отказался от такого предприятия и остался неподвижным в своем лагере при Фрейбурге, откуда мог иметь сношения с Саксонией, [382] Богемией и Моравией. Король же расположил свои войска в местах их расквартирования, а главную квартиру свою выбрал в Штреле на Олау.

Здесь-то он едва не подвергся необыкновенному, величайшему несчастью, которое готовила ему измена. Барон Варкоч, силезский дворянин — чудовище, порожденное адом, — как раз в то время, когда на глазах его совершались такие примеры человеческих доблестей и благородства, для того, должно быть, чтобы контрастом показать всю глубину человеческой подлости, [решился на предательство]. Злодей этот, имя которого, подобно имени Герострата, будет вызывать чувство отвращения у потомства, владел поместьями недалеко от Штрелы. В молодости он служил в австрийской армии, но вышел в отставку и уже много лет жил независимо, благодаря большому состоянию, в качестве прусского вассала. Король дал ему многократные доказательства своего благоволения, которое, по неизвестным причинам, дошло до того, что он во все время войны был освобожден от доставок из своих больших нижнесилезских имений, стоимостью в 300 000 рейхсталеров. Такое исключение одного-единственного лица из всеобщих повинностей порождало частые, но всегда бесполезные представления земских чинов к королю, который продолжал благодетельствовать негодяю, оказывая ему постоянно гостеприимство в своей главной квартире и приглашая его к своему столу. Пользуясь королевскими благодеяниями, Варкоч задумал предать Фридриха его врагам или же умертвить его. Это черное дело должно было уже совершиться несколькими месяцами раньше, когда Фридрих проводил ночь на 16 августа в деревне Шенбрун, принадлежавшей изменнику. В комнату, где он спал там, вела потайная дверь и лестница, по которой австрийцы должны были пробраться ночью. Гибель его была уже решена, так как лозунгом Варкоча было: живым или мертвым. Но случай спас героя, не подозревавшего ничего дурного. Корпус Цитена, которого злодей не ожидал, изменил свою позицию, [383] подошел вечером к Шенбруну и окружил деревню. Тогда заговорщики отказались от своего черного замысла, исполнению которого грозила сомнительная судьба, ожидавшая участников его. Поэтому его отложили на более удачное время.

Варкоч, постоянно переписывающийся с австрийцами и лелеявший свой план, возобновил теперь в Штреле свою злодейскую попытку, возбуждаемый вновь той беспечностью, которую Фридрих обнаруживал в охране своей личности. Ничего не было легче, как захватить его тут ночью. Квартира его находилась в деревне Войзельвиц близ города Штрелы, а дом — в 800 шагах от городских стен; весь гарнизон состоял из роты гренадеров, из которых всего 30 человек стояли на карауле. В самом городе находилось

6000 его лучших войск, но на помощь их вовсе нельзя было рассчитывать ночью при быстроте действий нападавших{*12}. Лес, находившийся поблизости, необыкновенно благоприятствовал предприятию. Для этого нужен был лишь отряд хороших гусар и энергичный вождь. Пока еще в городе возьмутся за оружие, король уже будет пойман и уведен. Лес, ведущий в армию Лаудона, остановил бы все попытки пруссаков освободить своего короля. Варкоч все это имел в виду, поэтому он набросал план и сообщил его графу Валлису, полковнику, стоявшему у Мюнстерберга. Офицер этот был командиром Лаудонова полка и согласился на все. Между прочим, Варкоч советовал зажечь 10 деревень, находящихся в окрестностях Штрелы, чтобы отвлечь внимание пруссаков от главной квартиры. Изменнику обещали в награду 100 000 гульденов; сумма эта не прельстила бы такого богатого человека, если б он не рассчитывал на прекращение этим делом войны и не видел уже теперь в лице Марии-Терезии почти полной владительницы Силезии. Священник из Зибенгубена, по имени Шмит, был посредником, и все письма адресовались ему. Но фанатизм не играл тут никакой роли, так [384] как Варкоч был лютеранин. Охотник, по имени Кампель, находившийся у него на службе и бывший его поверенным, исполнял при этом обязанности гонца. Человек этот знал обо всем, так как господин Варкоч, желая услышать его мнение, вслух перечитывал свои письма. Будучи посвящен в такую тайну, он имел обыкновение прекословить своему господину и исполнял лишь те обязанности, которые ему нравились. Это обстоятельство спасло прусскую монархию.

Ночь на 30 ноября была предназначена для исполнения замысла, а еще 29 ноября Варкоч объезжал окрестности верхом, сопровождая маркграфа Карла и королевского генерал-адъютанта Круземарка, и поздно вернулся домой. Погода была скверная. Сопровождавший его Кампель устал, был не в духе, целый день ничего не ел и, поворчав, улегся спать.

Варкоч, привыкший к этому, не обратил на него внимания, написал ночью письмо к Валлису, разбудил Кампера и приказал ему, не слушая его брани, немедленно отправиться в путь. Раздраженный охотник по видимости повиновался; он взял письмо, которое на этот раз не читал, и отвез его, но не в Зибенгубен к Шмиту, а к лютеранскому пастору деревни Шенбрун, где проживал Варкоч. Человек этот, по имени Герлак, своим чудным характером заслужил любовь и уважение не только своего прихода, но и всех живущих там католиков. Кампель тоже уважал его, потому в минуту досады, а может быть и раскаяния, пошел к нему и, разбудив его неожиданно, рассказал все, что знал, и дал прочесть письмо. Испуганный пастор убедил Кампеля тотчас же ехать в главную квартиру к королю, велел с этой целью оседлать лучшую свою лошадь и умолял его во имя спасения души возможно скорее доставить это письмо в собственные руки его величества. Таким образом все было открыто.

Итак, король избежал величайшей опасности, когда-либо грозившей ему. Варкочу удалось бежать, когда высланный к нему офицер собирался уже его схватить; он скрылся с [385] помощью потайной лестницы, сообщник его, священник Шмит, тоже удачно бежал. Имена изменника были отобраны в казну, а портреты его и священника четвертованы. Когда приговор этот был представлен королю для исполнения, он сказал шутя: *«Пусть будет и так; оригиналы стоят, должно быть, не больше портретов»*. Пастор Герлак не получил вознаграждения и умер в бедности. Охотник же Кампель получил службу лесничего в Ораниенбурге.

Лишь только пруссаки оставили окрестности Штрелена, Варкоч, в сопровождении

отряда австрийских гусар, посетил свой бывший дворец, в потайных помещениях и погребах которого находилось еще много денег, серебра и драгоценностей, которые он весьма сомневался найти в целости. Но, к радости своей, он нашел все нетронутым и велел складывать, чтобы увезти с собой. Императорские гусары не хотели быть зрителями при этом деле. Привыкшие считать все, что им попадалось во вражьей стране, добычей, они добросовестно помогали ему выносить вещи, но не для него, а для себя. Варкоч призвал на помощь командовавшего ими офицера, но получил в ответ: *«Кончайте скорее! Нам некогда. Благодарите Бога, что гусары вам еще помогают!»*

Венский двор отрицал всякое участие в этом замысле, а семья весьма уважаемого графа Валлиса заявила, что полковник, носящий эту фамилию, союзник изменника, не состоит в родственной связи с ее домом{*13}. Сам Варкоч скитался по Австрии и не знал, где скрыть свой позор. Наконец жалкий этот человек поселился в Венгрии и получал ежегодно от сострадательной Марии-Терезии милостыню в 300 гульденов. Так завершилась эта изменническая попытка.

Вскоре после этого случая король расположил войска на зиму вдоль Одера от Бругга до Глогау, а сам поселился в Бреславле. [386]

Пока все это происходило в Силезии, русские пользовались в Померании большим превосходством своих сил. Генерал Тотлебен, в преданности которого стали сомневаться вследствие его умеренности в Берлине, был арестован и отправлен в Петербург{282}. Полководец этот отличался между русскими своими военными дарованиями, в особенности же своим благородством. Он великодушно относился к пленным, был полон снисхождения к жителям несчастных прусских областей, а войска любили его, как отца.

Румянцев получил приказание вновь осадить Кольберг. Он подошел к этой крепости в августе с отрядом в 27 000 человек{283}. Русский военный флот из 40 судов, под начальством адмирала Мишукова{284}, прибыл из Кронштадта; к нему присоединилась шведская эскадра из 14 линейных судов, фрегат и [несколько] небольших военных кораблей, чтобы всеми силами прийти на помощь третьей осаде этого довольно незначительного пункта. Но обладание им было весьма важно для русских, так как они надеялись этим упрочить за собой Померанию. Прусский генерал, принц Вюртембергский, старался воспрепятствовать этому всеми силами. Он окопался с 8000 человек под орудиями Кольберга. Лагерь свой он превосходно укрепил цепью шанцев, притом позиция его была необыкновенно выгодна, так как правое его крыло прикрывала река Перзанте, левое — глубокое болото, а тыл — крепость. Поэтому Румянцев прибег к необыкновенному средству, а именно к формальному открытию траншей к укрепленному лагерю и к возведению батарей. И лагерь, и крепость подверглись сильному бомбардированию, но и защита производилась так же энергично. Принц Вюртембергский в своем лагере, а храбрый комендант Гейден в крепости своими превосходными распоряжениями оспаривали у неприятеля каждую пядь земли. Бомбардирование длилось непрерывно с суши и с моря, только днем наступал короткий перерыв. 5 сентября до [387] полудня было брошено в город 236 бомб, из которых 62 причинили много вреда. В начале октября союзному флоту пришлось вынести сильную бурю, причем одно русское линейное судно пошло ко дну со всем своим экипажем; одно лазаретное судно загорелось и погибло в пламени. Тогда корабли поспешили уйти от берегов Померании, и осажденные могли водным путем получить из Штеттина съестные припасы, которые начинали уже приходиться к концу в крепости, так как вожди прусского

корпуса не исполнили распоряжений короля, касающихся этого пункта.

Русские овладели одним главным шанцем, необыкновенно важным для пруссаков, которые поэтому после жаркой схватки снова отняли его. Но Румянцев хотел вновь овладеть им, вследствие чего произошло убийственное сражение, продолжавшееся 4½ часа с большим уроном для русских, которые, потеряв свыше 3000 человек, должны были отступить.

Приближалась зима, а с ней увеличивались и затруднения для русских. Однако Румянцев мужественно продолжал осаду. Он получил большое подкрепление от Бутурлина, который по уходе из Силезии тоже прибыл в Померанию. Король выслал тогда на помощь принцу Вюртембергскому генерала Платена, возвращавшегося из своей блестящей экспедиции в Польше. Войска его были преисполнены мужества; провианта у них было достаточно, а нуждались они лишь в одежде, преимущественно в обуви. Оба полководца приняли столь удачные меры, что, несмотря на все попытки русских помешать им, соединение обоих корпусов произошло 4 октября. Генерал Кноблок был выслан с 2000 человек для прикрытия провиантного транспорта, шедшего в Кольберг. Генерал Шенкендорф, стоявший у Глогау с 3800 человек, тоже получил приказание идти в Померанию, чтобы подкрепить корпус Платена. Меры эти, незначительные по сравнению с операцией столь многочисленных врагов, были всем, что Фридрих в своем теперешнем положении мог сделать [388] для спасения этого пункта. Никогда еще в этой войне русские не обнаруживали такой деятельности. Кноблок был атакован 8000 человек в Трептове; 5 дней защищался он в этом открытом пункте, не имевшем даже стен и без всяких жизненных припасов; наконец ему пришлось сдаться со своими храбрыми солдатами в плен, и то лишь по недостатку провианта и снарядов.

Недостаток съестных припасов становился тем чувствительнее в крепости, что некоторые русские фрегаты вернулись и снова отрезали ей подвоз с моря. Особенно страдали лошади, которые получали ежедневно лишь полсвязки соломы. Был ноябрь и очень холодно, потому недостаток топлива ощущался ужаснее всего. В этой нужде пришлось сломать несколько домов. Платен советовал атаковать русских, несмотря на их весьма выгодную позицию и большое превосходство сил; но принц Вюртембергский боялся такого риска, приводя в соображение то обстоятельство, что главная неприятельская армия далеко и осада должна вскоре прерваться, так как суровое время года и бурная погода ежедневно увеличивали трудности для осадной армии. Но Румянцев, силы которого возросли постепенно до 40 000 человек, боролся с ними и многократно обращался к прусским вождям, как будто к гарнизону крепости, с требованием о сдаче. Он убеждал их, что в столь бедственном положении и при невозможности ожидать помощи с суши и моря они лишены были всякой надежды, и потому выгодная капитуляция менее их обесславит, чем гибель всех их войск; причем он уверял, что не уйдет от крепости, пока не достигнет своей цели. Но предложение это было отвергнуто.

Между тем корпус под батареями Кольберга при собственной своей нужде еще усиливал сокращенные расходы гарнизона, а при постоянно возрастающих неприятельских силах являлся лишь слабой защитой крепости. Было гораздо более вероятно, что можно более вредить неприятелю, [389] оперируя в открытом поле. Поэтому принц Вюртембергский и Платен думали о том, как бы им уйти из окопов, которые в конце концов до того были оцеплены со всех сторон, что не осталось никакой возможности ввезти в лагерь что-либо съестное. Но отступление представляло непреодолимые препятствия ввиду многочисленных шанцев и батарей, окружавших прусский лагерь. Если бы, вопреки

граду пуль, пруссаки захотели бы пробиться с помощью отчаянной атаки, то многочисленные русские без сомнения ударили бы на них со всех сторон. Чтобы воспрепятствовать переправе пруссаков через Регу, русские сломали все суда и лодки; осталось еще только 10 рыбацких челноков под батареями крепости и 7 узких лодок, в которых могли поместиться только по 6 человек. С этими столь ограниченными вспомогательными средствами и в сопровождении крестьянина, который знал брод через затопленную Роберскую плотину, была совершена эта большая попытка, в ночь на 14 ноября, со всеми возможными предосторожностями. На этот раз счастье увенчало благоразумную отвагу прусских вождей. При истоке озера Кампер был сделан мост на наконных быках для пехоты, кавалерия же переплыла через реку, причем каждый гусар должен был взять на коня по одному гренадеру. Таким образом совершенно было отступление, считавшееся невозможным, без малейшего урона, к великому удивлению русских и даже вопреки всяким ожиданиям Фридриха; оно принадлежит к самым знаменитым маневрам такого рода, известным в истории{285}.

Принц Вюртембергский оставил этот лагерь лишь после 23 недель пребывания в нем. Такой необыкновенно продолжительной защитой было приобретено то важное преимущество, что истекло время, когда неприятель мог предпринять что-либо в поле, и даже сдача крепости Кольберга не принесла русским большой пользы. При заблаговременном же завоевании ее они могли бы с помощью подвоза [390] морем основать здесь магазины и учредить в этом пункте складочное место для своего оружия.

Все попытки были сделаны, чтобы снабдить Кольберг провиантом. Гейден со своим слабым гарнизоном мало обращал внимания на многочисленное осадное войско; все его помыслы направлены были теперь к добыванию пищи. Недостаток хлеба становился все чувствительнее, и солдаты, точно так же, как вооруженные горожане, получали ежедневно вместо двух фунтов всего один фунт хлеба. Несмотря на это, они ничего не хотели знать о сдаче. После возобновленного требования Румянцева Гейден спросил их мнение на этот счет и получил в ответ: *«Мы будем защищаться, пока есть порох и хлеб»*. Платен стал совершать попытки подвезти в крепость столь необходимый для нее провиант; но он был атакован, лишен большей части транспорта и отбит обратно в Штеттин. Несчастье увеличено было еще тем, что все лошади, которые только могла поставить область, оказались захвачены неприятелем. Хотя прусские войска уже не испытывали такого недостатка со времени оставления лагеря под Кольбергом, но все же им приходилось плохо ввиду истощения области. Не было возможности достать одновременно даже на 6 дней запаса хлеба и корма для лошадей; даже дров и соли не хватало. Снег покрывал землю на аршин, и недовольные солдаты дезертировали целыми толпами.

Во время одного похода этого корпуса произошел следующий случай. Прусский комиссариат получил из Штеттина транспорт французской водки, которую не знали куда девать и которой тоже не хотели оставить русским. Поэтому каждая рота получила по тонне ее, и содержимое было разлито в полевые фляжки солдат. Офицеры употребляли все усилия, чтобы предупредить неумеренное употребление ее. Но пруссаки, истощенные всякими невзгодами и голодом, питались исключительно сухим хлебом, превратившимся в лед от ужасного холода. Чтобы употреблять [391] его в пищу, надо было его оттаивать на огне, что могло производиться лишь ночью; днем же приходилось голодать. Поэтому желание насладиться вдоволь любимым напитком и обогреть им окоченелые члены было сильнее всех угроз и мер, особенно во время ночного похода. Все перепились, и многие из них до того, что через несколько часов

испустили дух.

Нечего было теперь и думать о больших предприятиях с целью освобождения крепости. Но все же принц Вюртембергский сделал попытку подойти к осажденному пункту и приготовился в случае нужды к сражению, которого русские, однако, избегали. Но ему невозможно было пробиться к крепости ввиду большого превосходства неприятельских сил, хотя ему и удалось взять приступом большой редут, защищаемый 500 человек. Холод был до того силен, что во время похода замерзло 102 солдата. Урон прусских войск за месяц дошел до 1100 человек, так что вся пехота этого корпуса, состоявшая из 30 батальонов, насчитывала менее 5000 солдат, способных к бою.

Даже небольших транспортов нельзя было доставить в город, так как русский генерал Берг со своим сильным корпусом отрезал всякое сообщение Кольберга со Штеттином; русские овладели также фортом, откуда можно было обстреливать Кольбергскую гавань, так что со стороны моря была также отрезана всякая помощь. В этой нужде судьба послала осажденным маленькое подспорье. Мимо гавани проплыло торговое судно. Невзирая на то, какой нации оно принадлежит, из крепости было выслано несколько вооруженных шлюпок, которые принудили судно это причалить к гавани под пушечными выстрелами русских. Это оказалось прусское судно, высланное из Кенигсберга в Амстердам с грузом ржи. Кольбергцы приняли его, как дар неба, так как благодаря ему могли просуществовать еще 14 дней.

Вернер, так храбро освободивший эту крепость год тому назад и привыкший чувствовать себя победителем в этой стране, [392] имел несчастье попасть в плен к русским во время одной большой схватки. Его выслал туда принц Вюртембергский, чтобы зайти русским в тыл, опустошить их магазины и отрезать им подвоз. Вернер, не знавший страха, пренебрег необходимой осторожностью, не следовал точно полученным инструкциям, рассеял свои войска и, после отчаянной обороны, упав со своей раненой лошади, попал в плен к окружавшим его, гораздо более многочисленным врагам. Тогда осажденным не осталось никакой надежды на помощь; но Гейден, у которого осталось еще немного хлеба, продолжал защищаться. Русские были снабжаемы всем необходимым морским путем. Морозы стояли сильные, и комендант велел поливать стены водой, которая замерзала и представляла собой зеркальную поверхность. Русские штурмовали крепость, но не могли взобраться на валы. Каждый штурм был отбиваем с большим уроном. Наконец 13 декабря кончился запас хлеба; Гейден, получивши в этот день десятый раз требование о сдаче, не уступивший до сих пор ни огню, ни бомбам, 16 декабря должен был сдаться на капитуляцию после четырехмесячной, весьма замечательной осады {286}.

После завоевания Кольберга кончилась эта обильная делами померанская кампания, в которой прусские генералы покрыли себя большой славой, несмотря на превратности судьбы. Принц Вюртембергский ушел на зимние квартиры в Мекленбург, а Платен маршировал со своим корпусом в Саксонию вместе с Беттингом, стяжавшим не меньшую славу в этой кампании. Генерал этот постоянно производил атаки на шведов со своим маленьким корпусом и почти всегда бывал победителем. Вследствие этого шведы не могли помогать русским, действия их постоянно тормозились заботами о содержании своей армии перед неутомимым врагом, готовым драться всякий день и знаменующим каждый закат солнца новыми пленниками. Эта небольшая война продолжалась таким путем, пока наступившая зима не прекратила дальнейших операций. [393]

Во время всей этой кампании принц Генрих удерживался в Саксонии, имея против себя

большую австрийскую армию с Дауном во главе и имперцев, причем приобрел значительные преимущества. Особенно отличились генералы Зейдлиц и Клейст, разбивавшие несколько раз неприятельские корпуса и тем уничтожавшие предприятия главной армии. Но все же пруссаки могли занять лишь часть этой области, а гарнизоны, оставляемые в городах, состояли большей частью из перебежчиков и самых плохих легких войск и потому были весьма ненадежны.

Фридрих разрешил одному французскому авантюристу, по имени Ла Бади, основать полк добровольцев, исключительно французов, называвшихся «*etrangers prussiens* (прусскими иностранцами). Это сборище солдат, офицеры которых были сами большей частью искателями приключений, не знало никакой дисциплины, а меньше всего прусской. Три роты их взбунтовались однажды при выходе из Лейпцига, ограбили обильно наполненную полковую кассу, багаж своего отсутствующего командира и других офицеров, застрелили начальствующего майора, захватили две принадлежащие полку пушки и направились в Альтенбург к имперским войскам. Предводителями мятежников были капитаны Фонтэн, Мерлен и лейтенант Эстаньоль, изображения которых лейпцигский палач прикрепил за это к виселице.

Императорские войска под начальством Дауна направились в Дрезден и Богемию, а имперцы — обратно во Франконию; но они оставили гарнизоны в самых важных пунктах. Несмотря на это, пруссаки остались, как обыкновенно, на зиму в Саксонии, не надеясь, однако, на удачи будущей кампании.

Теперь русские впервые поселились на зиму в Померании и Неймарке, а австрийцы — в Силезии. Потеря Кольберга и Швейдница в столь короткое время была поэтому для короля неизмеримо большим несчастьем. Все военные [394] принадлежности и съестные припасы могли быть теперь доставляемы русским в Померанию морем, а австрийцам удалось наконец утвердиться в Силезии. Чтобы прогнать неприятелей из этих областей, надо было много крови, много времени, много денег и еще больше счастья. Но где их найти? Самые опытные полководцы пали вместе с цветом дворянства, а старые солдаты лежали рядами на полях сражений. Доходы из большей части прусских земель либо совсем прекратились, либо сильно оскудели; оставшиеся саксонские источники тоже начинали иссякать, англичане не давали больше субсидий, Дрезден и часть Саксонии были в руках австрийцев, и все неприятельские армии находились на самом удачном пути к дальнейшим завоеваниям. Таким образом, королю было так худо, как никогда еще при окончании кампании, притом что он даже не проиграл ни одного сражения. Но неутомимое мужество его войск, неослабевающее усердие и непрерывная деятельность его генералов, еще не совсем опустевшая казна и многочисленные источники помощи, изобретаемые его гением, сделали эти неудачи переносимыми. Много было выиграно тем самым, что не потеряли еще надежды. Но не так думали его союзники и приверженцы внутри и вне Германии, которые уже трепетали перед падением самого могущественного из германских протестантских государей, столь грозного доселе соперника австрийской монархии, способного и твердо решившего отстаивать права менее могущественных имперских чинов против незаконного распространения императорской власти, защищать протестантские государства от фанатизма и сохранить в неприкосновенности политическую организацию Германии.

В этом столь ужасном положении над прусским королем чуть было не стряслась беда страшнее всех остальных, которой он даже не предчувствовал. В Магдебурге находилось в то время множество пленных разных наций: австрийцев, русских, французов,

саксонцев, шведов и имперцев. [395] Это была главная крепость Пруссии. Здесь хранилась прусская сокровищница — загадка для стольких живших тогда политиков и для потомства — и архив прусской монархии; здесь же пребывала тогда королевская семья вместе со многими знатными лицами страны. В городе находился большой военный магазин Фридриха и средоточие его могущества; множество драгоценностей были свезены сюда на сохранение самыми богатыми частными лицами из всех прусских областей. В новейшей истории нет примера, чтобы судьба целой монархии зависела от необходимости отстоять один город. Если бы Магдебург со своими сокровищами был утерян, то напрасны были бы все победы, одержанные в поле, и война была бы кончена. Но крепость эта не была охраняема согласно той важности, которую она имела. Гарнизон ее состоял всего из нескольких тысяч человек, частью туземцев, частью иностранцев, частью дезертиров. Между тем осада ее была невозможна из-за необходимости больших приготовлений, связанных с таким предприятием, его весьма правдоподобной продолжительности и прусской армии, находившейся в поле. Фридрих пожертвовал бы Саксонией, Силезией, всем — чтобы только спасти Магдебург, и яростно атаковал бы самые многочисленные осадные войска под стенами этой крепости, даже если бы неприятель находился под охраной самого крепкого лагеря. Зная об этом, враги его оставили всякие попытки осады, и король был совершенно спокоен насчет Магдебурга.

Но то, что нельзя было сделать внешней силой, могла бы удачно исполнить измена, которая не раз уже готовилась к этому. Фридрих даже не думал о возможной опасности с этой стороны в то время, когда содержимый им в жестоком заточении императорский ротмистр Тренк, в отвратительной тюрьме, под бременем своих цепей раздумывал о том, как бы захватить Магдебург врасплох, — и вот судьба монарха, которого не могли одолеть сильнейшие [396] державы Европы, чуть не была решена человеком, обреченным на скорую гибель, закованным в железо, который, лежа на своем надгробном камне и питаясь заплесневелым черным хлебом, все же глубоко чувствовал права человечества, оскорбленные могуществом более сильного, и дышал лишь жаждой свободы и мщенья. Но к счастью для короля отважная попытка эта была неудачна.

Фальшивый характер Тренка, известный всем, внушал людям недоверие и к той доле правды, которую он говорил. Но несомненна и неоспорима все же неустрашимая решительность этого человека, его неутомимые и весьма изобретательные планы с целью вырваться на свободу, которые ему удавалось доводить всегда почти до полного их осуществления. Несомненно и то, что он и тогда был весьма близок к исполнению своего желания, что в то время в Магдебурге находилось множество военнопленных, что гарнизон, подобно всем прусским крепостям, состоял большей частью из перебежчиков и людей, насильно взятых в солдаты, и весьма слабых даже по численности [\[287\]](#).

В Вене продолжали все еще не выдавать прусскому королю его пленников. Австрийский государственный совет объявил даже капитуляцию при Пирне несуществующей, под предлогом, что Фридрих — враг Империи, а так как пруссаки полонили в Лейпциге офицеров Нассау-Вейльбургского полка, принадлежавшего к имперским войскам, и освободили их под условием не служить до внесения выкупа за себя, то императорский министр в Магдебурге, граф Берген, согласно императорскому повелению, объявил всех этих офицеров отставленными от службы за то, что они дали письменное обязательство на честное слово. Тогда король велел им и другим австрийским офицерам явиться в Магдебург в качестве военнопленных. Некоторые из них явились и подчинились своей военной судьбе, но большая часть их нарушила данное слово и не повиновалась вызову. В

Австрии пленных прусских офицеров разлучили [397] с их солдатами, выселив их в Тироль и Штирию; рядовых же разместили в небольших австрийских городках по 600, 800, 1000 и даже по 1200 человек. В январе 1760 года солдат этих, размещенных в 18 городках, насчитывалось 19 400 человек.

Во всех новейших германских войнах необыкновенная храбрость, великие благородные подвиги и смерть за отчизну награждались лишь холодной похвалой. О горячем национальном чувстве не было и речи; хотя и старались принять притворное участие в военной славе народа и государя, но в сущности воинам настолько лишь симпатизировали, насколько они увеличивали или уменьшали поносимые расходы. Но особая культура эпохи — и порожденный ею взгляд на свободу в этой войне — повергла всю Европу в удивление, пробудив в жителях северной Германии, особенно же Пруссии, патриотизм, который до сих пор был ей совершенно чужд. Прусские подданные всех областей приносили всевозможные жертвы. То в самый разгар вражеских опустошений учреждали на свой счет земскую милицию, то вооружали суда для защиты берегов, то добровольно отдавали в кавалерию своих лошадей, приобретенных за дорогую цену. Поселяне, лишившиеся всего своего состояния в войне и не имевшие ничего более, кроме детей, наперерыв старались определять своих сыновей солдатами в прусскую армию. Радостно расставались они с ними, хотя разлука их была почти всегда вечной. Великие подвиги и события воспевались теперь поэтами, увековечивались памятными медалями. Над павшими в битве героями произносились торжественные хвалебные речи, а на могилах и гробницах их вырезали всевозможные сентенции. Лучшие живописцы Берлина употребляли все свое искусство, чтобы самым подобающим образом представить этих великих деятелей эпохи — Шверина, Винтерфельда, Кейта и Клейста; изображения эти поставлены были в качестве памятников в гарнизонной церкви. Граверы не менее усердно старались увековечить для современников и потомства [398] портреты этих славных воинов. Не отстали и скульпторы, так как, по приказу Фридриха, желавшего почтить память своих ратных товарищей и возбудить усердие их последователей, были сооружены статуи полководцев Шверина, Винтерфельда, Зейдлица и Кейта, причем их поставили не во дворах, залах и арсеналах, как доселе водилось, а в Берлине на открытой Вильгельмовой площади, которая благодаря этому стала первой и единственной в Европе галереей героев.

Так как все сильные державы Европы решили погубить Фридриха, который все еще продолжал бороться со своими врагами, вопреки полному неравенству сил, а единственный могущественный союзник его, король английский Георг III, равнодушно относился к его положению, то он обратил свои взоры на Азию и пытался с помощью переговоров склонить турецкого султана и татарского хана к нападению на Венгрию. Слава о подвигах Фридриха достигла даже тех стран, а имя его произносилось с благоговением у Черного моря и у Китайской стены, на Кавказе и на берегах Ганга. Восточные народы, не знакомые с географией, изумлялись, каким образом государь, о существовании которого они никогда не слыхали, мог в течение целого ряда лет сопротивляться оружием могущественнейшим народам Запада, не будучи ими осилен. Турки больше всех качали на это головами, зная страшное могущество немецкой султанши, громадные силы русского государства и имея самое высокое представление о военных дарованиях шведов{*14}. Поэтому необъяснимой загадкой являлось для них то, что все они, в союзе с могущественным французским султаном, не в состоянии были подчинить себе какого-то незначительного короля. Послы воюющих держав, вопрошаемые по этому поводу турками в Константинополе, обвиняли [399] во всем счастье, но мусульмане не удовлетворялись таким ответом, уважение их к прусскому

королю все возрастало, и Оттоманская Порты, побуждаемая к тому же интересами собственного государства и пользуясь истечением срока перемирия с Австрией, по всей вероятности, заключила бы с Пруссией союз в 1761 году, если бы этому не помешал французский двор, имевший столь большое влияние на решение Порты. К тому же великий визирь был старик, не знакомый с войной и страшившийся стать во главе войск. Порты ограничилась тем, что собрала у Белграда 110 000 человек, оцепивших кордоном границы Венгрии, что, впрочем, нисколько не беспокоило Венский двор, уведомленный заранее о резолюции Дивана.

Однако король был посещен посольством от татарского хана, которое прибыло в главную прусскую квартиру вскоре после потери Швейдница. Посол занимал почетную в Крыму должность — он был цирюльником татарского государя и его поверенным. Хан предлагал 16 000 вспомогательного войска взамен значительных субсидий. Фридрих на аудиенции выслушал это предложение, осыпал посла подарками, предназначавшимися ему и его государю, и отослал его, вручив проект договора. Гольц, молодой офицер из свиты короля, сопровождал его, чтобы ускорить исполнение этого договора и руководить татарами, которые должны были вторгнуться в Венгрию. Это прусское посольство сопровождал еще немецкий врач, по имени Фрезе, который при помощи своего искусства весьма легко мог способствовать приобретению дружбы и уважения этого невежественного народа. Король с некоторых пор работал уже над иным замыслом, который, однако, представлял больше затруднений. Бокамп, бывший доселе представителем его в татарской Орде, изо всех сил старался побудить хана к вторжению в Россию, так как Порты принуждена будет тогда поддерживать его даже вопреки своему желанию. На этих шатких основах покоились теперь надежды Фридриха. [400]

Между тем австрийцы и русские старались упрочить за собой завоеванные прусские области. Еще никогда не доводилось им тут зимовать, а теперь имперцы считали Силезию своей неоспоримой собственностью. По приказанию двора подданным завоеванных округов было выдано зерно для посевов, а в Шмидеберге основан общественный зерновой рынок. Различным значительным коммерсантам из горных городов велено было явиться в Прагу, так как издавались новые распоряжения насчет торговли. В начале этого года австрийцы сделали вид, будто собираются на мирный конгресс в Аугсбурге; послы императорских дворов были заранее уже назначены с этой целью, точно определен размер их столового содержания, избрана блестящая их свита и выдано 150 000 гульденов для найма гостиниц в этом имперском городе. Но все эти приготовления пропали даром, и теперь никто и не думал о мире. В Вене были до того убеждены, что его можно теперь заключить легко, выгодно и без всяких конгрессов, что в декабре 1761 года было начато большое сокращение императорской армии. В каждом полку были упразднены три роты, а во всей [армии] предложена отставка 1500 офицерам. Даже столь необходимая легкая кавалерия была сокращена. Все австрийские патриоты возмущались этими вредными мерами, ослабившими армию на 20 000 человек и предпринятыми если не по совету, то во всяком случае с согласия Дауна, которого Мария-Терезия почитала своим военным оракулом. Большинство полководцев громко выражали свое неудовольствие по этому поводу; даже князь Левенштейн воскликнул в одной публичной речи: *«Велика, достойная сожаления монархиня! Как плохо тебе советуют!»* Несколько сот офицеров перешло на испанскую службу, так как тогда как раз начиналась война между Англией и Испанией. {288}.

Питт заранее предсказал эту войну, даже определил время ее объявления испанцами, и предложил необходимые [401] меры. Но ослепленное британское министерство не

хотело его слушать, вследствие чего великий деятель этот, при жалобных возгласах всей Империи, оставил кормило правления. Однако его недостойные наследники пожинали плоды превосходных его мер, и Англия была в таком цветущем положении, что новый враг этот не мог беспокоить ее. Победоносные флоты британцев вскоре помчались в Америку и там показали гордым испанцам все свое превосходство над ними. Испании оставалось лишь одно средство для спасения ее богатых островов: надо было атаковать Португалию, этот золотой источник англичан, доходнее алмазных копей Индии. Так и случилось. Англичанам пришлось тогда послать войска для защиты этого королевства, так как португальцы не в состоянии были охранять себя ввиду жалкого положения своих войск. Была, однако, попытка сделать способными к бою глубоко павшую и чуждую всяких понятий о чести армию этого некогда столь храброго народа. Для этого необходим был полководец с редкими дарованиями, а такого можно было найти тогда лишь в Германии, этой отчизне славных вождей{*15}.

Владетельный граф Липпе-Бюкебург, командовавший артиллерией союзников, был намечен для этой цели. Человек этот был рожден для звания вождя, обладал весьма оригинальным характером, всевозможными познаниями и считался одним из величайших инженеров в Европе. Он основал в своей области по собственному плану необыкновенную крепость, названную им Вильгельмсштейн, расположенную среди Штейнгудерского озера, где не было ни одной пяди земли. Подобно маршалу Саксонскому, он был одарен необыкновенной физической силой, и, кроме того, он закалил себя смолоду ко всевозможным невзгодам. Он перепрыгивал самые широкие рвы, совершал в молодости большие путешествия пешком. Он продолжал жить как простой [402] солдат даже тогда, когда стал командующим генералом; при осадах он никогда не снимал платья, отращивал бороду, каждую ночь проводил в траншеях, лежа на голой земле. Верхом он переплывал все реки и перескакивал через плетни. Равнодушие его к опасностям и доверие к ловкости своих артиллеристов были так необыкновенны, что в 1759 году, в день Фридрихова рождения, он собрал на большой обед своих офицеров в палатке, на которой развеялся флаг, служивший целью артиллерийских ядер во время трапезы. Этот-то генерал стал вождем португальцев, совершенно преобразовав армию их; он ввел тут неведомый доселе порядок и создал особый род дисциплины, которая, хотя и не могла быть сравнима с немецкой, все же имела большое значение для столь мало культивированной нации. Дисциплина эта переживала еще тогда свою пору младенчества, но все же она явилась деятельным двигателем для подавления успехов Испании. Король Португальский в награду за большие заслуги этого полководца пожаловал ему необыкновенный знак отличия, даровав титул *Altezza*, орденские ленты, 100 000 cruzад и восемь золотых пушек, весом по 32 фунта, с серебряными лафетами.

Одни большие дарования этого вождя, во главе еще совершенно примитивной армии, не могли бы помешать испанцам овладеть Португалией, если бы британцы не выслали на помощь стесненным португальцам значительный вспомогательный корпус.

Итак, пламя войны загорелось в Европе из края в край: все народы, от Карпат до Атлантического океана, были под ружьем. И все же это обширное пространство не удовлетворяло еще, по-видимому, военный пыл столь многих сильных народов, так как самые отдаленные моря и земли стали тоже театром войны, которая перешла в Канаду, на Вест-Индские острова, на берега Африки, в Индию, даже на далекие Филиппинские острова, рассеивая повсюду опустошение и смерть. [403]

Книга двенадцатая

Фридрих, лишенный помощи, без всякой надежды, стойко шел навстречу своей гибели, казавшейся неизбежной. Хотя победы и могли остановить дальнейшие успехи его врагов, но, чтобы отнять завоеванные ими крепости, необходимы были продолжительные, правильные осады и ряд удачных битв. Но что могли сделать его усилия! Это была бездонная бочка Данаид. Он вполне был убежден в скорой осаде Штеттина и весьма вероятном взятии его. Сообщение его с Берлином, даже овладение этой столицей, равно как и целым курфюршеством, теперь всецело зависело от деятельности его врагов, которые, помимо этого, отрезали Польшу, эту неистощимую кормилицу, расположив удачно русский корпус из 15 000 человек. Во всех опустошенных прусских областях был недостаток съестных припасов, а оставшегося еще в магазинах запаса не хватило бы даже и на одну кампанию. Кроме того, не было ни рекрутов, ни лошадей, ни многих других военных принадлежностей. Военных снарядов было еще достаточно, точно так же, как и денег, но препятствия, связанные с перевозкой огромного количества пороха и ядер, становились все больше, а золото, этот бог, превосходящий даже Юпитера, казалось, потеряло свою всемогущую силу, даже в руках гения, глубоко проникающего во все мировые вопросы. Монарх, при всей своей стойкости, впал в меланхолию; он говорил мало, даже со своими [404] наперсниками, обедал обыкновенно один, не являлся ни на один парад, не катался верхом и забросил свою флейту.

Операционный план короля в этом положении к предстоящей кампании остался тайной. Он был отброшен или, может быть, совсем изменен, так как солнце вновь засияло для него. Счастье благоприятствовало этому великому государю много раз, поддерживая его высокий дух и обманывая ожидания всех его врагов; но величайшее благодеяние фортуны было сбережено до самого того критического момента, когда коронованный мудрец, теснимый со всех сторон подавляющим превосходством неприятельских армий, ожидал своей жестокой судьбы. Не было надежды на великодушие врагов, которые, не думая о славе народа и потомства, напрягали все силы могучих держав, чтобы раздавить одного человека своим колоссальным союзом. Несомненно было то, что Пруссия перестанет существовать как самостоятельное государство, и Фридрих не обманывал себя тщетными надеждами. Иногда опасения начинали преобладать в его душе, но он был готов на все, и не только принял все меры на тот случай, если бы ему пришлось попасть в плен, но даже с некоторых пор носил при себе яд, чтобы, подобно Ганнибалу, великому карфагенянину, покинутому своими союзниками и предназначенному для римского триумфа, предупредить последние удары превратной судьбы добровольно избранной смертью [\[290\]](#).

В эти безнадежные минуты на помощь погибшему герою пришла смерть: она вынула из урны судеб великое имя, и Елизаветы, русской императрицы, не стало. Она совершила самый ужасный шаг — от престола в могилу. Гонец привез королю эту весть, более радостную, чем какая-либо иная во время войны. Она скончалась 5 января 1762 года. Смерть этого одного слабого, болезненного человека преобразила весь политический горизонт. От этой нити зависела судьба бесчисленных народов и людей. Все замыслы союзников, все [405] операционные планы, все надежды врагов Пруссии, все новые государственные системы были внезапно если не совсем уничтожены, то все же совершенно изменены, и русские, самые грозные враги пруссаков по своим опустошениям, теперь по одному слову своего нового государя превратились в друзей

Фридриха. Наследник русского престола, Петр III, в той же мере питал симпатию к королю прусскому, в какой императрица Елизавета его ненавидела. Первым делом нового государя было уверить Фридриха в своей дружбе. Вслед за этим дружественным уверением, привезенным в главную квартиру в Бреславле любимцем Петра, полковником Гудовичем, наступило, вопреки всем протестам дворов венского и версальского, перемирие, а вскоре после того и мир, при самых великодушных условиях; после мира наступил союз, после союза — дружественная переписка, а последней ступенью был энтузиазм Петра к королю, не имевший границ и выражавшийся самым разнообразным образом.

Елизавета знала это и поэтому сделала перед смертью самые серьезные распоряжения к продолжению войны. Уже на смертном одре она потребовала от русского сената обещания не заключать мира с Пруссией без участия в нем союзников. Но лишь только она закрыла глаза, случилось как раз наоборот. Русские войска приготовились очистить королевство Пруссию, Померанию и Неймарк. Завоеванный Кольберг был вновь возвращен, военнопленные освобождены, а русский корпус с Чернышевым во главе был отозван из австрийской армии. Великодушие русских простерлось до того, что целые области в Померании получили в подарок из русских магазинов необходимое для посевов зерно. Петр стал тогда серьезно советовать мир своим прежним союзникам: он подал пример, возвращая все русские завоевания, ссылаясь при этом на свои монаршие обязанности щадить кровь вверенных ему подданных и водворить спокойствие в своем государстве. Он называл [406] это первым законом, предписанным Богом государям. Французский двор ответил совершенно в тоне того времени, — когда народ был ничто, а воля короля — все, — что ни нежные чувства монарха к своим подданным, ни мысль об их благосостоянии не могут поколебать его решения точно исполнить договор, заключенный с его союзниками, и что, по мнению самого христианского короля, это и есть первый долг государя. Так как и в Вене ничего не хотели знать о мире без невыполнимых условий, то Чернышев получил приказание присоединиться к королю со своим 20-тысячным войском и повиниться ему безусловно; приказ этот был громовым ударом для Марии-Терезии, которая, основываясь на последних завоеваниях, считала уже войну почти оконченной и потому уменьшила свои войска на 20 000 человек.

Новый британский министр, лорд Бьют, был до того невообразимо несведущ, что не знал об общеизвестном уважении, которое Петр уже столько лет питал к Фридриху и которое теперь так деятельно проявилось. Он полагал, что новый император желает удержать области, отнятые русскими у Пруссии, и предложил русскому послу в Лондоне, князю Голицыну, уговорить прусского короля к уступке всех провинций, которые потребует Россия, если император и впредь оставит свои войска при австрийской армии. Это позорное вероломство со стороны союзника нашло достойную награду: Петр ответил презрительно и оригинал этого предложения переслал Фридриху. Бьют, предназначенный к тому, чтобы неразумными своими выходками опозорить блеск британской славы, обратился тогда к венскому двору, чтобы примирить императрицу с прусским королем, совершенно без ведома последнего, причем он очень щедро дарил прусские области. Политичный и хорошо знающий характер Фридриха Кауниц счел это предложение, которое мог бы себе позволить разве только ученик в деле политики, — интригой, с целью поссорить [407] дворы венский и версальский, и потому дал английскому поверенному унижительный ответ. Он сказал, что его государыня достаточно могущественна и может сама отстоять свои требования, и, кроме того, мир при посредстве Англии недостоин ее.

Необыкновенное стечение обстоятельств, по которому в прусской армии находились те именно войска, против которых приходилось с ожесточением бороться шесть лет, казалось и пруссакам, и австрийцам сновидением. Последние вначале совершенно не верили этому; даже императорские офицеры, плененные в Бреславле, которые, следовательно, собственными глазами и ушами все видели и слышали, считали все это вымышленным слухом, чтобы оживить мужество войск; а когда Чернышев вместе с другими русскими генералами покинули австрийские войска и прибыли в Бреславль к королю с большой торжественностью, то даже пленные императорские генералы уверяли, что все это только обман и что русские полковые командиры, декорированные русскими орденовыми лентами, — переодетые прусские офицеры^{*16}. Но все сомнения кончились, когда русский корпус в июне на самом деле присоединился к армии короля. Мария-Терезия отвергла план Лаудона силой помешать этому опасному для нее соединению. И шведы, утомленные войной и опасаясь русских, тоже заключили мир с Пруссией в мае; он был подписан 22-го числа того же месяца. Шведская королева, любимая сестра короля, была при этом посредницей. Брат ее заявил в Стокгольме с особенным ударением на это, что все останется между ними по-прежнему только ради нее. Действительно, достаточно было теперь одного его желания, чтобы уничтожить в поспешности всю шведскую армию и завоевать шведскую Померанию, которую теперь нелегко было у него отнять. Фридрих часто шутил по поводу этой войны, а когда [408] возбужден был вопрос о мире, он сказал, улыбаясь, что *«не знает никакой войны со шведами; правда, ему доводилось слышать о каких-то ссорах между ними и Беллингом, но генерал этот наверно скоро помирится»*.

Война теперь получила иной оборот. Все владения Фридриха, от Бреславля и до крайних границ Пруссии, были свободны от неприятелей, и нечего было больше опасаться опустошительных вторжений. Опять вернулось веселье к монарху, он по-прежнему шутил, призвал вновь своих французских поваров и опять отыскал свою флейту.

Петр потребовал от Фридриха Зибургский пехотный полк и дал ему взамен Шуваловский драгунский полк, вытребованный королем; император захотел также получить орден Черного Орла, который носил впоследствии почти ежедневно. Могущественный государь, надевший с этих пор прусский мундир и целовавший ежедневно изображение короля в присутствии русских, как будто считая его своим повелителем, хотел лично соединиться с ним во главе сильной армии. Все были вправе ожидать чего-нибудь необыкновенного.

С такими блестящими надеждами Фридрих открыл кампанию 1762 года, в которой участвовал и наследный принц Фридрих Вильгельм^{291}. Он теперь в юношеском возрасте вступал на военное поприще, на котором подвизались все принцы его дома без исключения. Все приносили жертвы богу войны, и в истории нет другого такого примера, поданного всей королевской семьей со всеми ее родственниками. Наследный принц находился всегда возле короля и должен был вместе с ним встречать все опасности.

Фридрих, превосходящий прочих смертных столькими необыкновенными качествами, в этом случае словно отмстил за человечество, униженное его гением. Надежда на нового союзника заставила его позабыть о заботах для своих храбрых войск, которых он впервые лишил теперь так называемых зимних гостинцев, т. е. денег, которые необходимы были для предстоящей кампании многим бедным офицерам, [409] живущим исключительно на свое скудное жалованье, и которые теперь неизвестно почему, в

минуту счастья, были удержаны. Даже благовидного предлога не было дано для объяснения, почему этот столь необходимый, справедливый и обязательный подарок, раздаваемый каждую зиму, был теперь отнят у патриотических и обожающих своего короля воинов{*17}. Всякий унтер-офицер получал 50 рейхсталеров, капитан — 500; сумма эта увеличивалась, таким образом, с каждым чином, с помощью ее приобретались лошади и военные принадлежности, взамен сделавшихся негодными в предыдущей кампании. Ротные командиры должны были на них снабдить своих солдат всем необходимым, так что деньги эти являлись не столько справедливым благодеянием, сколько величайшим долгом чести. Вместо этого подарка получены были строгие распоряжения, касавшиеся незначительных формальностей. Во все время войны офицеры употребляли всегда в походах шпагу вместо эспонтона{292}, который в поле совершенно не нужен, даже обременителен и совершенно не годится для защиты. Теперь же это парадное оружие должно было употребляться во всех случаях; то же можно было заметить и во многих мелочах, обнаруживавших беззаботность, уверенность и сознание счастья гордого вождя.

Фридрих в эту зиму был посещен новым послом татарского хана, который обещал прислать весной Фридриху 40 000 человек. Посол был снова осыпан подарками, и хан сначала сдержал слово. Татары выступили в поход, но не против России, а для вторжения в Венгрию. Генерал Вернер, уроженец этой страны, должен был тогда присоединиться к ним у Офена с небольшим прусским корпусом. От этой операции можно было ожидать многого, так как сильно теснимые в то время венгерские протестанты наверное тотчас же взбунтовались бы; но татары не явились. [410] Походив некоторое время возле границ Польши, они вернулись обратно.

Король усилил все части своей армии, особенно же свои легкие войска, так что в этом отношении превзошел теперь императорские. Были основаны новые батальоны волонтеров-гусар и драгун. Босняки, особый вид всадников, одетых подобно туркам и вооруженных копьями, составляли отряд лишь в 100 человек; теперь он был увеличен до 1000, а начальство над ними поручено весьма заслуженному императорскому офицеру, майору Ланге, который, претерпев обиды за свою протестантскую веру, покинул австрийскую службу и вступил на прусскую{293}. Это сильное увеличение войск совершилось с необыкновенной быстротой, так что солдаты словно бы появлялись из земли по могучему мановению Фридриха. Артиллерия была тоже весьма значительно увеличена, так как Фридрих только во время этой войны убедился в важности ее при целесообразном употреблении; он ее усилил 3500 человек. Чтобы облегчить ее движение и извлечь наилучшую пользу из ее страшных услуг, он изобрел прекрасную методу — она лишь недавно, после стольких перенятых австрийцами у пруссаков мелочей, была заимствована императорской армией, которая одна пользуется ею и поныне. Он снабдил несколько сотен артиллеристов лошадьми; под именем конной артиллерии они сопровождали отныне легкие орудия; когда же являлась к тому необходимость, они соскакивали с коней и стреляли из пушек, которые теперь не оставались позади, а могли даже упредить пехоту и даже сопровождать гусар в случае надобности. Кроме того, этим облегчалась тяжелая служба во время битвы при перевозке и больших грузов, так как солдаты, не утомленные предшествовавшим ей маршем, быстрее могли справиться со своим делом.

Много иноземных офицеров, даже из неприятельских армий, поступили теперь на прусскую службу. Между ними [411] был также французский полковник Гешрей, уроженец Баварии. Так как он отличался в качестве партизана — хотя и не в этой войне,

а в войне за Австрийское наследство, — то король разрешил ему основать корпус волонтеров в 2400 человек. Другой французский офицер, обер-лейтенант Тюрригель, тоже баварец и друг Гешрея, недовольный, как и он, версальским двором, поступил также на службу к Фридриху и стал командиром этого корпуса, который он создал единственно благодаря своей большой энергии, и вскоре собрал в нем полный комплект. Этот странный человек, одаренный от природы весьма предприимчивым духом и редкой пронырливостью, служил во французской армии предводителем отряда шпионов. Он их вербовал, распределял им должности, платил им жалованье, снабжал их необходимыми инструкциями, постоянно переписывался с ними и выводил из их различных донесений результаты, которые затем представлял на рассмотрение вождям армии и версальскому кабинету. Сам он путешествовал в областях, занятых неприятелем, принимая всевозможные наружности, имена и одежды, снабженный почетными пропусками, документами и рекомендательными письмами от министров и послов нейтральных дворов. Таким образом он объездил все северогерманские области, пробираясь в лагери и крепости, и так хорошо умел носить свою личину, что в Магдебурге ему удалось сидеть за трапезой коменданта в то время, когда последний получил от короля письмо с приказом остерегаться главного французского шпиона, который был выслан на разведку прусских крепостей. Везде сопровождали его удачи, благодаря его необыкновенной храбрости и хитрости.

Тюрригель избирал для основы шпионства какой-нибудь центр, откуда он высылал все свои распоряжения и куда должны были направляться все письма его помощников. Там он глубокомысленно сопоставлял их и результаты сообщал французским полководцам. Если он объезжал свой кордон разведок, то оставлял временного правителя для [412] упорядочения своей благородной корреспонденции. Главные его квартиры находились большей частью в Готе или в Эрфурте. Неутомимые старания этого офицера отчасти заменяли французам недостаток легких войск. Многие неудачи, грозившие их магазинам, крепостям и армиям, были предотвращены его своевременными донесениями, кроме того, многие предложенные им планы были удачно исполнены. И все это происходило в стране, где французов не любили и где Тюрригель мог добиться своей цели лишь с помощью золота и хитрости. Маршал Саксонский {294} первый заметил его способности и выбрал его для таких поручений; перед войной двор посылал его на Менорку, и обстоятельное донесение его о всем, виденном там, немало способствовало к овладению этим островом. Уход этого обиженного ими офицера был для них истинной потерей, а перемена его службы обещала пруссакам двойные выгоды.

Но честолюбие и злоба Гешрея уничтожили эти надежды. Он завидовал уважению, оказываемому его другу, и, с целью удалить его, возбудил у короля подозрение, что Тюрригель, так хорошо знакомый с профессией шпионства, может быть, с недобрыми намерениями вступил на его службу. Этого подозрения, хотя и лишено всяких оснований, было достаточно, и король велел, в виде предосторожности, препроводить командира добровольного корпуса в Магдебург, где он при полном окладе жалованья должен был проживать, но не в крепости, а лишь в черте города. Там он и остался до конца войны. Судьба отмстила за его отставку, так как вскоре, благодаря оплошности генерала Гешрея, часть корпуса последнего и он сам попали в плен при нападении на Нордгаузен. Впоследствии Тюрригель заселил испанские пустоши, известные под именем Сьерра-Морена; он привел сюда несколько тысяч немцев, которые в короткое время превратили их в цветущие поля.

В Лейпциге был урегулирован контрибуционный вопрос предыдущего года при

содействии берлинского купца [413] Гоцковского, и город свободнее вздохнул; но это длилось всего один год. Продолжавшаяся война породила новые требования, простиравшиеся теперь до 3 000 000 рейхсталеров. Эта контрибуция, которая, несмотря на сильное сокращение торговли, павший кредит и преобладавшую бедность, была больше всех предыдущих, должна была быть исторгнута насильственными мерами. Поручение это было дано жестокосердным людям, а король был тогда далеко. В этой крайней нужде город снова обратился к Гоцковскому, который тотчас же отправился к Фридриху в Бреславль и стал ему делать самые энергичные представления. Монарх отвечал: *«Столько моих земель находится в неприятельских руках, где ж мне взять денег для продолжения войны?»* Но он все же уменьшил контрибуционную сумму до 1 000 000 рейхсталеров, на которые Гоцковский дал ему свои собственные векселя и взял ответственность на себя. Фридрих опять напомнил ему, что он не должен при этом забывать о себе. Гоцковский ему не перечил, но поступил согласно своим обыкновенным принципам, совершенно бескорыстно и с величайшей готовностью, хотя город был ему еще должен в счет предыдущих контрибуций 200 000 рейхсталеров. Новый декрет совета от 20 января 1762 года представил новое доказательство этого великодушия и новые выражения своей благодарности. Ужасные бедствия прошлых лет были предотвращены этим его поручительством.

Продолжавшаяся при венском дворе система не обменивать пленных была причиной ужасной сцены в Кюстрине. Часть предместий уцелела от поджога русских, и тут жили оставшиеся граждане и гарнизон. В других предместьях начинали уже отстраивать дома или в ожидании мира делать обитаемыми оставшиеся развалины. Прежние жители города постепенно стали являться и заниматься, насколько было возможно, своим делом. Прусский гарнизон состоял тут всего из 550 человек гарнизонных солдат и [414] земской милиции, между которыми находилось немало инвалидов. Это небольшое число людей должно было не только защищать валы крепости, но и оберегать 4900 австрийских военнопленных, которых водворили тут с некоторых пор. Из них 4100 человек принадлежали к регулярным войскам, а остальные 800 человек были кроаты, тип войск, столь деятельных в этой и предыдущих войнах этой монархии и потому заслуживающих ближайшего ознакомления с ними.

Этот народ {295} дает лучшие в Европе легкие войска. Песчаная, не особенно плодородная почва, много лесов, населенных дикими животными, цепь гор и суровый климат составляют характерные особенности этой страны; они же являются средствами для физического укрепления и без того уже сильных кроатов, приучая их ко всем невзгодам и к солдатской жизни. Необходимое для их пропитания занятие охотой в столь мало цивилизованной стране принуждает их бороться с опасностями и делает их мужественными. Они выносят голод и жажду, холод и жару, равно как и величайшие телесные страдания, даже под ножом хирурга, с поразительным хладнокровием; даже смерть им не страшна. В любви к своему государю не превзошел их ни один народ, и дезертиров нет между ними. Оружие их, которым они к тому же превосходно владеют, состоит из ружья со штыком и сабли.

800 кроатов в Кюстрине были солдаты, плененные в битве при Праге и уже пять лет тщетно ожидавшие своего освобождения. Положение их было ужасно. Они лежали друг на друге в казематах, в одних отрепьях, даже без соломы. Так как они не могли прокормить себя своим жалованьем, то нанимались за ничтожную плату к гражданам на постройки. Но наконец, не видя возможности уйти из этой груды пепла, они пришли в отчаяние и решились на все, лишь бы только возвратиться на свободу. Они поэтому

составили дерзкий проект напасть врасплох на караул, овладеть [415] крепостью, ограбить граждан и затем, захватив снаряды и орудия, маршировать в Котбус, где отряд австрийских войск должен был выйти им навстречу. Другие пленники не хотели быть заодно с кроатами и предоставили им одним заняться исполнением плана, которым они все же думали воспользоваться при удачном исходе его. Намерение это осталось тайной, хотя о нем знали несколько тысяч человек.

В один июньский день, в 5 часов утра, лишь только отперты были ворота казематов, кроаты эти совершили атаку на главный караул; они овладели находившимся здесь оружием, прогнав оттуда караульных солдат, и тогда им стало легко осилить и остальные стражи. В четверть часа крепость была в их руках. Они разделились на три отряда, из которых один занял ворота, второй отправился в пороховой склад за снарядами, третьи занялись пушками, перестреляли на валах все снаряды, опасаясь какого-нибудь нечаянного случая; затем пушки были набиты камнями и сделаны непригодными для быстрого употребления. Но пороховой склад представил для кроатов большое затруднение; он был заперт, ключей нельзя было найти, а здание было слишком массивно, чтобы можно было поспешно взломать его без инструментов. Таким образом бунтовщики теряли много драгоценного времени.

Между тем слабый гарнизон, расположенный в предместьях, стал собираться. Все ворота были заняты кроатами, одна лишь дверь для вылазок была им неизвестна. Она оказалась отпертой. Поручик Чарницкий, командовавший караулом в 30 человек, воспользовался этим счастливым обстоятельством; он взял своих солдат, присоединил к ним еще 20 человек из других небольших караулов и, так подкрепившись, поспешил с 50 пруссаками на валы, не ожидая приказаний, и расположился у другого порохового склада, от занятия которого зависела судьба крепости. Тут произошла кровавая схватка. Если атака была сильна и неотступна, то и [416] оборона не уступала ей. Бой между столь многочисленными воинами и небольшим отрядом был еще более неравен вследствие недостатка оружия и патронов у кроатов; в их распоряжении находилось только то, что они успели захватить у караульных солдат. Им пришлось отказаться от надежды добыть их в большом количестве, так как арсенал находился вне крепости. Комендант был тяжело ранен в самом начале схватки. Чарницкий мог получить лишь незначительное подкрепление, половина его солдат была частью убита, частью ранена, остальные уже изнемогали, а кроаты, из которых уже 50 человек лежали мертвыми, обнаруживали решимость победить или умереть.

В таком положении находилась крепость, когда ее спас гарнизонный священник Бенеке, с помощью своего ума и мужества. При пленных кроатах находились два священника их нации, которые издали смотрели на бой, ожидая его исхода и воссылая молитвы за сражающихся. Гарнизонный священник отыскал их, разгромил и, несмотря на сопротивление, потащил за собой к месту битвы. Он стал между ними, схватил их за руки и бросился туда; при виде священников пальбу прекратили; он же стал энергично уговаривать кроатов, убеждая их, что нельзя было надеяться на счастливый исход, так как вся область уже извещена гонгами и со всех сторон подходят войска. Находящийся поблизости корпус русских, дружных теперь с пруссаками, готовится уже выступить; если же мятежникам и удастся выйти из крепости, то все-таки корпус этот не даст им уйти далеко. К этим частью безосновательным убеждениям присоединил он и обещание помилованья, если они немедленно станут повиноваться. Кроаты, и без того уже обеспокоенные долгим сопротивлением, уступили этим убеждениям, положили оружие и мирно разошлись опять по своим тюрьмам. По приказу Фридриха пять вождей их были

казнены, а из остальных кроатов каждый десятый человек по жребии был наказан ста палочными ударами, [417] и все 4100 человек пленников регулярных войск должны были присутствовать в качестве зрителей при экзекуции.

К открытию кампании австрийцы направили все свои силы в Силезию, отправив предварительно значительный корпус имперской армии в Саксонию. В их руках находились Глац, Швейдниц и горы. Но все же они были страшно поражены происшествиями в России; офицеры и рядовые считали уже дело своей государыни потерянным. К тому же обожаемый ими Лаудон должен был передать начальство над армией фельдмаршалу Дауну и поэтому не мог наносить вреда своему личному врагу; в помощь королю пришла даже какая-то болезнь, вроде проказы, наполнившая многими тысячами солдат австрийские полевые госпитали и давшая ему возможность свободно упорядочить свои войска. Он угрожал Моравии и держал наготове один корпус для вторжения в Венгрию, если татары действительно выступят туда.

Так как, несомненно, следовало ожидать осады Швейдница, то стали делать необыкновенные приготовления для укрепления города. 8000 крестьян и солдат проработали всю зиму, превратив каждую возвышенность этой крепости в форт. Сами горы представляли цепь укрепленных террас. Эти меры безопасности были так же тщательно соблюдены и по отношению к самой крепости Швейдниц. Гарнизон ее состоял из 12 000 человек отборных войск, в изобилии снабженных провиантом, снарядами и всякими другими потребностями. Генерал Гуаско, отличный по храбрости и военному опыту начальник, был назначен комендантом, а в помощь ему дан генерал Грибоваль, один из величайших инженеров в Европе {296}.

В таком состоянии находился Швейдниц, когда король в соединении с русским корпусом появился в его окрестностях. Соединение это не могло состояться раньше конца июня, что и отсрочило их действия. Теперь же король отправил корпус под начальством генерала Нейвида в Богемию, [418] чтобы принудить австрийцев к защите находящихся в тылу их армии магазинов и этим удалить их от сообщения со Швейдницем. При этом корпусе находились также казаки в числе 2000 человек, которые по своему обыкновению все рыскали кругом и совершали набеги под самые ворота Праги, грабя и опустошая все местечки и деревни, через которые проходили. Императорские войска пришли от этого в такой ужас, что командовавший в Саксонии генерал Сербеллони уже намеревался все оставить и идти на помощь Богемии. Но казаки избавили его от этой крайности, поспешив отвезти свою добычу в безопасное место; затем отряды их постепенно стали возвращаться к армии; некоторые вернулись очень поздно, так как угоняли нагребленный скот в Польшу для продажи.

Несмотря на большое различие между австрийской и прусской конницей по внешности, для этих диких воинов она оставалась незаметной. Вследствие этого всей прусской кавалерии в отличие от неприятельской велено было носить на шапках султаны из перьев, которые, хотя были полезны лишь в данном случае, остались в армии как украшение и вскоре были заимствованы всеми европейскими войсками.

Этими маневрами в тылу неприятельской армии Фридрих надеялся выманить Дауна с высот, занимаемых им при Букерсдорфе и Лейтмансдорфе. Но полководец этот остался неподвижен, как ни смутило австрийцев вторжение пруссаков. Генерал Гаддик поспешно ушел в Браунау. Пруссаки вторгались также в Моравию и в австрийскую Силезию, где наложили контрибуции. Король писал к герцогу Бевернскому от 11 июля: «Так как

неприятель пришел в совершенное замешательство, то мы должны стараться погубить его в частности». Пруссаки вернулись из Богемии, нагруженные добычей, и тогда сделаны были все приготовления для осады Швейдница. Но ее нельзя было предпринять, пока австрийцы владели сильно укрепленными горами; чтобы выгнать их оттуда силой, надо было [419] совершить весьма опасную попытку, исход которой был сомнителен.

Таково было положение дел, когда в России произошел необыкновенный переворот. Император Петр, только что вступивший на престол Империи, был очень скоро низвергнут {297}. Во время своего непродолжительного правления он вооружил против себя все сословия слишком поспешными мерами, необдуманно законами и недостатком необходимой осторожности. Солдаты и духовенство, столь редко согласные между собой, были теперь заодно. Все ненавидели монарха, который первых лишал привилегий, а последних — права на ношение бороды. Сенат оставлен был им без всякого внимания, а к русскому дворянству и ко всей нации он относился с необыкновенным презрением. Немцы пользовались решительным преимуществом, из них состоял даже отряд его телохранителей. Он мало обращал внимания на основные русские законы и совершенно подчинял их своему желанию. Насколько хороши были его намерения, настолько нецелесообразны были принятые им меры. Народ желал, сам не зная почему, продолжить войну, которая стоила России много денег и людей и удачный исход которой в смысле завоеваний принес бы и без того уже обширному государству лишь незначительную пользу. Император противился этому желанию народа; он также хотел воевать, но не против Пруссии, а заодно с ней против врагов Фридриха и против Дании. Ко всем этим его проектам, образу мыслей и распоряжениям, не нравящимся русским, присоединилось еще его дурное обращение с женой, которая, воспитавшись среди превратностей семейной жизни, закалила в них свою благородную душу, развила высокие дарования и приобрела сильную любовь своего народа. Петр явно обнаружил свое намерение отстранить ее, и уже был выбран монастырь, в котором она должна была печально закончить свое существование, так как он даже сына ее собирался лишить права на престолонаследие. Так усердно [420] работал этот государь, чтобы ускорить собственное падение. При таком положении дел достаточно было лишь заикнуться Екатерине — и тиран ее был лишен престола. Забота о самосохранении принудила ее наконец сделать этот важный шаг, и в несколько часов этот могучий император, приказы которого, подобно божественным изречениям, должны были исполняться на всем протяжении от берегов Балтийского моря до южного океана, был покинут всеми, свергнут с престола без малейшего кровопролития и стал жалким пленником, лишенным всякой надежды. Екатерина была единодушно провозглашена самодержавной государыней всей обширной России; Петр формально отрекся от престола и через 6 дней скончался {298}.

Это важное событие свержения с престола, составляющее вместе с последовавшим за ним славным царствованием самую блестящую эпоху в русских летописях, состоялось 9 июля, а так как сенат и народ непременно хотели возобновления войны с Пруссией, то с этой целью были отданы соответствующие приказы. За ними последовал 16 июля манифест, в котором призывались к присяге новой императрице все подданные завоеванных прусских провинций. Больше всего способствовало этому всеобщему военному клику убеждение русских, будто Фридрих советовал свергнутому государю все его нововведения, возбудившие всеобщее неудовольствие. Даже Екатерина видела в прусском короле своего врага. Будучи уроженкой Померании {299} и питая любовь к своей столь жестоко опустошенной отчизне, она все же уступила общему течению и

решила совершенно погубить злейшего врага России, как значилось в первом ее манифесте.

Таково было всеобщее настроение, война была решена, и манифест о присяге только что разослан, когда на следующий день стали просматривать бумаги скончавшегося императора. Письма Фридриха возбудили всеобщее удивление. Содержание их совершенно противоречило тому, [421] что предполагали. То были мудрые советы правителю и самые энергичные увещевания новому королю умерить свои страсти. Все столь возмутившие народ нововведения были сильно порицаемы этим мнимым врагом России; Екатерине тоже не пришлось жаловаться на мнения, выраженные относительно ее. Фридрих умолял ее супруга обращаться с ней если не с нежностью, то по крайней мере с подобающим перед людьми уважением. Императрица была этим тронута до слез; присутствовавшие сенаторы умолкли, и ненависть тотчас же исчезла. Военные приказания были отменены, и мир подтвержден {300}.

Благодаря этому перевороту Дания избавилась от сильного и весьма основательного опасения потерять Гольштейн, завоевание которого составляло любимую мечту Петра; ни просьбы и представления его друзей, ни энергичные протесты прусского посла, барона Гольца, которого Петр очень уважал, ни многократные дружеские увещевания Фридриха не могли заставить его отказаться от этого намерения. Хотя требования, предъявляемые им Дании, касались только известных областей Гольштейна и Шлезвига, но он намеревался завоевать все, ссылаясь на то, что должен владеть землею своих предков, которая, по его словам, была ему дороже половины его государства. 60-тысячное русское войско было предназначено для этого завоевания, и к ним должны были еще присоединиться 6000 пруссаков. Сам император хотел вести эту армию, и русские войска в Померании и Пруссии уже выступали с этой целью в поход под предводительством Румянцева. Для содержания их были основаны большие магазины в Грейфенберге, Массове, Гольнове и Штеттине; 36 русских военных судов были снаряжены для операций у берегов Дании, к ним должны были присоединиться еще 16 шведских военных судов.

В Дании были сильно смущены, так как государство это совершенно не было приспособлено к войне. Флот его, лучший [422] оплот островитян, хотя и был пригоден в полном своем комплекте к тому, чтобы достойно встретить обоих своих противников, тогда не очень еще опасных на море, был плохо вооружен, а быстрое снабжение его множеством недостающих принадлежностей казалось немислимым. Особенно же армия была в самом жалком состоянии. Солдаты не привыкли к войне и плохо были содержимы; генералы никогда не участвовали в кампаниях и не имели никакого понятия ни о дисциплине, ни о тактике; не было годных к употреблению военных принадлежностей, ни запаса пороха, ни оружия, ни магазинов, ни денег. Так как последняя эта потребность была самой настоятельной, первой и последней надобностью в войне, по словам знаменитого Монтекукколи {301} an>, то датчане навестили город Гамбург. Они подошли под стены города и приготовились на случай к принудительным мерам, потребовав от имени своего государя 1 000 000 талеров в виде заема. Гамбургцы, ошеломленные в первую минуту, не соразмерив сил своего противника, его положения и обстоятельств, а принимая во внимание лишь грозящий торговле их застои и разорение садов, быстро согласились дать требуемое, после чего датчане удалились. Теперь у них были деньги и вождь в лице оставившего французскую службу графа Сен-Жермена, который, однако, при всем своем знании тактики, не был знаком со страной, ее обычаями и языком, преисполнен был французскими военными принципами, не применимыми в

этом государстве, и невыполнимыми замыслами, и потому являлся беспомощным вождем плохо организованной армии, которая его возненавидела с самого начала и доверия которой ему никогда не удалось приобрести. Он намеревался расположиться в укрепленном лагере недалеко от Любека и здесь ожидать русских. Но исход этой войны для самых беспристрастных наций, даже для самих датчан, являлся несомненным. И все [423] эти весьма основательные опасения прекратились после свержения с престола императора.

Фридрих как раз намеревался атаковать австрийцев на их укрепленных высотах, когда получил ужасное известие о свержении Петра. Чернышев сообщил ему это вместе с приказом от сената тотчас же оставить прусскую армию. Это важное происшествие разрушило весь план кампании, так как одновременно с этим получены были распоряжения из Пруссии и Померании для возобновления враждебных действий со стороны русских. При таком перевороте мнений в русском дворе королю следовало ожидать, что тот же корпус через несколько дней снова соединится с его врагами или же самостоятельно откроет действия против него. От него зависело обезоружить эти 20 000 человек; но он поступил как раз наоборот, отпустив русских со всеми доказательствами дружбы и уважения. На обратном пути во всех королевских областях они были снабжены всем необходимым, как будто продолжали еще быть прусским вспомогательным корпусом. Великодушное поведение короля было причиной, что русские генералы весьма неохотно покидали прусскую армию. Чернышев расставался с особенным сожалением с Фридрихом, который наградил его поистине царскими подарками.

Приказ об отступлении русских оставался тайной несколько дней, как для русских войск, так и для пруссаков; в австрийском лагере тоже ничего не подозревали. Для содержания столь большого корпуса необходимы были распоряжения, которых невозможно было исполнить в один день, и он должен был выступить в путь лишь через три дня. Этим драгоценным временем Фридрих мастерски воспользовался. Он решил безотлагательно атаковать австрийские укрепления на высотах у Букерсдорфа, причем имел за собой то преимущество, что русские все же займут свои позиции в боевом порядке и будут защищаться при атаке; затем он был убежден, что Даун противопоставит русским часть своих [424] войск и тем ослабит себя. Одновременно с этим он хотел дать русским на прощанье наглядное доказательство мужества и военного искусства пруссаков. Чтобы рассеять внимание Дауна и обмануть его насчет неприятельской позиции на правом фланге, ему должны были грозить атакой многие небольшие корпуса под начальством принца Вюртембергского, генералов Мантейфеля, Габленца и Рамина. После того как приняты были все эти меры, 20 июля, с наступлением ночи, начали соорудить большую батарею в равнине, лежащей перед укрепленными горами.

Горы эти были высокие и крутые, окруженные частоколами и засеками; на вершинах их расположены были сводчатые редуты; некоторые высоты были отделены друг от друга ущельями, другие же соединены укреплениями. Всеми этими позициями командовал генерал О'Келли. Днем на равнине не было еще никакого следа прусского лагеря, ни даже сторожевых постов; в продолжение одной ночи образовалась тут целая боевая линия, стоявшая уже с рассветом в боевом порядке. Огромная батарея из 45 гаубиц и 12 больших орудий была уже сооружена и словно выросла в несколько часов из земли. Другая батарея из 30 тяжелых орудий была устроена на небольшом возвышении. Лишь только достаточно рассвело, пруссаки открыли ужасный огонь. Австрийская конница,

расположенная в долинах между горами, была приведена в сильное замешательство градом гаубиц{302} и забилась далеко в горные овраги, причем по пути опрокинула и увлекла в своем бегстве стоявшую рядом с ней для защиты горных гарнизонов пехоту. Тогда пруссаки открыли сильный огонь по укреплениям и стали штурмовать их с тыла и с флангов. Некоторые лучшие прусские полки под предводительством генерала Меллендорфа были предназначены для этого опасного дела. Ни отвесные горы с нагроможденными на них окопами и волчьими ямами, ни засеки, ни орудия, превращавшие каждую гору в форт, не могли остановить наступления [425] пруссаков, которые штурмовали везде, где только могли найти точку опоры под ногами. Генерал Меллендорф нашел менее затруднительный доступ к этим горам через лес; он тотчас же воспользовался им, а так как лошади не могли взобраться на крутизну, то солдаты из полка наследного принца потащили сами одно орудие на гору. Враги бежали отовсюду, и через 4 часа горы эти, укрепление которых стоило стольких трудов, были завоеваны, убито 1400 человек неприятелей и взято 2000 пленных. Кроме того, пруссаки захватили порядочное число орудий и погнали австрийцев по направлению к их главной армии. Столь важный для австрийцев проход при Лейтмансдорфе был тоже утерян ими во время этого сражения. Даун выслал в помощь атакованным генерала Brentano с корпусом, но было уже поздно, и корпус этот был увлечен в общем бегстве. Австрийцы пробовали также сделать вылазку из Швейдница, но скоро были отбиты.

Пока все это происходило, все русские и прусские войска, самые отдаленные от места сражения, стояли под ружьем и наблюдали за главной австрийской армией, которая, однако, спокойно осталась на месте. Но еще в тот же вечер Даун оставил свою позицию и ушел глубже в горы. Знатнейшие русские генералы находились в качестве зрителей при короле на местах сражений. Фридрих дал отъезжающим русским перед их отбытием необыкновенное военное зрелище на память о себе. Он был удовлетворен тем сознанием, что не пользовался услугами этих союзников в течение нескольких недель их пребывания. Кроме казаков, маршировавших в Богемию с генералом Нейвидом, русский корпус все время стоял спокойно в своих лагерях. Ни один русский не пролил крови за прусского короля, который теперь, как и до этого, сражался со своими врагами без посторонней помощи{303}.

На следующий день после этого большого сражения, 22 июля, русские покинули прусскую армию: вожди очень [426] неохотно, так как не надеялись найти где-либо подобную военную школу, — рядовые же весьма охотно, так как они терпели большой недостаток в съестных припасах, кроме хлеба, который им раздавали аккуратно всякий день; получая весьма скудное жалованье, они не могли себе ничего купить другого, а в Силезии нельзя было теперь грабить. Два фунта хлеба ежедневно без всякой другой пищи было слишком мало для русского желудка. Голодные солдаты, завидя прусских офицеров, указывали на рот, пожимая плечами, а многие из них тайком бежали в прусский лагерь просить хлеба, и если им давал кто-нибудь из состраданья, то они бросались в ноги своим благодетелям, чтобы показать им свою благодарность, и скорее уходили со своей добычей.

Венский двор был теперь сильно озабочен тем, что кончился срок перемирия с Портой. Ввиду этого барон Пенклер, живший еще до этого долгое время в Константинополе и знакомый с турецким языком, был отправлен к султану в качестве посла с драгоценными подарками. Но король все же ожидал выступления турок в сентябре. Эту надежду и план, составленный им на случай неудачи, он высказал в тайной корреспонденции герцогу Бевернскому. Если бы ему не посчастливилось при атаке укрепленных высот, то он

намеревался после ухода русских прикрыть лишь Нейсе и Козель, пока не появятся турки. С этой целью еще до Букерсдорфской битвы герцог Бевернский отправился со своим корпусом в Козель, а генерал Вернер — в Нейсе.

Благодаря неудачному сражению при Букерсдорфе Даун был отрезан от всякого сообщения со Швейдницем; дорога туда была теперь отовсюду открыта для короля, который стал делать последние распоряжения для осады этой крепости. Он вызвал обратно из Моравии герцога Бевернского, который совершил там вторжение и где командовавший под его начальством генерал Вернер добился немалых успехов; но все иные соображения должны были теперь [427] уступить место завоеванию Швейдница. Войска эти эскортировали возвращавшиеся из Нейсе тяжелые орудия, недостаток которых был причиной оттяжки осады. Фридрих беспрестанно требовал ускорения марша, на что герцог отвечал: *«Все, что могут вынести люди и лошади, будет и должно быть исполнено»*.

Приготовления к осаде были необыкновенны; одни только округа Нейштадтский и Леобшюцкий должны были поставить 365 погонщиков, 730 лошадей и 866 повозок, запряженных четверками. Среди этих приготовлений Даун ушел в высокие Совинные горы и, казалось, начинал отчаиваться в своих удачах; к довершению всего, один из лучших австрийских полководцев, генерал Драсковиц, попал в плен близ Нейсе. Но осада началась лишь 8 августа. Генерал Тауэнцин был отозван из Бреславля и получил командование над осадным корпусом, который состоял из 24 батальонов пехоты, нескольких полков конницы и очень многочисленной артиллерии. Осаждающих прикрывала армия под начальством короля и корпус под командованием герцога Бевернского. Осада эта, с военной точки зрения, была самой замечательной в этой войне, как по искусным атакам и оборонам, так и по длительности и разным побочным обстоятельствам. Из них следует заметить одно, никогда еще дотоле не замечавшееся. Два француза, старые друзья и бывшие товарищи брани, Грибоваль и Лефевр, командовали в качестве инженеров внутри и вне крепости. Первый состоял еще на французской службе, но был отослан Людовиком XV в австрийскую армию ввиду больших дарований, а Лефевр служил Фридриху. Оба были писателями. Оба в осадном искусстве выработали особые различные системы, которые защищали в своих литературных произведениях. Теперь для них настал редкий момент доказать перед глазами культивированных наций достоинства своих теорий, пуская их в ход друг против друга. Материалы для этих экспериментов, т. е. человеческая кровь, [428] железо и порох, были предоставлены для их опытов. Лефевр хотел овладеть крепостью преимущественно посредством подкопов, притом весьма быстро. Но он крайне неудовлетворительно исполнил свое обещание и был принужден действовать в большинстве случаев по старым правилам.

На требование пруссаков о сдаче комендант отвечал, что постарается постоять за честь австрийского оружия и приобрести уважение Его Прусского Величества. Начался обстрел, который шел очень деятельно, не прекращаясь ни днем, ни ночью. Так же деятельна была и оборона. Крепостная артиллерия дельно работала, и почти всякую ночь совершались вылазки, успех которых был, однако, невелик.

Даун отдыхал на своих горах; решившись непременно освободить этот пункт, он через шесть дней совершил попытку, исход которой казался ему несомненным. Между австрийской армией и Швейдницем, у Рейхенбаха, вдали от королевской армии, стоял большой прусский корпус под начальством герцога Бевернского. Даун собирался

атаковать этот корпус со всех сторон и уничтожить его, пока король не подрос с помощью. Рассчитывая на превосходство своих сил, он надеялся повторить событие при Максене. Четыре корпуса, с Ласси, О'Доннелем, Бекком и Brentано во главе, атаковали пруссаков одновременно с фронта, с обоих флангов и с тыла. Герцог поступил в этом случае как великий полководец. Враги атаковали прусский обоз, который был уже, по видимому, для них потерян. Некоторые генералы хотели защищать его со своими бригадами, но главнокомандующий запретил им это, говоря: *«Если мы будем разбиты, то вряд ли нам удастся спасти что-либо из обоза; если же победим, то мы его скоро отнимем»*. Следуя этому мудрому принципу, благодаря которому Фридрих выиграл в 1745 году сражение при Сооре [{304}](#), пруссаки предоставили свой обоз на разграбление неприятелю и сражались нераздельно. Генерал Бек продолжал свою [429] атаку очень искусно и энергично, так что приобрел некоторые преимущества, но Ласси и Brentано плохо поддерживали его. Между тем пруссаки везде стали во фронт, надеясь на энергию своего короля.

Эта надежда войск его оправдалась, так как при первых же пушечных выстрелах принц Вюртембергский вскочил на лошадь, поспешил во главе королевской конницы во весь опор на место битвы и ударил на корпус О'Доннеля, который был тотчас же опрокинут. За этой конницей следовала полной рысью так называемая конная артиллерия из королевской армии, а за ней сам Фридрих во главе гусарского полка, за которым должны были поспевать несколько пехотных бригад. Впрочем, еще до их прибытия неприятель был уже совершенно выбит из позиции. Потери его составляли 1200 убитых и раненых и 1500 пленных. Пруссаки насчитывали 1000 убитых и раненых и несколько сотен пленных. Обоз их, который неприятель стал было грабить, был вновь отбит с незначительным уроном.

Много высших и низших начальников обнаружили в этой битве большую храбрость, за которую герцог желал бы их наградить; но король не изъявил на это согласия, говоря: *«Если за каждое исполнение долга будут выдаваться отличия, то они, в конце концов, станут весьма обыденными и перестанут быть отличиями»*. После этого Даун ушел в Глац и оставил Швейдниц на произвол судьбы.

Между тем осада, помимо полковой артиллерии, постоянно продолжалась при помощи 68 орудий и 32 мортир и гаубиц. Гарнизон крепости, хотя и лишенный всякой надежды на освобождение, все же не терял мужества. Съестные припасы имелись у него в изобилии, солдат мог их дешево покупать; кроме того, каждый утром получал стакан водки, а в полдень стакан вина. Вследствие тайной инструкции, данной фельдмаршалом Дауном тотчас же после Рейхенбахского сражения, комендант, генерал Гуаско, предложил капитуляцию. Он хотел иметь свободный [430] пропуск, в чем получил отказ. Тауэнцин ссылался при этом на слова генерала Лаудона, который в переписке своей год тому назад с маркграфом Карлом Пруссим по поводу договора о размене пленных положительно заявил, что двор его вовсе не считает себя обязанным ни сдерживать данное слово в вопросе обмена пленных, ни исполнять какое-либо иное обещание. Шесть дней спустя комендант возобновил предложение, предоставляя пруссакам все орудия, все магазины и кассы и обещая не воевать со своим гарнизоном против короля в течение года. И на такое предложение не обратили почти никакого внимания. Вскоре после этого одному императорскому офицеру удалось пройти мимо прусских форпостов и принести генералу Гуаско приказ не отступать от условия свободного пропуска вплоть до крайней нужды.

Однако искусные подкопы Лефевра требовали много времени и вначале мало приносили пользы. Это были так называемые нажимные пули — превосходное изобретение Белидорса, значительно расширившее науку о подкопах как в основах ее, так и в применении, и употребляемое здесь впервые надлежащим образом^{305}. Разнообразная цель этих пуль состояла в том, чтобы на расстоянии от 30 до 40 футов разрушать галереи осажденных с помощью взрыва мин, бросать контрэскарпы в крепостные рвы, устроить новый обеспеченный пункт атаки и открыть без урона и без штурма путь, находящийся под прикрытием, и внешние укрепления; с помощью такого изобретения, применяемого против осаждающих, можно было, кроме разрушения их мин и ложементов, взрывать их батареи на брешах и приблизить собственные орудия к городу. В течение осады было изготовлено много таких нажимных пуль; их наполняли, зажигали, но некоторые из них не имели никакого действия. Были сделаны подземные слуховые ходы, чтобы выследить ходы и местонахождение неприятельских подкопов. Иногда минеры враждебных партий встречались [431] под землей; пока их отделяли земляные стены, они употребляли вонючие пули, распространявшие с отвратительнейшим запахом дым и удушливые пары; завидя же друг друга, они сражались на пистолетах. На более далекие расстояния пользовались паропроводными подкопами, которые, при удачном действии, не только убивали неприятельских землекопов, но и разрушали их мины.

Императорские минеры по численности сильно превосходили прусских, вследствие чего многие попытки последних были неудачны. Это была в полном смысле слова подземная война, при которой враждебные стороны задирались на все лады, но которая принесла однако мало пользы пруссакам. Лефевр был в совершенном отчаянии, так как высокие и низкие начальники прусской армии относились к нему равнодушно, даже презрительно. Его военное честолюбие и слава изобретателя были затронуты самым чувствительным образом; он оплакивал свои несбывшиеся надежды быстрой осады и свою, им же самим признанную теорию, долженствовавшую увековечить его имя; он добивался теперь только смерти, потому ходил на самые рискованные предприятия. Король был до того тронут отчаянием этого офицера, что он, который редко прощал начальнику неудачу и никогда не прощал неспособности, забыл потерю стольких денег и крови, забыл столь долгую проволочку военных операций и сам стал утешать несчастного Лефевра.

Между тем надземная перестрелка свирепствовала беспрестанно с обеих сторон. Каждый час днем и ночью приносил дань смерти. Императорские войска в Швейднице больше всего страдали от этого ужасного положения. Добровольцы их, предпринимавшие до сих пор самые опасные работы, начинали уже тяготиться своим уделом. Вознаграждения, получаемые ими, были для них вернейшими залогами смерти. Тогда упразднили все их тяжелые предприятия, и число их с тех пор ежедневно, даже ежечасно [432] стало уменьшаться. Все австрийские инженерные офицеры были либо убиты, либо ранены. Тяжелые орудия были без лафетов, а для легких орудий уже обнаружился недостаток ядер.

Между тем тут совершен был не один подвиг. Императорский капитан Бради защищал шанец, с которого бежали все его солдаты; при нем осталось лишь 15 человек против нескольких сотен осаждающих пруссаков, которые наполовину уже взобрались на бруствер; схватив пилы, эта горсть австрийцев отпилила бруствер, и в ту минуту, когда силы их были совершенно истощены, они вдруг получили подкрепление и удержались на своем посту. Другой геройский поступок был совершен императорским поручиком Вальдгютером и его храбрым отрядом. Дело касалось весьма необходимой, но и весьма

опасной вылазки в пропасть, чтобы уничтожить грозное действие трех почти законченных прусских подкопов. Вальдгютер предложил свои услуги для этого предприятия, выбрал себе в помощники 32 венгерца и с ними прыгнул в так называемую воронку, пропасть глубиною в 20 футов, где ожидавшие их пруссаки стояли на одном колене, держа вверх штыки. Те, кто не напоролся на них, так яростно стали рубить пруссаков саблями, что последние бежали с большим уроном.

Фридрих усердно посещал траншеи и был весьма недоволен неожиданным замедлением. Он сам делал соответствующие распоряжения, доказывавшие его знания осадного искусства, и велел соорудить брешь-батарею. И все же завоевание этого пункта многим казалось еще весьма сомнительным, и после двухмесячных кровавых трудов стало несомненным, что Швейдниц в скором времени должен быть взят, или же придется снять осаду.

Честолюбие, свойственное одному Фридриху, не желавшему принимать никаких условий от осажденных неприятелей, было причиной такого тяжелого положения. Комендант, желавший снять с себя всякую ответственность, [433] просил позволения выслать одного офицера к Дауну. И в этом он получил отказ, и осада продолжалась еще три недели с непроизводительной затратой человеческой крови, времени и денег. Наконец случай помог осаждающим. Одна прусская гаубичная граната попала в крепость, ударилась о балку крытого прохода, а оттуда отлетела в пороховой склад, наполненный 11 центнерами пороха, дверь которого была не заперта. Благодаря этому целый бастион Яуэрникского форта с двумя австрийскими гренадерскими ротами взлетел на воздух; восемь офицеров со своим начальником, майором Бертгольдом, очень храбрым человеком, сидевших как раз за обедом, в одно мгновение вместе с 200 рядовых сделались жертвой смерти.

В крепостных сооружениях возникла огромная брешь, так что доступ туда стал гораздо легче. В следующую за этим ночь осаждающие взорвали четвертое нажимное ядро, занимавшее пространство в сорок футов; действие его было поразительно. Все соседние подкопы крепости были разрушены, причем взлетела на воздух часть прикрытого пути и сделана была брешь; место это от самой пропасти и до бруствера оказалось покрыто изверженной землей. Тогда начали готовиться к штурму, которого Гуаско, однако, не дождался. Он сдался на следующее утро, через 8 часов после взрыва подкопа, 9 октября, через 63 [дня] после открытия траншей. Оставшийся гарнизон из 9000 человек попал в плен.

Король почтил обнаруженную комендантом храбрость и пригласил его к обеду. Он великодушно забыл, что этот итальянец весьма недостойно поступил с прусским гарнизоном при взятии Дрездена, позорно нарушив капитуляцию генерала Шметтау. Его же условия были точно соблюдены, как и все те, которые пруссаки подписывали в качестве победителей. Они нашли в крепости 352 орудия, 55 400 ядер, бомб, гранат и еще свыше 1000 центнеров пороха; из провианта — 2000 центнеров муки, 740 центнеров сухарей и 25 000 хлебов. Эта осада стоила Пруссии 3033 убитых и [434] раненых, а австрийцам — 3552 человека. Пруссаки сделали 172 163 пушечных выстрела, а австрийцы — 125 453.

Пленные офицеры и рядовые были отправлены в Пруссию. Тем, у которых были деньги, разрешено было путешествовать сухим путем, остальных король на свой счет перевез на кораблях из Штеттина. Страшная буря застигла этот маленький флот. Людям, которым

так долго во время осады пришлось бороться со смертью против других людей, предстояла новая борьба со стихиями. Несколько кораблей пошло ко дну со всем своим грузом; другие же были выброшены на берега польской Пруссии, причем несколькими сотням пленных удалось бежать через Польшу на родину.

Народ в Вене был необыкновенно возмущен против Дауна. Озлобление дошло до того, что супругу фельдмаршала забрасывали насмешками, когда она ехала ко двору, а карету ее встречали целым градом ночных колпаков, синонимов бездеятельности ее мужа. Появлялись то ругательные произведения, то сатирические гравюры, которые прибывали к дворцу Дауна, даже к императорской резиденции. Одна из этих гравюр особенно правдива и остроумна. Она представляла осаду Швейдница. Гуаско, стоя на валах крепости, молит о помощи. На большом расстоянии от крепости выстроена как для парада армия Дауна, наблюдающая в качестве зрителей за происходящим. Фельдмаршал сидит перед фронтом в кресле, в большом ночном колпаке, и держит в руках дарованный папой освященный меч, высоко подняв его, как бы благословляя свои войска. На ножнах этого меча красуется надпись: «*Не убий!*» Слева от фельдмаршала стоит Лаудон со связанными назади руками и потупленным взором. Справа — Ласси, держащий в руке сверток пергамента с надписью: «*План кампании 1763 года*»; на самом пергаменте, однако, ничего не написано. Остальной генералитет стоит отдельными группами, из которых одни протирают глаза спросонья, другие ломают руки над головой, а третьи злорадствуют. [435]

Король приготовился идти в Саксонию. Но так как его научил горький опыт и он сильно опасался за свои силезские крепости, то принял все возможные меры, чтобы обеспечить их от нападения врасплох во время своего отсутствия; кроме того, он оставил в Силезии герцога Бевернского с сильным корпусом. Еще до своего выступления он выслал вперед в Саксонию генерала Нейвида с 20 батальонами и 45 эскадронами для подкрепления армии принца Генриха. Полководец этот и здесь проявил большую деятельность. Генерал Беллинг, сражавшийся до сих пор против шведов, после заключения мира с ними покинул Мекленбург и присоединился к армии Генриха, который оказался в состоянии действовать активно и долго мешал соединению австрийцев с имперцами. У Дебельна он атаковал австрийского генерала Сербеллони и обратил его в бегство, причинив урон в 2000 человек. Сербеллони в свою очередь атаковал через несколько недель прусские передовые отряды, но был отбит и снова потерял 1000 человек. Замечательно, что в первый раз, когда этот полководец выезжал из Вены в армию, императрица убеждала его беречься от необыкновенной деятельности прусского короля. Другие большие сражения произошли еще под предводительством неутомимого Зейдлица при Ауэрбахе и Теплице, причем и этот генерал разбил неприятелей, отнял у них 600 повозок и множество пленных. Генерал Клейст тоже обнаружил свое мужество, сопровождаемое обыкновенно удачами. Он атаковал близ Вальдсгейма австрийского генерала Цетвица и взял его в плен вместе с 2000 человек. Вскоре после того он пленил при Эдеране еще 500 человек.

Между тем и австрийцы дождались торжества. Они атаковали со всей своей конницей один прусский отряд, который не устоял против силы, в 4 раза его превосходящей, и лишился 500 человек. Веллинг также вторгся в Богемию, собирая контрибуции вплоть до Эгера. Венский двор, раздраженный столь частыми неудачами, отнял начальство у [436] Сербеллони и передал его Гаддику, который действительно проявил больше энергии и не раз заставил принца Генриха менять позицию. Пруссакам необходимо было сражение, чтобы поддержать свое положение. Генрих расположился лагерем у

Фрейберга, а в это время большой австрийский корпус под начальством генерала Кампителли соединился с имперцами, которыми командовал принц Штольберг. Войска эти при своих военных операциях походили на металлическую лошадь, которая, по словам маршала саксонского, хотя и поднимает постоянно ногу, но никогда не подвигается. Соединенные враги положились теперь на превосходство своих сил и дали пруссакам удобный случай для сражения. Битва произошла при Фрейберге 29 октября. Она длилась всего два часа, но была очень кровопролитна и решительна. Легкие австрийские войска были опрокинуты, имперская армия атакована за своими окопами и отбита за Мульту. Регулярные австрийские полки, тоже встретившие прусский корпус, сочли, что они в отдельности слишком слабы и не могут оспаривать у пруссаков победы; они сражались недолго и обратились в бегство, оставив свою позицию; их бросилась преследовать прусская конница под предводительством генерала Зейдлица, которому и приписывают удачный исход битвы. Победители насчитывали в этот день 1400 убитых и раненых; неприятели — свыше 3000 человек. 440 из них было взято в плен вместе с 28 орудиями, 9 знаменами, большим количеством обоза и множеством повозок со снарядами.

Через несколько дней после битвы сюда прибыл генерал Нейвид со своим корпусом. Он получил приказ занять высоты у Вейсига близ Дрездена и вновь открыть бомбардировку по городу со стороны Нового города. Но он прибыл слишком поздно: Даун тоже отправил корпус из Силезии, чтобы удержать за собой преимущество в Саксонии, и корпус этот во главе с принцем Альбертом овладел этими высотами ранее. [437]

Разбитые армии выступили в Богемию, куда был отправлен вслед за ними Клейст, с летучим отрядом в 6000 человек; он разрушил там различные магазины и собирал контрибуции вплоть до ворот Праги. Генерал этот получил от короля приказ сжечь известное число деревень вместо протеста жестокостям австрийцев в курфюршестве Бранденбургском. Благородный Клейст примерно исполнил этот приказ. Он велел собрать множество соломы и хвороста на высокой горе и зажечь все это вместе с несколькими жалкими хижинами по соседству, из которых предварительно выселили их обитателей со всем имуществом.

Король получил известие о победе при Фрейберге на своем пути в Саксонию. Этим были ускорены зимние расквартирования его войск, расположившихся цепью от Тюрингии через Саксонию, Ловозиц и Силезию, причем король заключил с австрийцами перемирие. Последним от всех их завоеваний, в конце этой седьмой кампании, остались лишь небольшой участок у Дрездена и графство Глац. Король, лишенный помощи русских, показался им еще настолько могущественным, что они хотели отдохнуть и потому очень обрадовались перемирию, которое, однако, касалось лишь Саксонии и Силезии.

Союзники открыли кампанию при неблагоприятных обстоятельствах. Хотя к ним должны были присоединиться 20 000 русских, о выступлении которых было уже договорено и для которых уже сооружались магазины, но они не явились [{306}](#). Притом главная поддержка в лице Англии, очевидно, изменила королю. Новое британское министерство, как было сказано выше, весьма неблагоприятно относилось к германской войне и потому не обнаруживало ни малейшего усердия для поддержки операций Фердинанда. Но ввиду того, что господствовавшему тогда министру, лорду Бьюту, еще казалось неуместным пренебречь настроением всего народа, весной было послано известное число рекрутов и новый полк горных шотландцев в Германию, где [438] повсеместно все оказывали сильное желание воевать. Так как опустошенные земли

Вестфалии и Нижней Саксонии могли дать лишь скудное продовольствие, то правительство этих областей закупило множество съестных припасов и зерна в Англии и в портах Балтийского моря. Между тем к военным удачам немцев присоединилось новое благоприятное обстоятельство. Герцог Брольш пал жертвой своих версальских врагов; он лишился начальствования в Эльзасе, был отправлен в свои поместья и должен был сложить с себя командование армией, которая вновь была передана маршалу д'Этре.

Между тем к концу зимы союзные войска вновь мобилизовались для открытия кампании 1762 года. Наследный принц атаковал замок Аренсберг, занятый французами и необходимый им для поддержания сообщения с Касселем. Комендант Мюрет потребовал свободного пропуска, на что согласия не последовало, и замок был энергично обстреливаем. После шестичасовой канонады Мюрет сдался с 240 человек на волю победителей. С обеих сторон не было ни одного убитого и раненого, кроме одного английского офицера. Наследный принц, пользуясь приобретенными преимуществами, подошел к Рейну, набирая везде рекрутов, налагая контрибуции и уводя заложников. Эти удачи заставили французских маршалов выступить в поле. Субиз и д'Этре командовали на Верхнем Рейне, а принц Луи Жозеф Конде — на Нижнем.

Вскоре все почувствовали, что начальство отнято у Брольш. Множество неудач, постигших французов в эту кампанию, отметили за немилость, незаслуженно обрушившуюся на этого полководца при его дворе. Фердинанд выступил 24 июня, с рассветом переправился семью колоннами через Димель и напал врасплох на французов, расположившихся лагерем у Вильгельмстала. Ударив на них, он погнался за ними, после жаркой схватки, до батарей Касселя. Иные поспешно переправились через Фульду, оставив 4000 [439] убитых и пленных на поле битвы. Между последними находилась большая часть французских гренадеров {307}. Коннице союзников не довелось участвовать в сражении. Пленные французские офицеры лишились всего своего багажа. Фердинанд восполнил эту потерю весьма великодушно. Через день после битвы он пригласил их на великолепный обед. Под десертом лежала большая прикрытая подставка. Когда все собирались встать от стола, герцог сказал офицерам, указывая на завесу: *«Вот здесь, господа, есть что-то для вас»*. Так как никто не осмеливался поднять крышки, то Фердинанд сам открыл ее, и офицеры, к удивлению своему, увидели множество золотых часов, табакерок, колец и других драгоценностей, которыми все теперь воспользовались на выбор.

Между тем произошел необыкновенный случай. Полуразрушенный замок Фридвальд, принадлежавший ландграфу Гессен-Кассельскому и расположенный у Золингенского леса, был занят 60 гессенскими егерями под начальством поручика Штейглера не для того, чтобы удержать французов, а для безопасности проезжающих от лесных разбойников. Чтобы атаковать этот гарнизон, численность которого, должно быть, сильно преувеличили, французский генерал Штенвиль выступил в поход с 1000 человек стрелков и 3000 легкой кавалерии, к которой примкнули 4000 гренадеров в сопровождении 8 орудий и двух гаубиц. С этими войсками Штенвиль отправился 6 августа ночью против Фридвальда, окружил замок и деревню и занял окружающие высоты; тогда началась атака с трех сторон одновременно. Егеря сделали вылазку и прогнали французов, которые не пытались возобновить штурма, а, стоя в отдалении, хотели зажечь замок бомбами. Началась сильная канонада, длившаяся целый день. Егеря защищались до тех пор, пока дым и пламя не выгнали их из замка; уже две лошади их задохлись в дыму. Французы ни за что не хотели щадить их и решили всех избить, что, впрочем, не было сделано. Штенвиль [440] думал, что эти егеря составляют лишь одну

из команд гарнизона, и спросил, где остальные; тогда, к его удивлению, оказалось, что 60 человек держались целый день в этом ничтожном пункте против 8-тысячного войска.

Чтобы изгнать и французов из их укрепленного лагеря у Касселя, Фердинанд отрезал их коммуникации с Франкфуртом. Французский генерал Рошамбо, прикрывавший последние, был атакован и обращен в бегство после упорного сопротивления. Благодаря этому значительные магазины Ротенбурга попали в руки союзников. Другая победа оказалась одержана 23 июля при Луттерберге между Мюнденом и Касселем, где был атакован и разбит корпус принца Ксаверия. 1000 саксонских гренадеров и 500 кавалеристов были взяты в плен вместе с 15 орудиями. И принцу Фридриху Брауншвейгскому тоже удалось изгнать неприятелей из Кратценберга, откуда он увел множество пленных.

Французы были до того ослаблены этими неудачами, что принц Конде должен был поспешить на помощь большой армии в Гессене. Наследный принц выступил против него и атаковал 1 сентября у Иоганнисберга. Вначале счастье благоприятствовало союзникам, но выгодная позиция французов, превосходство их сил и опасная рана живота, которую получил наследный принц, решили победу. Фердинанд, находившийся поблизости, вовремя подоспел на помощь оставшимся войскам и тем предотвратил окончательное поражение. Союзники лишились в этот день 2400 человек.

Тогда произошло соединение французских армий, которые теперь стали вновь действовать наступательно. Они осадили замок Аменсбург на Оме. Мост через реку, прикрытый в качестве главного прохода шанцем, вначале был защищаем со стороны союзников лишь 200 человек. Но обе армии постоянно высылали свежие войска для поддержки сражающихся. Битва эта была необыкновенна и длилась 14 часов при очень сильном огне. Французы расставили [441] тут 30 тяжелых орудий, и союзники почти столько же. Первыми защитниками шанца в этот день были ганноверцы; их сменили англичане, затем горные шотландцы; все сражались с отменной храбростью. Один полк сменялся беспрестанно другим, так что половина пехоты обеих армий по очереди участвовала в этой работе, где орудия и ружья наперерыв старались превзойти друг друга в своем ужасном действии. Проход этот непременно надо было взять французам, желавшим спасти Кассель. Ночь прекратила эту убийственную канонаду, стоившую обеим сторонам почти 1000 человек убитыми и ранеными. Одни ганноверцы лишились 321 человека.

Это большое сражение произошло 21 сентября. Союзники удержали мост за собой. С обеих сторон артиллерия была зарыта в землю, чтобы в случае необходимости возобновить ту же трагедию на следующий день; но она не продолжалась более. Но так как сражение происходило больше из-за чести, чем из-за каких-либо существенных преимуществ и французы при своем превосходстве могли тут дольше выдержать, то Фердинанд уступил им этот спорный пункт и увел назад свои войска. На следующий день Аменсбург сдался.

Зима была близка. Хотя державы и работали над вопросом о мире, но он был еще сомнителен. Поэтому Фердинанд хотел заключить кампанию каким-нибудь необыкновенным делом и обратил свои взоры на Кассель. Завоевание этого города, в связи с которым находилось и освобождение всего ландграфства от врагов, обещало ему величайшие преимущества. Осада Касселя была поручена принцу Фридриху Брауншвейгскому, брату наследного принца, показавшему себя достойным с ранних лет

геройского духа, присущего его дому. Комендантом был тут теперь генерал Дисбах, немец, вместо графа Брольи, который также оставил службу после немилости, постигшей его брата при дворе. Уже два месяца город окружили и обстреливали, но лишь [442] 16 октября были открыты траншеи. Атака и оборона были одинаково энергичны. Гарнизон из 6700 человек делал храбрые, но бесполезные вылазки. Тут не были готовы к осаде, и потому открылся недостаток во всем. На подвоз никак нельзя было надеяться, так как Фердинанд занял все дороги и столь удачную позицию, что французам невозможно было послать помощь осажденным. В это суровое время года у них не было дров, кроме того, им отрезали доступ к ключевой воде. С самого начала гарнизон получал конское мясо, которого насолители значительный запас; хлеб пекли из овса, из крахмала, из риса и из тыквы.

Жители больше всего страдали от голода, который дошел до того, что фунт самого плохого коровьего мяса стоил в городе 2 гульдена. Осьмина репы стоила 1 талер, а мера молока — 1 гульден. Этот недостаток самых необходимых припасов заставил гарнизон сдаться 1 ноября; он получил почетный пропуск. Осада эта, стоившая обеим сторонам много крови, была последней жертвой, приносимой смерти в этой войне, так как через два дня после этого были подписаны предварительные условия, прекратившие войну между Францией и Англией{308}.

Фердинанд распустил тогда свои войска, сказав им трогательную речь, вызвавшую слезы у всех присутствовавших. Он благодарил их за доверие и за послушание и заключил уверением, что воспоминание о борьбе за отчизну со столь храбрыми войсками не угаснет в нем до самой смерти. Все в Великобритании восхваляли этого великого вождя. Британский сенат вручил ему через оратора [спикера] Нижней Палаты, мистера Куста, весьма почетную письменную благодарность за необыкновенные услуги, оказанные им Англии, присовокупив к этому годовую пенсию в 3000 фунтов стерлингов пожизненно. Английская армия, насчитывавшая теперь вместо 25 000 человек всего 16 000, выступила в обратный путь, направляясь в Голландию, где их ожидали английские транспортные суда. [443]

Из всех воюющих держав могучая Франция более всех жаждала мира, так как финансы этой монархии совершенно оскудели, торговля ее необыкновенно пала, флот был уничтожен и все ее отдаленные владения в Азии и Америке завоеваны британцами. К этим различным государственным бедствиям присоединился еще сильный недостаток наличных денег во всех провинциях королевства, которое должно было высылать в Германию огромные суммы, очень часто попадавшие через руки английских пиратов в Англию. Людовик XV, принцы крови и знатнейшие дворяне Франции послали свою серебряную посуду в монетный двор; но это вспомогательное средство не соответствовало величине бедствия, при этом оно служило очевидным доказательством невообразимой нужды. Иные патриотические жертвы также ни к чему не повели. Земские чины больших областей и несколько значительных городов снарядили на свой счет военные суда и каперы, но тоже безуспешно; лишь только суда эти появлялись в море, они тотчас же становились добычей англичан. Однажды французы хотели высадиться в Англии, и срок осуществления этого намерения был близок, но ирландец, по имени Маккалистер, сообщил английскому двору место высадки, от чего зависело все предприятие. Человек этот, служивший во Франции в качестве шпиона, случайно нашел очень важные бумаги, которые благополучно привез в Лондон. Множество этих плоских судов пошло ко дну у французских берегов. Таким образом, неудачи преследовали французов на суше и на воде. Вольтер говорит: «Союз с Австрией в течение 6 лет

стоил Франции больше денег и людей, нежели все ее войны против Австрии за 200 лет».

В этом ужасном положении Францию стала покидать и последняя надежда, так как новый союзник ее, испанский король, в один год был лишен англичанами всякой возможности продолжать войну. Гавана, ключ к американским владениям испанцев, оплот их золотых и серебряных [444] рынков, погибла для них вместе со множеством накопленных там сокровищ{309}; уже наполовину завоеванная испанцами Португалия снова стала свободна; цветущий город Пондишери в Азии был разрушен дотла точно так же, как торговые колонии французов на африканских берегах; Канада вместе со всеми важными французскими островами в Америке находилась во власти британцев. Трезубец Нептуна был, очевидно, упрочен за англичанами на целые столетия. Флоты всего мира затмилась их колоссальными морскими силами, блеснувшими на этой стихии подобно невиданному дотолу метеору, освещавшему во всех частях света британские трофеи и простиравшему свои лучи до обоих полюсов. Все эти завоевания, купленные необыкновенной храбростью и национальным долгом, были, кроме одной Канады, возвращены врагам, согласно условиям мира, столь же необыкновенного, как и вся эта война.

Благодаря этому миру{310}, зачинщиком которого был лорд Бьют, Фридрих опять очутился один перед своими врагами; и как бы нарочно желая нагромоздить препятствия на пути этого героя, которым восхищалась вся Европа, в трактате ясно было поставлено, что Ганновер, Гессен, Брауншвейг и другие области союзников должны быть очищены французами и возвращены англичанам; относительно же прусских провинций, находившихся в руках у французов, как-то: Клеве, Гельдерн и других, расположенных в Вестфалии, было сказано, что они должны быть только очищены. Договор, заключенный между Англией и Пруссией, в четвертом параграфе которого положительно оговаривалось, что они не должны заключать ни отдельного мира, ни перемирия без обоюдного согласия, совершенно не был принят во внимание новым британским министерством. Интересы короля и народа, его честь и настроение были совершенно упущены из виду, вследствие чего день провозглашения мира был для всей Великобритании скорбным днем. [445]

Прусский посол в Лондоне протестовал формально против этого вероломного и противного договору мира, насколько он касался его государя; но напрасно. Он был утвержден 10 февраля 1763 года. Это произвело глубочайшее впечатление на Фридриха и возбудило в нем отвращение не к виноватому английскому двору, а к невинной и боготворящей его английской нации, которая никогда еще более единодушно не желала его спасения и праздновала все его победы необыкновенными проявлениями радости. Никогда иностранный государь не был в Англии предметом такого поклонения, как Фридрих. Величайшие ораторы парламента, всех партий не переставали превозносить его до небес; английские поэты воспевали его победы, а народ сжигал на площадях изображения его врагов. Такое настроение свободной и очень культивированной нации, которое могло бы сильно польстить честолюбию, не могло, однако, примирить Фридриха с политическими прегрешениями Сен-Джеймского кабинета. Он вымещал свою обиду на всей британской нации, которую мало знал. Ее благородный энтузиазм и субсидии, выданные ею с такой готовностью для чужой пользы, скоро были забыты. Вместо благодарности он обнаруживал нерасположение, выражавшееся различным образом и угасшее только вместе с его жизнью.

Между тем король прусский воспользовался перемирием, простирившимся, однако, лишь на Саксонию и Силезию, как и вообще на одни лишь прусские и австрийские области, и послал в Империю 10-тысячный корпус. Он хотел силой привести враждебные имперские чины к нейтралитету. Гусарский генерал Клейст получил это поручение, которое исполнил быстро и искусно, появившись сначала во Франконии, которая почти целиком была в союзе против Фридриха, причем взял Бамберг и другие значительные города. На Бамберг была наложена контрибуция в 1 000 000 талеров. Затем он отправился в германскую Венецию — [446] Нюрнберг. Этот германский имперский город представлял странную картину: по языку и нравам — германский, а по образу правления, законодательству и политическому самомнению — совершенно венецианский, так как власть была сосредоточена в руках известных фамилий; граждане пользовались тут лишь ограниченной свободой; мудрые законы для поднятия индустрии были здесь весьма редки, и о значении их составилось очень высокое мнение.

Магистрат этого имперского города велел открыть ворота прусскому генералу, выслав ему предварительно капитуляцию, написанную варварским имперским слогом, причем депутаты обстоятельно разъяснили свои привилегии in Saecularibus et Ecclesiasticis, in Civilibus et Militaribus{311}. Такая речь была новостью для гусарского капитана; он обещал ответить на все, как только прибудет в город. Ответа недолго пришлось ждать. Он был совсем в другом стиле и состоял из большой контрибуции в 1 500 000 рейхсталеров и освобождении арсенала. Клейст не позволил своим гусарам тратить время при совершении этой операции; они совершали набеги по всей округе, налагали контрибуции и распространили ужас до самых берегов Дуная. Тут они освободили всех заложников, которые были уведены из прусских областей во время войны имперскими войсками. В южных имперских землях пруссаков знали до сих пор лишь по рассказам, а за стенами городов сопровождали обыкновенно насмешками небольшие отряды легкой конницы. Но теперь прусские гусары сошли со своих коней и осаждали города. Таким образом был взят вольный имперский город Виндсгейм, а вольный имперский город Ротенберг на Таубере открыл ворота 25 прусским гусарам, тоже грозившим осадой. Вооруженные граждане сошли с валов и заплатили 100 000 рейхсталеров контрибуции. Все имперские князья южной Германии пришли в ужас, а герцог Вюртембергский, чувствовавший за собой сильную провинность, чуть было не бежал в Эльзас. [447]

Гусары, встречавшие повсюду неприятельские области, которые плохо были защищены, шли все вперед и подошли на расстояние одной мили к Регенсбургу. Амфикионы германской Империи были ошеломлены; особенно те, которые во все продолжение войны подавали голос против короля прусского, боялись теперь его мщения. Многие хотели спастись бегством; дунайские суда были нагружены драгоценностями, и казалось уже, что рейхстагу пришел конец. В таком безвыходном положении, когда все думали единственно о собственном спасении, все политические принципы и замыслы, словом, всякие иные соображения были обойдены, и город стал положительно молить о защите прусского посла Плото, к которому в течение 7 лет большинство относилось враждебно, преследуя с крайним ожесточением. Его умоляли защитить имперский совет, который так неутомимо работал все время над гибелью его монарха. Регенсбургский магистрат отправил к нему торжественную депутацию, умоляя о заступничестве перед королем. Плото, облеченный большими полномочиями, изъявил согласие на это, и прусские гусары с тех пор не появлялись более в окрестностях Регенсбурга.

Австрийские войска равнодушно смотрели на всю эту экспедицию, считая себя связанными перемирием. Наконец из Вены пришли распоряжения; сильный корпус

австрийцев пришел форсированными маршами из Богемии и соединился с имперскими войсками под начальством принца Штольберга. Тогда эта армия выступила во Франконию; принц Ксаверий выступил сильным корпусом саксонцев со стороны Вюрцбурга. Клейст был слишком слаб, чтобы вступить в битву с целой армией; поэтому он ушел назад в Саксонию, привезя много заложников, большие суммы денег и 12 заново отлитых нюрнбергских пушек.

Имперские чины, узнавшие, к своему удивлению, что французы собираются переправиться обратно через Рейн и что Пруссия приобрела теперь значительный перевес над [448] Австрией, стали деятельно обнаруживать свое нерасположение к продлению войны. Самое энергичное доказательство этого нейтрального настроения подала Бавария. Курфюршеские войска заняли проходы у Дуная и воспротивились проходу через них австрийцев; баварцы и палатинцы первые отделились от имперской армии и, не обращая внимания на протесты имперского большинства, в половине января выступили в обратный поход. Курфюрст Баварский положительно просил мира, за ним последовали курфюрст Майнцский, епископы Бамбергский и Вюрцбургский. Мекленбург заключил отдельный мир с Пруссией еще в декабре, уплатив 12 000 рейхсталеров оставшихся контрибуций, данных взаймы датским королем.

Теперь Фридрих, видя себя более свободным, надеялся более решительно действовать в следующей кампании, к которой были приняты все меры и употреблены все вспомогательные источники; между прочим не был забыт и Лейпциг, который совсем уже был истощен. Король снова потребовал от города 400 000 червонцев. Жители снова обратились к прежнему посреднику Гоцковскому, умоляя о помощи, на которую едва ли могли надеяться, так как чувство благодарности охладело в них постепенно, когда прошла опасность и пришлось выплачивать долг. Благородный этот человек и его посредничество были теперь проклинаемы. Все утверждали теперь, что заключения в тюрьму и все остальные ужасы кончились бы, если б потерпели немного дольше, а посредник только усилил бедствие жителей, превратив их в нищих. Такие речи, в связи с недружелюбными поступками, стали до того всеобщими, что Гоцковский, находившийся тогда в Гамбурге, отказался взять на себя снова столь неблагодарное дело; к тому же платежи не были сделаны ему в назначенный срок, между тем как он должен был внести всю сумму полностью в королевские кассы. Но лейпцигский магистрат не прекращал своих просьб, которые синдик Кох пересылал нарочными, пока наконец [449] Гоцковский все великодушно не забыл и не поспешил в Лейпциг. На его представления король уменьшил новое требование до 100 000 червонцев золотом и 700 000 рейхсталеров ходячей серебряной монетой, на что Гоцковский по обыкновению дал свои собственные векселя{312}.

Но кроме этой городской контрибуции лейпцигский округ должен был еще поставить более 2 000 000 рейхсталеров наличными деньгами и несколько тысяч виспелей зерна. И то и другое было не по силам округу. Ему стали угрожать грабежом, к которому и приступили уже в нескольких деревнях. Все крестьяне бросились в город. Жалобы их были ужасны и раздавались по всем домам и по всем улицам. Гоцковский и тут стал посредником, собирая сведения о возможных и невозможных требованиях; затем он отправился к королю, поселившемуся на зиму в Лейпциге. В несколько часов вопрос был решен. Было уплачено только 400 000 рейхсталеров деньгами и поставлено 1000 виспелей зерна, за что Гоцковский поручился. Саксонские горные города испытывали ту же нужду из-за лежавших на них больших недоимок и просили заступничества берлинского купца, который тотчас же охотно принял их долг на себя. Таким образом

кончились все военные налоги{*19}.

Упомянутой выше блестящей операцией пруссаков в Империи закончилась война, прекращения которой Мария-Терезия теперь серьезно желала. Надежда завоевать Силезию исчезла совершенно уже с уходом русских и шведов, и война продолжалась с тех пор лишь для поддержания чести. Однако Австрия все же пыталась составить проект овладеть теми областями прусского короля, которые были еще до сих пор заняты французами; последние, обязавшиеся, по причине явного вероломства английских министров, не возвращать прусских провинций, а только очистить [450] их, весьма охотно готовы были уступить те австрийцам. Поэтому уход их войск был отсрочен до прибытия под Рюремонде австрийского корпуса. Фридрих же, имея теперь достаточно солдат, так как он взял на жалованье легкие войска союзной армии и, кроме того, мог всегда воспользоваться услугами свободных гессенцев и брауншвейгцев, принял энергичные меры против этого и выслал корпус войск в Вестфалию. Этим планы австрийцев были разрушены, так как и французы не хотели их поддерживать, и пруссаки овладели всеми этими пунктами уже в декабре 1762 года.

Король собирался открыть кампанию с 200 000 человек, которые должны были действовать одновременно в Саксонии, Силезии и на Рейне; 25 000 человек было предназначено для принуждения силой к заключению мира имперских чинов, все еще вооруженных против Фридриха. Кампания в Империи была весьма заманчива для пруссаков, как по легкости завоеваний, так и по ожидаемой обильной добыче. Рекруты являлись во множестве, а ремонтные лошади быстро стали поставляться из Дании, России и Польши.

Но желание продолжать войну в Вене становилось все слабее. Фридрих, владевший снова всеми своими областями, даже теми, которых он так долго был лишен — королевством Пруссией и вестфальскими землями, — без союзников и без субсидий, после семи ужасных кампаний, был так страшен и могуществен, как никогда еще. Все ждали, что он со всеми своими войсками снова появится в Богемии. Мария-Терезия же стояла совершенно одна, без союзников, на поле битвы. На имперские чины она вовсе не могла рассчитывать, так как самые усердные сторонники ее, крайне утомленные войной и уstraшенные возможным вторжением пруссаков в Империю, все по очереди отзывали свои войска обратно. Хотя недостаток в деньгах не был в Австрии таким всеобщим, как во Франции, но все же финансы Империи были крайне расшатаны; казна, [451] неполная даже в начале войны, несмотря на все заемы, налоги и политические источники помощи, была пуста, а нужды становились все настоятельнее. У Фридриха же не было ни малейшего следа недостатка; о займе иностранных и отечественных капиталов он никогда не думал даже, и поистине изумительным было то обстоятельство, что подданные его не были обременены никакими военными или новыми налогами.

Германия необыкновенно пострадала от этой войны. Целые округа были опустошены, а во всех остальных наступил застой в торговле и ремеслах, несмотря на огромные суммы, стекавшиеся сюда из Франции, Англии, России и Швеции, частью вместе с приходившими в Германию войсками, частью в виде субсидий. Деньги эти по вычислениям составляли сумму свыше 500 000 000 рейхсталеров, поступавших мало-помалу в сокровищницы государей, где они и исчезали, частью же — благодаря возраставшей роскоши — незаметно возвращались обратно к большим торговым народам, не обогатив немцев.

Вся область за Померанией и часть Бранденбурга превратились в пустыни. Другие земли

находились не в лучшем состоянии: они или совершенно обезлюдели, или же в них совсем не было мужчин. Во многих провинциях за плугом ходили женщины, и другие тяжелые земледельческие работы исполнялись девушками. В иных и тех не было; на больших пространствах плодородной земли не видно было никаких следов прежнего возделывания земли. Американские степи Огайо и Ориноко появлялись со всеми своими ужасами на германских полях у Одера и Везера, обыкновенно так хорошо обработанных. Один офицер писал, что, проехав через семь деревень в Гессене, он встретил по дороге лишь одного-единственного человека — проповедника, варившего себе бобы.

Этому столь сильно распространившемуся бедствию положило конец 15 февраля^{313}. В этот день в замке [452] Губертсбурге был заключен мир в Саксонии, после того как за несколько дней до этого рейхстаг в Регенсбурге формально объявил себя нейтральным. Только несколько недель понадобилось для этого столь важного мирного договора, так как теперь его серьезно желали и потому приняли самые целесообразные меры для ускорения дела. Мирными посредниками были не государственные министры и не чрезвычайные послы, которые обыкновенно отличаются больше роскошью, пирами и церемониями, чем дельной работой, а три известных своим умом и деятельностью мужа, больше известные своими заслугами, чем титулами. Ими были: австрийский надворный советник Колленбах, прусский советник при посольстве Герцберг, впоследствии государственный министр, и саксонский тайный советник Фритт. Облеченные большим полномочием, они составили статьи мирного договора, содержание которых преимущественно касалось очищения земель, занятых и завоеванных в течение войны, причем с обеих сторон не было требований о вознаграждении за убытки. Это была основа, предложенная Фридрихом для переговоров. Правда, венский двор пытался удержать Глац, предлагая взамен земли и деньги, но Фридрих ни за что не хотел уступить этот важный пункт. Поэтому австрийцам пришлось возвратить его, причем не уничтожая в нем вновь возведенных укреплений и оставив все так, как было (Колленбах даже великодушно заявил, что его двор не считает это со своей стороны заслугой). За это король велел не торопить австрийцев с освобождением данного пункта, так как оно не могло состояться к назначенному сроку из-за недостатка лошадей. Австрийцы передали пруссакам все крепостные орудия и мортиры вместе с 2641 центнерами пороха, причем из собственных своих снарядов оставили тут 9219 бомб и гранат и 52 803 пушечных ядра, чтобы освободить себя от дорогостоящего транспорта. Это был в своем [453] роде очень странный добровольный подарок, так как будущее назначение этих смертоносных орудий на границах Богемии не подлежало никакому сомнению.

Саксония была очищена пруссаками, которые усерднее чем когда-либо старались собрать недоимки из наложенных тут контрибуций. Еще никогда с этой целью не были принимаемы ими столь жестокие меры. Саксонцы, ввиду близкого мира, не хотели торопиться с платежами и поставками. Тогда стали сажать под арест богатых людей, сыновьям зажиточных семейств грозили солдатчиной, а городам — грабежом. Такими насильственными мерами, которым пришлось следовать, согласно королевским указам, даже самым добродушным начальникам^{*20}, была отчасти достигнута цель и собраны большие суммы денег, о выплате которых никто не помышлял. Эти прусские гражданские операции в Саксонии закончились еще одним очень необыкновенным делом. Чтобы заменить в своих землях сильную убыль населения, Фридрих велел принудить своих солдат к браку. Хорошее воспитание женщин в Саксонии и без того делало здесь брак заманчивым. Начальники войск, тяготившиеся большим количеством женщин при армиях и опасаясь, кроме того, беспорядков, весьма сдержанно распространяли этот приказ, пока король не потребовал от полков отчета о новобрачных. Тогда начальники

подали солдатам сигнал к браку, и целые толпы поспешили к венцу. Множество женщин вышло оттуда за пруссаками, а за ними почти столько же девушек, благодаря чему опустошенные области вновь населились.

В этой войне пруссаки сражались в 16 битвах, не считая многочисленных больших и меньших схваток. 20 осад было предпринято ими и их врагами. Военные издержки [454] Фридриха составляли 125 миллионов рейхсталеров, полученных им из обыкновенных доходов своих областей, из Саксонии, Мекленбурга и других неприятельских земель, а также из Англии. Издержки же Марии-Терезии до такой степени превзошли все доходы ее обширной монархии, что государство было обременено 100 миллионами рейхсталеров новых долгов. Но больше всех потеряла Франция. Война эта стоила нации 677 [миллионов] ливров, и то в такое время, когда годовой доход государства состоял лишь из 307 миллионов; таким образом, весь доход этого обширного королевства больше чем за два года должен был быть пожертвован на войну из-за чужих выгод.

Итак, после семи кровавых лет европейские государи относительно своих завоевательных замыслов находились на том же месте, с которого начали, после того как сражались во всех частях света, после того как пролита была кровь многих сотен тысяч людей и миллионы семейств превратились в нищих, завещав эту нищету во всевозможных видах последующим поколениям. Эта война стоила только Саксонии деньгами и продуктами всякого рода 70 миллионов рейхсталеров, а Европа лишилась при этом 1 000 000 людей. Все государства, принимавшие участие в войне, кроме одной Пруссии, обременили свои и без того жестоко притесняемые области несчетными долгами, которые тяжело почувствуют будущие поколения — и после того как внуки давно перестанут атаковать своих дедов просьбами о рассказах, а имена столь славно сражавшихся героев будут забыты. Враги Фридриха не только не достигли своей цели, но дали совершеннейший промах. Герой этот, гибель которого казалась всем смертным неизбежной, который даже среди своих побед сомневался в своем спасении, заключил теперь мир, не потеряв ни одной деревни из всех своих владений.

После этого настала для Германии великая культурная эпоха; это национальное счастье, которое, по воле судеб, [455] всегда становилось уделом самых знаменитых народов среди самых ужасных войн. Священные для самого отдаленного потомства золотые эпохи наук и искусств во времена Александра, Августа, Медичи и Людовика XIV соответствовали эпохам величайшей военной славы греков, римлян, республиканских итальянцев и французов. У всех этих народов музы пели и ученые производили открытия под ужасающие звуки оружия. Высокий жребий этот выпал в эпоху Фридрихова царствования и на долю немцев, ведущих борьбу со своим неповоротливым языком и с предрассудками других наций. Пока Европа восхищалась их подвигами на полях брани, они насаждали бессмертные лавры в области знания и заняли, как высокообразованный народ, в храме Минервы почетное место, которое в течение столетий выпало на долю лишь немногим племенам.

Гений немцев, облагороженный зрелищем необыкновенных военных стен, принял теперь иное направление и охватил с этих пор неизмеримую область человеческих знаний. Музы, устрешенные тотчас же после своего появления на полях Германии военным смятением, возвратились в свои мирные обитатели, стараясь представить в более мягком свете грубую жизнь воинов. Все это осуществлялось в Германии самым удачным образом. Такова была и самая блестящая эпоха древнего Рима, когда искусства и науки

торжествовали вместе с легионами и Август велел закрыть храм Януса^{314}.

Так окончилась эта семилетняя война, одно из наиболее достопримечательных мировых событий, когда-либо увековеченных в летописях какого-либо государства, и подобная самым замечательным происшествиям древнего мира; война эта, обильная необыкновенными и разнообразными сценами, обманула ожидания всех людей и станет поучительной для полководцев, политиков и философов всех веков и народов.

Примечания автора

{*1} Согласно одному рапорту, врученному принцу Карлу от 10 июня, гарнизон состоял в этот день (пять недель спустя после битвы и всех сделанных вылазок) еще из 38 720 чел. пехоты, 1450 артиллеристов, 5337 кроатов, 3022 — частью драгун, частью всадников — кирасир, и 1049 гусар; всего из 49 578 человек.

{*2} Этот невероятный случай, как и другие сведения о русских, передает известный своими военными сочинениями саксонский артиллерийский полковник Тильке, служивший тогда в русской армии и находившийся в этом сражении.

{*3} Пехотный полк Форкада, впоследствии Лигновского, принадлежавший к берлинскому гарнизону, где автор удостоился чести служить, принадлежал к тем полкам, которые со времени своего основания в 1713 году до октября 1758 года знали о проигранных сражениях лишь по рассказам. Однажды, проезжая в лагере мимо этого полка, король сказал своим спутникам: *«Когда я хочу видеть солдат, то я смотрю на этот полк»*.

{*4} Рассказывает это тот же офицер, барон Эйгберг. Он был в то время императорским ротмистром и состоял при генералах Лаудоне и Гарше адъютантом для обыкновенных поручений. Позднее он жил в Италии, где подробно рассказал об этом случае автору.

{*5} Автор находился, как и почти всегда, в армии короля. Он был очевидцем того, как полк Форкада, в котором он служил, ютившийся в очень тесных помещениях в деревне Костебауде, на расстоянии одной мили от Дрездена, ежедневно ходил в лагерь при Вильсдруфе для смены.

{*6} Автор был очевидцем этого.

{*7} Автор присутствовал на этом сражении и потому подтверждает мнение тех, кто уверяет, что король здесь ожидал армию Лаудона, решившись на атаку, заранее обдуманную им. Иначе выступление войск в боевом порядке на эти высоты является необъяснимым, если предположить, что сражение произошло случайно. К чему ж было стоять под ружьем от полуночи до рассвета, если ничего не препятствовало их маршу, который к тому же уничтожил бы все преимущества их тайного выхода из лагеря? Теряя напрасно время (что вовсе не было свойственно Фридриху), пруссаки предоставили бы австрийцам весьма желанный для последних случай догнать замешкавшегося неприятеля, атаковать его днем со всеми своими силами или же затруднить его дальнейший поход всевозможными способами. Прусская армия на рассвете стояла уже в полном боевом порядке; только в начале атаки были произведены перемены в позиции нескольких

полков второй линии и кавалерии правого крыла.

{*8} Пусть читатель снисходительно отнесется к этому, быть может, слишком яркому описанию. Это не пылкая фантазия, разгоряченная чтениями или услышанными рассказами, но изображение предметов, которые видел сам автор, и ощущений, которые он испытал. Он лично присутствовал в этом сражении, находясь в первом батальоне полка Форкада, шедшего в армии короля во главе первой колонны против неприятеля. Другой батальон был в армии Цитена. Здесь имелась половина первой линии, которая, подобно всей армии, была разделена на две равные части. Один этот полк потерял в этом убийственном сражении убитыми, ранеными и пропавшими 800 человек. Он насчитывал 26 убитых и раненых офицеров; между последними оказался и автор.

{*9} Автор провел эту зиму, раненый, в Лейпциге, и только по выздоровлении в марте 1761 года он отправился в свой полк, квартировавший тогда в Альтенбурге.

{*10} Автору еще не было 14 лет, когда он в декабре 1758 года был выслан в Бреславль в главную квартиру короля вместе с 39 товарищами-кадетами, и Фридрих сам распределил их по полкам.

{*11} Как было сказано выше, король не знал немецких ученых ни лично, ни по их произведениям. Тут он сказал: *«Это самый благоразумный из всех немецких ученых»*.

{*12} Автор стоял тогда с полком Форкада в Штреле.

{*13} Достойный автор «Признания одного австрийского ветерана» оправдывает при этом графа Валлиса военными соображениями, с которыми можно было бы согласиться, если бы при дознании не был найден лозунг *«живым или мертвым»*, придающий этому делу иной оборот.

{*14} Эффенди Ахмет, турецкий посол при берлинском дворе в 1764 году, в присутствии автора спросил одного прусского офицера, не были ли шведы самыми страшными врагами пруссаков в Семилетней войне. Отрицательный ответ сильно, по-видимому, изумил его.

{*15} Аббат Рейналь, несмотря на все пристрастие к своему народу, признает это преимущество за немцами. В своей истории европейских колоний в Индии{289} он говорит: *«Солдаты есть везде в Европе, но полководцы есть только в Германии»*.

{*16} Сам автор, стоявший тогда на зимней квартире в Бреславле, слышал, к своему удивлению, эти странные суждения; это доказывает, как мало знали характер великого государя, с которым так давно воевали.

{*17} Автор слышал, что некоторые полки, стоявшие тогда в Саксонии, по ошибке кассиров, получили эти деньги, об упразднении которых никому даже не снилось. Но армия самого короля в Саксонии, согласно его положительному приказанию, не получала ничего.

{*18} Монтекукколи обыкновенно говорил: *«Для войны нужны три вещи: первое — деньги, второе — деньги и третье — деньги»*.

{*19} Этот столь достойный уважения купец Гоцковский был разорен в 1764 году

большими банкротствами в Голландии. Немалое количество вдов и нуждающихся лиц, получавших ежегодную пенсию от неизвестного благодетеля, узнали имя этого великодушного человека только тогда, когда им перестали выдавать это вспомоществование. Он умер в Берлине в 1775 году, хотя не в нужде, но все же бедным.

{*20}Генерал, граф Лоттум, командовал в Цвикауском округе, где автор стоял на квартире. Жестокость не была присуща этому благородному начальнику: он просил, дружески советовал, представлял последствия — все напрасно. Как ни уважали в нем человека, все же денег нельзя было получить таким путем. Только тогда, когда вслед за определенными приказаниями короля разразился гнев монарха, Лоттум прибег к принудительным мерам.

Комментарии

{1}Речь идет о мирном договоре, заключенном между Францией, Англией и Голландией 30 апреля 1748 г., завершившем войну за Австрийское наследство. В октябре к странам, которые подписали договор, присоединились Испания, Австрия и др. государства, участвовавшие в военных действиях. Фридрих II дважды вступал в эту войну, правда, не столько ради оспаривания прав Марии-Терезии на австрийский престол (претендентом со стороны союзников был курфюрст баварский Карл Альбрехт), сколько ради собственной выгоды. В 1740–1742 гг. он добился округления своих границ за счет присоединения Силезии и Глаца. В 1744–1745 гг. прусские войска снова выступили против Австрии, и Фридрих II добился, что по условиям Дрезденского мира, заключенного 25 декабря 1745 г., Австрия обязывалась не ставить вопроса о возвращении ей Силезии. Для Фридриха II эта война стала первым шагом к всеевропейскому признанию его полководческих способностей. Победы при Мольвице, Чаславе, Гогенфридберге, Зоргау, Хеннерсдорфе и Кессельдорфе сделали прусского короля в глазах Европы опасным противником.

{2}Имеются в виду Мария-Терезия и Елизавета, императрица Российская. Последняя еще в январе 1748 г. послала русские войска на помощь австрийским армиям, действовавшим на Рейне, однако начавшиеся мирные переговоры предотвратили вступление России в войну. Мария-Терезия, естественно, желала вернуть потерянные провинции, Елизавета же ревниво относилась к появлению на западных границах России новой агрессивной силы, которая могла бы начать оказывать нежелательное воздействие на Речь Посполитую — традиционную зону российских интересов.

{3}Речь идет об упомянутых выше 1-й и 2-й Силезских войнах (1740–1742 и 1744–1745 гг.), являвшихся составными частями войны за Австрийское наследство.

{4}Подробнее о причинах этой войны см. ниже, а также в приложении («Мировая Семилетняя война»).

{5}29 ноября 1745 г. Фридрих взял Лейпциг, а 18 декабря и столицу Саксонии Дрезден.

{6}В противовес Уайтхоллскому договору между Пруссией и Англией (январь 1756 г.) Австрия и Франция 1 мая 1756 г. заключили Версальский союзный договор, к которому 11 января 1757 г. присоединилась Россия.

{7}Франция намеревалась обменять захваченный Ганновер на ряд английских

территорий в Северной Америке. См. об этом в приложении.

{8}Заключен 10 декабря 1508 г. между папой Юлием II, императором Священной Римской империи Максимилианом I, французским королем Людовиком XII, испанским королем Фердинандом I и итальянскими государствами (Флоренция, Мантуя, Феррара и др.).

{9}Речь идет о Большом альянсе — союзе, который заключили 7 сентября 1701 г. в Гааге Англия, Голландия и Священная Римская империя против Людовика XIV, собиравшегося объединить с Францией Испанию. Военные действия против Франции начались де-факто еще до заключения этого союза. Большой альянс превратил войну за Испанское наследство во всеевропейский конфликт: несколько позже к Гаагскому союзу присоединились Дания, Бранденбург, Португалия и Савойя.

{10}Войны за Австрийское наследство.

{11}Заклучен в 1648 г. по итогам Тридцатилетней войны. Согласно его положениям, раздробленность Германии на мелкие государства-княжества была усилена, при этом гарантом их независимости стал император Священной Римской империи, фактически сосредоточивший в своих руках внешнюю политику большинства немецких князей.

{12}Вторжение в Саксонию, открывшее военные действия, началось 28 августа.

{13}Имеется в виду Уайтхоллский договор.

{14}Речь идет об Августе II Сильном (правил в 1697–1733 гг.) и Августе III (правил в 1733–1763 гг.), курфюрстах саксонских, являвшихся одновременно польскими королями. Август II был деятельным государем, всячески укреплявшим свою власть в Польше.

{15}Имеется в виду фельдмаршал Дж. Кейт — шотландец по происхождению, 20 лет проведенный на российской службе (являлся генерал-поручиком, одно время был послом в Швеции, губернатором Ревеля и Риги), но из-за трений с Бестужевым-Рюминым вышедший в отставку. Спустя некоторое время поступил на прусскую службу.

{16}Имеется в виду «Memoire raisonne» — брошюра, напечатанная в Берлине и разосланная ко всем европейским дворам. Главным аргументом Герцберга были копии секретных договоров о разделе Пруссии, приложенные к этой брошюре.

{17}Имеется в виду жена третьего сына Людовика XV, дофина Людовика, Мария-Йозефа Саксонская, мать будущего короля Людовика XVI (1754—1793).

{18}Нет сомнений, что союзники не были готовы к войне в 1756 г., отчего обвинения их в агрессивных замыслах несколько блекнут.

{19}В Богемию.

{20}Героем Ловозицской битвы стал герцог Бевернский, который лично повел прусскую пехоту в штыковую атаку и открыл пруссакам путь с высот на их левом фланге в долину Ловозица. Сам Фридрих II оставался на правом фланге, ограничиваясь посылкой подкреплений войскам, штурмующим Ловозиц. Осторожная риторика Архенгольца

подтверждает сомнительность тактических результатов сражения: несмотря на то, что пруссаки заняли поле битвы, они понесли вдвое большие потери, чем неприятель, — вопреки тому, что автор пишет ниже. Фридрих в какой-то момент решил, что сражение проиграно, и собирался покинуть поле битвы, но был остановлен своими приближенными. В конце сражения прусский король едва не погиб от случайного австрийского ядра и даже не пытался преследовать Броуна. Лишь отсутствие инициативы у австрийского командующего, не рискнувшего идти к Пирне по правому берегу Эльбы, пока пруссаки занимали левый берег этой реки, помешало Броуну освободить окруженных саксонцев.

{21} Речь идет о легендарных событиях из истории Древнего Рима. В 321 г. до н. э. во время 2-й Самнитской войны римская армия была окружена ополчением самнитов в Кавдинском ущелье. После многочасового сражения и ночи, проведенной среди врагов, римляне капитулировали. Самниты отпустили всю римскую армию, кроме шестисот заложников, но заставили каждого из освобождаемых неприятельских воинов пройти под ярмом, что, вероятно, символизировало превращение римлян в самнитских данников.

{22} Речь идет о событиях следующего, 1757 г. В июне этого года в Стокгольме был открыт заговор «королевской» партии, стремившейся отнять власть у чрезвычайно усилившегося в то время Сената. Хотя монархическое правление устояло (король отрекся от своих сторонников), главы заговора, граф Горн и граф Браге, были казнены.

{23} В 1730 г. Фридрих II, тогда еще наследник престола, чьи отношения с отцом, Фридрихом Вильгельмом I, были крайне напряженными, пытался бежать из Пруссии. Король сумел узнать о его намерениях, арестовал сына, поместив его в крепость г. Кюстрин, и даже собирался судить его, обвиняя в измене. Однако ходатайство венского двора, а также старания влиятельной тогда в Пруссии проавстрийской партии привели к примирению короля и его наследника. Более того, Фридриха II посватали за Елизавету-Христину, принцессу Брауншвейг-Бевернскую, племянницу австрийской императрицы.

{24} При императоре Карле VI (родился в 1685 г., правил в 1711–1740 гг.) Австрия на короткий срок стала гегемоном Европы. После серии войн под австрийским владычеством оказались большая часть Италии, Сербия с Белградом, Бельгия. Карл VI принял так называемую «Прагматическую санкцию» (1724 г.), по которой все имперские владения в едином и неделимом виде должны были быть унаследованы его дочерью Марией-Терезией. В конце правления Карла VI Австрия потеряла Неаполь и Сербию, а после его смерти курфюрст Баварский, оспаривая «Прагматическую санкцию», спровоцировал всеевропейскую войну за Австрийское наследство. Леопольд I (1640–1705) — император Священной Римской империи (1658–1705). В 1683 г. его столица, Вена, была осаждена огромным турецким войском. Польский король Ян Собеский явился на выручку Леопольду с польско-немецкой армией и принудил турок к отступлению. Однако Леопольд повел себя крайне высокомерно со спасителем Вены, всячески подчеркивая свой императорский статус.

{25} Регенсбург имел статус вольного имперского города. Однако его значение было велико по той причине, что именно здесь с 1645 по 1806 гг. заседал имперский рейхстаг. Двусмысленность ситуации, в которой оказался Фридрих II, заключалась в том, что, в сущности, бранденбургский двор, представителем которого он был, являлся лишь одним из правительств, входивших в Священную Римскую империю. Если сейм поддерживал большинством голосов императора, это обязывало все немецкие государства выступать

против своего собрата.

{26} Речь идет о боязни английского короля потерять Ганновер, являвшийся его фамильным владением. Между тем эта территория автоматически становилась ареной боевых действий, едва в войну вступала Франция.

{27} То есть Восточная Пруссия.

{28} В 1657 г. к курфюршеству Бранденбург перешло герцогство Пруссия (Восточная Пруссия), не являвшееся частью Империи. В 1701 г. курфюрст Фридрих III получил от императора Леопольда титул короля Прусского (после принятия титула — Фридрих I), что делало его, из-за наличия собственных, не имперских владений, самодержавным государем — подобно тому же королю Швеции.

{29} Амфиктионами в Древней Греции называли государства, которые заключали союз для совместной защиты какой-либо святыни. Так, амфиктионами Дельф были практически все государства Эллады. Нарушившим права святыни объявлялась «Священная война».

{30} Покажите мне добродетели, а не штанишки (*фр.*).

{31} Имеется в виду Велявско-Быдгощский трактат 1657 г. между Польшей и Бранденбургом. Во время его подписания Польша находилась в состоянии войны со Швецией и, дабы получить союзника, отказалась от своих прав на Восточную Пруссию в пользу бранденбургского курфюрста Фридриха Вильгельма (бранденбургские курфюрсты владели герцогством Пруссия с 1618 г. — но как вассалы польской короны). Дополнительным условием соглашения была взаимная военная поддержка в случае внешней угрозы. При нападении на Польшу Бранденбург должен был выставить шеститысячную вспомогательную армию, точно так же снаряжала вспомогательные отряды и Польша — в случае угрозы Бранденбургу.

{32} Тем не менее формально Польша сохраняла в этой войне нейтралитет.

{33} Карл V (1503–1558) — император Священной Римской империи (с 1519 г.), государь, на правление которого пали многочисленные войны с Францией, а также ряд конфликтов внутри Германии, связанных с распространением протестантизма (например, т. наз. Шмалькаденская война 1546—1547 гг.). Густав Адольф (1594—1632) — король Швеции (с 1611 г.), прославившийся своим участием в Тридцатилетней войне (в период 1630–1632 гг.), когда ареной военных действий стала вся Германия.

{34} Одноглавый орел — герб Пруссии.

{35} Задачей разделения прусских сил и вторжения с разных направлений был захват австрийских магазинов, без которого пребывание прусской армии во враждебной стране было бы невозможно, а также создание угрозы тылу корпуса Броуна, занимавшего неприступные позиции за р. Эгер.

{36} Перед сражением при Праге Фридрих II обладал достаточным численным превосходством, чтобы отправить тридцатитысячный корпус Кейта на левый берег р. Молдова, дабы перерезать неприятелю путь отступления через Прагу на запад. Тем не менее, по мнению многих ученых, изучавших это сражение, целью Фридриха являлась не

блокада войск Карла Лотарингского в Праге, но нанесение им поражения и преследование в южном направлении. Австрийцы были отброшены в город лишь после неудачного исхода первых атак и движения прусских колонн в обход их правого фланга.

{37} Часть австрийцев, отступив в южном направлении, влилась в деблокирующую армию Дауна.

{38} На самом деле потери пруссаков в этом сражении были даже больше, чем потери австрийцев, которые все время занимали оборонительное положение и отступали в относительном порядке.

{39} Публий Деций Мус — римский консул 340 г. до н. э., который во время сражения при Везувии (т. наз. Латинская война) обрек себя на жертву богам, в результате чего римское войско одержало победу.

{40} Алезия (ныне — Ализ-Сент-Рэн) — крепость, ставшая центром сопротивления галлов во время галльского восстания 53–51 гг. до н. э. Юлий Цезарь осадил в ней не менее 80 000 человек.

{41} Именно навстречу отряду фельдмаршала Леопольда фон Дауна и был отправлен с восемнадцатитысячным корпусом герцог Бевернский сразу после Пражской битвы. Однако перехватить Дауна до его соединения с другими австрийскими отрядами герцогу не удалось, и он перешел к пассивному наблюдению за неприятелем.

{42} Речь идет о сражении при Гавгамелах (Арбелах) в 331 г. до н. э., где Александр Македонский нанес решающее поражение персидской армии Дария III Кодомана, после чего все центральные сатрапии персидской державы оказались открыты вторжению завоевателей.

{43} Косой боевой порядок — о котором столь возвышенно говорит здесь Архенгольц — заключался в сосредоточении на одном из флангов основных сил армии, которые и наносили решающий удар по неприятелю. Другой фланг должен был лишь прикрывать эту атаку, парируя возможные контрвыпады врага. Честь открытия такого боевого порядка приписывается греческому (фиванскому) полководцу Эпаминонду, успешно применившему его в сражении при Левктрах (371 г. до н. э.). В военной литературе XVIII столетия наиболее хрестоматийным примером удачного использования косого боевого порядка считалась победа Александра Македонского при Гавгамелах.

{44} В XVIII столетии батальон, с целью организации его огня во время сражения, делился на два дивизиона, а каждый дивизион — на четыре plutonга. На учениях тренировали поочередную стрельбу plutонгами, которая — при тогдашней скорости заряжания — обеспечивала более или менее равномерный огневой заслон.

{45} 4 июля 1745 г. (во время 2-й Силезской войны) прусские войска нанесли сокрушительное поражение объединенной саксонско-австрийской армии.

{46} Речь идет о событиях войны Рима с эфирским царем Пирром (280–275 гг. до н. э.). В 280 г. Пирр победил римскую армию при Геракле. Сражение было ожесточенным, и потери Пирра оказались крайне высокими. Именно к Геракле относят ставшие знаменитыми слова эфирского царя: «Еще одна такая победа — и мне не с кем будет

вернуться в Эпир!»

{47}Описания сражения при Коллине противоречивы и достаточно запутанны. Основной причиной неудачи Фридриха считается тот факт, что его слабое правое крыло, которое имело задачей лишь прикрытие атаки левого, само начало частное наступление и, вместо постепенного движения влево, вслед за основными силами, уже одолевшими правый фланг австрийцев, оказалось связано неприятелем. В прусском фронте образовался разрыв, и из-за того, что прусская армия значительно уступала австрийцам в силах, Фридрих не смог заполнить его. Как писал позже сам прусский король, ему для победы не хватило всего четырех батальонов. Архенгольц приводит примерно верную оценку потерь, но к ним на прусской стороне нужно прибавить еще более 3000 человек, дезертировавших при отступлении.

{48}Во время первого периода Гражданских войн в Риме, в 88 г. до н. э., Гай Марий был вынужден бежать из Рима, занятого его врагом, Корнелием Суллой.

{49}Списочный состав русской армии Апраксина, вступившей в Восточную Пруссию, насчитывал не более 88 000 человек. В действительности, естественно, численность русской армии была еще ниже этой цифры.

{50}Архенгольц перечисляет принадлежавшие прусскому королю области на западе Германии, которые в 1757 г. были оккупированы французами и имперцами.

{51}Принц Вильгельм Прусский командовал одним из двух корпусов, которые Фридрих оставил в северной Богемии с целью захвата всего находившегося там продовольствия, что воспрепятствовало бы ожидавшемуся австрийскому вторжению в Саксонию.

{52}Неудача Вильгельма Прусского, по сути не имевшая серьезных стратегических последствий, была воспринята Фридрихом II очень тяжело. Она наложила на впечатление от поражения при Коллине, в результате чего король даже пытался покончить жизнь самоубийством.

{53}Многие из своих сочинений Фридрих II подписывал как «Философ из Сан-Суси». Сан-Суси — королевский дворец около Потсдама; обстановка и образ жизни, заведенные в нем Фридрихом, были достаточно скромными.

{54}Видимо, речь идет об аббате Берни, министре иностранных дел Франции.

{55}Имеется в виду Мориц Саксонский (1696–1750), побочный сын Августа II Саксонского, генерал-фельдмаршал Франции. В войне за Австрийское наследство командовал французскими армиями. Во время наиболее удачных для Морица Саксонского кампаний в Нидерландах (1745–1748 гг.) под его началом служил д'Этре.

{56}16 апреля 1746 г. при Куллодене английские войска разгромили шотландских ополченцев, выступивших на стороне Карла Эдуарда Стюарта, внука Якова II. Эта битва завершила т. наз. «восстание яковитов», являвшееся последней попыткой Стюартов вернуть себе английский престол.

{57}В 1743 г. во время войны за Австрийское наследство англо-германская армия, возглавляемая королем Георгом II, одержала победу над французским корпусом генерала де Граммона. Георг II проявил во время сражения недюжинную полководческую

решимость, удачно воспользовавшись разделением численно превосходящих французских войск.

{58}С самого начала похода французской армии происходила сложная дипломатическая игра: до последнего момента французы старались создать у правительства Ганновера впечатление, что их целью являются исключительно прусские владения, — и преуспели в том.

{59}Имеется в виду Генрих Брауншвейгский, племянник знаменитого Фердинанда.

{60}Оправданием герцогу Кумберлендскому может быть то, что численное превосходство французов — при чуть более решительном образе их действий — позволило бы его противникам раздавить англо-германскую армию еще до захода солнца.

{61}На самом деле Луи Франсуа Арман дю Плесси, герцог де Ришелье, имел определенные военные заслуги. Именно его экспедиционный корпус в апреле—мае 1756 г. оккупировал остров Менорку, что произвело сильное впечатление среди европейских дворов. Таким образом, ожидалось, что назначение Ришелье оживит франко-имперские войска.

{62}Столица ландграфства Гессен-Кассель.

{63}Речь идет о сражении близ Саратоги 7 октября 1777 г. во время войны за независимость Североамериканских колоний Великобритании. Отбив атаки английского корпуса, которым командовал генерал Бэргойн, американцы (генерал Гейтс) преследовали отступающих англичан в течение восьми дней, пока 15 октября те не сдались на капитуляцию. Это сражение стало переломным пунктом в войне — особенно в моральном плане.

{64}Во французской королевской армии по традиции, идущей еще с начала XVI столетия, служило несколько наемных швейцарских полков. Они нанимались на определенных условиях, в том числе определялись и театры военных действий, на которых они должны были действовать в случае войны.

{65}С перчатками произошел знаменитый забавный казус — когда они были вручены Марии-Терезии, то выяснилось, что все перчатки на одну — левую — руку.

{66}5 июля, тогда же были взяты Тильзит, Гумбиннен, Истенбург. Повторимся, что русская армия насчитывала не 100, а 88 тысяч человек, к тому же ее состав постоянно уменьшался — и из-за болезней, возникших в результате плохой организации снабжения, и из-за расхода войск на гарнизоны, оставляемые в тылу.

{67}Сложно оценить этот рассказ Архенгольца с точки зрения его правдивости. Нет сомнения, что иррегулярные русские части, и прежде всего казаки, отличались отнюдь не цивилизованным нравом — в отличие от достаточно дисциплинированных регулярных частей (такая картина, впрочем, наблюдалась во всех армиях). Однако история о сплошном разграблении Восточной Пруссии выглядит пропагандистским приемом, цитатой из какого-нибудь манифеста прусского двора, имевшего целью привлечь к Фридриху II сочувствие Европы. Если бы все было так, как описывает Архенголец, то трудно понять то спокойствие, которое царило в Восточной Пруссии в 1758–1762 гг., когда она находилась под русской властью. Тем не менее после Семилетней войны

описание казаков как диких орд насильников станет общим местом в западных исторических сочинениях — вплоть до наших дней.

{68}Стратегическая ситуация на самом деле была такой: Левальд занимал укрепленные позиции близ Велау, перекрывая русским войскам прямой путь на Кенигсберг. Апраксин не рискнул атаковать их, вместо этого он начал обход позиции пруссаков с юга, близ Симонена переправился на левый берег реки Прегель и занял прибрежные высоты. Левальд, надеясь разбить русские войска неожиданным ударом, также последовал на левый берег Прегеля и внезапно атаковал русских, когда они несколькими колоннами спускались на Егерсдорфское поле.

{69}Основной удар пруссаков приняла на себя левифланговая дивизия Лопухина, атакованная главными силами Левальда. Она была приведена в такое расстройство, что несколько батальонов обратились в бегство. Сам генерал Лопухин был убит, что еще более усилило беспорядок. Более того, прусская кавалерия принца Гольштинского прорвалась до деревни Зитерфельд, находившейся за оконечностью русского левого крыла. Находящаяся на правом фланге дивизия Броуна имела дело лишь с конницей пруссаков под командованием генерала Шормлера (двадцать эскадронов), однако последняя действовала настолько энергично, что потеснила передовые части и едва не захватила русские батареи. Осложняло дело то, что Апраксин практически не руководил войсками.

{70}Между дивизиями Броуна и Лопухина образовался разрыв, вызванный тем, что здесь Егерсдорфское поле окаймлялось болотистым лесом. Русская дивизия Фермора, находившаяся за этим лесом, начала движение вправо, ее головные части поддержали Броуна и даже угрожали Гросс-Егерсдорфу, на который опиралось левое крыло пехотного строя пруссаков, однако контратакой резервов Левальда были отброшены. Дело решила бригада генерала Румянцева (будущего фельдмаршала, героя русско-турецких войн). Румянцева не стал двигаться следом за Фермором, а по личной инициативе приказал солдатам пройти через болотистый лес, чтобы напрямую вырваться на Егерсдорфское поле. Поскольку в этот момент правое крыло дивизии Лопухина подалось назад, левый фланг атаковавших пруссаков последовал за ним, подставив себя под удар появившейся прямо из чащобы бригады Румянцева.

{71}Согласно российским данным, потери были следующими: прусская армия — 5000, из них 600 пленных и 300 дезертиров; русские — 5400 человек. Упорство этого сражения произвело гнетущее впечатление на Апраксина.

{72}Апраксин 25 августа занял Алленбург, но затем приказал вернуться за Прегель и очистил Восточную Пруссию.

{73}Елизавета II была тяжело больна, и канцлер Алексей Петрович Бестужев-Рюмин собирался после ее смерти возвести на престол не Петра III, племянника Елизаветы, а внука императрицы, Павла, который правил бы до совершеннолетия под опекой самого Бестужева и своей матери, Екатерины (будущей Екатерины Великой). Для совершения этого переворота он хотел иметь под рукой армию. Поскольку вскоре здоровье императрицы пошло на поправку, Бестужев отдал в конце сентября Апраксину приказ вернуться в пределы Пруссии. Именно отказ выполнить это предписание стал поводом для отстранения последнего от руководства армией. Версия, приводимая ниже

Архенгольцем, показывает, сколько гипотез вызвало в Европе отступление Апраксина.

{74}То есть ламаизм. Калмыки переселились на территорию нижней Волги и Прикаспия в начале XVII столетия. В середине того же века сложилось Калмыцкое ханство, которое было принято в русское подданство. Калмыки сохраняли целый ряд вольностей в области самоуправления и свободы вероисповедания. Участвовали во многих войнах, поставляя в русскую армию иррегулярную конницу. Впрочем, в 1771 г. большая их часть во главе с Убуши-ханом вернулась на территорию Китая. Оставшиеся стали предками современных калмыков.

{75}Преувеличение Архенгольца демонстрирует, насколько опасались «казацкого нашествия» европейцы в XVIII столетии. В Семилетней войне участвовали главным образом полки из Донского казацкого войска и украинские казаки.

{76}Армией шведов командовал генерал Унгерн-Штенберг.

{77}Завершившего Тридцатилетнюю войну; именно условия этого мира сделали Швецию на несколько десятилетий гегемоном в северной Германии. Ирония Архенгольца заключается в том, что шведы к началу Семилетней войны давно уже утратили роль державы-гегемона.

{78}То есть в прусской Померании.

{79}Французы заняли утром 15 сентября Готу, в которой находилось 4 кавалерийских полка под командованием Зейдлица. Последний, понимая, что с кавалерией город не удержать, вывел ее и приготовился атаковать французов, если они начнут продвигаться дальше. Однако, поскольку до самого вечера французы не покидали город, Зейдлиц решил атаковать сам — наудачу.

{80}Имеется в виду знаменитое сражение между шведско-саксонской армией и войсками Католической лиги 16 ноября 1632 года, во время Тридцатилетней войны.

{81}В действительности их армия насчитывала около 43 000 солдат.

{82}8-тысячный отряд генерала Сен-Жермена, который так и не участвовал в сражении, оставаясь в бездействии против 2-тысячного кавалерийского охранения, оставленного Фридрихом близ деревушки Шортау.

{83}Традиционное название тяжелой французской кавалерии. В данном случае имеются в виду французские кирасиры.

{84}«Пощады!» (*фр.*), «Квартира (т. е. постой, жилище)!» (*нем.*).

{85}Фолар — видный французский военный теоретик, известный своим сочинением о Полибии и книгой под названием «Новые открытия в области войны». Являясь сторонником косоугольного боевого порядка (см. прим. 43), он предлагал строить ударные отряды густыми, глубоко эшелонированными колоннами (подобно «священному отряду» фиванцев при Левктрах). Субиз, будучи сторонником концепции Фолара, хотел применить их в тот момент, когда французская армия выйдет во фланг расположения Фридриха. Однако союзники наступали, не имея ни передовых дозоров, ни бокового боевого охранения, поэтому для них полной неожиданностью было появление на г. Янус

прусской артиллерии, а с востока от нее — неприятельской конницы. Поскольку «фоларовы колонны» не были поддержаны действиями стрелков, прусские полки, развернутые в линию, нанесли им своим огнем огромные потери.

{86}Теоретики, немало сделавшие для развития французской артиллерии.

{87}Согласно более поздним подсчетам, потери пруссаков составили около 500 человек. В свою очередь союзники потеряли порядка 7000 человек (главным образом пленными), 67 орудий, два десятка полковых знамен и весь обоз.

{88}Речь идет о Питте Уильяме Старшем (1708–1788) — одном из крупнейших английских политических деятелей XVIII столетия. Фактически возглавлял группировку «патриотов», требовавших всемерного расширения английского влияния и превращения Британии в державу-гегемон. С 1756 г. был лидером вигов в парламенте, с 1757 г., являясь одновременно главой военного министерства и министерства иностранных дел, стал главой правительства.

{89}Это был день празднования именин французского короля.

{90}Карл Вильгельм Фердинанд станет герцогом Брауншвейгским в 1780 г. Во время описанных событий он носил титул герцога, будучи одним из принцев правящей династии.

{91}Союзные войска наступали пятью мощными колоннами, и было очевидно, что, если Карл Лотарингский наутро возобновит атаку, пруссаки, чьи силы были уже на исходе, не удержат лагерь; во время же отступления в Бреславль армия герцога Бевернского под нажимом неприятеля могла просто рассыпаться.

{92}Согласно австрийским данным, в плен сдались 5000 человек.

{93}Отряд Герсдорфа (не более 2500 человек) прикрывал в Пархвице переправу через Кацбах и был захвачен внезапным нападением.

{94}Имеется в виду Неймарк, захваченный пруссаками 4 декабря.

{95}Архенгольц как всегда приводит наиболее выгодные для восхваления его героя данные. 90 000 человек — это общая численность армии Карла Лотарингского, действовавшего в Силезии. Между тем сильные гарнизоны были выделены для Швейдница, Бреславля; уже понесли большие потери отряд Герсдорфа и авангард в Неймарке. Видимо, ближе к действительности данные, которые использует Дельбрюк: прусская армия насчитывала ок. 40 000, австрийская ок. 66 000 человек.

{96}Фридрих имел несколько дней для отдыха — после соединения своего корпуса с корпусом Цитена.

{97}Речь идет о построении батальонов и полков таким образом, что армия Фридриха, двигавшаяся мимо неприятельского фронта, была организована в четыре колонны (пятая являлась передовым отрядом), причем в каждой колонне тактические подразделения маршировали, разделенные на плутонги (см. прим. 44), один плутонг за другим. При приближении к объекту атаки (точнее, уже во время самой атаки) они развернулись в три линии (задние плутонги выдвинулись и заполнили пространство между колоннами;

четвертую линию составили гусарские полки).

{98}Даун предположил, что неприятель отступает, по той причине, что Фридрих не разворачивал полки для боя, а, наоборот, стягивал их, по мнению австрийцев, в походные колонны.

{99}Движение австрийских резервов вправо было вызвано тем фактом, что армия Фридриха появилась первоначально именно перед правым крылом их позиции, отбросив прикрывавший подступы к австрийским батареям кавалерийский отряд.

{100}Причиной ошеломляющего успеха Фридриха было то, что он воспользовался нерешительностью командования австрийцев и смог неожиданно подвести практически всю свою армию к оконечности левого крыла неприятеля. Здесь была произведена атака (поэшелонно, с захождением правым плечом: строй из четырех линий был образован лишь в разгар сражения), которая потрясла левый фланг неприятеля. Добившись в первый, решающий, момент численного превосходства, в дальнейшем Фридрих легко парировал действия подходивших неприятельских полков центра и правого фланга. Благодаря тому, что на левом крыле пруссаков генерал Дризен удачно расположил несколько батарей, а на правом Цитен, используя резервные гусарские полки, отбросил австрийскую конницу, появилась возможность занять охватывающее положение по отношению к двигавшимся через селение Лейтен неприятельским частям. В результате в какой-то момент перед фронтом основных прусских сил скопилась масса глубиной в сорок шеренг, не имеющая наступательной энергии и почти неуправляемая. Поражаемая огнем артиллерии Дризена с одного крыла и ружейным огнем нескольких прусских батальонов, выдвинувшихся на поддержку Цитена, с другого, она была обращена в бегство.

{101}На самом деле общие потери пруссаков были выше, достигая 5–6 тысяч человек.

{102}Фридрих II следующей же ночью после сражения при Лейтене захватил нетронутыми мосты через р. Швейдниц в местечке Лисса и провел свою армию к стенам Бреслава прежде, чем австрийцы смогли поддержать его гарнизон.

{103}Интересно, что при сложении австрийских потерь и бежавших через Богемские горы остатков армии Карла Лотарингского все равно не получается искомое число в 90 000 человек, о котором шла речь выше.

{104}Большая часть шведов эвакуировалась на о. Рюген.

{105}До этого момента англичане предпочитали использовать свои сухопутные войска для обороны метрополии против возможной высадки французов, а также для действий против французских колоний, прежде всего с целью оккупации Канады.

{106}Вилим Фермор (англичанин по происхождению, родившийся в 1702 г. в России и прослуживший в России всю жизнь), назначенный по отставке Апраксина главнокомандующим действующей армией, носил чин генерал-аншефа.

{107}В декабре—январе тридцатитысячная армия Фермора оккупировала Восточную Пруссию. 11 января без боя был занят Кенигсберг. Из-за отсутствия регулярных полевых войск (ушедших в Померанию вместе с Левальдом) сопротивление русским

оказано было только под Данцигом.

{108}В письме, отправленном в Вену с князем Лобковицем, Фридрих сам угрожал таким походом.

{109}Это произошло 18 апреля.

{110}После взятия Швейдница Фридрих II сделал вид, что направляется в Богемию, и Даун, возглавивший австрийскую армию, сосредоточил свои силы именно там. Однако вместо этого пруссаки вторглись в Моравию, оттеснив небольшой корпус Де Вилле, находившийся в Верхней Силезии, и подступили к Ольмюцу.

{111}То есть с восточной стороны, где крепостные стены выходили на эту реку.

{112}5 мая Даун подошел к Лейтомышлю (севернее Ольмюца) и в течение этого месяца несколько раз менял свои позиции, оказавшись в конце концов к югу от осажденной крепости. Всякий раз лагерь, которые занимала его армия, были столь искусно расположены, что Фридрих, наученный горьким опытом прошлого года, не пытался их атаковать. Его задачей был постепенный подвоз необходимых для осады материалов — так как взять их все с собой с самого начала он не мог из-за слишком большого транспорта, который тогда пришлось бы конвоировать (в этом случае армия двигалась бы слишком медленно и Даун успел бы парировать поход на Ольмюц). Все нужное теперь подвозилось по частям. 22 мая к прусской армии подошел транспорт с тяжелыми орудиями, охраняемый Фуке. Уже ему пришлось выдержать схватки с летучими австрийскими отрядами.

{113}1 июля, в тот же день, когда Лаудон разгромил прусский обоз, Даун с главной австрийской армией совершил марш-бросок к Мораве и переправился на восточный берег. Небольшие прусские отряды, блокировавшие крепость с этой стороны, были вынуждены ретироваться, в результате чего австрийцы полностью прервали сообщение Фридриха II с Силезией и в любой момент могли усилить гарнизон Ольмюца.

{114}Имеется в виду Фабий Максим Кунктатор, римский полководец, известный своими действиями против Ганнибала. Чтобы уберечь армию от столкновения с более сильным противником, он умело уклонялся от сражений с карфагенянами, истощая тех и выигрывая время для реорганизации римских вооруженных сил. Интересно, что в австрийской военно-исторической традиции с Фабием обычно сравнивается именно Даун, который во время операций против Фридриха действительно следовал образцу Кунктатора.

{115}На самом деле Фридрих II не знал о том, что все силы австрийцев находятся на противоположном берегу Моравы, и направился на север, в район Цвитау, с наиболее подвижными ударными частями своей армии — рассчитывая с боем проложить путь через горы на границе Моравии и Богемии. Кейт значительно медленнее двигался за ним; вскоре он отставал от короля на целый переход. Однако Даун не решился на атаку. Точно так же он не решился на атаку и позже, в середине июля, когда Фридрих, прикрывая отход своего обоза через перевалы в Силезию, занимал позицию близ Кенигсгреца.

{116}Фермор был назначен генерал-губернатором королевства Прусского.

{117} Почти все эти города были заняты сводным корпусом генерала Штофельна. Эльбинг заняла дивизия Салтыкова.

{118} Фермору удалось воспротивиться желанию Конференции при Высочайшем Дворе (коллегиального органа, руководившего военными действиями русских войск из Петербурга) разделить действующую армию на три отдельных корпуса для операций в Померании, Бранденбурге и Силезии. Тем не менее в течение весны и июня русские очень медленно продвигались к прусским провинциям — объясняя это сильным разливом рек в восточной Померании и Великой Польше. Узнав в июле, что Фридрих оставил осаду Ольмюца, Фермор решил не углубляться во вражескую территорию, ограничившись осадой Кюстрина.

{119} 5 августа Фермор разбил отряд, посланный Дона для усиления гарнизона города.

{120} Фермор блокировал Кюстрин лишь с правого берега Одера.

{121} В Силезии был оставлен командовать маркграф Бранденбургский Карл, а часть войск под командованием принца Генриха, брата короля, прикрывала Саксонию. Кейт осуществлял общее руководство этими корпусами.

{122} Известен разговор Фридриха с Кейтом (перед выступлением из Силезии), в котором прусский король обещал «обратить в бегство эту сволочь еще при первой атаке».

{123} Фермор, зная о мосте близ г. Шведт, отправил туда отряд Румянцева. Фридрих решил ввести русских в заблуждение, делая вид, что готовится переправиться близ самого Кюстрина и ударить прямо на русский лагерь. Однако в ночь с 24 на 25 августа его армия навела понтонный мост примерно на полпути между Кюстрином и Шведтом, отрезав таким образом отряд Румянцева (который так и не сумел прийти на помощь главной армии во время сражения). Обойдя русский лагерь, прикрытый с севера болотистой поймой Митцеля, по дуге, он оказался южнее Фермора. В ответ на это русские развернули фронт на 180 градусов.

{124} Согласно русским данным, в армии Фермора было 42 000 человек, у пруссаков — 33 000.

{125} 9 мая 53 г. до н. э. под Каррами.

{126} Правое крыло русских оказалось зажато между оврагами Цабернгрунд и Гальгенгрунд. Через последний удалось переправиться Зейдлицу, захватившему русские батареи этого крыла. Однако Зейдлиц не смог перейти через Цабернгрунд и превратить частную удачу в общую победу: центр и левое крыло русских остались дееспособными.

{127} Этот эпизод подтверждает и С. Соловьев, базирующийся на отчетах русского командования. См. «История России...», т. 24, глава 3.

{128} Наступление на правом фланге пруссаки начали после завершения боя на левом. Более того, атака пруссаков оказалась сорвана вылазкой русской тяжелой конницы под командованием генерала Демику, которая привела в беспорядок эскадроны правого крыла (генерала Шормлера), захватила несколько батарей и заставила капитулировать один прусский батальон. Именно в этот момент едва не был убит сам Фридрих, пытавшийся

восстановить порядок в отступавших войсках, а его адъютант был взят в плен. Однако, поддержанная лишь гренадерами дивизии Броуна, а не всей русской пехотой, конница Демику в конце концов была отбита контратакой прусской конницы и ушла к деревне Цихер. Впрочем, эта контратака оказала столь деморализующее воздействие на прусскую инфантерию, что часть ее в беспорядке отступала вплоть до Вильгельмсдорфа. Ее место занял Зейдлиц вместе со всей кавалерией бывшего левого фланга. Наладив взаимодействие с продолжающими бой пехотными полками, пруссаки сумели потеснить теперь уже левый фланг русских и полуокружить их центр (масса, составленная из почти 30 батальонов). Последний постепенно отступил назад, причем часть русских батальонов отошла к Квартшену, часть переправилась через Гальгенгрунд, примерно на то место, где утром находилось левое крыло Фермора.

{129} Оценить действия генерала Фермора в этом сражении непросто. Большинство источников утверждают, что во время первой половины боя он фактически не руководил подчиненными, действовавшими на свой страх и риск. Так, блестящая атака кирасиров Демику была произведена по приказу Броуна, командовавшего дивизией левого крыла, — ему же принадлежит и честь выбора момента этой атаки. Однако нужно помнить, что русская армия не имела еще той тактической выучки, которая была характерна для прусских и австрийских частей. Во время одной из контратак Фермор даже приказал нескольким конным эскадронам «подгонять» пехотные части; многие из полков вступали в бой поголовно пьяными; после сражения Конференция (см. прим. 118) приказала произвести расследование по этому поводу. Поэтому русские генералы в большинстве случаев предпочитали пассивную, оборонительную тактику, надеясь на упорство русского солдата и на устойчивость русских пехотных масс, — и Фермор здесь не исключение. В целом было дано оборонительное сражение на истощение (подобное, например, сражению при Кунерсдорфе), которое обернулось истощением именно русской армии.

{130} По разным оценкам, потери русских убитыми, ранеными и пленными составили от 16 до 21 тысячи человек (среди тяжелораненых был герой этой битвы, генерал Броун, получивший семнадцать рубленых ран на голове), пруссаков — 11–12 тысяч человек. Так или иначе, сражение при Цорндорфе оказалось самым кровавым в XVIII–XIX столетиях (по соотношению войск, участвовавших в нем, и понесенных ими потерь). «Планка» Цорндорфа была преодолена только во время 1-й Мировой войны.

{131} На самом деле преследования организовано не было. 26 августа утром Фридрих отводит свою армию к Цихеру. Воспользовавшись «золотым мостом», русские обходят 27-го его позицию с юга и останавливаются близ Гросс-Камина, прикрытые со стороны пруссаков болотистой местностью с обильными прудами. Тогда Фридрих совершает фланговый марш перед армией Фермора и устраивает лагерь в Тамзеле. После этих танцевальных фигур армии остаются напротив друг друга до 30 августа. 31-го Фермор начинает отступление к Ландсбергу. Под наблюдением небольшого корпуса Дона русские в сентябре ушли за Вислу.

{132} Даун хотел при помощи флангового марша отрезать войска принца Генриха от сообщений с тылом.

{133} Фридрих присоединил к этой армии большую часть корпуса маркграфа Бранденбургского и отряд Цитена, действовавший против Лаудона.

{134}Теперь Фридрих собирался совершить фланговый марш, чтобы по пути в Силезию захватить магазины Дауна в Лузании и тем самым заставить его очистить Саксонию.

{135}Около 9 часов утра, когда рассеялся туман, пруссаки уже потеряли господствующие позиции близ Гохкирха. С возвышенности, на которой располагался этот пункт, можно было накрыть фланкирующим огнем не только правый фланг пруссаков, но и центр. Фактически Даун повторил маневр короля при Лейтене, поставив того перед необходимостью отступления.

{136}Собираясь отбросить нового врага, король попытался устроить опору для своего правого фланга на высотах близ местечка Дреза. Однако, так как отряду Меллендорфа не удалось отстоять их, возможности развернуть армию для контрудара не оказалось.

{137}По австрийским данным, потери армии Дауна в этом сражении не превышали 6000 человек.

{138}Рассуждения Архенгольца не могут скрыть того факта, что пруссаки потерпели тяжелое поражение — конечно, не из-за недостатков своей армии, но по причине тривиального легкомыслия Фридриха II.

{139}Возглавлял Римско-католическую церковь в 1758–1769 гг.

{140}То есть протестантов. В целом эта война может быть изображена как межцерковное столкновение: с одной стороны, католически-православный союз, с другой же — альянс германских протестантов и англикан. Впрочем, в действительности ситуация была далеко не так однозначна.

{141}Эти слова античные источники приписывают Магарбалу, командующему карфагенской конницы.

{142}Прибыл и сам Генрих. Чтобы подкрепить войска, остающиеся в Саксонии, из Померании были вызваны отряды Дона и Веделя.

{143}В ночь с 24 на 25 октября прусская армия в полной тишине обошла лагерь Дауна и вскоре достигла Герлица.

{144}Главная армия русских под командованием Фермора в этот момент находилась близ Старгарда, имея целью воспрепятствовать генералу Дона прийти на выручку Кольбергу. Тем не менее Пальменбах далеко не сразу обложил город. Из-за пассивности Фермора первую попытку осады сорвало появление передовых частей пруссаков. Лишь после получения подкреплений Пальменбах приступил к действительному обложению.

{145}Действительно, Дона во второй раз, минуя расположение Фермора, подошел к Кольбергу, и Пальменбах счел себя не в силах продолжать осаду.

{146}Герцогство Мекленбург, как член Германского союза, формально находилось в состоянии войны с Пруссией.

{147}У шведов, которыми командовал генерал Гамильтон, было не более 6000 человек. Атаковавший их к северу от Берлина Ведель был по крайней мере равен им по силам.

{148} Речь идет о событиях всеевропейской войны 1672–1678 гг., когда Швеция совместно с Англией и Францией воевала против центрально-европейской коалиции (Голландия, Испания, Империя, протестантские князья Германии, в том числе Бранденбург). Шведские войска действовали осторожно и безуспешно; в результате Нимвегенского мирного договора 1679 г. от Швеции к Бранденбургу отошли восточно-померанские округа Каммин и Бан.

{149} См. приложение («Мировая Семилетняя война»).

{150} Нужно отметить, что, к великому удивлению французов, герцог Брауншвейгский имел достаточно сплоченную армию численностью порядка 20 000 человек. В отличие от Фердинанда, французские силы были разбросаны по различным оккупированным городам и местностям и значительно уменьшились в численности из-за болезней и дезертирства.

{151} Причиной всех прискорбных явлений, которые имели место во французской армии, было, конечно, не только растлевающее влияние двора. Франция по-прежнему давала наиболее интересных военных теоретиков, чьи труды развивали тактику европейских армий, побуждали к экспериментам в деле применения артиллерии, организации снабжения и т. д. В колониях небольшие французские отряды отчаянно, героически сражались против численно превосходящих английских армий. Перед Семилетней войной военный авторитет французского солдата и офицера был необычайно высок. Однако именно этот авторитет, убеждение в своем совершенном превосходстве над другими нациями, особенно после недавнего военного опыта (войны за Австрийское наследство со сражениями при Фонтенуа и Лауфельде) привел к «шапкозакидательским настроениям» и пренебрежению к противнику.

{152} «Он подал в отставку» (*фр.*).

{153} Германский взгляд на француза не менее пристрастен, чем германский взгляд на русского.

{154} «Черные гусары» — один из самых знаменитых полков в прусской кавалерии.

{155} Имеется в виду «Энциклопедия, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел» — первое такого рода масштабное сочинение, вышедшее во Франции в 1751–1780 гг. В создании этой энциклопедии принимали участие Дидро, д'Аламбер, Вольтер, Руссо и многие другие. Всего в энциклопедии насчитывалось 35 томов. Поскольку в 1758 г. ее издание было приостановлено парижским парламентом и возобновилось лишь в 1765 г., по всей видимости, священник из Целле получил лишь первые тома.

{156} Фердинанд Брауншвейгский перекрыл пути снабжения французской армии, чем вынудил ее покинуть лагерь.

{157} Атаки, направленные на центр и правый фланг французов, привели к тому, что генеральное наступление против корпуса Сен-Жермена, занимавшего господствующий над путями отступления лес, не привлекло к себе внимания Клермона. В результате подкрепления, посланные Сен-Жермену, попросту запоздали.

{158} Экспедиция Субиза сыграла немалую роль в ходе войны, показав, что самые удачные действия герцога Фердинанда на Рейне приводят к эфемерному стратегическому

результату из-за слабости южного фланга его армии и вытекающей отсюда угрозы его оперативной базе.

{159}Герцог Фердинанд находился в этот момент слишком далеко от Рееса, будучи связан маневрами Контада.

{160}Речь идет о брандерах.

{161}Имеется в виду легендарный кельтский поэт, под именем которого шотландский автор Дж. Макферсон издал «Поэмы Оссиана» (установлено, что их автором являлся сам Макферсон). Эти поэтические тексты оказали огромное влияние на культуру второй половины XIX столетия, в том числе на формирование романтизма.

{162}Тюренн Анри де Ла Тур д'Овернь (1611–1675) — знаменитый французский полководец, маршал Франции. Вероятно, имеются в виду события кампании 1672 г., когда Тюренн действовал в Рейнском Пфальце (Палатинате) против армии протестантских князей, возглавляемых курфюрстом Бранденбургским.

{163}Речь идет о султани Мустафе III (правил в 1757–1774), действительно проводившем агрессивную политику по отношению к северным соседям.

{164}Нет ничего удивительного во внимании Испании и Королевства Обеих Сицилий к этой войне. Еще десять лет назад оба названных государства участвовали в войне за Австрийское наследство на стороне антиавстрийской коалиции и прекрасно понимали, сколь легко происходящие события могут вовлечь их в свою орбиту.

{165}То есть находящиеся на стороне Марии-Терезии и на стороне Пруссии.

{166}И Швейцария и Венеция, естественным образом, боялись возрождения могущества Австрийской империи, которое могло бы привести к утере независимости этими республиками.

{167}Цель этой и подобных ей экспедиций заключалась в том, чтобы неприятель не имел готовых для довольствования армии магазинов в лежащих поблизости от границы пунктах. И австрийцам, и имперцам, и русским приходилось тратить время на подготовку новых магазинов, начинать кампании позже, чем они планировали, и выделять крупные отряды для охраны своих коммуникаций.

{168}В будущем Шарлотта Мекленбург-Стрелицкая стала женой Георга III.

{169}В апреле 1759 г. Фридрих сосредоточил в восточной Померании корпуса Дона, принца Генриха и Воберснова, под общим командованием первого (всего — около 25 000 человек). Их целью было разрушение русских магазинов, а также разгром русской армии, разбросанной на квартирах в нижнем течении Вислы. Однако Фермор успел стянуть свои полки к Познани, и Дона не решился атаковать превосходящие силы противника.

{170}На самом деле Фермор был отстранен Конференцией (см. прим. 118) из-за недовольства его медлительностью в прошлую кампанию (хотя еще в январе в Петербурге ему вручали орден Андрея Первозванного). 18 мая на смену Фермору прибыл Петр Семенович Салтыков (1698–1772), чье назначение в армии восприняли с

удивлением, поскольку он не имел опыта руководства крупными соединениями.

{171}Армия Дона оказалась в стесненном положении из-за активной деятельности казачьих полков, перерезавших ее линии снабжения и мешавших установить точное расположение главных русских сил. Между тем Салтыков имел своей главной задачей выдвинуться к Одеру и маневрировать там, ожидая соединения с австрийским корпусом Лаудона.

{172}Сражение при Кайе (в русской военно-исторической литературе — при Пальциге) было неудачной попыткой навязать армии Салтыкова схватку на уничтожение. Ведель атаковал, несмотря на то что русские имели почти двукратное превосходство в силах (около 45 000 человек против 25 000), причем даже имевшиеся войска он не мог развернуть полностью. Ему приходилось выходить из болотистой низины по четырем узким дорогам и атаковать русскую армию, устроившую боевой порядок на высотах к востоку от Пальцига. Трижды Ведель пытался прорвать правое русское крыло и один раз — левое. Самой опасной оказалась последняя, четвертая атака на правом крыле Салтыкова, когда коннице Воберснова удалось прорваться к артиллерийским позициям второй линии русских войск. Однако контратакой русской резервной кавалерии неприятель был отброшен.

{173}Оценка Архенгольца завышена. В действительности русско-австрийская армия едва ли превышала 60 000 человек.

{174}Фридрих переправился к северу от Франкфурта, занятого русским отрядом, чтобы выйти на пути подвоза армии Салтыкова. Поскольку последний оставался в своем лагере на правом берегу Одера, прусский король решил атаковать неприятеля прямо в его лагере. С севера русско-австрийские войска были прикрыты болотами, поэтому Фридрих совершил обходное движение, оказавшись к юго-востоку от позиций Салтыкова.

{175}То есть эшелонами, когда батальоны следовали уступами — один за другим.

{176}В результате этой задержки координация атак была нарушена. Отвлекающий удар, предпринятый Шормлером против левого фланга русских с севера, уже был отбит, и русские смогли сосредоточить огонь своих батарей против главных сил короля, действующих с юга.

{177}По иронии судьбы, именно в этот момент Фридрих получил от герцога Фердинанда известие о его блестящей победе при Миндене (см. ниже) — и, по некоторым свидетельствам, поспешил ответить, что сам добивает русских под Франкфуртом.

{178}Интересно, что в окружении Фермора (среди которого находился и молодой Суворов), командовавшего пехотой правого русского фланга на горе Юденберг, в этот момент считали сражение потерянным.

{179}Имеется в виду центр русской позиции, защищавшейся не только австрийской пехотой генерала Кампителли, но и русскими полками центра, а также остатками левофланговой дивизии Голицына.

{180}Именно принцу Евгению и Путкаммеру удалось достичь вершины Гросс-Шпицберга, но, поскольку у прусского короля не осталось уже пехотных резервов, обе конные атаки закончились неудачей. Между тем, в случае их успеха, ситуация могла бы

повернуться в пользу прусской армии: атака Евгения происходила в момент начала контрнаступления русской и австрийской пехоты, имевшего целью отбить Юденберг; на Гросс-Шпицберге оставалась только артиллерия, прикрытая слабыми пехотными заслонами. Однако положение спасла резервная конница союзников, численно превосходившая атакующих.

{181} По русским и австрийским данным, потери составляли: у пруссаков — 7627 убитыми, около 15 000 раненых, 4542 пленными, 2055 дезертиров; у русских — 2614 убитыми, 10 863 раненых; у австрийцев — 893 убитыми, 1398 раненых.

{182} Фридрих опять собирался покончить жизнь самоубийством. Он даже написал нечто вроде завещания, в котором передавал начальствование над разбитой армией генералу Финку, а общее руководство военными силами — принцу Генриху, назначая того генералиссимусом.

{183} Речь идет об Эвальде Христиане Клейсте (1715–1759), одном из самых талантливых немецких лирических поэтов XVIII столетия.

{184} Архенгольц имеет в виду участие корпуса Лаудона в решающий, вечерний период сражения. Впрочем, наш автор был не одинок в стремлении преуменьшить вклад русского оружия в успехи союзников во время Семилетней войны. Общим настроением среди европейских дворов оставалось недовольство появлением на центральноевропейской арене нового активного деятеля — русской армии. Ее терпели лишь как военную необходимость и крайне ревниво относились к росту военного престижа русских.

{185} Архенгольц здесь не прав, так как в сражениях при Цорндорфе, Гохкирхе, а теперь — при Кайе и Кунерсдорфе прусский король потерял целое поколение ветеранов, наиболее обученные свои полки. Это стало одной из причин того, почему в последующие кампании Фридрих старался не прибегать к сражению — при недостаточной выучке войск никакие тактические открытия не могли компенсировать численного превосходства союзников.

{186} На левом берегу Одера.

{187} Речь идет о Евгении Савойском (1663–1736), австрийском генералиссимусе, особенно прославившемся в войнах против французов и турок. Он действительно неоднократно использовал в своих целях шпионов. Так, в 1702 г. именно австрийский шпион аббат Козоли помог Евгению Савойскому овладеть Кремоной и захватить в плен французского командующего в Италии маршала Виллерау.

{188} Этот марш совершался по приказу Фридриха, рассчитывавшего сосредоточением в Саксонии корпусов Вунша и Генриха избавить Дрезден от опасности.

{189} Речь идет о будущем фельдмаршале, особенно прославившемся во время Наполеоновских войн упорной обороной Данцига (1807 г.).

{190} Видимо, речь идет о встрече Салтыкова с Дауном, которая имела место 11 августа в Губене. Было решено объединить армии и, дождавшись взятия Дрездена, двинуться в Верхнюю Силезию или напасть на Фридриха.

{191}Порядок событий был таков. Соединенная армия после известия о взятии Дрездена собиралась напасть на армию Фридриха, находившуюся южнее Кюстрина. Однако принц Генрих совершил марш-бросок по австрийским тылам, захватил склады армии Дауна в северной Богемии и направился в Саксонию, угрожая находящимся там союзным корпусам. Тогда Даун, оставив в помощь Салтыкову лишь 12-тысячный корпус, устремился за ним. Русский командующий принял предложение австрийцев захватить Глогау, один из крупнейших силезских городов, и двинулся вверх по течению Одера (по-прежнему по левому его берегу). Однако Фридрих сумел опередить русских, заняв дороги к северу от Глогау. Несмотря на более чем двукратное превосходство союзников над его армией, Салтыков, обиженный образом действий Дауна, не решился на наступательное сражение и ушел за Одер.

{192}Именно во время этой болезни Фридрих написал сочинение «Рассуждения о характере и дарованиях Карла XII».

{193}Брандкугель — зажигательная бомба (пустотелое ядро, наполненное зажигательной смесью).

{194}Речь идет о походе Вунша, предшествовавшем его появлению под Дрезденом и капитуляции Шметгау.

{195}Австрийские источники сообщают об этом сражении как о нерешительной и вялой стычке.

{196}Типологически ситуация с Финком напоминает гибель корпуса Вандамма 29–30 августа 1813 г. Точно так же союзная (австро-русско-прусская) армия отступала из Саксонии после неудачного сражения под Дрезденом, а французский корпус Вандамма выдвигался на пути ее сообщений. Однако, оказавшись под ударом главной массы союзников, французы были буквально раздавлены и потеряли только пленными не менее 13 000 человек. Тем не менее можно высказать упрек Финку за выбор им позиции. Конечно, со своим относительно небольшим отрядом он не мог занять все высоты и ущелья вокруг Максена, однако удержание в своих руках хотя бы одного дефиле, ведущего к лагерю пруссаков, воспрепятствовало бы полному окружению его войск.

{197}О Кавдинском ущелье и Пирне см. выше. При Лериде (Илерде) в 49 г. до н. э. во время гражданских войн в Риме перед армией Цезаря капитулировали легионы Афрания и Петрея, сторонников Помпея. В битве при Бленхейме (война за Испанское наследство, 1704 г.) объединенная англо-австрийская армия во главе с Мальборо и Евгением Савойским разгромила франко-баварскую армию Таллара, причем последний попал в плен вместе с 11 000 своих солдат. При Саратоге (война за независимость североамериканских штатов, 1777 г.) английский корпус генерала Бэргойна был окружен и после восьмидневного сопротивления капитулировал перед американским ополчением, возглавляемым генералом Гейтсом.

{198}Архенгольц возвращается к событиям начала кампании 1759 г.

{199}Войска Брольи сражались в этом сражении очень неплохо, и, если бы не недисциплинированность полков правого фланга и центра, которые слишком удалились от шанцев, открыв себя для кавалерийской атаки Фердинанда, успех французов был бы полным.

{200} Везер разделял Ганновер на восточную и западную половины; заняв переправы через него, франко-имперская армия могла бы прервать все сообщения с гарнизонами на левом берегу реки. Именно с целью избежать этого Фердинанд и захватил Бремен, лежавший в низовьях Везера.

{201} Брольи командовал авангардом франко-имперской армии, задачей которого было разгромить неосторожно, по мнению французов, выдвинутый передовой корпус союзников. Остальные колонны должны были поддержать это движение и впоследствии обрушиться на армию самого Фердинанда. Однако, когда неожиданное нападение не получилось, стало ясно, что на болотистом берегу Везера превосходящая по численности франко-имперская армия (54 000 против 42 000 солдат Фердинанда) не сможет охватить фронт неприятеля. Начались лобовые атаки, бывшие на руку союзникам.

{202} При Блейнхейме франко-баварская пехота густо занимала предназначенные для обороны деревни Люцинген, Обер-Глаухейм и Блейнхейм, вокруг которых возводились полевые укрепления, — кавалерия же находилась между этими пунктами. Действовала она пассивно, и именно между Обер-Глаухеймом и Блейнхеймом герцогом Мальборо был совершен прорыв, оказавшийся решающим.

{203} Архенгольц перечисляет самые известные поражения французской армии во время войны за Испанское наследство.

{204} Многие английские авторы до настоящего момента отвергают измену Саквилля (о которой идет речь ниже), считают суд над ним ошибкой и утверждают, что основную тяжесть данного сражения вынесли на себе именно английские пехотные и кавалерийские полки.

{205} По английским данным, всего немцы и англичане потеряли около 2700 человек.

{206} См. приложение.

{207} Архенгольц преувеличивает роль Саквилля в организации неудачной экспедиции английского корпуса Бэргойна.

{208} См. приложение.

{209} До 1803 г. Фульда находилась под юрисдикцией церковного князя, аббата фульдского.

{210} Имеются в виду успехи Англии в Канаде, на Карибах и в Индии.

{211} Имеется в виду Станислав Лещинский (1677–1766), польский король в 1704–1711 гг. (при поддержке Карла XII) и в 1733–1734 гг. (когда на стороне Станислава выступала Франция). Был тестем Людовика XV, который в 1736 г. сделал его князем Лотарингии.

{212} Речь идет о дезертирстве, ставшем в 1759 г. (особенно после Кунерсдорфа) массовым явлением в прусской армии.

{213} Карл Эммануил I, правивший в 1730–1773 гг.

{214} Карл Эммануил I участвовал в войнах за Польское и Австрийское наследства. Особенно известна его совместная с австрийцами победа под Пьяченцей над французской армией (1746 г.).

{215} Петр III, наследник русского престола, был сыном герцога Гольштейн-Готторпского Карла Фридриха и претендовал на наследство своего отца, земли которого были оккупированы датчанами.

{216} Корпус Фуке, возможно, являлся своего рода приманкой — не столько для Лаудона, сколько для Дауна. Король рассчитывал, что последний покинет свои позиции в Саксонии ради надежды расправиться с Фуке совместно с Лаудоном, или же желая прикрыть предприятие последнего. Он рассчитывал напасть на противника во время марша. Однако Даун не тронулся с места, Лаудон управился сам (после этого его армия в Силезии была выведена из-под командования Дауна), и корпус Фуке оказался потерян зря.

{217} Ласси Франц Маврикий — сын знаменитого русского фельдмаршала Петра Петровича Ласси, до 1744 г. пребывавший на русской службе. В начале 1760 г. его корпус прикрывал район Дрездена.

{218} Уланы (от *турецкого* *ođlan* — «молодец») — один из родов легкой конницы, который впервые появился в татарских ханствах, а в XVI в. стал культивироваться в Польше и Литве. Первоначально уланы набирались из переселившихся в Речь Посполитую татар. После Семилетней войны уланские полки появились в прусской и австрийской армиях. Во Франции и в России формирование уланских частей началось в первые годы XIX столетия.

{219} То есть огню из крепостных орудий, в которые был помещен усиленный пороховой заряд, повышавший их дальность.

{220} Салтыков рассчитывал, что встретит под Бреславлем Лаудона, и был обескуражен видом корпуса Генриха. Узнав же, что в Силезию приближается и армия Фридриха, решил, что австрийцы собираются вновь оставить его один на один с прусским королем. Особенно возмутила Салтыкова нерешительность Дауна, который так и не предпринял серьезной попытки преградить путь прусской армии, идущей из Саксонии.

{221} В этот момент русская армия уже переправилась через Одер, чему не смог воспрепятствовать принц Генрих, и дошла до Лиссы. Даун, командовавший соединенными австрийскими силами, хотел использовать разветвленную дорожную сеть, наличие нескольких доступных переправ через Кацбах и атаковать главными силами правый фланг неприятеля, армией Лаудона — левый, корпус же Ласси был отправлен для нападения с тыла. С фронта армию Фридриха должны были тревожить отряды легких войск.

{222} Более поздние историки — в том числе Шлиффен и Дельбрюк — считают, что марш Фридриха по направлению к Пфаффендорфу лишь случайно совпал с маневром австрийцев.

{223} Батарея была возведена на высоте Реберг, господствовавшей в данном месте над течением Кацбаха, через который Лаудон переправлял свой корпус тремя колоннами.

{224}Как Лаудон не сумел развернуть свои колонны в правильный боевой порядок из-за огня прусской артиллерии и вовремя последовавших контратак, так и голова армии Дауна была остановлена при Шварцвассере (ручье, впадающем близ Лигница в Кацбах) 10-тысячным корпусом Цитена, не позволившим австрийцам использовать свое численное преимущество. Узнав о поражении Лаудона, Даун решил не ввязываться в серьезный бой.

{225}Речь идет о Лигницкой битве 9 июня 1241 г. между польско-немецким войском и монголо-татарским отрядом, возглавлявшимся Байдаром.

{226}Имеется в виду знаменитый римский оратор и политический деятель Цицерон.

{227}Большую часть отряда Вернера составляли гусарские полки.

{228}В начале сентября Салтыков, сославшись на слабость здоровья, сдал командование русской армией Фермору.

{229}Боясь оказаться зажатым между армией Евгения и гарнизоном Берлина, Тотлебен сам отошел к Копенику и захватил этот город.

{230}В отечественной исторической традиции считается, что в это время Тотлебен вел тайные переговоры с представителями прусского двора и вообще вел себя как предатель (см. прим. 282).

{231}Тем не менее ряд стратегически важных для прусской армии фабрик — например, ружейный завод в Потсдаме — остались невредимы.

{232}В целом, вся экспедиция имела целью выманить Фридриха из Саксонии, чтобы австро-имперские войска наконец полностью овладели ею. Союзники небезосновательно полагали, что, лишившись Восточной Пруссии, Саксонии, большей части Силезии, запертый в Бранденбурге, Фридрих не будет уже иметь достаточных средств на продолжение войны.

{233}Бутурлин был назначен в конце сентября петербургской Конференцией (см. прим. 118) преемником Салтыкова.

{234}В этом сражении в прусской армии было 44 000 солдат против 52 000 у Дауна.

{235}Под командованием Цитена находилось 18 000 человек; фактически этот корпус совершал фронтальную атаку.

{236}Сам король с 26 000 солдат тремя колоннами обходил позицию австрийцев через Домицийский лес для атаки неприятеля с тыла.

{237}Ласси образовывал выдвинутый вперед левый фланг австрийцев, прикрывая переправы через Эльбу; артиллерийские и пехотные позиции на Зюптицких высотах обеспечивали его правый фланг, с противоположной же стороны он был защищен прудами и течением самой Эльбы. Цитен был направлен против Ласси именно для того, чтобы создать угрозу переправам через эту реку.

{238}Речь идет о знаменитом сражении при Нарве в 1700 г., когда неожиданная атака

небольшой шведской армии привела в замешательство лагерь осаждавших Нарву русских. Во главе колонны драбантов — шведской гвардии — стоял сам король.

{239}Сражение на этой части поля битвы можно охарактеризовать как неудачную и неуклюжую попытку Фридриха разгромить австрийцев, бросая свои постепенно подходившие войска, эшелон за эшелон, по одной и той же дороге на одну и ту же сильно укрепленную позицию (Даун укрепил подходы к своему лагерю с тыла не хуже, чем с фронта). Все дело в том, что движение королевских войск задержалось, и лишь после полудня авангард пруссаков вышел на открытое место, находившееся близ Нейдена. Фридрих решил, что у него нет времени совершать марш далее влево и нащупывать фланг расположения австрийских войск в лощинах близ местечка Цинны; чтобы не оставить без поддержки Цитена, который, по его мнению, уже вступил в бой, Фридрих и начал свои самоубийственные атаки.

{240}На самом деле Цитен так и не решился атаковать Ласси, ограничившись артиллерийским обстрелом его позиций. Вместо этого он обошел позицию австрийского авангарда слева и атаковал сам лагерь австрийцев. Одна из его пехотных бригад взяла местечко Зюптиц, находившееся в глубине расположения войск Дауна, однако была отбита и понесла от картечного огня австрийцев большие потери. Тем не менее развернувшиеся батареи Цитена теперь могли обстреливать с тыла австрийские войска, бившиеся против корпуса Фридриха, и привели их в замешательство. Ниже Архенгольц описывает вторую атаку пруссаков на Зюптиц.

{241}Меллендорф Рихард (1724–1816) — будущий прусский фельдмаршал, в 1794 г. возглавивший прусско-австрийские войска, сражавшиеся против Французской республики.

{242}При этом Ласси пытался охватить правое крыло Цитена.

{243}На самом деле Фридрих узнал о своей победе от Цитена, который на рассвете занял оставленные австрийцами позиции и отправился разыскивать короля.

{244}Гамбург являлся главным партнером голландской торговли.

{245}Еще до начала войны Фридрих II заключил контракт с тремя еврейскими монетчиками — Гумперцем, Моисеем-Исааком и Итцигом — о выпуске мелкой разменной монеты. Вейтель Эфраим присоединился к контракту позже, но к концу войны получил монополию на чеканку прусской и саксонской монеты.

{246}По приказу Фридриха II на монеты накладывались фальшивые польско-саксонские и ангальт-бернбургские штемпеля.

{247}За время войны произошло ухудшение качества золотой и серебряной монеты примерно на 22%.

{248}Известны облегченные и низкопробные монеты Бранденбург-Байрейта, Бранденбург-Ансбаха, Брауншвейг-Вольфенбюттеля, Дортмунда, Монфорта, Пфальц-Цвейбрюккена, Саксен-Гота-Альтенбурга, Саксен-Хильдбурггаузена, Трира, Вюртемберга.

{249}В Бирмингеме чеканились фальшивые медные монеты достоинством от 1/48 до 1/3

талера. Также французы в 1758 г. в Брауншвейг-Люнебурге чеканили медную монету в 1 денье для выплаты жалованья своим войскам.

{250} Грандиозная денежная эмиссия, сопровождавшаяся скрытой девальвацией, лишь в первое время после ее начала привела к промышленному росту; к концу войны, наоборот, она вызвала стагнацию (застой) производства, сопровождавшуюся безумными финансовыми спекуляциями.

{251} Архенгольц имеет в виду знаменитый измеритель уровня воды в Ниле.

{252} Например, в качестве судебных залогов велено было принимать только хорошие деньги, а по окончании процесса залог выдавался плохой монетой.

{253} *Англ.* «Кумир» — одно из прозвищ Питта.

{254} При Кампене французы дали чисто оборонительное сражение, подобное Кунерсдорфу или Коллину. Оно не закончилось разгромом англо-германской армии только потому, что наследный принц вовремя остановил свои атаки.

{255} Имеются в виду подвиги римских полководцев, отца и сына, носивших одинаковое имя Публия Деция и принесших себя в жертву ради победы римской армии. Наиболее известно «самозаклание» сына. В 295 г. до н. э. римское войско под командованием консулов Квинта Фабия и Публия Деция близ Сентины столкнулись с самнитско-галльской армией. Фабий командовал правым флангом и, отбив атаки неприятеля, легко одолел того, измотанного многочасовым натиском. На левом же фланге Деций сразу пустил в наступление все свои наличные силы. И когда он ворвался с отборным отрядом в самую гущу врагов, его части оказались приведены в беспорядок атакой галльских колесниц. Именно тогда Деций посвятил себя богам и, бросившись на галльские копья, погиб — после чего римская армия одержала победу и на этом крыле.

{256} Причиной тяжелого поражения союзников было то, что корпус наследного принца принял сражение на открытой местности, к тому же скверно подготовленной для обороны.

{257} Речь идет о высоте, господствовавшей над правым сектором поля сражения. По сути битва при Вилленсгаузене стала одним из примеров тяготения обеих сторон к принятию боя на заранее укрепленных линиях, к позиционной, закрытой форме ведения войны. Несмотря на тот факт, что в этом сражении принимали участие самые большие армии за всю историю Семилетней войны (более 155 000 человек с обеих сторон), они действовали крайне осторожно.

{258} «Красный» — один из элитных полков французской армии.

{259} События эти произошли в 9 г. н. э., когда оккупационная римская армия Вара была предательски заманена германцами в болотистый Тевтобургский лес и подверглась удару коалиции племен, возглавляемых херусками и их вождем Арминием. В течение трех дней римляне с боями двигались по направлению к Алезии, ближайшему укрепленному пункту, однако в нескольких переходах от последнего были окончательно остановлены и капитулировали.

{260} Потеря Эмдена, служившего пунктом, через который союзники получали

английские подкрепления, была результатом явной ошибки Фердинанда, не снабдившего этот город необходимым гарнизоном.

{261} Имеется в виду суд короля, выступавший в качестве высшей кассационной инстанции.

{262} Речь идет о перевороте, после которого сторонник Фридриха, император Петр III, потерял свою власть. См. об этом ниже.

{263} Речь идет о Георге III, правившем в 1760–1820 гг. В отличие от своего деда Георга II, новый государь был настроен против вигов, а особенно против Питта, сосредоточившего, по мнению Георга, в своих руках слишком большую власть. Новое правительство, возглавляемое лордом Бьютом, не хотело продолжать войну.

{264} Речи, которую английский король по традиции произносил в парламенте после восхождения на трон.

{265} Винкельман Иоган Иоахим (1717–1768) — историк античного искусства, создатель эстетической теории «прекрасного» и «типического», оказавшей значительное влияние на художественную жизнь и философскую мысль Германии. Эйлер Леонард (1707–1783) — математик и физик, знаменитый своими трудами по интегральному исчислению. Менгс Рафаэль (1728–1779) — известный художник-классицист, творивший под влиянием идей Винкельмана.

{266} Бюффон Жорж Луи Леклерк (1707–1788) — французский натуралист, прославившийся не только научными изысканиями, но и красотой слога, которыми написаны его книги («Естественная история», т. 1–36, Париж, 1749–88).

{267} Перечисляются поэты и писатели, чьи творения не привлекли при их жизни широкого внимания немецкой публики (так, сочинения Гагедорна были опубликованы полностью только в 1800 г.), хотя и создали почву для взлета романтического искусства конца XVIII столетия.

{268} Виланд Христоф Мартин (1733–1813) — поэт, издатель, первый переводчик Шекспира на немецкий язык. Клопшток Фридрих (1721–1803) — немецкий поэт, особенно известный своей «Мессиадой», грандиозной поэмой, посвященной искупительной миссии Христа на земле. Лессинг Готхольд Эфраим (1728–1781) — знаменитый немецкий поэт, писатель, драматург, чьи эстетические теории и драматургия оказали огромное воздействие на формирование немецкого театра, а поэзия — на поэтический язык.

{269} Перечисляются немецкие поэты, одни из которых предвосхищали романтизм, другие же творили в формах классицизма и псевдо-классицизма.

{270} Готшед Иоганн-Христофор (1700–1766) — немецкий литературный критик и теоретик, поборник строгого классицизма, абсолютной чистоты поэтических и литературных форм, франкофил.

{271} Геллерт Христиан (1715–1769) — поэт, драматург, моральный мыслитель. Считается основателем жанра трагикомедии.

{272}Задачей Гольца было глубокое вторжение в Польшу с целью разгромить русские войска, когда они только начинали движение из различных районов своего расположения на зимних квартирах. Однако, как и в 1759 г., этот план не удался, ибо Бутурлин быстро собрал части, квартировавшие в низовьях Вислы и в Восточной Пруссии.

{273}Бутурлин был фельдмаршалом, Лаудон же — генералом.

{274}По другим данным, русский гарнизон состоял даже из 5000 человек под командой бригадира Черепова.

{275}«Косой ордер» означает в данном случае лишь тот факт, что русские наносили отвлекающий удар на своем участке и в центре, в то время как австрийцы должны были сосредоточить против правого крыла прусской позиции все свои силы.

{276}На самом деле русские гренадеры попросту оказались сброшены в ров напиральной сзади толпой; действительно, многие были покалечены, но картина, нарисованная Архенгольцем, когда задние ряды идут по ставшим для них мостом трупам передних, остается на его совести.

{277}Виселичный форт — место проведения экзекуций. Водяной форт — укрепление, прикрывавшее шлюзы, через которые вода поступала в крепость и во рвы.

{278}Лаудон Гедеон Эрнст фон (1717–1790) — родился в Лифляндии и с 1734 по 1741 гг. находился на русской службе. После переворота, совершенного Елизаветой, вышел в отставку в чине подполковника и попытался поступить на прусскую службу. После отказа Фридриха (позже жалевшего о своем решении) Лаудон завербовался в австрийскую армию, причем в чине капитана. Наибольшей славы Лаудон добился много позже описываемых событий, во время австрийско-турецкой войны 1787–1790 гг., которую он закончил, взяв Белград и получив звание генералиссимуса австрийской армии.

{279}Известно, что Евгений, принц Савойский и Кариньянский, воспитывался при дворе Людовика XIV и даже пытался поступить на французскую военную службу, однако был осмеян королем и его окружением, прозвавшим тщедушного Евгения «маленьким аббатом». Лишь после этого Евгений отправился в Австрию и оказал ей неоценимые услуги — особенно во время войны за Испанское наследство.

{280}Евгений Савойский взял Белград в 1717 г.

{281}И в том и в другом случае — с Францией.

{282}Начальник канцелярии его же корпуса подполковник Аш перехватил переписку Тотлебена с Генрихом Прусским, где, в частности, содержались копии секретных приказов Бутурлина и расписание маршрутов армии с шифрами. 19 июня с общего согласия всех полковых командиров подчиненного ему корпуса Тотлебен был арестован.

{283}Численность корпуса Румянцева достигла таковой цифры только в самый разгар осады. Русские на этот раз медленно подступали к Кольбергу, заняв, в частности, предварительно г. Трептов, находящийся на путях сообщения Кольберга с левым берегом Одера. Лишь после этого во второй половине сентября начались по-настоящему активные действия против самого Кольберга. При этом они сопровождались почти

ежедневными столкновениями с прусскими отрядами принца Вюртембергского и Платена, действовавшими изнутри и извне линий обложения.

{284}Общее командование флотом осуществлял адмирал Полянский.

{285}Отступлению принца Вюртембергского предшествовало несколько неудачных для прусского корпуса схваток, после которых стало ясно, что последнему не удастся долее удерживаться в лагере перед крепостными стенами.

{286}Румянцев за взятие Кольберга был произведен в генерал-аншефы. Вообще вся эта операция, которую Архенгольц превратил в почти эпическое предание, представляла собой достаточно осторожную (с обеих сторон!) позиционную кампанию. Румянцев вовсе не стремился к штурму укреплений Кольберга, занимаясь главным образом возведением, а затем — усилением линии обложения. К концу ноября она стала настолько сильной, что пруссаки несли огромные потери при попытках провести обоз в город (особенно неудачным был для принца Вюртембергского бой 1 декабря в районе Шпигской высоты, когда пруссаки потеряли до 1000 человек пленными). Когда эти потери стали превосходить ожидаемые плюсы от продолжения сопротивления Кольберга, гарнизон последнего капитулировал.

{287}Тренк составил заговор вместе с многими заключенными и некоторыми солдатами и офицерами гарнизона. Он даже завел переписку с австрийцами, предлагая передать город какому-либо из их подвижных корпусов, однако, к счастью для семьи Фридриха, эта переписка была открыта и заговор пресечен.

{288}См. об этих событиях в приложении.

{289}«Философическая и политическая история о заведениях и коммерции европейцев в обеих Индиях», Амстердам, 1770 (рус. пер. — СПб., 1805–11).

{290}В 183 г. до н. э. Ганнибал принял яд, поскольку вифинский царь Прусий, при дворе которого он скрывался, согласился выдать его римлянам.

{291}Имеется в виду Фридрих Вильгельм II (1740–1797), племянник Фридриха II, правивший Пруссией с 1786 г. Известно, что король относился к нему настороженно — прежде всего из-за легкомыслия Фридриха Вильгельма — и не подпускал ни к делам управления, ни к командованию какими-либо воинскими частями.

{292}Имеется в виду протазан, облегченная разновидность алебарды; он действительно использовался во время парадов, но в середине XVIII в. был уже бесполезен на поле боя.

{293}Отряд «босняков», имевший уланское вооружение, был составлен главным образом из южных славян, прибывших на прусскую службу из турецких владений или же дезертировавших из австрийской армии.

{294}Имеется в виду Мориц Саксонский, прославившийся в войну за Австрийское наследство и командовавший на завершающем ее этапе французской армией.

{295}Имеются в виду хорваты.

{296}Грибоваль Жан Батист (1715–1789) — французский генерал, инженер, специалист

в артиллерии, чьи теоретические труды составили эпоху в истории военной науки. Именно идеи Грибовала будет развивать Наполеон.

{297} Речь идет о дворцовом перевороте 28 июня.

{298} Петр III был убит в Ропше 6 июля.

{299} Отец Екатерины, принц Ангальт-Цербстский, служил в прусской армии.

{300} Общее унастроение в России было все-таки склонно к миру, а не к войне. Да и сама Екатерина не стремилась ставить под удар свое правление в случае возможных военных неудач. Таким образом, ее мирное унастроение было вызвано политическим расчетом, а не письмами Фридриха.

{301} Монтекукколи Раймунд (1609–1681) — знаменитый австрийский полководец и военный писатель, сторонник создания сильной артиллерии.

{302} Австрийская конница пыталась перейти в контратаку, чтобы захватить прусские батареи и помешать штурму.

{303} Чернышев и руководство русского корпуса стремились избегать самой возможности вступить в бой против австрийцев.

{304} Это сражение произошло во время 2-й Силезской войны 30 сентября 1745 г., когда австро-саксонская армия Карла Лотарингского неожиданно атаковала с фланга и тыла армию Фридриха II. Пользуясь тем, что австрийские легкие полки бросились грабить его обоз, прусский король успел развернуть свою армию и нанес поражение главным силам своего противника.

{305} Речь идет о минах особого типа, которые приводились в действие при помощи запала, напоминающего бикфордов шнур.

{306} Корпус Румянцева был отозван в Россию — см. об этом выше.

{307} В этом сражении Фердинанду противостояла только часть французской армии, которая к тому же была совершенно не готова к бою.

{308} Именно тот факт, что все знали о начавшихся переговорах, и стал причиной пассивности французской армии, так и не пришедшей на помощь Касселю.

{309} В августе 1762 г. Куба была захвачена англичанами, богатая Манила в октябре тоже была у них отнята; но в 1763 г. по Парижскому мирному договору Куба и Филиппины были возвращены Испании.

{310} Речь идет о Парижском мирном договоре, заключенном 10 февраля 1763 г.

{311} «В делах светских и церковных, гражданских и военных» (*лат.*).

{312} Фактически «благородный Гоцковский» выступал как королевский откупщик, взимавший с Лейпцига долг с определенным процентом. Можно предположить, что истории с контрибуциями, налагаемыми на Лейпциг, являлись инсценировками, позволявшими Фридриху получить искомую сумму, а Гоцковскому стать фактическим

хозяином промышленности и банков этого города. Будущее разорение Гоцковского стало результатом не его помощи саксонским городам, но систематического крушения банковских операций, вызванных почти полным разрушением финансовой системы на севере Европы (из-за бесконтрольной эмиссии и порчи монеты).

{313}Фридрих II, знавший о содержании англо-французского договора задолго до его подписания в Париже, форсировал свои переговоры с Австрией и Саксонией, чтобы иметь возможность уравновесить новый альянс, который грозил сложиться между Англией, сохранившей свое присутствие на северо-западе Германии, и Францией, явно планировавшей в будущем утвердиться в Вестфалии. Грандиозные территориальные уступки Франции в Северной Америке во многих европейских дворах были восприняты подозрительно. Они казались платой за будущую поддержку со стороны Англии в каком-то болезненном для других стран вопросе (например, в случае французской экспансии в Германии).

{314}Согласно древнеримскому обычаю, врата храма Януса в Риме закрывались лишь тогда, когда государство не вело никаких войн. Эпоха правления Октавиана Августа считалась в римской историографии одним из таких редких периодов.